

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	492
Preface.....	496
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>Реан А. А., Ставцев А. А., Шевченко А. О., Кузьмин Р. Г.</i> Психологическое благополучие личности: обзор подходов к теоретическому конструкту.....	499
<i>Зазимко А. С., Бурина Е. А.</i> Модель двойного процесса совладания с утратой: теория и практика.....	514
ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Аванесян М. О., Москвичева Н. Л.</i> Согласованность представлений о себе и жизненное пространство личности: опыт качественного исследования	531
<i>Барцева К. В., Би Синлун, Самарина Я. С., Лиханов М. В., Солдатова Е. Л.</i> Ностальгические переживания китайских студентов в условиях образовательной миграции.....	551
<i>Сапаровская М. В., Каменская А. С.</i> Стресс вынужденной разлуки и совладание с ним у женщин, ожидающих партнеров с военной службы.....	578

<i>Битюцкая Е. В., Миронов А. С.</i> Репрезентация трудных жизненных ситуаций в схематических изображениях	594
<i>Тихомирова Т. Н., Павлова А. А., Исмагуллина В. И., Малых А. С., Колясников П. В., Малых С. Б.</i> Адаптация русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности (STAI-T) на выборке студентов вузов.....	610
<i>Мисиюк Ю. В., Тихонова И. В.</i> Адаптация Шкалы родительского стресса (PSS): исследование на российских матерях с детьми разного возраста.....	633
<i>Шелоумова О. С., Баранова Г. В., Золотова Н. В.</i> Влияние ранних дезадаптивных схем на психологическую адаптацию пациентов с туберкулезом легких.....	656
<i>Ростовцева М. Е.</i> Связь типа привязанности и отношения к смерти у подростков с врожденным пороком сердца с учетом возрастных различий.....	672
<i>Антохина Р. И., Васильева А. В., Антохин Е. Ю., Кибитов А. А.</i> Процесс принятия решения и антиципационная состоятельность у подростков с несуицидальным самоповреждающим поведением.....	690
<i>Ануфриева А. А., Горбунова Е. С.</i> Может ли активация моторных программ ускорить обнаружение объекта в задаче зрительного поиска?.....	708
<i>Иванушко В. П., Василенко В. С., Мершина Е. А., Печенкова Е. В.</i> Мозговые корреляты зрительного воображения при решении задач на визуализацию скрытой части объекта (в фМРТ-исследовании).....	726

На наш журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 11279

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-75573
от 19 апреля 2019 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *Н. В. Гришина*, д-р психол. наук, проф.
Редактор *А. М. Никитина*
Корректор *А. В. Фролова*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 00.00.2025.
Формат 70×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 00,0. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж 00 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

Preface (In Russian)	492
Preface.....	496
THEORY AND METHODOLOGY OF PSYCHOLOGY	
<i>Rean A. A., Stavtsev A. A., Shevchenko A. O., Kuzmin R. G.</i> Psychological well-being: A review of approaches to theoretical structure	499
<i>Zazimko A. S., Burina E. A.</i> The Dual Process Model of coping with bereavement: Theory and practice	514
EMPIRICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCHES	
<i>Avanesyan M. O., Moskvicheva N. L.</i> Coherence of self-concepts and individual's life space: A qualitative study.....	531
<i>Bartseva K. V., Bi Xing Long, Samarina Ya. S., Likhanov M. V., Soldatova E. L.</i> Nostalgia among Chinese students: A study of educational migration.....	551
<i>Saporovskaya M. V., Kamenskaya A. S.</i> Stress of forced separation and coping with it in women waiting for their partners to return from military deployment	578
<i>Bityutskaya E. V., Mironov A. S.</i> Representation of difficult life situations in schematic images	594
<i>Tikhomirova T. N., Pavlova A. A., Ismatullina V. I., Malykh A. S., Kolyasnikov P. V., Malykh S. B.</i> Adaptation of the Russian-language version of the Trait Anxiety Scale (STAI-T) to a sample of university students.....	610
<i>Misiyuk Yu. V., Tikhonova I. V.</i> Adaptation of the Parental Stress Scale (PSS): A study on Russian mothers with children of various ages	633
<i>Sheloumova O. S., Baranova G. V., Zolotova N. V.</i> The effect of early maladaptive schemes on stress management and psychological adaptation in patients with pulmonary tuberculosis	656
<i>Rostovtseva M. E.</i> The relationship between attachment type and attitude to death in adolescents with congenital heart disease, taking into account age differences.....	672
<i>Antokhina R. I., Vasilyeva A. V., Antokhin E. Yu., Kibitov A. A.</i> Decision-making process and anticipatory competence in adolescents with non-suicidal self-injurious behavior .	690
<i>Anufrieva A. A., Gorbunova E. S.</i> Can activation of motor programs accelerate object detection in a visual search task?	708
<i>Ivanushko V. P., Vasilenko V. S., Mershina E. A., Pechenkova E. V.</i> Neural correlates of visual mental imagery in a task requiring visualization of a hidden part of an object (an fMRI study)	726

ПРЕДИСЛОВИЕ

В четвертом, заключительном выпуске журнала «Вестник СПбГУ. Психология» 2025 г. представлены статьи, отражающие широкий диапазон тем, актуальных для современной психологической науки.

Открывает номер коллективная статья А. А. Реана, А. А. Ставцева, А. О. Шевченко и Р. Г. Кузьмина «Психологическое благополучие личности: обзор подходов к теоретическому конструкту». Интерес к проблеме психологического благополучия личности проявляется на протяжении всей истории становления и развития психологии личности и отражается во всех теоретических подходах к ее описанию, которые предлагают свои трактовки психологического благополучия. Его понимание меняется не только по мере расширения знаний психологической науки о природе личности, но и с изменением социокультурных представлений о благополучии человека. В публикации А. А. Реана и его коллег дается обзор зарубежных и отечественных исследований по тематике психологического благополучия, который будет интересен психологам самого широкого профиля.

Следующая статья номера — «Модель двойного процесса совладания с утратой: теория и практика» А. С. Зазимко и Е. А. Буриной — представляет описание и теоретический анализ известной в зарубежной психологии модели совладания с утратой, историю ее создания и практического применения. Проблема переживания утраты является одной из самых распространенных из тех, с которыми сталкиваются психологи в процессе практической психологической работы с людьми. Приведенные в публикации данные могут оказать существенную помощь в работе с ней.

Раздел эмпирических и экспериментальных исследований открывается статьей М. О. Аванесян и Н. Л. Москвичевой «Согласованность представлений о себе и жизненное пространство личности: опыт качественного исследования». В центре внимания публикации — проблемы целостности личности, которая рассматривается авторами как согласованность Я во времени. В результате анализа объемного качественного материала, собранного с помощью глубинного интервью, были выделены разные способы согласованности Я через приверженность личности определенным жизненным целям и ценностям, сохранению жизненного контекста и др.

Следующие две статьи номера посвящены теме переживаний людьми разрушения привычной жизненной ситуации.

Коллективная статья К. В. Барцевой, Би Синлун, Я. С. Самариной, М. В. Лиханова и Е. Л. Солдатовой «Ностальгические переживания китайских студентов в условиях образовательной миграции» посвящена психологическим проблемам, возникающим у молодых людей, получающих образование в иностранном социо-

культурном контексте. Образовательная миграция становится распространенным явлением в современном мире. При этом в литературе имеются данные о снижении субъективного благополучия и повышении тревожности у переезжающих на учебу в другую страну. В центре внимания авторов — феномен ностальгии как одна из возможных форм переживаний в условиях отрыва китайских студентов от привычного социального и культурного контекста.

В публикации М. В. Сапоровской и А. С. Каменской «Стресс вынужденной разлуки и совладание с ним у женщин, ожидающих партнеров с военной службы» описаны результаты уникального исследования, проведенного авторами. Ситуация разлуки определяется авторами как временное пространственное разделение людей при сохранении ими эмоциональной связи, в которой вынужденно изменяются паттерны взаимодействия и, соответственно, повышается уровень стресса. По их мнению, особенностью ситуации, которая была предметом описанного исследования, является ограниченность вербального контакта с романтическим партнером и неопределенность воссоединения. Данные, приведенные в статье, будут интересны психологам, работающим с разными типами сложных жизненных ситуаций.

Трудные жизненные ситуации являются предметом постоянного внимания психологов в силу той роли, которую они играют в жизни людей, и места, которое они занимают в практической психологической работе. Несомненный интерес вызовет следующая публикация номера — статья Е. В. Битюцкой и А. С. Миронова «Репрезентация трудных жизненных ситуаций в схематических изображениях». В их исследовании использовалась методика, направленная на выявление схематического представления ситуаций, которая позволила получить объемный материал, в ходе анализа которого были описаны не только компоненты образа жизненной ситуации, но и критерии ее трудности. Описанный в статье дизайн исследования и представленные материалы дают возможность применения предложенного авторами методического инструментария для решения практических и исследовательских задач.

Следующие две публикации номера посвящены адаптации зарубежных методик для российской выборки.

Первая из них — коллективная работа Т. Н. Тихомировой, А. А. Павловой, В. И. Исмагуллиной, А. С. Малых, П. В. Колясникова, С. Б. Малыха «Адаптация русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности (STAI-T) на выборке студентов вузов». Личностная тревожность является одним из параметров, широко используемых в диагностике для решения разнообразных практических задач. Имеющиеся в отечественной литературе разработки созданы несколько десятилетий назад и во многом не отвечают современным реалиям. Авторы статьи на объемной выборке из более чем 4 тыс. человек провели адаптацию Шкалы личностной тревожности, которая обладает хорошими психометрическими свойствами и может быть использована на практике.

Не менее востребованной может быть и методика, представленная Ю. В. Мисюк и И. В. Тихоновой в следующей публикации номера, — «Адаптация шкалы родительского стресса (PSS): исследование на российских матерях с детьми разного возраста». Родительский стресс, как справедливо отмечают авторы, является весьма распространенным явлением. Одной из методик, используемых в зарубеж-

ной психологии для диагностики степени выраженности этого стресса, является Шкала родительского стресса. В публикуемой статье описаны результаты проверки надежности и валидности методики на материале опроса 572 женщин-матерей широкого возрастного диапазона. Методика представляет интерес для психологов, работающих над самыми разнообразными проблемами семейных отношений.

Следующие несколько статей посвящены тематике клинической психологии.

В исследовании, которое описано в публикации О. С. Шелоумовой, Г. В. Барановой и Н. В. Золотовой «Влияние ранних дезадаптивных схем на психологическую адаптацию пациентов с туберкулезом легких», участвовали 122 пациента, проходивших стационарное лечение с диагнозом туберкулеза легких. Результаты исследования подтвердили гипотезу относительно возможного влияния ранних дезадаптивных схем на успешность психологической адаптации. По мнению авторов, полученные результаты указывают на целесообразность использования показателей схем в качестве предикторов выявления пациентов, которые могут быть отнесены к группе потенциального риска психологической дезадаптации.

Публикация М. Е. Ростовцевой «Связь типа привязанности и отношения к смерти у подростков с врожденным пороком сердца с учетом возрастных различий» посвящена особенностям отношения к смерти подростков в зависимости от характера их привязанности к родителям. Показано, что ненадежные типы привязанности у подростков с диагнозом врожденного порока сердца связаны с дезадаптивным отношением к смерти. Напротив, надежные типы привязанности выступают в качестве опоры, защиты от дезадаптивных установок.

Следующая статья номера также посвящена подросткам — это коллективная работа Р. И. Антохиной, А. В. Васильевой, Е. Ю. Антохина и А. А. Кибитова «Процесс принятия решения и антиципационная состоятельность у подростков с несуйцидальным повреждающим поведением». В представленном исследовании особенности антиципации как способности человека прогнозировать развитие событий и предвидеть результаты и последствия собственных действий сопоставляются со склонностью подростков к повреждающему поведению несуйцидального характера. Результаты исследования демонстрируют низкую антиципационную компетентность подростков с данными особенностями поведения по сравнению с их здоровыми сверстниками.

Две заключительные статьи номера относятся к области когнитивной психологии и когнитивной нейронауки.

Публикация А. А. Ануфриевой и Е. С. Горбуновой «Может ли активация моторных программ ускорить обнаружение объекта в задаче зрительного поиска?» описывает исследование, относящееся к классическим проблемам изучения зрительного поиска. В центре внимания авторов — эффект совместимости, означающий ускорение ответа на задачу поиска в случае совпадения моторной программы и аффорданса объекта, который, однако, не был получен в проведенных экспериментах. В статье высказываются предположения о причинах отсутствия эффекта совместимости, которые могут быть положены в основу дальнейших исследований в данной области.

Коллективная статья В. П. Иванушко, В. С. Василенко, Е. А. Мершиной и Е. В. Печенковой «Мозговые корреляты зрительного воображения при решении задач на визуализацию скрытой части объекта (в фМРТ-исследовании)» посвящен-

на исследованию объектного воображения. Авторы разработали тестовую методику и апробировали ее в экспериментах. Полученные результаты позволили описать использование воображения при решении поставленной в эксперименте задачи, но не дали однозначных данных для различения мозговых коррелятов объектного и пространственного воображения. Интерпретация результатов проведенных экспериментов привела авторов к формулировке вопросов дальнейших исследований.

Обзор публикаций заключительного, четвертого номера журнала «Вестник СПбГУ. Психология» демонстрирует широту затронутых тем и исследовательских интересов авторов. В статьях представлена как классическая тематика психологической науки, так и относительно новые ее направления. По-прежнему актуальной остается задача разработки методического инструментария, в том числе и для диагностических целей.

Мы ждем от коллег новых публикаций и открыты к обсуждению самого широкого диапазона проблем современной психологической науки. Желаем успеха и новых открытий!

*Главный редактор журнала «Вестник СПбГУ. Психология»
Наталья Гришина*

PREFACE

The fourth and final issue of the “Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology”, 2025, presents articles reflecting a wide range of topics actual to modern psychological science.

The issue opens with a collective article by A. A. Rean, A. A. Stavtsev, A. O. Shevchenko and R. G. Kuzmin “Psychological well-being of the individual: a review of approaches to theoretical structure”. Interest in the problem of psychological well-being of the individual is manifested throughout the history of the formation and development of personality psychology and is reflected in all theoretical approaches to the description of personality, which are presenting their own interpretations of psychological well-being. The understanding of psychological well-being is changing not only with the expansion of knowledge of psychological science about the nature of personality, but also with changes in socio-cultural ideas about human well-being. The publication by A. A. Rean and his colleagues provides a review of foreign and domestic research the subject of psychological well-being, which will be of interest to psychologists of the widest profile.

The next article in the issue, “The Dual Process Model of coping with model of the dual process of coping with bereavement: theory and practice” by A. S. Zazimko and E. A. Burina, presents a description and theoretical analysis of the well-known model of coping with bereavement in foreign psychology, the history of its creation and practical application. The problem of experiencing loss is one of the most common that psychologists face in the process of practical psychological work with people. The data presented in the publication can provide significant assistance in carrying out this work.

The section of empirical and experimental research opens with the article by M. O. Avanesyan and N. L. Moskvicheva “Coherence of self-concepts and individual’s life space: A qualitative study”. The focus of the publication is on the problems of personality integrity, which is considered by the authors as the consistency of the self over time. As a result of the analysis of the voluminous high-quality material collected through in-depth interviews, different ways of self-consistency were identified through a person’s commitment to certain life goals and values, the preservation of the life context, etc.

The next two articles of the issue are devoted to the topic of people’s experiences of the destruction of a habitual life situation.

The collective article by K. V. Bartseva, Xing Long Bi, Ya. S. Samarina, M. V. Li-khanov and E. L. Soldatova “Nostalgia among Chinese students: A study of educational migration” is devoted to psychological problems that arise among young people receiving education in a foreign socio-cultural context. Educational migration is becoming a common phenomenon in the modern world. At the same time, there is evidence in the literature of a decrease in subjective well-being and increased anxiety among those mov-

ing to study in another country. The authors focus on the phenomenon of nostalgia as one of the possible forms of experience in conditions of separation of Chinese students from the usual social and cultural context.

The publication by M. V. Saporovskaya and A. S. Kamenskaya “Stress of forced separation and coping with it in women waiting for their partners to return from military deployment” describes the results of a unique study conducted by the authors. The situation of separation is defined by the authors as a temporary spatial separation of people while maintaining an emotional connection, in which patterns of interaction are forced to change and, accordingly, stress levels increase. In their opinion, the peculiarity of the situation that was the subject of the described study is the limited verbal contact with a romantic partner and the uncertainty of reunification. The data presented in the article will be of interest to psychologists working with different types of difficult life situations.

Difficult life situations are the subject of constant attention of psychologists because of the role they play in people’s lives and the place they occupy in practical psychological work. The next publication of the issue will undoubtedly be of interest — the article by E. V. Bityutskaya and A. S. Mironov “Representation of difficult life situations in schematic representations”. In their study, a technique was used aimed at identifying a schematic representation of situations, which allowed us to obtain voluminous material, during the analysis of which not only the components of the image of the situation were described, but also the criteria for the difficulty of life situations. The research design described in the article and the materials presented make it possible to apply the methodological tools proposed by the authors to solve practical and research problems.

The next two publications of the issue are devoted to the adaptation of foreign methods for the Russian sample.

The first of them is the collective work of T. N. Tikhomirova, A. A. Pavlova, V. I. Ismatullina, A. S. Malykh, P. V. Kolyasnikov, S. B. Malykh “Adaptation of the Russian-language version of the Trait Anxiety Scale (STAI-T) to a sample of university students”. Personal anxiety is one of the parameters widely used in diagnostics to solve a variety of practical problems. The developments available in the Russian literature were created several decades ago and in many ways did not meet modern realities. The authors of the article adapted the scale of personal anxiety on a large sample of more than 4 thousand people, which has good psychometric properties and can be used in practice.

The methodology presented by Yu. V. Misiyuk and I. V. Tikhonova in the next publication of the issue, “Adaptation of the Parental Stress Scale (PSS): a study on Russian mothers with children of different ages” may be no less in demand. Parental stress, as the authors rightly point out, is a very common phenomenon. One of the methods used in foreign psychology to diagnose the severity of this stress is the Parental Stress Scale. The published article describes the results of testing the reliability and validity of the methodology based on a survey of 572 female mothers of a wide age range. This technique is of interest to psychologists working on a wide variety of family relationship problems.

The following few articles are devoted to the topic of clinical psychology.

The study, which is described in the publication by O. S. Sheloumova, G. V. Baranova and N. V. Zolotova “The effect of early maladaptive schemes on stress management and psychological adaptation in patients with pulmonary tuberculosis”, involved 122 patients undergoing inpatient treatment with a diagnosis of pulmonary tuberculosis. The results of the study confirmed the hypothesis regarding the possible influence of early maladaptive

schemes on the success of psychological adaptation. According to the authors, the results obtained indicate the expediency of using scheme indicators as predictors of identifying patients who may be classified as potentially at risk of psychological maladaptation.

M. E. Rostovtseva's publication "The relationship between attachment type and attitude to death in adolescents with congenital heart disease, taking into account age differences" is devoted to the peculiarities of adolescents' attitude to death, depending on the nature of their attachment to their parents. It has been shown that unreliable attachment types in adolescents diagnosed with congenital heart disease are associated with a maladaptive attitude towards death. On the contrary, reliable types of attachment act as a support, protection from maladaptive attitudes.

The next article in the issue is also devoted to adolescents — the collective work of R. I. Antokhina, A. V. Vasilyeva, E. Yu. Antokhin and A. A. Kibitov "Decision-making process and anticipatory competence in adolescents with non-suicidal self-injurious behavior". In the presented study, the features of anticipation as a person's ability to predict the development of events and anticipate the results and consequences of their own actions are compared with the tendency of adolescents to destructive behavior of a non-suicidal nature. The results of the study demonstrate the low anticipatory competence of adolescents with these behavioral characteristics compared to their healthy peers.

The two final articles of the issue are related to the field of cognitive psychology and cognitive neuroscience. The publication by A. A. Anufrieva and E. S. Gorbunova, "Can activation of motor programs accelerate object detection in a visual search task?", describes a study related to the classical problems of studying visual search. The authors focus on the compatibility effect, which means an acceleration of the response to the search task in the case of a coincidence of the motor program and the affordance of the object, which, however, was not obtained in the experiments. The article suggests the reasons for the lack of compatibility effect, which can be used as the basis for further research in this area.

The collective article by V. P. Ivanushko, V. S. Vasilenko, E. A. Mershina and E. V. Pechenkova "Neural correlates of visual mental imagery in a task requiring visualization of a hidden part of an object (an fMRI study)" is devoted to the study of object imagination. The authors have developed a test technique that has been tested in their experiments. The results obtained made it possible to describe the process of mental scanning when solving the problem set in the experiment, but did not provide unambiguous data for distinguishing the brain correlates of object and spatial imagination. The interpretation of the results of the experiments led the authors to formulate questions for further research.

Review of publications of the final, fourth issue of the "Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology" journal demonstrates the breadth of the topics covered and the research interests of the authors. The articles present both the classical topics of psychological science and its relatively new directions. The task of developing methodological tools, including for diagnostic purposes, remains urgent.

We are waiting for new publications from our colleagues and are open to discussing the widest range of problems of modern psychological science.

We wish you success and new discoveries!

*Editor-in-Chief of the journal
"Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology"
Natalia Grishina*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 159.9.07

Психологическое благополучие личности: обзор подходов к теоретическому конструкту*

А. А. Реан, А. А. Ставцев^а, А. О. Шевченко, Р. Г. Кузьмин

Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, 1

Для цитирования: Реан А. А., Ставцев А. А., Шевченко А. О., Кузьмин Р. Г. Психологическое благополучие личности: обзор подходов к теоретическому конструкту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN AKHLQU

Данная статья представляет собой обзор научных подходов зарубежных и отечественных авторов к теоретическому конструкту психологического благополучия. Актуальность работы обусловлена растущим интересом к изучению проблемного поля психологического благополучия личности со стороны научного сообщества, административных ресурсов и общества в целом, что также подтверждается многочисленными научными исследованиями и нормативными актами. В рамках представленного исследования мы рассмотрели подходы к интерпретации и изучению теоретической структуры психологического благополучия личности. Представлен анализ теоретических и эмпирических работ исследователей психологического благополучия личности. Кроме того, рассмотрены психофизиологические научные исследования, связанные с изучением физиологического и функционального состояния как неотъемлемой составляющей психологического благополучия личности. Обозначена актуальность разработки унифицированного операционального конструкта психологического благополучия личности как одного из наиболее важных направлений развития указанного проблемного поля, что отражено в работах отечественных исследователей.

Ключевые слова: психологическое благополучие, субъективное благополучие, эвдемонистическое и гедонистическое благополучие, позитивная психология, нейроисследования психологического благополучия.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00389 на тему «Социально-психологические и психофизиологические индикаторы психологического благополучия и просоциального поведения молодежи».

^а Автор для корреспонденции.

Введение

Психологическая наука изобилует различными концепциями, понятиями и подходами, содержание которых нельзя свести к одному общепринятому стандарту. Разнообразные научные психологические школы предлагают различные объяснения и эмпирические свидетельства множества явлений в рамках научного психологического подхода. В научном психологическом поле одной из таких категорий является психологическое благополучие личности (далее — ПБ).

Актуальность изучения ПБ в современной науке не вызывает сомнений. Эта актуальность обосновывается не только многочисленными работами, посвященными этой тематике (Реан и др., 2021; Реан и др., 2022; Реан и др., 2023; Волкова, Сорокоумова, 2024; Денисова и др., 2024; Леонтьев и др., 2024; Тихомирова и др., 2024; и др.), но и общественно артикулированным запросом, направленным на выявление сущностного определения ПБ, его коррелятов, факторов и компонентов. Нередко ПБ становится референтным показателем, на достижение которого направлены усилия не только психологического сообщества, но и государственных и общественных институций. При этом существует как структурная, так и терминологическая неопределенность, которая в соответствующих документах не снимается и работа, связанная с благополучием, осуществляется в рамках достижения его «высоких показателей», «стимулирования», «нивелирования определенного типа проблем в сфере благополучия, выявленных по итогам исследований». Трудности, связанные с категорией ПБ, сложности в ее конструировании и операционализации детерминированы многими факторами.

Одним из них является сходство понятия ПБ с рядом других. Так, например, в науке можно встретить ряд терминов, которые могут его замещать. Это замещение, на наш взгляд, может быть продиктовано исследовательским стремлением уточнить изучаемую категорию (действительно, изучение этого явления в разных дисциплинах и частных сферах может иметь свою уникальную специфику), однако в ряде случаев оно вносит и усугубляет семантическую и содержательную путаницу при разработке концепта ПБ. Тем не менее итогами этих замещений является возникновение:

- междисциплинарных смежных терминов (в зависимости от науки, например в экономике — «экономическое благополучие», в социологии — «социальное благополучие», в экологии — «средовое», в педагогике — «образовательное» и т. д.);
- внутридисциплинарных смежных терминов (например, в психологической литературе можно встретить такие термины, как «субъективное благополучие», «личностное благополучие», «когнитивное благополучие», а также упоминаются внутреннее, эмоциональное, экзистенциальное, психофизиологическое и другие виды благополучия);
- терминов, используемых в качестве синонимичных понятий (например, «счастье», «качество жизни», «психологическое здоровье», «позитивное функционирование», «эмоциональное самочувствие» и др.).

Очевидно, что эти термины могут комбинироваться между собой, может происходить их содержательная рецепция, и они могут выступать в качестве концептуального контура, который использует исследователь. Иными словами, виды благополучия, которые являются предметом исследования, включают в себя теорети-

ко-методологическую рамку и фокус, на которых останавливается исследователь, принимая как предмет своей работы тот или иной аспект благополучия и степень его насыщенности. Так, например, семейное благополучие можно рассмотреть через призму ее экономического благосостояния, сексуальной удовлетворенности супругов, качества детско-родительских отношений и др. Кроме того, следует отметить, что в зависимости от предмета исследования, мы, конечно, можем рассматривать благополучие как отдельных персон, так и разнообразие социальные группы, включая общество в целом или региональные кластеры.

Говоря о ПБ, Б. Ю. Берзин отмечает, что «многообразие подходов также объясняется и методологическими основаниями, на которые опираются авторы тех или иных концепций (психологии прагматизма или гуманистической психологии, психологического аксиологизма либо позитивной психологии, логотерапии или концепции психического здоровья)» (Берзин, 2018, с. 78). В то же время А. А. Скорынин отмечает, что «сегодня отечественная психологическая практика остро нуждается в надежных и валидных методиках, пригодных для диагностики психологического благополучия и неблагополучия» (Скорынин, 2020, с. 88).

Целью данной статьи является обзор и вычленение общего теоретического базиса в рамках наиболее известных подходов к теоретической интерпретации ПБ.

Проблема концептуального размытия понятия «психологическое благополучие»

Обобщая все вышесказанное, отметим, что ПБ является крайне популярным и распространенным понятием в современной психологической науке. Его проблемное поле выступает лейтмотивом большого количества научных работ, в том числе ключевой составляющей множества кандидатских и докторских исследований. При этом неизбежно в рамках как научных диссертационных советов, при обсуждении работ соискателей, так и на конференциях различных уровней, проблема ПБ зачастую вызывает интереснейшие научные споры, поиск истины в которых разбивается о пресловутое «в моей трактовке ПБ заключается в другом». Иными словами, на данный момент существуют структурный и терминологический плюрализм и обилие исследовательских подходов, что актуализирует разработку унифицированного конструкта. Эта разработка связана, на наш взгляд, с теоретико-методологической концептуализацией, предполагающей структурную унификацию существующих подходов и последующий переход к ее эмпирическому подтверждению.

Анализ подходов к изучению психологического благополучия

Несмотря на обилие терминологии, используемой для изучения этой предметной области, исследователи ориентированы на определение четкого статуса, структуры (компонентов) и теоретического конструкта ПБ в целом. Так, например, в отечественной психологии изучению категории ПБ, структуры и подходов к его рассмотрению посвящено много работ, среди них — ряд монографий (Павлоцкая, 2016; Зотова, 2017; Мельник, Колесников, 2018; и др.) и обзорных статей (Фесенко, 2005; Водяха, 2012; Бекузарова, 2014; Орлова, 2015; Фомина, 2016; Карапетян, 2017;

Панюкова и др., 2017; Берзин, 2018; Борисов, 2020; Скорынин, 2020; Храпко, 2023; и др.). История изучения проблемного поля ПБ, тем не менее, укоренена в дискурсах западных исследователей.

Рассматривая историю изучения ПБ, следует выделить подходы таких основоположников, как Н. Бредберн (N. Bradburn), Э. Динер (E. Diener), К. Рифф (C. Ryff), К. Питерсон (C. Peterson), М. Селигман (M. Seligman), Э. Деси (E. Deci) и Р. Райан (R. Ryan) и др.

В нашем обзоре мы в большей степени сконцентрируем внимание на интегральных и наиболее распространенных современных концепциях, вобравших в себя многое из работ первопроходцев Н. Бредберна, Э. Динера, К. Питерсона и др. и на концепциях ПБ, важных, на наш взгляд, но не тиражируемых широко в научном поле. Особое внимание в обзоре литературы, в силу меньшей освещенности, мы бы хотели уделить психофизиологическим аспектам ПБ.

Гедонистический и эвдемонистический аспекты психологического благополучия

Ключевой и признаваемой подавляющим большинством исследователей концепцией ПБ является его дихотомическое разделение на гедонистическое и эвдемонистическое. Так, например, в работе Д. Г. Орловой подчеркивается, что, «несмотря на то что понятие “психологическое благополучие” и его возможные вариации изучается уже более 50 лет, единого понимания данного феномена на сегодняшний день не существует. Необходима систематизация массива накопленных данных и разработка некоего обобщающего подхода, сочетающего в себе сильные стороны эвдемонистического и гедонистического подходов» (Орлова, 2015, с. 33).

Подход, предполагающий такое дихотомическое разделение, впервые предложили применять относительно ПБ исследователи Э. Деси и Р. Райан (Deci, Ryan, 2006). Эвдемонистическое благополучие понимается как реализация личностного потенциала, вовлеченность в жизнь (Ryff et al., 2004; Urry et al., 2004; Deci, Ryan, 2006; Berridge, Kringelbach, 2011; Реан и др., 2023). Гедонистическое благополучие изучается через состояние удовлетворенности — неудовлетворенности, удовольствия — неудовольствия, соотношение положительных и отрицательных аффектов. Ключевым понятием в рамках гедонистического благополучия является «субъективное благополучие» (Ryff et al., 2004; Urry et al., 2004, Deci, Ryan, 2006; Diener et al., 2008; Реан и др., 2023). Большинство исследований ПБ можно разделить на гедонистические и эвдемонистические, однако даже в случае совокупного исследования обоих аспектов, или видов ПБ авторы проводят их теоретическое и эмпирическое разграничение, то есть, с одной стороны, важно исследовательское различие данных аспектов, с другой — и гедонистическая, и эвдемонистическая составляющие играют значимую роль в формировании ПБ индивида и концентрация только на одном аспекте неизменно ведет к редуцированному пониманию сущности явления.

В настоящее время две наиболее широко распространенные теоретические концепции ПБ, вобравшие в себя опыт и наработки предыдущих, — это подход К. Рифф «Шкала психологического благополучия» (Ryff, Singer, 1996; Жуковская, Трошихина, 2011) и подход М. Селигмана PERMA (Seligman, 2011; Реан и др., 2023). Данные подходы также содержат эмпирический инструментарий в виде валиди-

зированных психодиагностических методик (Жуковская, Трошихина, 2011; Исаева и др., 2022), что также обуславливает широкое распространение именно этих двух концепций ПБ в рамках эмпирических исследований.

Психофизиологические исследования психологического благополучия: возможности и ограничения. Важным аспектом обеспечения ПБ является физиологическое и функциональное состояние. Функциональное состояние человека можно рассматривать с нескольких позиций:

- как физиологическое состояние организма и его систем (Ильин, 2005, с. 54);
- как интегративную характеристику состояния человека исходя из эффективности выполняемой им деятельности, а также участвующих в этом процессе систем (Зинченко, Мещеряков, 2009, с. 526).

Психологическое состояние обеспечивается набором функциональных систем, например для достижения высокой самооффективности человеку необходимо находиться в оптимальном функциональном состоянии. Исследователи К. Рифф и Б. Сингер (B. Singer) (Ryff, Singer, 1998) в своих работах предложили идею позитивного здоровья, где благополучие связано с оптимальным функционированием множества физиологических систем. Более того, существует множество эмпирических исследований, подтверждающих, что высокий уровень ПБ положительно влияет на физическое здоровье, помогает избегать заболеваний или быстрее восстанавливаться в случае болезни (Stephoe et al., 2015; Hernandez et al., 2018). В своей работе 2004 г. К. Рифф и соавторы (Ryff et al., 2004) предложили исследовать, связано ли благополучие с уменьшением рисков заболеваний. Результаты показали, что у людей с более высоким уровнем эвдемонистического благополучия были ниже уровни суточного кортизола (гормона, ассоциированного со стрессом), ниже риск сердечно-сосудистых заболеваний, а также более продолжительная фаза быстрого сна. Важно отметить, что, согласно результатам этих исследований, гедонистический аспект ПБ в меньшей степени связан с показателями здоровья, чем эвдемонистический. Также авторы отмечают, что виды благополучия могут иметь общие биологические связи, поскольку оба аспекта — и эвдемонистический, и гедонистический — связаны с позитивным функционированием. Однако исследователи выдвигают предположение, что эвдемонистическое благополучие, выраженное, например, в целеустремленности в жизни, может вызывать более позитивное биологическое отражение по сравнению с гедонистическим. Такая активация, в свою очередь, может оказывать позитивное воздействие на организм, способствуя его «закаливанию».

Еще одним подходом, показывающим связь физического состояния и благополучия, является концепция Т. Дэвиса (T. Davis). В ней выделяется пять видов благополучия: эмоциональное, физическое, социальное, профессиональное и общественное. Так, физическое благополучие заключается в улучшении функционирования своего организма через улучшение питания и занятия спортом. Отмечается, что физическое благополучие позволяет человеку лучше себя чувствовать, а также связано с эмоциональным благополучием (Davis, 2024). Наши авторские эмпирические исследования в научном поле позитивной психологии также демонстрируют высокую значимость такой сильной стороны личности, как «энергичность», для формирования и поддержания ПБ (Реан и др., 2022), при этом «энергичность», согласно теории, в большей степени обусловлена физиологическим состоянием организма (Реан и др., 2023).

Другим подходом являются не исследования влияния благополучия на здоровье и/или болезнь, а поиски физиологических коррелятов и субстрата благополучия. В крупном метаанализе было рассмотрено 22 нейро-исследования в данной области (King, 2019). Результаты показали, что не существует единой методологии для изучения ПБ и его нейронных коррелятов. Большая часть исследователей (10/22) использовали методику PANAS (Positive and Negative Affect Schedule), которая изучает позитивный и негативный аффекты. Другие исследователи применяли Шкалу психологического благополучия (SPWB) К. Рифф (Ryff, 1989) и Шкалу удовлетворенности жизнью (SWLS) Э. Динера (Diener et al., 1985). В результате метаанализа были обнаружены общие закономерности, несмотря на различие методик оценки благополучия и методов визуализации. Выделены наиболее выявляемые области мозга — передняя поясная кора, орбитофронтальная кора, задняя поясная кора, верхняя височная извилина и таламус, специфику которых связывают с состоянием благополучия. Наиболее устойчивая связь отмечается между передней поясной корой, которая связана с важными когнитивными и эмоциональными функциями, особенно значимыми для оптимального психологического функционирования.

В исследовании Д. Джамшиди (J. Jamshidi) и соавт. (Jamshidi et al., 2022a) была представлена карта фенотипических и генетических связей между субъективным индексом благополучия и морфологическими характеристиками мозга. Авторы отобрали респондентов из Биобанка Великобритании (UK Biobank), у которых имелись МРТ-данные, исключив при этом испытуемых с заболеваниями нервной системы, а также генетическими заболеваниями. Для оценки благополучия авторы не использовали общепринятые опросники, а отобрали пять пунктов из опросника UK Biobank, связанных с благополучием (общее счастье, удовлетворенность семьей, дружбой, здоровьем и материальным положением), и сформировали «индекс благополучия» (Jamshidi et al., 2022b). Результаты исследования показали, что у респондентов с более высокими показателями индекса благополучия наблюдался больший объем мозжечка. Также было установлено, что генетические факторы играют значительную роль в ассоциациях между мозжечком и благополучием. Кроме того, данные подтвердили связь с предклинем (precuneus), поясной корой и инсулой. Были обнаружены небольшие, но значимые связи между благополучием и объемами нескольких структур мозжечка, ствола мозга, прилежащего ядра и хвостатого ядра.

В работе Х. Урри (H. Urry) и соавт. (Urry et al., 2004) было представлено исследование нейронных коррелятов эвдемонистического и гедонического благополучия. Активность регистрировалась 29-канальным электроэнцефалографом. Для оценки ПБ использовались Шкала психологического благополучия К. Рифф, Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и опросник «Шкала позитивного и негативного аффекта» (PANAS) (Watson et al., 1988). Авторы исследования предположили, что более высокая активация левой лобной области на исходном уровне будет коррелировать с более высоким уровнем благополучия. Также была высказана гипотеза, что лобная асимметрия будет объяснять дисперсию благополучия даже при статистическом контроле позитивного аффекта, так как благополучие включает больше различных качеств помимо ассоциированных с позитивным аффектом (предвосхищение будущих позитивных событий, направленное на достижение цели). В ре-

зультате исследования были представлены нейронные различия между эвдемонистическим и гедонистическим благополучием: активация левой лобной области предсказывает эвдемонистическое благополучие, когда вариации в положительном аффекте статистически контролируются.

Обобщая совокупность психофизиологических исследований ПБ, можно заключить, что в большинстве нейроисследований также отсутствует единый методологический подход к определению феномена благополучия. Тем не менее даже без строгой формализации метода оценки благополучия выявляются связи ряда мозговых структур с гедонистическими и эвдемонистическими аспектами ПБ. Вышесказанное позволяет предположить наличие предиктивных физиологических свойств состояния ПБ. ПБ имеет мозговое отражение и обеспечивается совокупностью функциональных систем, а следовательно, могут существовать подходы к его нейроизмерению. С другой стороны, поиск конкретной локализации ПБ кажется методологически неразрешимым, так как ПБ является комплексным феноменом и обладает большим количеством свойств, что также, стоит отметить, выражается в том, что опыт индивида полимодален, не универсален и связан с личностными диспозициями. Методологическая проблема связана и с тем, что в рамках психофизиологических исследований часто не разграничивают методики гедонистического и эвдемонистического благополучия, например Х. Урри и соавт. (Urry et al., 2004) отмечают, что в их исследовании положительный аффект является значимым независимым предиктором как гедонистического, так и эвдемонистического благополучия. Для обеспечения ПБ нужно определенное функциональное состояние, которое обеспечивает оптимальное функционирование организма. Выявляемые физиологические закономерности могут быть следствием связанных с ПБ качеств, но не самим ПБ. Теория функциональных систем подчеркивает важность взаимодействия различных систем организма для достижения общего результата. Это взаимодействие позволяет организму адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды, поддерживая гомеостаз и обеспечивая устойчивость к стрессовым факторам. С другой стороны, это делает психофизиологические исследования ПБ крайне сложными в реализации из-за избытка неконтролируемых переменных. При этом наиболее изученный и эмпирически подтвержденный подход к измерению ПБ в психофизиологических исследованиях достигается через применение инструментария по измерению позитивного и негативного аффектов. Частота превалирования позитивного аффекта над негативным хорошо измеряется и фиксируется на уровне нейронных механизмов, однако при рассмотрении ПБ как свойства или личностного показателя эти данные не дают полной картины ПБ, а демонстрируют скорее сиюминутное настроение. При этом физиологические исследования ПБ позволяют сделать на первый взгляд тривиальный, но важный вывод: при наличии физиологических причин, обуславливающих превалирование негативного аффекта над позитивным, достижение ПБ невозможно. Это, в частности, является подтверждением двухфакторной теории благополучия (Keyes, 2002), в рамках которой подчеркивается важность как воздействия на позитивные стороны личности, формирующие благополучие индивида, так и на негативные факторы, ухудшающие его благополучие (то есть нивелирование этого негативного воздействия).

Отечественные подходы к изучению психологического благополучия.

Для комплексного понимания феномена ПБ необходимо также рассмотреть не-

которые подходы отечественных исследователей. Следует отметить, что в отечественной психологии «наибольшее число исследований (как теоретических, так и практических), касается субъективного и психологического благополучия» (Карапетян, 2017, с. 136). Нельзя не отметить при этом определенную специфику, которая сложилась в отечественном научном пространстве, связанную с разноформатным разграничением психологического и субъективного благополучия. Первое может рассматриваться как часть второго, и наоборот. Иногда они выступают синонимичными. Это еще одна проблема, касающаяся операционализации. В то же время О. Ю. Зотова отмечает: «многие исследователи приходят к заключению, что данные понятия тесно взаимосвязаны» (Зотова, 2017, с. 59), наиболее верным подходом является их интеграция, и это соотносится с идеей комплексной унификации конструкта ПБ. Тематику субъективного благополучия преимущественно разрабатывали Е. Е. Бочарова, Р. М. Шамионов, А. И. Донцов, М. В. Соколова, Л. В. Куликов, Д. А. Леонтьев и др. Однако мы сделаем акцент на конструктах именно ПБ, несмотря на его сильные пересечения с субъективным. Обратимся для иллюстрации к некоторым определениям ПБ, которые дают отечественные ученые:

- «интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью» (Фесенко, 2005, с. 4). При этом автор предлагает разделять актуальное и идеальное ПБ;

- «социально-психологическое образование, характеризующее позитивное функционирование личности, выражающееся в субъективном ощущении удовлетворенности жизнью, реализации собственного потенциала, высокой интегрированности и опосредованное доминирующими отношениями (к другим людям, миру и себе)» (Павлоцкая, 2016, с. 135);

- «совокупность необходимых личностных ресурсов, обеспечивающая субъективную и объективную успешность личности в системе «субъект — среда»» (Весна, Ширяева, 2009, с. 32). При этом авторы предлагают компоненты ПБ (аффективный, метапотребностный, мировоззренческий, интрарефлексивный, интеррефлексивный), для измерения которых подобраны разнообразные методики.

- «системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности на основе психофизиологической сохранности функций, которое проявляется у субъекта в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей и служит условием реализации его потенциальных возможностей и способностей» (Воронина, 2005, с. 144). Автор выделяется следующие уровни ПБ: психосоматического здоровья, социальной адаптированности, психического здоровья, психологического здоровья.

В целом отечественные ученые по-разному квалифицируют этот феномен. ПБ выступает в определениях и как «переживание» (Голубева) или «результат переживания» (Шадрин); и как «показатель» (Фесенко); и как «системное качество» (Воронина) или «результат, системное единство» (Данилова, Тарасенко); и как «соци-

ально-психологическое образование» (Павлоцкая); и как «совокупность ресурсов» (Весна, Ширяева), «устойчивое психическое свойство» (Водяха) и многое другое.

В то же время ПБ рассматривается различными авторами как структура, которая может иметь как *уровни* (Воронина; Скорынин; Идобаева, Павлоцкая и др.), так и *компоненты* (Кислицина; Весна, Ширяева и др.).

В целом же О. О. Фомина описывает специфику отечественных исследований следующим образом: «...концепт благополучия имеет разнородную трактовку среди отечественных психологов, что связано как со сложившимся терминологическим расхождением (субъективное или психологическое благополучие), берущим начало в западной традиции, так и с двумя основными направлениями в трактовке благополучия (гедонистическое или эвдемонистическое), имеющими различное философское обоснование» (Фомина, 2016, с. 9).

Резюмируя, нам хотелось бы процитировать Л. В. Карапетяна: «...в целом исследования благополучия в современной отечественной психологии носят преимущественно теоретико-методологический характер и в основном опираются на абстрактно-логические обобщения. Перспективными направлениями изучения данной проблемы являются разработка более компактного психодиагностического инструментария, проведение эмпирических исследований благополучия в связи с личностными особенностями и объективными условиями развития человека, а также выделение индикаторов благополучия, анализ факторов и динамики его формирования» (Карапетян, 2017, с. 136–137). В той или иной мере к 2025 г. эти направления нашли выражение в экспансивном росте количества эмпирических исследований на тему ПБ и апробации ряда методик, анализа факторов, динамики и выявления предикторов ПБ, однако задача унификации теоретического конструкта до сих пор не была решена.

Выводы

Обзор проблемного поля показал высокую степень дифференцированности конструкта ПБ. В то же время нельзя не отметить наличие значимых точек пересечения, а также выводов и призывов исследователей данного научного поля к интеграции компонентов ПБ и унификации его структуры на основе эмпирических исследований. Мы также считаем, что именно унификация операциональной структуры ПБ является логичным и необходимым шагом для дальнейшего развития концепта. В следующей статье будет представлен и обоснован наш эмпирический подход к изучению ПБ.

Литература

- Бекузарова А. Т. Психологическое благополучие как предмет зарубежных и отечественных исследований // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 2. С. 16–25.
- Берзин Б. Ю. Психологическое благополучие личности: к вопросу о сущности понятия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 4 (180). С. 74–81.
- Борисов Г. И. Подходы к изучению психологического благополучия // Психология образования: современный вектор развития / под ред. С. Б. Малыха, Т. Н. Тихомировой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 157–174.

- Весна Е. Б., Ширяева О. С. Психологическое благополучие личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 2 (8). С. 31–41.
- Водяха С. А. Современные концепции психологического благополучия личности // Дискуссия. 2012. № 2. С. 132–138.
- Волкова Е. Н., Сорокумова Г. В. Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 2. С. 12–27. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150202>
- Воронина А. В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 142–147.
- Денисова Е. Г., Бовдуй Д. А., Гостева А. О. Психологическое благополучие работников сферы образования в связи с различными психологическими аспектами их профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19, № 1. С. 114–129. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0108>
- Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 2. С. 82–93.
- Зинченко В. П., Мецгеряков Б. Г. Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009.
- Зотова О. Ю. Психологическое благополучие личности: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017.
- Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 2005.
- Исаева О. М., Акимова А. Ю., Волкова Е. Н. Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 3. С. 116–133. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130308>
- Карапетян Л. В. Исследование благополучия в отечественной психологии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. № 2 (40). С. 132–137.
- Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Рыкун А. Ю., Дымишиц М. Н., Кошелева Н. В., Сухушина Е. В. Разнообразие досугового поведения и личностный потенциал как предикторы психологического благополучия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 75–98. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2524>
- Мельник Ю. И., Колесников Ю. И. Психологическое благополучие личности. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018.
- Орлова Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 28–36.
- Павлоцкая Я. И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС, 2016.
- Панюкова Ю. Г., Панина Е. Н., Болаева Г. Б. Проблемы и перспективы исследования феномена благополучия в российской психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 58–62. <https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.12>
- Реан А. А., Ставцев А. А., Кузьмин Р. Г. Позитивная психология и педагогика. М.: МПГУ, 2023.
- Реан А. А., Ставцев А. А., Кузьмин Р. Г. Позитивно-психологический подход как фактор стимулирования психологического благополучия и редуцирования рисков профессионального выгорания педагога // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3, № 4. С. 461–473. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-461-473>
- Реан А. А., Ставцев А. А., Кузьмин Р. Г. Сильные стороны личности в модели VIA как медиатор психологического благополучия в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. 2022. № 2 (46). С. 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0203>
- Скорынин А. А. К вопросу о структуре психологического благополучия личности // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 2. С. 90–97. <https://doi.org/10.24411/2712-827X-2020-10210>
- Тихомирова Т. Н., Басюк В. С., Исмагуллина В. И., Зинченко Е. В., Матяш Н. В., Овсянникова О. А., Пилипенко С. А., Поникарова И. Д., Сахарова Т. Н., Случ Н. А., Малых С. Б. Психологическое благополучие и образовательные результаты студентов с различными стратегиями посту-

- пления в вуз // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29, № 6. С. 35–53. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290603>
- Фомина О. О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии // Мир науки. 2016. Т. 4, № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN616.pdf> (дата обращения: 24.02.2025).
- Храпко А. М. Психологическое и субъективное благополучие как предмет научного анализа в психологической науке // Образовательный процесс. 2023. № 1 (28). С. 28–32.
- Фесенко П. П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Berridge K. C., Kringelbach M. L. Building a neuroscience of pleasure and well-being // *Psychology of Well-Being*. 2011. no. 1. Art. 3. <https://doi.org/10.1186/2211-1522-1-3>
- Davis T. What Is Well-Being? Definition, Types, and Well-Being Skills // *Psychology Today*. 2024. May 21. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/click-here-happiness/201901/what-is-well-being-definition-types-and-well-being-skills> (дата обращения: 24.02.2025).
- Deci E. L., Ryan R. M. Hedonia, eudaimonia, and well-being: an introduction // *Journal of Happiness Studies*. 2006. Vol. 9. P. 1–11. <https://doi.org/10.1007/s10902-006-9018-1>
- Diener E. D., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49, no. 1. P. 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Diener E., Kesebir P., Lucas R. Benefits of accounts of well-being — for societies and for psychological science // *Applied Psychology*. 2008. Vol. 57. P. 37–53. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2008.00353.x>
- Hernandez R., Bassett S. M., Boughton S. W., Schuette S. A., Shiu E. W., Moskowitz J. T. Psychological well-being and physical health: Associations, mechanisms, and future directions // *Emotion Review*. 2018. Vol. 10, no. 1. P. 18–29. <https://doi.org/10.1177/1754073917697824>
- Jamshidi J., Park H., Montalto A., Fullerton J., Gatt J. Wellbeing and brain structure: A comprehensive phenotypic and genetic study of image-derived phenotypes in the UK Biobank // *Human Brain Mapping*. 2022a. Vol. 43, no. 17. <https://doi.org/10.1002/hbm.25993>
- Jamshidi J., Schofield P. R., Gatt J. M., Fullerton J. M. Phenotypic and genetic analysis of a wellbeing factor score in the UK Biobank and the impact of childhood maltreatment and psychiatric illness // *Translational Psychiatry*. 2022b. Vol. 12. P. 113. <https://doi.org/10.1038/s41398-022-01874-5>
- Keyes C. The mental health continuum: From languishing to flourishing in life // *Journal of Health and Social Research*. 2002. Vol. 43, no. 2. P. 207–222. <https://doi.org/10.2307/3090197>
- King M. L. The neural correlates of well-being: A systematic review of the human neuroimaging and neuropsychological literature // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2019. Vol. 19. P. 779–796. <https://doi.org/10.3758/s13415-019-00720-4>
- Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57, no. 6. P. 1069–1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>
- Ryff C. D., Singer B. Psychological well-being: Meaning, measurement, and implications for psychotherapy research // *Psychotherapy and Psychosomatics*. 1996. Vol. 65, no. 1. P. 14–23. <https://doi.org/10.1159/000289026>
- Ryff C. D., Singer B. The contours of positive human health // *Psychological Inquiry*. 1998. Vol. 9, no. 1. P. 1–28. https://doi.org/10.1207/s15327965pli0901_1
- Ryff C. D., Singer B. H., Dienberg Love G. Positive health: connecting well-being with biology // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2004. Vol. 359, no. 1449. P. 1383–1394. <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1521>
- Seligman M. E. P. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. New York: Free Press, 2011.
- Stephoe A., Deaton A., Stone A. A. Subjective wellbeing, health, and ageing // *The Lancet*. 2015. Vol. 385, no. 9968. P. 640–648. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)61489-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(13)61489-0)
- Urry H. L., Nitschke J. B., Dolski I., Jackson D. C., Dalton K. M., Mueller C. J., Rosenkranz M. A., Ryff C. D., Singer B. H., Davidson R. J. Making a life worth living: Neural correlates of well-being // *Psychological Science*. 2004. Vol. 15, no. 6. P. 367–372. <https://doi.org/10.1111/j.0956-7976.2004.00686.x>
- Watson D., Clark L. A., Tellegen A. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: the PANAS scales // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54, no. 6. P. 1063–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>

Контактная информация:

Реан Артур Александрович — д-р психол. наук, проф., академик РАО;
<https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, aa.rean@mpgu.su

Ставцев Алексей Андреевич — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>,
stavtsev.alex@yandex.ru

Шевченко Андрей Олегович — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-9118-2617>,
andreyshevchenkomsu@gmail.com

Кузьмин Роман Геннадьевич — <https://orcid.org/0000-0001-8851-5313>, romquz@gmail.com

Psychological well-being: a review of approaches to theoretical structure*

A. A. Rean, A. A. Stavtsev^a, A. O. Shevchenko, R. G. Kuzmin

Moscow Pedagogical State University,
1, ul. Malaya Pirogovskaya, Moscow, 119435, Russian Federation

For citation: Rean A. A., Stavtsev A. A., Shevchenko A. O., Kuzmin R. G. Psychological well-being: a review of approaches to theoretical structure. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN AKHLQU (In Russian)

This article presents a review of scientific approaches to the theoretical structure of psychological well-being of foreign and domestic authors. The relevance of the work is determined by the growing interest in the study of the problem field of psychological well-being of the individual on the part of the scientific community, administrative resources and society as a whole, which is also confirmed by numerous scientific studies and legislative acts. In the framework of the presented research, we have considered approaches to the interpretation and study of the theoretical structure of psychological well-being. The analysis of theoretical and empirical works of foreign and domestic researchers of psychological well-being of personality is presented. In addition, psychophysiological scientific research related to the study of physiological and functional state as an integral component of psychological well-being is considered. The relevance of the development of a unified operational construct of psychological well-being of personality as one of the most important directions of development of the specified problem field, which is reflected in the works of domestic researchers, is outlined.

Keywords: psychological well-being, subjective well-being, eudaemonic and hedonic well-being, positive psychology, neurostudies of psychological well-being.

References

- Bekuzarova, A. T. (2014). Psychological well-being as a subject of foreign and domestic studies. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniia*, 2, 16–25. (In Russian)
- Berridge, K. C., Kringelbach, M. L. (2011). Building a neuroscience of pleasure and well-being. *Psychology of Well-Being*, 1, 3. <https://doi.org/10.1186/2211-1522-1-3>
- Berzin, B. Yu. (2018). Psychological wellbeing of personality: the essence of the concept. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 24 (4), 74–81. (In Russian)

* The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00389, title of the project “Social psychological and systemic-physiological markers of mental well-being and prosocial behavior of young people”.

^a Author for correspondence.

- Borisov, G.I. (2020). Approaches to the study of psychological well-being. In: S.B.Malykh, T.N.Tikhomirova (eds). *Psikhologiya obrazovaniia: sovremnyi vektor razvitiia* (pp. 157–174). Ekaterinburg, UrFU Press. (In Russian)
- Davis, T. (2024). What is well-being? Definition, types, and well-being skills. *Psychology Today*, May 21. Available at: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/click-here-happiness/201901/what-is-well-being-definition-types-and-well-being-skills> (accessed: 24.02.2025).
- Deci, E.L., Ryan, R.M. (2006). Hedonia, eudaimonia, and well-being: an introduction. *Journal of Happiness Studies*, 9, 1–11. <https://doi.org/10.1007/s10902-006-9018-1>
- Denisova, E. G., Bovdvi, D. A., Gosteva, A. O. (2024). University staff well-being and various psychological aspects of their professional activity. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 19 (1), 114–129. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0108> (In Russian)
- Diener, E. D., Emmons, R. A., Larsen, R. J., Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49 (1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Diener, E., Kesebir, P., Lucas, R. (2008). Benefits of accounts of well-being — for societies and for psychological science. *Applied Psychology*, 57, 37–53. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2008.00353.x>
- Fesenko, P.P. (2005). *Meaningfulness of life and psychological well-being*. PhD dissertation (Psychology). Moscow. (In Russian)
- Fomina, O.O. (2016). The well-being of the personality: problems and approaches to research in the national psychology. *Mir nauki*, 4 (6). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN616.pdf> (accessed: 24.02.2025). (In Russian)
- Hernandez, R., Bassett, S. M., Boughton, S. W., Schuette, S. A., Shiu, E. W., Moskowitz, J. T. (2018). Psychological well-being and physical health: Associations, mechanisms, and future directions. *Emotion Review*, 10 (1), 18–29. <https://doi.org/10.1177/1754073917697824>
- Ilyin, E. P. (2005). *Psychophysiology of human conditions*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Isaeva, O.M., Akimova, A. Yu., Volkova, E.N. (2022). PERMA-Profil: the Approbation of the Russian Version. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, 13 (3), 116–133. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130308> (In Russian)
- Jamshidi, J., Park, H., Montalto, A., Fullerton, J., Gatt, J. (2022a). Wellbeing and brain structure: A comprehensive phenotypic and genetic study of image-derived phenotypes in the UK Biobank. *Human Brain Mapping*, 43 (17). <https://doi.org/10.1002/hbm.25993>
- Jamshidi, J., Schofield, P.R., Gatt, J.M., Fullerton, J.M. (2022b). Phenotypic and genetic analysis of a wellbeing factor score in the UK Biobank and the impact of childhood maltreatment and psychiatric illness. *Translational Psychiatry*, 12, 113. <https://doi.org/10.1038/s41398-022-01874-5>
- Karapetyan, L. V. (2017). The study of well-being in Russian psychology. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P.Astaf'eva*, 2 (40), 132–137. (In Russian)
- Keyes, C. (2002). The mental health continuum: From languishing to flourishing in life. *Journal of Health and Social Research*, 43 (2), 207–222. <https://doi.org/10.2307/3090197>
- Khrapko, A.M. (2023). Psychological and subjective well-being as a subject of scientific analysis in psychological science. *Obrazovatel'nyi protsess*, 1 (28), 28–32. (In Russian)
- King, M.L. (2019). The neural correlates of well-being: A systematic review of the human neuroimaging and neuropsychological literature. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 19, 779–796. <https://doi.org/10.3758/s13415-019-00720-4>
- Leontiev, D.A., Osin, E.N., Rykun, A.Yu., Dymshits, M.N., Kosheleva, N.V., Sukhushina, E.V. (2024). Diversity of leisure behavior and personality potential as predictors of psychological well-being. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (6), 75–98. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2524> (In Russian)
- Mel'nik, Yu. I., Kolesnikov, Yu. I. (2018). *Psychological well-being*. Petrozavodsk, PetrSU Publ. (In Russian)
- Orlova, D.G. (2015). Psychological and subjective well-being: definition, structure, researches (review of current publications). *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 1, 28–36. (In Russian)
- Panyukova, Yu. G., Panina, E.N., Bolaeva, G.B. (2017). Problems and prospects of studying the phenomenon of well-being in domestic psychology. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 12, 58–62. <https://doi.org/10.24158/spp.2017.12.12> (In Russian)
- Pavlotskaya, Ya. I. (2016). *Psychological well-being and socio-psychological characteristics of personality: monograph*. Volgograd, Volgogradskii institut upravleniya — filial RANKhiGS Publ. (In Russian)

- Rean, A. A., Stavtsev, A. A., Kuzmin, R. G. (2021). Positive psychology approach as a factor of stimulating psychological well-being and reducing the risks of professional burnout of a teacher. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*, 3 (4), 461–473. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-461-473> (In Russian)
- Rean, A. A., Stavtsev, A. A., Kuzmin, R. G. (2022). Strengths of the personality in the VIA model as a mediator of psychological well-being in professional activities. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2 (46), 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0203> (In Russian)
- Rean, A. A., Stavtsev, A. A., Kuzmin, R. G. (2023). *Positive psychology and pedagogy*. Moscow, MPGU. (In Russian)
- Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57 (6), 1069–1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>
- Ryff, C. D., Singer, B. (1996). Psychological well-being: Meaning, measurement, and implications for psychotherapy research. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 65 (1), 14–23. <https://doi.org/10.1159/000289026>
- Ryff, C. D., Singer, B. (1998). The contours of positive human health. *Psychological Inquiry*, 9 (1), 1–28. https://doi.org/10.1207/s15327965pli0901_1
- Ryff, C. D., Singer, B. H., Dienberg Love, G. (2004). Positive health: connecting well-being with biology. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 359 (1449), 1383–1394. <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1521>
- Seligman, M. E. P. (2011). *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being*. New York, Free Press.
- Skorynin, A. A. (2020). To the problem of structure of psychological well-being of personality. *Gumanitarnye issledovaniia. Pedagogika i psikhologiya*, 2, 90–97. <https://doi.org/10.24411/2712-827X-2020-10210> (In Russian)
- Stephoe, A., Deaton, A., Stone, A. A. (2015). Subjective wellbeing, health, and ageing. *The Lancet*, 385 (9968), 640–648. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)61489-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(13)61489-0)
- Tikhomirova, T. N., Basyuk, V. S., Ismatullina, V. I., Zinchenko, E. V., Matyash, N. V., Ovsyannikova, O. A., Pilipenko, S. A., Ponikarova, I. D., Sakharova, T. N., Sluch, N. A., Malykh, S. B. (2024). Well-being and educational outcomes across student with different university admission strategies. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 29 (6), 35–53. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290603> (In Russian)
- Urry, H. L., Nitschke, J. B., Dolski, I., Jackson, D. C., Dalton, K. M., Mueller, C. J., Rosenkranz, M. A., Ryff, C. D., Singer, B. H., Davidson, R. J. (2004). Making a life worth living: Neural correlates of well-being. *Psychological Science*, 15 (6), 367–372. <https://doi.org/10.1111/j.0956-7976.2004.00686.x>
- Vesna, E. B., Shiryaeva, O. S. (2009). Psychological well-being of a person in extreme natural and climatic conditions. *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2 (8), 31–41. (In Russian)
- Vodyakha, S. A. (2012). Modern conceptions of the individual psychological prosperity. *Diskussiya*, 2, 132–138. (In Russian)
- Volkova, E. N., Sorokoumova, G. V. (2024). Psychological criteria of adolescent well-being in the context of digital socialization. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, 15 (2), 12–27. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150202> (In Russian)
- Voronina, A. V. (2005). The problem of mental health and human wellbeing. Concept overview and experience of level-structure analysis. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 21, 142–147. (In Russian)
- Watson, D., Clark, L. A., Tellegen, A. (1988). Development and validation of brief measures of positive and negative affect: the PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54 (6), 1063–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>
- Zhukovskaya, L. V., Troshikhina, E. G. (2011). K. Ryff's scale of psychological well-being. *Psikhologicheskii zhurnal*, 32 (2), 82–93. (In Russian)
- Zinchenko, V. P., Meshcheryakov, B. G. (2009). *Big psychological dictionary*. Moscow, AST Publ. (In Russian)
- Zotova, O. Yu. (2017). *Psychological well-being: a monograph*. Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet. (In Russian)

Received: February 28, 2025

Accepted: July 3, 2025

Authors' information:

Arthur A. Rean — Dr. Sci. in Psychology, Academician of the Russian Academy of Education, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, aa.rean@mpgu.su

Alexey A. Stavtsev — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>, stavtsev.alex@yandex.ru

Andrey O. Shevchenko — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-9118-2617>, andreyshevchenkomsu@gmail.com

Roman G. Kuzmin — <https://orcid.org/0000-0001-8851-5313>, romquz@gmail.com

Модель двойного процесса совладания с утратой: теория и практика

А. С. Зазимко^а, Е. А. Бурина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Зазимко А. С., Бурина Е. А. Модель двойного процесса совладания с утратой: теория и практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN DDFIFP

Данная статья представляет собой теоретический анализ модели двойного процесса совладания с утратой, разработанной М. Струб и Х. Шутом. В статье дана краткая характеристика психологии горя и утраты как научной области и основных теоретических подходов к пониманию данных понятий. Описаны предпосылки создания модели двойного процесса совладания с утратой, а также ее теоретические основания. Подробно рассмотрены ключевые компоненты модели: утрато-ориентированное совладание, восстановительно-ориентированное совладание, а также процесс их чередования (осцилляции). Показано развитие модели от первой версии, включавшей лишь разделение видов совладания, к более поздним дополнениям, где были проведены: анализ когнитивной составляющей совладания с утратой и интеграция в модель концепции смысловой реконструкции Р. Неймаера; включение в модель семейного контекста горевания, выделение интер- и интраперсонального уровней совладания с утратой; создание концепции перегрузки (overload) и выделение четырех типов перегрузки (утрато-ориентированная; восстановительно-ориентированная; вызванная двойной ориентацией совладания; вызванная повседневными жизненными стрессорами). Рассмотрены исследования, подтверждающие применимость модели для описания процессов горевания и совладания с утратой с учетом различных культурных и социальных аспектов, включая пандемию COVID-19. Представлены основные направления практического применения модели: групповые и индивидуальные интервенции, а также онлайн-программы. Описан ряд психодиагностических методик, основанных на модели, и наиболее подробно рассмотрена одна из них — Опросник повседневной жизни вдовы(-ца) (IDWL), перевод на русский язык и первичная апробация которого была проведена авторами статьи. Также представлен дизайн исследования, реализуемого авторами в рамках модели двойного процесса совладания с утратой на российской выборке. Целью исследования является изучение особенностей совладания с утратой романтического партнера. Дизайн исследования носит лонгитюдный характер и предполагает серию замеров в период от 3 месяцев до 1,5 лет с момента утраты.

Ключевые слова: модель двойного процесса совладания с утратой, горе, горевание, совладание с утратой, опросник повседневной жизни вдовы/вдовца, психологическое вмешательство.

^а Автор для корреспонденции.

Введение

Утрата близкого человека является одним из тяжелейших жизненных испытаний. Как бы ни хотелось этого избежать, в жизни каждого наступает момент, когда приходится с ней столкнуться и пройти через сложный, затрагивающий все сферы жизни процесс переживания утраты. Поэтому совсем не удивительно, что тема горевания волнует человечество уже долгие годы, не теряя при этом своей значимости. События последних пяти лет еще раз продемонстрировали всему миру, насколько утрата актуальна: нет практически ни одной страны, которую бы не затронула глобальная пандемия, унесшая более шести миллионов жизней (Msemburi et al., 2023; Kumar, 2023), так же как и значительное число кризисных ситуаций и геополитических конфликтов. Вместе с тем психологию утраты и горевания все еще можно охарактеризовать как малоизученную, хоть и стремительно развивающуюся область исследований как в зарубежной, так и в отечественной науке (Заманаева, 2007; Pearce, Pearce, 2019).

В рамках психологии изучение утраты активно началось в конце XIX — начале XX в. В начале XIX в. Б. Раш (B. Rush) опубликовал работу «Медицинские исследования и наблюдения за заболеваниями психики», в которой описал сопутствующие переживанию утраты эмоциональные и физические симптомы (потерю памяти, афазию, лихорадку и др.), а также предложил способы преодоления этого состояния: плач, применение опиума, кровопускание. Чарльз Дарвин упоминает горевание в своих трудах, описывая различные формы течения горя и уделяя внимание их этиологии (Granek, 2010). Однако считается, что первым к изучению горя в том виде, в котором оно понимается современной наукой, подошел З. Фрейд (S. Freud). Он и его последователи описывают горе как проблему отрыва психической энергии от человека, недоступного для прежних форм отношений, и сублимации ее в другие сферы жизни. Горевание изучалось и в рамках теории привязанности (Дж. Боулби (J. Bowlby), М. Кляйн (M. Klein)). Ее сторонники понимают горе как переживание потери объекта привязанности и, следовательно, концентрируют внимание на связи этого процесса с младенческим опытом переживания потерь, связанных с матерью (Боулби, 2004). Наиболее широко известными являются стадийные подходы к пониманию горевания: теории Э. Кюблер-Росс (E. Kübler-Ross), Э. Линдемманна (E. Lindemann) и др. В последние 30 лет было разработано множество теорий, предлагающих уникальный взгляд на то, что собой представляет переживание утраты. К ним можно отнести теорию горя как постепенного решения психологических задач У. Дж. Уордена (W. J. Worden), теорию двухуровневого переживания утраты Э. Пренд (A. Prend), двустороннюю модель тяжелой утраты (Two-Track Model of Bereavement) Ш. Рубина (Sh. Rubin), концепцию горя как процесса смысловой реконструкции Р. Неймайера (R. Neimeyer), модель инкрементального горя А. Кука (A. Cook) и К. Олтjenбрунса (K. Oltjenbruns) и модель двойного процесса совладания с утратой М. Струуб (M. Stroebe) и Х. Шута (H. Schut), которая более подробно описана в данной статье (Worden et al., 2018; Rubin, 1981; Neimeyer, 2005; Cook, Oltjenbruns, 1998). Среди отечественных исследователей стоит выделить Ф. Е. Василюка и Ю. В. Заманаеву, чьи авторские концепции горевания в значительной мере определяют современное понимание переживания утраты (Василюк, 1991; Заманаева, 2007).

Исторически сложившееся многообразие подходов к пониманию утраты и горевания приводит к существованию в современной отечественной и зарубежной науке ряда близких по смыслу понятий. Часть авторов дифференцируют их значения, часть же употребляет их как синонимичные. Так, в публикациях на английском языке встречаются: *grieving*, *bereavement*, *mourning*, *coping with loss*. Первое понятие наиболее по значению близко к понятию «горевание», второе характеризует тяжелую утрату, третье — скорбь, а четвертое — совладание с утратой (Sharipo, 2023).

Предпосылки возникновения модели двойного процесса совладания с утратой

Разнообразие подходов к пониманию утраты ставит перед каждым из исследователей задачу их изучения и сопоставления с целью выбора или формирования собственного взгляда на процесс горевания. В 1999 г., проведя анализ существовавших на тот момент концепций горевания, М. Строуб выделила несколько ограничений этих подходов:

1. Большинство теорий не подходило к совладанию с утратой комплексно, а рассматривали этот процесс как поочередное преодоление ряда стрессоров.
2. Большинство теорий рассматривали переживание утраты как исключительно внутриличностный процесс, не учитывая взаимодействие с другими людьми.
3. Отсутствие данных о том, как изменяется протекание процесса переживания утраты в разных культурах и в зависимости от гендерных различий (Fiore, 2021).

Ответом на эти ограничения явилась модель двойного процесса совладания с утратой. Ее теоретической основой послужили когнитивная теория стресса Р.Лазаруса (R. Lazarus) и С.Фолкман (S. Folkman), концепция синдрома реакции на стресс (Stress Response Syndrome) М.Горовица (M. Horowitz), двусторонняя модель тяжелой утраты (Two-Track Model of Bereavement) Ш.Рубина, теория У.Дж. Уордена и модель инкрементального горя (Model of Incremental Grief) А. Кука и К. Олтьенбрунса.

Авторы модели двойного процесса совладания с утратой

М. Строуб с первой половины 1980-х гг. исследует гендерные особенности горевания (психоэмоциональное состояние и особенности здоровья вдов и вдовцов), в том числе с целью выделения факторов, способствующих более высокой смертности людей, переживающих утрату супруга или супруги (Stroebe et al, 1980; Stroebe et al., 1982; Stroebe, Stroebe, 1983; Stroebe, 1994). Именно эти данные впоследствии послужат основанием для разработки модели двойного процесса совладания с утратой (Dual Process Model of coping with loss; DPM), продемонстрировав важность процессов, впоследствии объединенных термином «совладание, ориентированное на восстановление» (Stroebe, 1998).

В 1999 г. М. Строуб в совместной работе с Х. Шутом, признавая, что изначально модель была разработана для понимания того, как люди справляются со смер-

тью романтического партнера, предполагает, что она может быть перенесена и на другие виды утрат (Stroebe, Schut, 1999). С того момента и до настоящего времени М. Строб и Х. Шут активно занимаются исследовательской деятельностью, направленной на дополнение и развитие модели, а также принимают участие в адаптации полученных результатов для практической деятельности (Stroebe, Schut 2010; Stroebe, Schut, 2021; Stroebe, Schut, 2023). В данный момент оба ученых являются профессорами отделения клинической психологии факультета социальных наук Утрехтского университета (Нидерланды), а также ведут научную и преподавательскую деятельность в ряде других организаций.

История создания и развития модели

Модель двойного процесса совладания с утратой была разработана М. Строб в конце 1990-х гг., после чего сам автором и ее коллеги дополняли ее на протяжении 30 лет. Для наиболее полного понимания, что собой представляет данная модель, целесообразным является последовательное рассмотрение каждой из ее версий.

Первая версия модели. Основу модели представляют два вида совладания: совладание, ориентированное на утрату (loss-oriented (LO) coping), и совладание, ориентированное на восстановление (restoration-oriented (RO) coping). Третьим компонентом модели является процесс осцилляции, заключающийся в посменном применении стратегий обоих типов.

Копинг, ориентированный на утрату, включает в себя:

- собственно работу горя;
- мысли об умершем, жизни с ним и самом событии утраты;
- проживание острых эмоциональных переживаний;
- трансформацию отношений с умершим;
- отрицание и избегание изменений, направленных на восстановление.

Копинг, ориентированный на восстановление, направлен на совладание со вторичными источниками стресса. К нему относятся:

- адаптация к изменениям в жизни;
- занятия чем-то новым;
- отвлечение, отрицание и избегание горя;
- принятие новых ролей и идентичностей;
- формирование новых связей и отношений.

Осцилляция, являющаяся одним из ключевых процессов данной теории, позволяет утратившему чередовать конфронтацию (то есть активное горевание) и избегание горя, что подчеркивает постепенный характер адаптации. Осцилляция описывает баланс между потерями в результате утраты близкого и приобретениями в результате позитивных изменений. Наглядно описанная ранее структура представлена на данном рисунке (рис. 1).

Вторая версия модели. В 2001 г. модель была дополнена. Предпосылкой для этого явилось стремление исследователей определить более сложные когнитивные процессы, лежащие в основе структуры уже имеющейся модели с целью более точного прогнозирования влияния процессов избегания и конфронтации, сопровождающих совладание с утратой. Интегрировав в свою модель идеи Р. Неймайера

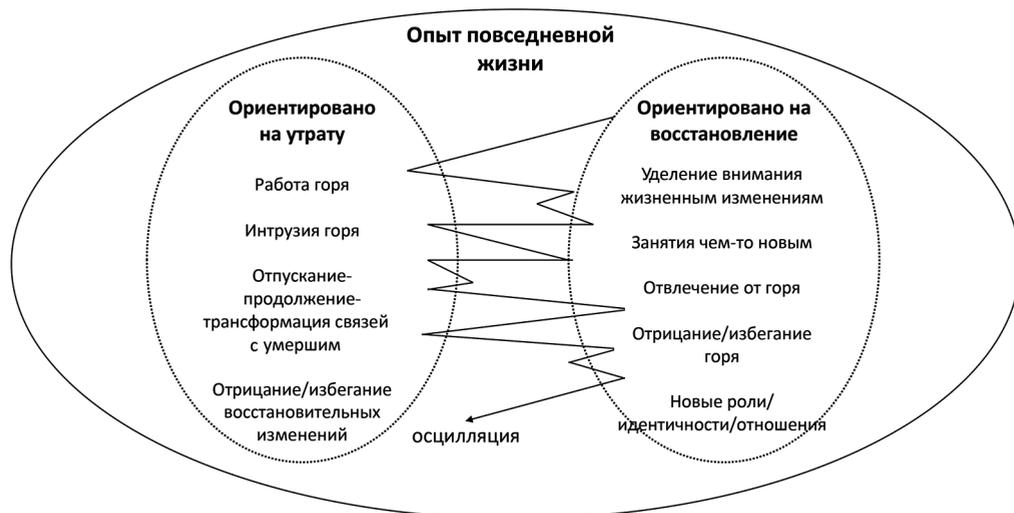

Рис. 1. Модель двойного совладания с утратой, первая версия
 Источник: Stroebe, Schut, 1999

о смысловой реконструкции, а также результаты исследований ряда коллег, изучавших когнитивные аспекты горевания (С. Нолен-Хексема (S. Nolen-Hoeksema), Б. Джексон (B. Jackson); Л. Каппс (L. Carps), Дж. А. Боннано (G. A. Bonanno)), авторы описали позитивные и негативные составляющие, относимые к каждому из видов копинга, способствующие адаптации и дезадаптации соответственно. Так, с положительной коннотацией были выделены:

- положительная переоценка;
- конструктивно пересмотренные цели;
- позитивная переоценка событий;
- экспрессия позитивного аффекта.

С негативной же:

- руминация и магическое мышление;
- неконструктивно переосмысленные цели;
- негативная переоценка событий и проявления дисфории.

Между ними также наблюдаются процессы осцилляции (Stroebe, Schut, 2001) (рис. 2).

Третья версия модели. Эта версия ставит перед собой задачу объединить интер- и интраперсональные подходы к пониманию горевания. В связи с этим для каждого из видов совладания были выделены индивидуальный и семейный уровни совладания (обновленная структура модели отражена в таблице). Авторы отмечают, что семейное совладание, как и индивидуальное, может оказывать и позитивное, и негативное влияние на горюющего — таким образом, данная версия модели сохраняет идеи предыдущей. Отдельное внимание уделяется влиянию сочетания этих уровней в совладании на адаптацию горюющего (Stroebe, Schut, 2015).

Рис. 2. Модель двойного совладания с утратой, вторая версия

Источник: Stroebe, Schut, 2001

Индивидуальный и семейный уровни модели двойного совладания с утратой

Копинг, ориентированный на утрату		Копинг, ориентированный на восстановление	
индивидуальный уровень	семейный уровень	индивидуальный уровень	семейный уровень
Принятие реальности утраты	Семейное принятие реальности утраты	Принятие реальности изменившегося мира	Принятие реальности изменившегося мира семьи
Переживание боли утраты	Совместное переживание боли утраты с членами семьи	Отвлечение от боли утраты	Отвлечение от утраты на уровне семьи, не связанные с утратой взаимодействия
Адаптация к жизни без умершего	Приспособление семьи к реальности без умершего	Освоение в субъективно изменившейся среде	Семейная адаптация: изменения в текущей жизни семьи и отношениях
Трансформация эмоциональной связи с умершим	Трансформация связи с умершим в рамках семейного контекста	Развитие в новых ролях и идентичностях, формирование новых отношений	Дальнейшая жизнь семьи с новыми ролями отношений

Четвертая версия модели. Наконец, в 2016 г. была опубликована последняя модификация модели, в которой авторы ввели понятие перегрузки (overload) — чувства переживающего утрату, что он не способен справляться, вызванного слишком большим количеством деятельности, событий, переживаний или других стрессоров. Таким образом, перегрузка (overload) в интерпретации М. Стробе и Х. Шута — более широкое понятие, чем bereavement overload, которое обычно подразумевает потерю более чем одного близкого в течение короткого времени.

Рис. 3. Классификация перегрузки

Источник: Stroebe, Schut, 2016

Перегрузка наступает в момент, когда горящий одновременно справляется с несколькими стрессорами и может испытывать конфликт между ними — ощущение, что нужно заниматься чем-то другим при попытке справиться с конкретным стрессором. Авторы предлагают классифицировать перегрузку на основании того, какими стрессорами она вызвана, и, исходя из этого, выделяют четыре вида перегрузки:

- 1) уtrato-ориентированная (loss-oriented overload);
- 2) восстановительно-ориентированная (restoration-oriented overload);
- 3) вызванная двойной ориентацией совладания (dual-orientation overload);
- 4) вызванная повседневными жизненными стрессорами (everyday life stressors overload) (рис. 3).

Авторы отмечают, что перегрузка может не только быть причиной подавленности, тревоги и снижения способности справляться со стрессорами, но и в конечном итоге стать фактором, способствующим формированию у горящего психической и психосоматической патологии (например, выгорания, осложненного горя, ПТСР и др.) или ухудшению клинической картины уже имеющихся расстройств. В качестве совладания с перегрузкой предлагается не осцилляция (как возможная причина его наступления), а обращение за социальной поддержкой, открытость в отношении своих нужд и потребностей (Stroebe, Schut, 2016).

Модель двойного процесса совладания с утратой: 20 лет спустя. М. Струоб и Х. Шут с момента публикации первой версии модели двойного процесса совладания с утратой постоянно вели работу по ее проверке и развитию, что дало три существенных дополнения, рассмотренных в предыдущих подразделах. Важно отме-

тить, что каждая следующая версия не отрицала предыдущих компонентов модели, а дополняла их, повышая точность описания процессов совладания с утратой и корректность прогнозирования состояния горящего при помощи модели. Далее представлено наиболее полное на данный момент описание модели двойного процесса совладания с утратой, объединяющее все четыре версии, опубликованные авторами.

Основой модели являются две группы процессов совладания: совладание, ориентированное на утрату, и совладание, ориентированное на восстановление. Копинги первого типа направлены на первичные стрессоры, вызванные непосредственно самим фактом утраты близкого человека. Копинги второго типа позволяют адаптироваться к изменившимся условиям жизни, новым задачам, ролям и отношениям. Каждая из этих групп может быть представлена как на интраперсональном (индивидуальном), так и на интерперсональном (семейном) уровне. Когнитивные компоненты совладания обоих видов могут носить позитивный (способствующий адаптации) и негативный (способствующий дезадаптации) характер.

Человек, переживающий утрату, постоянно переключается между совладанием, ориентированным на утрату, и совладанием, ориентированным на восстановление. Этот процесс называется осцилляцией. Если количество стрессоров, с которыми горящему приходится справляться, становится слишком большим, то возможно наступление состояния истощения и ощущения невозможности справиться со всем, конфликта между стрессорами — перегрузка (*overload*). Наиболее эффективным способом совладания с перегрузкой считается обращение за социальной поддержкой, открытость в отношении своих нужд и потребностей.

Факторами, способствующими адаптации горящего, считаются: осцилляция (чередование совладания, ориентированного на утрату, и совладания, ориентированного на восстановление); сочетание совладания на интраперсональном (индивидуальном) и интерперсональном (семейном) уровнях; предпочтение копингов, содержащих позитивный смысловой компонент; открытость в отношении своих нужд и потребностей, позволяющая получить подходящую социальную поддержку и избежать перегрузки.

За более чем 20 лет, прошедших с момента ее создания, модель двойного процесса совладания с утратой стала одной из ведущих мировых концепций, описывающих процессы горевания и совладания с утратой. На ее основе были разработаны специальные методы психологической помощи переживающим утрату. Сама модель широко применяется в качестве концептуальной основы различных исследований, направленных на изучение горевания. В следующих разделах будут рассмотрены результаты исследований, изучавших корректность и точность модели, а также описаны некоторые практические инструменты, в основе которых лежит теория М. Струуб и Х. Шута.

Исследования достоверности модели двойного процесса совладания с утратой

Модель двойного процесса совладания с утратой является одной из наиболее известных теорий горевания последних лет. Ее изучением занимаются ученые по всему миру, проводятся исследования и организуются конференции, посвященные проверке положений модели и ее совершенствованию (Larsen et al., 2025; Carr,

2010). Как отдельное направление таких исследований можно выделить изучение применимости модели двойного процесса совладания с утратой в условиях пандемии COVID-19 (O'Connor, Hybholt, 2020; Doering, Eisma, 2022; Palm et al., 2023). Несмотря на это, на данный момент был опубликован только один достаточно полный метаанализ, рассматривающий вопросы, насколько точно модель двойного процесса преодоления тяжелой утраты отражает процессы горевания и являются ли вмешательства, основанные на этой модели, более эффективными, чем традиционная терапия горя. Авторы обнаружили 474 статьи, содержание которых отвечало поставленному вопросу. В связи с критериями включения и исключения (более подробно с критериями можно ознакомиться на графике, представленном далее) было отобрано 86 статей для полнотекстового обзора. Все они были рассмотрены как основным исследователем, так и тремя дополнительными рецензентами, при этом расхождения определялись путем обсуждения для достижения группового консенсуса. Наконец, в результате последнего этапа отбора было выделено 22 статьи, тестирующих модель и основанные на ней вмешательства (рис. 4).

На основе анализа результатов 10 исследований, тестировавших модель, авторы приходят к заключению, что модель двойного процесса совладания с утратой способна точно отражать переживание утраты и может быть использована для понимания того, как люди, переживающие утрату, справляются с ней. Данные подтверждают гипотезу о том, что гибкость в использовании как совладания, ориентированного на утрату, так и совладания, ориентированного на восстановление, может способствовать адаптивности процессов переживания утраты и совладания с ней. Вместе с тем адаптивность процессов осцилляции и однозначно положительный характер данного феномена ставятся под вопрос и требуют дополнительного изучения.

Оставшиеся 12 исследований были посвящены изучению эффективности вмешательств, основанных на модели двойного процесса совладания с утратой. Их анализ привел к более противоречивым результатам: несмотря на то что результаты отдельных исследований подтверждают эффективность оцениваемых интервенций, в связи с разнообразием представленных вмешательств и различий в используемых инструментах исследований формирование единого обобщающего вывода не представляется возможным без дальнейшего изучения данного вопроса. Таким образом, наиболее перспективными направлениями дальнейших исследований в рамках проверки модели двойного процесса совладания с утратой авторы считают изучение адаптивности процессов осцилляции и более систематичное изучение разработанных на основе модели методов психологического вмешательства (Fiore, 2021). Отдельно стоит отметить, что в рамках отечественной психологической науки на данный момент не было проведено ни одного исследования, целью которого являлась бы проверка положений модели двойного процесса совладания с утратой.

Психологические вмешательства, основанные на модели двойного процесса совладания с утратой

Модель двойного совладания с утратой служит теоретическим основанием для ряда различных психологических интервенций, направленных на помощь людям, переживающим утрату. В данном разделе приведены примеры использования модели в групповой и индивидуальной работе с такими людьми.

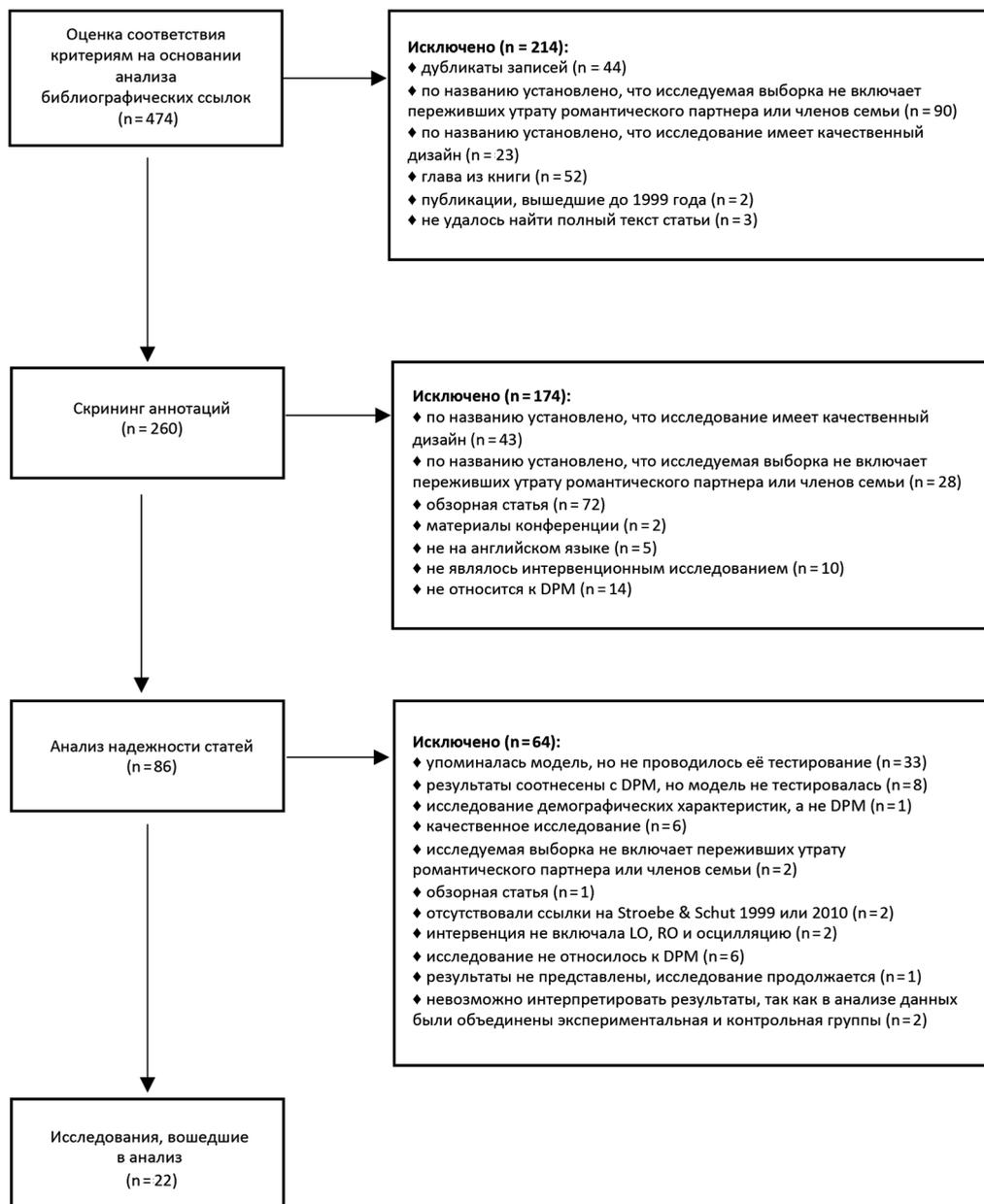

Рис. 4. Этапы отбора данных для анализа

Источник: Fiore, 2021

Наиболее известной является программа «Жизнь после потери» (Living after loss), разработанная и проводимая М. С. Казертой (M. S. Caserta), Д. А. Лундом (D. A. Lund) и коллегами. «Жизнь после потери» — 14-недельная группового вмешательства, целью которой является обучение переключению между совладанием, ориентированным на утрату, и совладанием, ориентированным на

восстановление. Основные отличия от традиционной группы поддержки горюющих авторы программы видят в информировании участников группы об особенностях совладания с утратой в рамках модели двойного процесса совладания и акценте на обоих видах совладания, а не только на совладании, ориентированном на утрату. Для достижения поставленных целей половина встреч в интервенции посвящена обсуждению вопросов совладания, ориентированного на восстановление. Темы, связанные с утратой, и темы, связанные с восстановлением, чередуются еженедельно, чтобы имитировать процесс осцилляции. Ведущие группы информируют, а также обучают участников навыкам и компетенциям, основанным на ресурсах, связанных с заранее определенным набором тем. На занятиях, посвященных восстановлению, обсуждаются темы, связанные с постановкой целей и личными приоритетами, уходом за собой и здоровьем, финансами и юридическими вопросами, домашним хозяйством и транспортными средствами, сохранением социальных связей. Сессии, ориентированные на утрату, включают в себя обсуждение таких тем, как «одиночество», «физические ощущения и когниции, связанные с горем», «тоска по умершему» и «поддержание постоянных связей с ним/с ней» (Caserta et al., 2009; Caserta et al., 2010; Lund et al., 2010; Utz et al., 2013). Дальнейшее развитие данной программы привело к созданию групповой интервенции двух-процессного горевания (Dual-Process Bereavement Group Intervention; DPBGI) и ее адаптации на китайской выборке (DPBGI-C). Исследование эффективности этого подхода показало, что DPBGI-C имел более высокий и длительный терапевтический эффект, чем традиционные методы, особенно в снижении уровня тревожности и переживания одиночества (Chow et al., 2019; Yu et al., 2024).

Другой формой групповой интервенции, основанной на модели двойного процесса совладания с утратой, является арт-терапевтическая группа, описанная Б. МакГиннесом (B. McGuinness), Н. Финукейн (N. Finucane) и А. Робертс (A. Roberts). Занятия, состоящие из психообразовательного и творческого компонентов, проводятся на протяжении 8 недель. Каждое из них посвящено определенной теме и помогает горюющим чередовать совладание, ориентированное на утрату, и совладание, ориентированное на восстановление (McGuinness et al., 2015).

К видам индивидуальной работы, основанной на теории М. Струоб и Х. Шута, относят Протокол терапии осложненного горя (Complicated Grief Therapy protocol) и интервенцию «Поиск баланса» (Finding Balance Intervention). Протокол терапии осложненного горя состоит из 24 индивидуальных сессий, разделенных на три фазы: вводную, среднюю и завершающую. На вводном этапе терапевт предоставляет информацию о нормальном и осложненном горе, а также описывает модель двойного процесса совладания с утратой. Во время средней фазы терапевт уделяет внимание обоим видам совладания, а также процессам осцилляции. Фаза завершения же посвящена анализу прогресса, планам на будущее и чувствам по поводу прекращения лечения (Shear et al., 2005).

Интервенция «Поиск баланса» (Finding Balance Intervention) предполагает ведение дневника в соответствии со специальными подсказками и заданиями в течение двух недель. Этот процесс сопровождается открытыми вопросами со стороны медицинского персонала, проводящего интервенцию. Задания для дневника разделены на три блока: «Хождение по тонкой грани» (осцилляция), «Глубокое переживание» (совладание, ориентированное на утрату) и «Движение вперед» (совла-

дание, ориентированное на восстановление) (Holtlander et al., 2016; Holtlander, 2019).

Стоит также обратиться к онлайн-программам, разработанным на основе модели двойного процесса совладания. Программа «Исцеление горя» (Healing Grief) включает в себя психообразование, техники когнитивно-поведенческой терапии и экспрессивное письмо. Она рассчитана на 6 недель и состоит из 6 модулей по 2 сессии: одной, посвященной совладанию, ориентированному на утрату, и одной — совладанию, ориентированному на восстановление (Tang et al., 2024). Другая онлайн-программа, опирающаяся на модель двойного процесса совладания, — LIVIA. Она состоит из 10 модулей, включающих в себя психообразовательные материалы, упражнения на осознание чувств, письменные задания и техники планирования будущего. В программе чередуются модули, направленные на утрату, и модули, направленные на восстановление. Исследования эффективности данной программы выявляют у ее участников снижение симптомов горя, тревоги и депрессии; повышение навыков эмоциональной саморегуляции; повышение уверенности в способности справиться с утратой (coping self-efficacy) (Brodbeck et al., 2022).

Во всех рассмотренных психологических вмешательствах делается акцент на обучении горящих совладанию обоих видов и повышении уровня осцилляции. Вместе с тем ни в одном из них в полной мере не учтены дополнения модели: позитивные и негативные когнитивные компоненты, представленность совладания на интраперсональном (индивидуальном) и интерперсональном (семейном) уровнях, перегрузка и навыки открытости в отношении своих нужд и потребностей. Эффективность различных психологических вмешательств в сравнении с другими формами психологической поддержки переживающих утрату также остается практически неизученной, а имеющиеся результаты нельзя назвать однозначными (Maass et al., 2022).

Опросник повседневной жизни вдовы(-ца)

Для оценки компонентов модели двойного процесса совладания с утратой были разработаны несколько методик:

- опросник двойного совладания (Dual Coping Inventory);
- шкала стрессоров, ориентированных на восстановление (Restoration-Oriented Stressors Inventory; ROSI);
- опросник диадического копинга при утрате (Bereavement Dyadic Coping Questionnaire; BDCQ);
- опросник повседневной жизни вдовы(-ца) (Inventory of Daily Widowed Life; IDWL).

Первая методика направлена на оценку выраженности совладания, ориентированного на утрату, и совладания ориентированного на восстановление, у родителей, столкнувшихся с утратой ребенка. Опросник двойного совладания состоит из 7 утверждений (3 ориентированы на утрату, 4 — на восстановление), оцениваемых по пятибалльной шкале (Meij et al., 2008). Широкого распространения данная методика не получила.

Вторая методика — ROSI, предназначена для оценки выраженности в жизни утратившего стрессоров, связанных с необходимостью адаптации к жизни без

умершего. Она состоит из 20 утверждений, отражающих возможные стрессовые ситуации. Каждое из них оценивается по двум шкалам: присутствие этой ситуации и степень воспринимаемого стресса, вызванного данной ситуацией (Eisma et al., 2022).

Опросник диадического копинга при утрате является первым инструментом, позволяющим количественно оценить то, как совладающее поведение может быть представлено на интерперсональном (семейном) уровне. Он состоит из 25 пунктов, разделенных на 4 шкалы: прямое совладание, ориентированное на утрату (Direct Loss-Oriented Coping); косвенное совладание, ориентированное на утрату (Indirect Loss-Oriented Coping); совладание, ориентированное на восстановление (Restoration-Oriented Coping), совместный копинг (Collaborative Coping) (Jiao, Chow, 2025).

Наибольший исследовательский интерес представляет опросник повседневной жизни вдовы(-ца), разработанный и опубликованный М. Казертой и Д. Лундом в 2007 г. Он направлен на оценку склонности горюющего использовать совладание, направленное на утрату, и совладание, направленное на восстановление, а также уровня осцилляции. Методика состоит из 22 вопросов: по 11 на каждую из двух шкал. Респонденту предлагается оценить утверждения по шкале от 1 до 4 баллов («1» — редко или никогда, «4» — почти всегда), исходя из того, как часто он был занят данной деятельностью в течение последней недели. Для оценки результатов производится подсчет суммы баллов по каждой шкале. Показатель осцилляции определяется по разнице баллов шкалы совладания, ориентированного на восстановление, и шкалы совладания, ориентированного на утрату. Чем ближе полученное значение к нулю, тем о более высоком уровне осцилляции можно говорить (Caserta, Lund, 2007). Авторы оригинальной методики описывали допустимость ее применения не только для супружеского горя. В 2020 г. текст методики был адаптирован для ситуаций утраты близкого, данный вариант методики назван «опросником повседневной жизни утратившего» (IDBL) (Marcon, 2020).

До настоящего времени опросник повседневной жизни вдовы(-ца) не был переведен на русский язык и, следовательно, не был адаптирован на отечественной выборке. Авторами данной статьи начат этот процесс: реализован двойной перевод опросника двумя независимыми переводчиками, разработан русскоязычный вариант инструкции, подготовлен стимульный материал и бланк ответов. Перед проведением процедур первичной апробации опросника было получено официальное разрешение авторов на перевод и использование методики.

Заключение

Модель двойного процесса совладания с утратой небезосновательно признана одной из ведущих теоретических концепций в области психологии горевания, многогранно и точно отражающей процессы, сопровождающие период переживания смерти близкого человека. Вместе с тем изначальная гипотеза авторов о позитивном влиянии процессов осцилляции на адаптацию горюющего не находит однозначного подтверждения в результатах исследований и требует дальнейшего изучения. Также достаточно мало изученными остаются интервенции, разработанные на основе модели М. Строб. Наконец, стоит отметить, что при разработке про-

грамм интервенции редко учитываются более поздние версии модели, что является достаточно серьезным упущением и в теории ведет к снижению эффективности описанных подходов. Частично это может объясняться тем, что ранее не было создано интегративного описания модели, объединившего в себе все дополнения, вносимые авторами за 20 лет развития теории, а также отсутствием подходящего методологического аппарата. Таким образом, модель двойного процесса совладания с утратой обладает значительным потенциалом для дальнейших исследований.

На данный момент авторы статьи проводят исследование, посвященное изучению особенностей совладания с утратой романтического партнера. Дизайн исследования представляет серию замеров в период от 3 месяцев до 1,5 лет с момента утраты и позволяет оценить особенности совладания с утратой (как в рамках данной модели, так и в рамках теории Р.Лазаруса и С.Фолкман), а также клинико-психологические особенности лиц, столкнувшихся со смертью романтического партнера. Исследование находится на этапе сбора данных, в ближайшее время планируется анализ, интерпретация и последующая публикация полученных результатов.

Литература / References

- Bowlby, D. (2004). *The creation and destruction of emotional bonds*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Brodbeck, J., Berger, T., Znoj, H. (2022). The role of emotion regulation and loss-related coping self-efficacy in an internet intervention for grief: Mediation analysis. *JMIR Mental Health*, 9 (2), e27707.
- Carr, D. (2010). New perspectives on the dual process model (DPM): What have we learned? What questions remain? *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 61 (4), 371–380.
- Caserta, M. S., Lund, D. A. (2007). Toward the development of an Inventory of Daily Widowed Life (IDWL): Guided by the dual process model of coping with bereavement. *Death Studies*, 31 (6), 505–535.
- Caserta, M., Lund, D., Utz, R., de Vries, B. (2009). Stress-related growth among the recently bereaved. *Aging and Mental Health*, 13 (3), 463–476.
- Caserta, M., Utz, R., Lund, D., de Vries, B. (2010). Sampling, recruitment, and retention in a bereavement intervention study: Experiences from the Living After Loss Project. *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 61 (3), 181–203.
- Chow, A. Yi. M., Caserta, M., Lund, D., Suen, M. H. P., Xiu, D., Chan, I. K. N., Chu, K. S. M. (2019). Dual-process bereavement group intervention (DPBGI) for widowed older adults. *The Gerontologist*, 59 (5), 983–994.
- Cook, A. S., Oltjenbruns, K. A. (1998). The bereaved family. In: *Dying and grieving: Life span and family perspectives* (pp. 91–115). Philadelphia, Taylor & Francis.
- Doering, B. K., Eisma, M. C. (2022). Grief in the time of COVID-19: A dual process model perspective. *Annals of Behavioral Medicine*, 56 (7), 620–630.
- Eisma, M. C., de Lang, T. A., Stroebe, M. S. (2022). Restoration-oriented stressors of bereavement. *Anxiety, Stress & Coping*, 35 (1), 88–104.
- Fiore, J. (2021). A systematic review of the dual process model of coping with bereavement (1999–2016). *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 84 (2), 414–458.
- Granek, L. (2010). Grief as pathology: The evolution of grief theory in psychology from Freud to the present. *History of Psychology*, 13 (1), 46.
- Holtslander, L. (2019). Finding balance through a writing intervention. In: *Hospice Palliative Home Care and Bereavement Support: Nursing Interventions and Supportive Care* (pp. 137–142). Cham, Springer Nature.
- Holtslander, L., Duggleby, W., Teucher, U., Cooper, D., Bally, J. M. G., Solar, J., Steeves, M. (2016). Developing and pilot-testing a finding balance intervention for older adult bereaved family caregivers: A randomized feasibility trial. *European Journal of Oncology Nursing*, 21, 66–74.

- Jiao, K., Chow, A. Yi. M. (2025). Bereavement dyadic coping questionnaire: Development and validation. *Death Studies*, 49 (9), 1278–1286.
- Kumar, R. M. (2023). The many faces of grief: A systematic literature review of grief during the COVID-19 pandemic. *Illness, Crisis & Loss*, 31 (1), 100–119.
- Larsen, L. H., Hybholt, L., O'Connor, M. (2025). Lived experience and the dual process model of coping with bereavement: A participatory research study. *Death Studies*, 49 (6), 743–754.
- Lund, D., Caserta, M., Utz, R., de Vries, B. (2010). Experiences and early coping of bereaved spouses/partners in an intervention based on the dual process model (DPM). *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 61 (4), 291–313.
- Maass, U., Hofmann, L., Perlinger, J., Wagner, B. (2022). Effects of bereavement groups — a systematic review and meta-analysis. *Death Studies*, 46 (3), 708–718.
- Marcon, O. S. (2020). *Do men grieve differently than women? A cross-cultural analysis*: Master's thesis. Utrecht.
- McGuinness, B., Finucane, N., Roberts, A. (2015). A hospice-based bereavement support group using creative arts: An exploratory study. *Illness, Crisis & Loss*, 23 (4), 323–342.
- Meij, L., Stroebe, M., Schut, H., Stroebe, W., van den Bout, J., van der Heijden, P. G. M., Dijkstra, I. (2008). Parents grieving the loss of their child: Interdependence in coping. *British Journal of Clinical Psychology*, 47 (1), 31–42.
- Msemburi, W., Karlinsky, A., Knutson, V., Aleshin-Guendel, S., Chatterji, S., Wakefield, J. (2023). The WHO estimates of excess mortality associated with the COVID-19 pandemic. *Nature*, 613 (7942), 130–137.
- Neimeyer, R. (2005). Grief, loss, and the quest for meaning: Narrative contributions to bereavement care. *Bereavement Care*, 24(2), 27–30.
- O'Connor, M., Hybholt, L. (2020). Applying the dual process model to support older adults bereaved during COVID-19 lockdowns: Clinical recommendations. *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 82 (3), 352–363.
- Palm, S., Doering, B. K., Kubiak, T., Geschke, K., Fellgiebel, A., Wuttke, A. (2023). Influence of loss- and restoration-oriented stressors on grief in times of COVID-19. *Scientific Reports*, 13, 19584.
- Pearce, C., Pearce, C. (2019). Grief as a psychological object of study. In: *The Public and Private Management of Grief: Recovering Normal* (pp. 23–59). New York, Routledge.
- Rubin, S. (1981). A two-track model of bereavement: Theory and application in research. *American Journal of Orthopsychiatry*, 51 (1), 101–109.
- Shapiro, K. (2023). Grief, loss and bereavement. In *Understanding End of Life Practices* (pp. 105–113). Cham, Springer International Publishing.
- Shear, K., Frank, E., Houck, P. R., Reynolds, C. F. (2005). Treatment of complicated grief: A randomized controlled trial. *Journal of the American Medical Association*, 293 (21), 2601–2608.
- Stroebe, M. S. (1994). The broken heart phenomenon: An examination of the mortality of bereavement. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 4 (1), 47–61.
- Stroebe, M. S. (1998). New directions in bereavement research: Exploration of gender differences. *Palliative Medicine*, 12 (1), 5–12.
- Stroebe, M., Schut, H. (1999). The dual process model of coping with bereavement: Rationale and description. *Death Studies*, 23 (3), 197–224.
- Stroebe, M. S., Schut, H. (2001). Meaning making in the dual process model of coping with bereavement. In: R. A. Neimeyer (ed.). *Meaning Reconstruction & the Experience of Loss* (pp. 55–73). New York, American Psychological Association.
- Stroebe, M., Schut, H. (2010). The dual process model of coping with bereavement: A decade on. *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 61 (4), 273–289.
- Stroebe, M., Schut, H. (2015). Family matters in bereavement: Toward an integrative intra-interpersonal coping model. *Perspectives on Psychological Science*, 10 (6), 873–879.
- Stroebe, M., Schut, H. (2016). Overload: A missing link in the dual process model? *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 74 (1), 96–109.
- Stroebe, M., Schut, H. (2021). Bereavement in times of COVID-19: A review and theoretical framework. *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 82 (3), 500–522.
- Stroebe, M., Schut, H. (2023). Reflections on the dual process model of coping with bereavement: Recent developments and future directions. *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 87 (2), 427–439.

- Stroebe, M. S., Stroebe, W. (1983). Who suffers more? Sex differences in health risks of the widowed. *Psychological Bulletin*, 93 (2), 279.
- Stroebe, M. S., Stroebe, W., Gergen, K. J., Gergen, M. (1982). The broken heart: Reality or myth? *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 12 (2), 87–106.
- Stroebe, W., Stroebe, M. S., Gergen, K., Gergen, M. (1980). The loss-effect: Psychological aspects of mortality among the widowed. *Psychologische Beitrage*, 22 (1), 1–26.
- Tang, S., Peng, W., Qian, X., Chen, Yu. (2024). “Healing Grief” — An online self-help intervention programme for bereaved Chinese with prolonged grief. *European Journal of Psychotraumatology*, 15 (1), 2323422.
- Utz, R. L., Lund, D., Caserta, M. (2013). An evaluation of the Living After Loss Intervention. *Grief Matters*, 16 (2), 36.
- Vasil’iuk, F.E. (1991). Surviving grief. *O chelovecheskom v cheloveke*, 10, 12. (In Russian)
- Worden, J. W. (2018). *Grief counseling and grief therapy*. New York, Springer Publishing Company.
- Yu, Z., Liang, J., Guo, L., Jiang, L., Wang, J.-Yi., Ke, M., Shen, L., Zhou, N., Liu, X. (2024). Psychosocial intervention on the dual-process model for a group of COVID-19 bereaved individuals in Wuhan: A pilot study. *OMEGA-Journal of Death and Dying*, 89 (2), 701–717.
- Zamanaeva, U. V. (2007). The loss of a loved one — a life challenge. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 19 января 2025 г.;
рекомендована к печати 18 июня 2025 г.

Контактная информация:

Зазимко Алина Сергеевна — <https://orcid.org/0009-0008-5686-8171>, a.zazimko22@gmail.com
Бурина Екатерина Александровна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-6344-9118>,
katerina_burina@yahoo.co.uk

The Dual Process Model of coping with bereavement: Theory and practice

A. S. Zazimko, E. A. Burina

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Zazimko A. S., Burina E. A. The Dual Process Model of coping with bereavement: Theory and practice. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN DDFIFP (In Russian)

This article offers a theoretical analysis of the Dual Process Model of coping with bereavement, developed by Margaret Stroebe and Henk Schut. It briefly outlines psychology of loss and grief as a scientific field and the main theoretical approaches to these concepts. The article describes the prerequisites for creating the model and its theoretical foundations. The key components are examined: loss-oriented coping, restoration-oriented coping, and their alternation (oscillation). The development of the model is traced from the first version, which distinguished types of coping, to later extensions. These included analysis of the cognitive dimension of loss, integration of Robert Neimeyer’s meaning reconstruction concept, inclusion of the family context of grieving with inter- and intrapersonal levels, and the introduction of overload with four types (loss-oriented, restoration-oriented, dual, and daily stressor-related). Studies confirming the applicability of the model are reviewed, including cultural and social aspects such as the COVID-19 pandemic. Practical applications are outlined: group and individual interventions and online programs. Several psychodiagnostic tools based on the model are

^a Author for correspondence.

described, with particular attention to the Inventory of Daily Widowed Life (IDWL), whose Russian translation and initial validation were carried out by the authors. The article also presents the design of a study on a Russian sample within the model's framework. The aim is to investigate coping with the loss of a romantic partner. The longitudinal design includes repeated assessments over a period from 3 months to 1.5 years after the loss.

Keywords: Dual Process Model of coping with bereavement (DPM), grief, bereavement, coping with loss, Inventory of Daily Widowed Life (IDWL), psychological intervention.

Received: January 19, 2025

Accepted: June 18, 2025

Authors' information:

Alina S. Zazimko — <https://orcid.org/0009-0008-5686-8171>, a.zazimko22@gmail.com

Ekaterina A. Burina — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-6344-9118>,
katerina_burina@yahoo.co.uk

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9.07

Согласованность представлений о себе и жизненное пространство личности: опыт качественного исследования*

М. О. Аванесян^а, Н. Л. Москвичева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Аванесян М. О., Москвичева Н. Л. Согласованность представлений о себе и жизненное пространство личности: опыт качественного исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN GLKPNY

Недостаточно изучено, как человек воспринимает себя относительно разных сфер жизни, как согласует представления о себе. Проведен качественный анализ жизненного пространства личности с применением метода глубинного интервью как наиболее релевантного для решения данной задачи. Ответы респондентов обрабатывались в методологии качественного подхода с применением тематического анализа. Выборка: 25 взрослых от 21 до 43 лет, $25 \pm 3,8$ (22 женщины, 3 мужчины). Всего было проанализировано 574 свободных ответов/высказываний. Результаты показали, что опора на жизненный сценарий позволяет структурировать время жизни, обеспечивая целостность и направленность жизненного пути, даже если некоторые периоды воспринимаются как неопределенные. Горизонты планирования для разных сфер различаются, однако после определенной точки отдаленного будущего — поздней взрослости — идентичность человека и его самоощущение представляются ему как неизменные. Различие между периодами настоящего и будущего субъективно маркируется респондентами через «пороги», переход через которые характеризуется сменой эмоционального отношения и степенью их неопределенности. Описаны способы соединения сфер жизни: упорядочение их по времени, выделение приоритетов, пространственное соположение представлений («жизненных фрагментов») в едином мысленном обзоре, объединение сфер через активное действующее Я. Выявлено, что респонденты по-разному переживают ситуацию выбора — как вынужденное ограничение или, наоборот, появление новых возможностей. Сделаны выводы о четырех способах согласованности Я во

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-18-00308 «Процессуальная модель целостности личности: теоретическое обоснование и эмпирические референты».

^а Автор для корреспонденции.

времени, частично совпадающих с описанными в литературе типами автобиографической согласованности: 1) через сохранение приверженности определенной роли или ценности (тематическая согласованность); 2) через сохранение приверженности плану, последовательности шагов для достижения цели (каузально-мотивационная согласованность); 3) через сохранение и/или воспроизведение желаемого состояния; 4) через сохранение контекста жизни как устойчивого во времени. Полученные результаты позволяют шире взглянуть на понятие жизненного пути, роли согласованности представлений о себе в создании единого жизненного пространства личности.

Ключевые слова: согласованность представлений о себе, представления о будущем, сферы жизни, жизненное пространство личности, целостность жизненного пространства.

Целостность является одной из фундаментальных характеристик личности и важнейшим принципом ее понимания. В рамках наиболее разработанных на сегодняшний день подходов целостность рассматривается как согласованность диспозиций человека и его поведения (Human et al., 2014), согласованность его когнитивно-аффективных компонентов (Kuhl et al., 2021), целевых устремлений (Costin, Vignoles, 2022). Однако следует признать, что такие подходы сосредоточивают внимание на отдельных аспектах целостности, см. обзор: (Москвичева, Мамаева-Найлз, 2024). Другие авторы рассматривают целостность как феноменологическое самоощущение человека, определяемое его автономным функционированием в реальной жизни, то есть степенью, в которой человек считает, что его поведение инициируется его волевым действием и лично им одобряется, а не является навязанным (Weinstein et al., 2013; и др.). В рамках нарративного подхода целостность рассматривается как интегративная характеристика, объединяющая несколько уровней функционирования личности, каждый из которых, в свою очередь, определяется собственным способом согласования компонентов. Самый вершинный из них — уровень жизненных историй (life-stories), поскольку именно в автобиографическом нарративе, через конкретную позицию рассказчика «собираются воедино» и объясняются нижележащие уровни¹ (Person-as-actor, Person-as-agent, Person-as-author) (McAdams, 2013; Habermas, Bluck, 2000; Habermas, 2011). В современных исследованиях разрабатываются идеи проявления целостности как когерентности внутренних процессов личности; как организующего (мета)механизма, позволяющего достигнуть интегрированного Я (integrative self), как ощущения личностью своей целостности и уникальности, см., например: (Quirin, Kuhl, 2022).

Исследователи личности постепенно приходят к мысли, что в исследовании целостности важно учитывать самоощущение личности в ее повседневном существовании. Однако множественность повседневных и ситуационных задач, которые личность решает в своей текущей жизни, предполагает также и их взаимосвязь с контекстами более высокого уровня, сопоставимыми с жизненными целями и задачами (жизненным контекстом), а также жизненными смыслами и ценностями (бытийным контекстом). Как предполагает Н. В. Гришина, учет взаимовлияния личности и ее жизненных контекстов позволяет перейти к описанию двух важней-

¹ Самый базовый уровень — уровень согласованности черт, поведения и межличностных ценностей; следующий, более динамичный уровень — согласованности краткосрочных и долгосрочных целей; и самый подвижный — уровень нарративно согласованных жизненных историй и воспоминаний.

ших интегральных психологических феноменов — идентичности и аутентичности личности, складывающихся на основе ее целостности (Гришина, 2024).

Цель статьи — описать, как пространственно-временная согласованность представлений личности о себе отражается в ее представлениях о своем будущем. Говоря о будущем, мы опирались на понятие сфер жизни. Сферы жизни рассматривались как компоненты единого жизненного пространства личности. При этом, с одной стороны, они дифференцируют жизненное пространство, а с другой, каждая сфера сама является тем пространством, в котором личность решает множество разноуровневых задач. Таким образом, мы получаем горизонтальное измерение (совокупность разных сфер жизни) и вертикальное измерение (разные уровни контекстов внутри каждой сферы) (Гришина, 2018). Рассмотрение жизненного пространства в его целостности позволяет поставить вопрос о том, как создаются и сохраняются взаимосвязи между сферами жизни и какова роль идентичности личности в процессе их интеграции. Используя инструменты нарративного подхода (в частности, понятие согласованности жизненной истории), попробуем учесть внутреннюю метрику и структуру жизненного пространства, описать его компоненты и их взаимосвязи.

Теоретическое обоснование

Рассмотрим, как в психологии принято исследовать представления человека о своем будущем.

Они могут проявляться в нескольких формах:

- построение модели как мысленной симуляции будущего;
- предсказание как оценка вероятности будущего результата;
- намерение как постановка цели;
- планирование как организация шагов для достижения цели (Szpunar et al., 2014; Schacter et al., 2017).

Результатом таких размышлений могут быть конкретные (например, встреча с другом на будущей неделе) или обобщенные репрезентации (представление о состоянии мира через год), которые черпаются из эпизодической памяти. Однако, прежде чем сгенерировать конкретный эпизод, люди не просто заимствуют детали из прошлого: они обращаются к своим знаниям о мире как таковом, организуют эпизодические мысли о будущем в кластеры событий, которые отражают влияние схематических, концептуальных и аффективных знаний более высокого порядка (например, жизненных сценариев) (Schacter et al., 2017); обзор и схему памяти см.: (Нуркова, 2010), обзор см.: (Lajko, Must, 2023).

Размышления о собственном будущем сопровождаются особым типом субъективного ощущения — «предпереживанием» будущих событий. Личностный аспект в размышлениях о будущем появляется тогда, когда в фокусе внимания оказываются не только сами прогнозы, которые личность делает относительно своего будущего, но и то, как они затрагивают ее чувство Я и идентичность. Такого рода прогнозы получили название самоопределяющих проектов (self-defining future projection, SDFP). Они были выделены по аналогии с самоопределяющими автобиографическими воспоминаниями (self-defining memories, SDMs), но относятся не прошлому, а к будущему человека, обзор см.: (Нуркова, 2022). Проекты характеризуются целым рядом особенностей:

- они оцениваются человеком как важные;
- помогают ему и другим людям понять, каков он как личность;
- отражают важную тему, проблему или конфликт, которые повторяются в жизни человека или связаны с другими событиями жизни, относящимися к сходным темам;

- эмоционально насыщены;
- носят наглядный характер;
- человек в своих мыслях часто к ним обращается (D'Argembeau et al., 2012).

Я-проекты, в отличие от Я-воспоминаний, оцениваются самим человеком более позитивно, при этом они менее конкретны, сопровождаются меньшей автобиографической рефлексией. Однако оба вида событий (SDMs и SDFP), согласно самоотчетам, дают людям высокий уровень чувства преемственности своего Я во времени. Были найдены тематические различия между Я-прогнозами и Я-воспоминаниями. Наиболее распространенной темой в прогнозах молодых людей 18–22 лет была тема достижений, в то время как в их воспоминаниях она встречалась почти в два раза меньше (57% vs 30%), за ней следовала тема отношений (21% vs 32%), затем отдыха/познания (по 10%); угрожающих жизни событий в будущем было названо почти вчетверо меньше, чем в прошлом (5% vs 23%), вины/стыда (0 vs 1%).

Для отражения содержательного аспекта представлений, касающихся будущего, исследователи ввели понятие визионных образов (visionary images). Как и Я-определяющие прогнозы, они соотносятся с идентичностью, к которой стремится человек (Baumeister, 1997). Визуальная форма образов, воплощенных в конкретных картинках, обеспечивает возможность симуляции будущей реальности. Визионные образы позволяют человеку получить представление о конечном состоянии, в котором стоящие перед ним задачи уже решены, и почувствовать вкус возможных достижений. Благодаря очень конкретному (квазиперцептивному) формату они соединены с имплицитной мотивационной системой и тем самым активируют импульс к действию (Rawolle et al., 2017). Так же как и самоопределяющие прогнозы, они:

- касаются того или иного состояния в будущем;
- соотнесены с идентичностью (identity-relevant);
- носят позитивный характер и являются желательными и достижимыми;
- представляют собой отражение долгосрочной перспективы и регулярно возникают в потоке мыслей человека.

Данные образы стоит отличать от возможных Я, позитивных фантазий и образов цели, а также от личных целей (которые не обязательно являются детализированными картинками, а также не обязательно связаны с идентичностью) (Rawolle et al., 2017).

Однако важно не только само событие и его описание, но и способ согласования событий между собой. Рассказывая свою автобиографию, люди используют разные способы поддержания ее согласованности:

- временную согласованность (как способность выстраивать события жизни в хронологическом порядке);
- биографическую согласованность (как умение опираться на нормативные культурно-типичные жизненные сценарии);

- мотивационно-каузальную согласованность (как способность выстроить причинно-следственные связи между событиями жизни и личностными изменениями);

- тематическую согласованность (как высвечивание доминирующей темы — в виде ценности, жизненного принципа, который пронизывает конкретное жизнеописание) (Habermas, Bluck, 2000; Зайцева, 2017).

Именно тематическая согласованность событий усиливается в связи с взрослением личности: «Принятая логика воспроизводится автобиографическим нарративом, выполняя в этом случае не только функцию упорядочивания жизненных происшествий и извлечения из них смысла, но и функцию планирования, конструирования жизни на будущее (самопрограммирования)» (Сапогова, 2017, с. 38). Экзистенциальный подход, в свою очередь, позволяет говорить об экзистенциальной логике жизни, которая представляет собой обобщенную идею, которой человек подчиняет свою жизнь.

В отечественной психологии активно разрабатывается понятие событийной структуры жизненной перспективы, см., например: (Коржова и др., 2020), и жизненного сценария, отражающего в современной интерпретации активность и авторство человека в конструировании и планировании своей жизни (Костромина и др., 2018). Операционализацией понятия «жизненный сценарий» может служить конструкт «жизненная модель», в котором интегрируются разные составляющие жизненного сценария (в частности, жизненные события) и осуществляется его конкретизация относительно определенной жизненной сферы: профессиональной, близких отношений и персональной (Костромина и др., 2018).

Исследование целостного образа будущего достаточно сложно, поскольку речь идет о разных образах, которые достаточно неоднозначно соотносятся друг с другом (личное будущее, будущее своей страны и мира в целом), могут включать в себя не всегда согласованные или даже противоречащие друг другу элементы (Rubin, 2013). Исследователь сталкивается с вопросами: как происходит переключение от одной сферы жизни к другой? сохраняется ли при этом ощущение согласованности своего Я? как респонденты соединяют эпизодические и обобщенные представления о себе в будущем?

Эмпирические исследования показали, что существует несколько основных стратегий управления структурами своей идентичности (которые могут определяться как множественные идентичности). Особенно ярко стратегии управления удалось выделить на выборке людей, чьи жизненные контексты меняются достаточно явно. В качестве целевой группы исследования выступила группа людей, для которых место работы и дом были разделены географически и они могут отсутствовать дома от 1 до 4 недель (так называемый вахтовый метод, fly-in, fly-out work context). Глубинные интервью позволили выявить три стратегии управления идентичностями (Manzi et al., 2023). Первая стратегия — согласование своих идентичностей, когда человек пытается быть одним и тем же дома и на работе, признавая при этом существование двух разных сторон себя, двух жизней, которые помогают друг другу (называется один и тот же набор идентичностей для двух разных контекстов; например «руководитель», «женщина», «мать двоих детей»). Вторая стратегия основана на том, чтобы сделать доминирующей одну из множественных идентичностей, например рабочую («она/он везде командует»). Третья стратегия заключа-

лась в создании новой интегральной идентичности вокруг важного для человека дела (например, рабочего соглашения относительно того или иного образа жизни) и отказе от всех других идентичностей. В целом можно говорить о конфигурации идентичностей, роли самого человека и ситуационного контекста в их проявлении. Результаты другого исследования выявили три типа когнитивных структур идентичности (identity networks): иерархическую, интегративную и сетевую, определяемые тем, как люди организовывали свои идентичности относительно друг друга и как распределяли свое время (Fenters et al., 2025). Структура идентичности влияет на мышление, чувства и действия человека. Например, иерархическая структура идентичности скорее всего способствует поведению, которое реализует идентичность (или идентичности) высшего порядка. Интегративная структура — поведению, отражающему значимые для человека совпадения между перекрывающимися идентичностями (например, соединяя как творчество («Я писатель»), так и призвание («Я служу людям»)), что предполагает реализацию этой общей направленности (например, «Я детский писатель, своим творчеством я служу людям»). Сетевая структура, соединяя идентичности, имеющие отношение к разным деятельности и ресурсам, как предполагают авторы исследования, способствует реализации сложных целей (Fenters et al., 2025). Недавние исследования социальной идентичности показывают, что уровень адаптации и психологического благополучия выше у тех людей, которые воспринимают свою идентичность как хорошо интегрированную (Unsworth, Seivwright, 2023).

В данной работе мы продолжаем исследование того, как личность поддерживает свою согласованность, сосредоточив внимание на психологических способах поддержания целостности своего жизненного пространства в перспективе своего будущего.

Метод

Глубинное интервью использовалось для того, чтобы описать устройство жизненного пространства, его компоненты и способ их репрезентации, индивидуальные стратегии их связывания. Это определило целесообразность небольшого объема выборки, которую составили 25 взрослых в возрасте от 21 до 43 лет, $25 \pm 3,8$ (22 женщины, 3 мужчины) (все респонденты с высшим образованием, проживают в Петербурге, участвовали в исследовании добровольно). С респондентами проводилось интервью об основных сферах жизни, длительность которого составляла от 45 до 60 минут. Это позволило апробировать и выявить возможности и ограничения данного метода для изучения целостности личности. В основу интервью легло разделение жизни на четыре основные сферы:

- 1) профессиональная сфера;
- 2) сфера материального и финансового благополучия;
- 3) сфера отношений с людьми;
- 4) сфера развития, совершенствования себя (персональная сфера).

Интервью носило полуструктурированный характер и содержало 20 вопросов, направленных на исследование образа Я в данных сферах жизни. Беседа о каждой из сфер жизни предварялась следующими вопросами: «Когда Вы думаете о <сфера жизни>, какие представления о себе у Вас возникают? Расскажите о себе в бу-

душем. Как Вам кажется, каковы корни этих образов? (например, детские мечты и фантазии, фильмы, книги, образец в ближайшем окружении)». Таким образом выявлялись:

- визионные образы;
- представления о будущем в разных сферах;
- представления респондентов об источниках этих образов будущего, связанные с разными временными точками.

Полученные данные были обработаны при помощи метода тематического анализа. Говоря о тематическом анализе, мы отличаем его от количественного контент-анализа, поскольку показателем значимости темы для нас выступала не частота ее встречаемости, а ее эмоционально-смысловая нагрузка. Нас интересовало получение общего паттерна значений, смысловая конфигурация данных, что подразумевало выявление как очевидных, так и латентных тем (Хорошилов, Мельникова, 2020). Это дало возможность найти логические и структурные отношения между выделенными темами, получить целостное видение изучаемого феномена — в нашем случае психического мира человека и того, как представления личности о себе воплощаются в разного рода сферах жизни и контекстах ее существования.

Результаты

Анализ текста был сфокусирован на двух категориях:

- 1) временные модусы (прошлое, настоящее, будущее) в основных сферах жизни;
- 2) идентичность.

Это позволяло учесть ситуационный и жизненный контекст, в который погружена личность. Психологи часто указывают на неоднородность временной перспективы и ее многослойность, в частности выделяя психологическую, личностную и жизненную перспективы (Абульханова-Славская, 1991). В данном исследовании мы акцентировали внимание на том, что позволяет человеку в своем внутреннем плане увязывать столь неоднородные компоненты временной перспективы, и на том, как происходит согласование разных сфер жизни («областей»). Проведенный анализ позволил описать:

- основные пути поддержания целостности жизненного пространства и особенности переживания временных периодов;
- роль нормативного жизненного сценария в поддержании временной согласованности личности;
- способы дифференциации настоящего и будущего в представлении респондентов.

Согласование сфер жизни. Для описания будущего мы изначально просили респондентов описать жизнь через ее основные сферы. Этот подход активно развивается в рамках концептуализации жизненного сценария (Костромина и др., 2018). В процессе интервью мы убедились, что такой способ структурирования жизни как многокомпонентного явления довольно естественен для респондентов, но способы согласования разных сфер в единое пространство жизни могут быть различными.

Опишем выявленные типы согласования, которые были выделены на основе анализа ответов респондентов, и приведем типичное высказывание по каждому варианту (табл. 1):

- согласование жизненных сфер может происходить за счет их упорядочивания в краткосрочной временной перспективе с опорой на структуру дня или недели (например, «время для работы» / «время для семьи» / «время для хобби»: вечером / днем / на выходных / на каникулах);
- жизненные сферы согласуются за счет их упорядочивания в более длительной временной перспективе («после повышения можно выйти в декрет» / «отдохну после выхода на пенсию»);
- согласование жизненных сфер осуществляется как вынужденный выбор, сопровождающийся переживанием упущенной возможности и потери («что-то в ущерб чему-то»);
- или, наоборот, как приобретение возможности развития (одни сферы жизни позволяют организовывать другие);
- жизненные сферы объединяются через образ Я или стиль жизни, когда жизнь воспринимается как единое жизненное пространство для самореализации;
- жизненные сферы удерживаются в формате единого одномоментного жизненного обзора с возможностью развертки отдельных периодов (независимо друг от друга).

Опора на нормативный жизненный сценарий как временную метрику жизни. Все респонденты имели представление о нормативном жизненном сценарии, на который периодически ссылались как на установленную последовательность событий и этапов. Он задает систему координат, в которой изначально есть временная разметка нормативных жизненных событий. Это определяет представление о нормативной скорости, относительно которой происходит определение себя как запаздывающего или, наоборот, опережающего предвосхищаемые события. Кроме того, оперирование сценарием позволяет схватывать жизнь в ее целостности: «как дело начиналось, что было, чем дело кончилось». При этом, планируя будущее, респонденты опирались на нормативный сценарий, но уже в контексте своей индивидуальной жизненной ситуации, например: «У меня есть представление, что *хотелось бы* самостоятельно пожить *прежде, чем* создавать свою семью... *Пока* мы только переехали <с родителями>... Надо *еще* закончить учебу» (ж., 22 г.).

Анализ данных показал неоднородность переживания времени жизни.

Во-первых, периоды жизни на временной линии у одного и того же респондента были представлены неодинаково. Изначально заданная прототипическая последовательность жизненного сценария позволяет, даже при пропуске или отсутствии представления о каком-то периоде («мысли дальше не идут», «пробел», «смутный образ»), не нарушать общую направленность жизни и целостность ее представления респондентами. Например, «квартира своя — пока смутный образ, тяжело думать о квартире, поначалу снимать придется. Пока нет заработка — мысли не идут» (ж., 22 г.); «...есть пробел между 35 и 50 годами, есть ощущение, что придется выбирать — либо семья, либо карьера...» (ж., 23 г.).

Говоря об отдаленном будущем, респонденты описывали, что после достаточно активного социального периода для них наступало своего рода плато, после которого они «как будто больше не менялись». «Я хочу старость встретить одна, в доме деревенском, у меня будет лошадь. Но я не вижу себя какой-то немощной, я смотрю на это глазами сегодняшнего дня. Какая сейчас — среднего неопределенного возраста...» (ж., 39 л.). «Есть представление, образ, который связан с работой — где-то

Таблица 1. Способы согласования сфер жизни относительно друг друга

Пространственно-временные координаты	Способы согласования	
	упорядочивание / выбор	связывание
Пространство	<p>Строгое разделение сфер жизни за счет их регламентации Часть респондентов была удовлетворена тем, как организована их жизнь, совмещающая разные сферы, например: «Я разделяю профессиональную сферу и сферу семьи» (ж., 23 г.). Типичной стратегией совмещения всех сфер жизни был повседневный распорядок («утром — поход в бассейн, днем — работа, вечером — отдых с семьей и друзьями»), что создавало образ жизни как целостной и гармоничной</p>	<p>Взаимное влияние сфер жизни как ресурс (приобретение) «Какие-то сферы я понимаю, вижу: в отношениях — я ресурс для себя получаю, мне это видится комфортнее и стабильнее. Другие сферы — профессия, дом, зависят от карьеры. Но целостного будущего — пока нет... Может быть, это связано с тем, что сфера отношений дает надежду на другие сферы» (м., 23 г.)</p>
	<p>Необходимость выбора, конфликт между разными сферами жизни (потери) «Если брать полностью образы — это про развитие меня как человека, на протяжении всей жизни. Но у меня разбивается сфера отношений и профессии. Как будто вопрос — куда вкладываться больше. Как будто бы надо выбирать. Что-то в ущерб. Когда ты больше занимаешься семьей, то меньше успехов в работе» (ж., 22 г.)</p>	<p>Интегративный образ жизненного пространства за счет объединения сфер через образ Я или свой стиль жизни; жизнь воспринимается как единое пространство «Я понимаю, что в разных сферах жизни, чем бы я ни занималась — работа, моя семья, увлечения, которые у меня есть, — это все Я, все про меня» (ж., 21 г.)</p>
Время	<p>Расстановка приоритетов в разные периоды жизни как протяженной во времени целостности «Мне бы хотелось все успеть. Сейчас учеба и карьера, потом семья и рождение детей и возвращение на работу» (ж., 21 г.)</p>	<p>Удержание единого одномоментного жизненного обзора с возможностью развертки отдельных периодов (независимо друг от друга) «Обычно представляю себе какие-то эпизоды, на которые смотрю со стороны как ролики — я куда-то иду, что-то делаю» (ж., 39 л.)</p>

до пенсионного возраста, не могу сказать точно. Но когда я отработаю — там буду жить на берегу моря. Знаю уже — Черное море. Даже есть город — Ялта» (ж., 43 г.). «Как будто бы есть образ только в 50 лет, где я вижу себя: я читаю книгу... большая часть жизни прожита. Ты сидишь и думаешь — я много понял про себя, про других, у меня есть опыт, который ценен, что это все, что было... это я... Как-будто я тут обрезала себе будущее, непонятно, как развиваться дальше» (ж., 24 г.).

Во-вторых, при планировании разных сфер жизни один и тот же респондент оперировал различными временными периодами. Приведем типичный ответ, в котором респондентка размышляет о планировании будущего: «Смотря чего касается: работа — горизонт планирования — 3 года. Семьи — 10 лет, а что я выхожу замуж — 25 лет, 26 лет. Потом уже... на 30 лет — нет точных представлений... Выйти замуж, родить, ребенок уже более-менее взрослый» (ж., 22 г.).

Итак, опора на жизненный сценарий позволяет структурировать время жизни, в разной степени заполняя различные периоды будущего, и не теряя при этом общей целостности и направленности жизненного пути. Респонденты дифференцируют горизонты планирования для разных сфер, но для большинства из них в определенной точке отдаленного будущего — поздней взрослости — собственная идентичность и самоощущение как бы застывают и больше не меняются. Отметим, что данная особенность проявилась в нашей, достаточно молодой выборке, и требует дальнейшего изучения для людей старшего возраста.

Дифференциация временных периодов как сопоставление будущего и настоящего. «Прошрое», «настоящее», «будущее» часто рассматриваются как независимые когнитивные конструкты, но феноменологически они представляют для человека целостное жизненное пространство, см., например: (Левин, 2008). Каким образом тогда осуществляется оперирование разными временными модусами? В проведенном исследовании почти все респонденты описывают различимую границу между настоящим и будущим, оперируя двумя сравнительными параметрами. Первый параметр — «лучше/хуже»: будущее может быть лучше или хуже настоящего. Второй параметр — уровень неопределенности: будущее описывалось как более спокойное и умиротворенное («лучшее будущее»), либо как более неопределенное и тревожащее, чем настоящее (табл. 2). В нашей выборке не было респондентов, которые бы отметили однородность перспективы и отсутствие такого перехода, но можно предположить, что такой ответ тоже может встречаться.

Таким образом, области времени характеризуются эмоциональной разметкой (чаще всего контрастной), которую проводит сам человек. Можно говорить о некотором пороге, определяющем субъективно различающийся переход между областями настоящего и будущего.

Способы согласования образа Я во времени. Поскольку нашей целью было изучить способы сохранения самосогласованности в контексте разных сфер жизни, то мы опирались в своем анализе на уже описанные ранее нарративные способы согласования автобиографии, см.: (Зайцева, 2017). На основе анализа ответов респондентов о себе в будущем было выявлено четыре способа сохранения самосогласованности. Два из них совпали с ранее упомянутыми способами согласованности автобиографического Я-нарратива:

- 1) сохранение приверженности определенной роли или ценности (тематическая согласованность в нарративе) (20% выборки.);
- 2) сохранение приверженности плану, то есть последовательности шагов для достижения важной цели (мотивационно-каузальная согласованность в нарративе) (28%);
- 3) сохранение и воспроизведение знакомого/идеального состояния (44%);
- 4) сохранение определенного контекста жизни как устойчивого во времени (8%).

На данном этапе работы мы определили для каждого респондента ведущий тип согласованности. Однако уже сейчас можно отметить, что один и тот же респондент может использовать разные виды согласованности внутри разных сфер жизни; также встречаются единичные случаи, когда тип согласованности остается единым для всех сфер (в нашей выборке из 25 человек таких респондентов было 6, из которых 4 — согласованность по состоянию, 2 — согласованность шагов для

Таблица 2. Примеры способов дифференциации временных периодов «настоящего» и «будущего»

Параметры сопоставления	Образы будущего	
Лучше/хуже	<p>Будущее лучше, чем настоящее «Первое, что приходит в голову, что все более радужное, легче, происходит само собой без чрезмерное напряжения, там тепло, светло и приятно... Если какой-то молодой человек предложит с ним жить, и я буду понимать, что условия мои ухудшатся, то я никуда от родителей не уйду, ухудшения условий не хотелось бы» (ж., 23 г.)</p>	<p>Будущее хуже, чем настоящее «У меня был страх, что я никогда нигде не буду себя чувствовать так хорошо, как в родном городе N» (ж., 24 г.)</p>
Определенное/неопределенное	<p>Будущее более определенное Практически нет примеров относительно определенности будущего в целом; но можно говорить о большей определенности относительно некоторых сфер: «...В основном это с работой связано — как я вижу себя... и с семьей. Больше — ничего такого» (ж., 25 л.)</p>	<p>Будущее менее определенное «Раньше — больше мечтал о будущем. Но сейчас потерял многие смыслы. Понял, что если буду мыслить будущим — то разочаруюсь. До этого было не просто планирование, это были мечты о дальнейшем, о разном, сейчас нет четких мечт» (м., 27 г.)</p>

достижения цели). В целом в нашей выборке доминирующим типом согласованности была согласованность по состояниям.

Подробнее раскроем каждый из них.

1. Представление о себе сохраняется устойчивым за счет приверженности определенной роли или ценностям. Пример ролевого соответствия: «Хотелось бы быть для брата такой сестрой, которая его любит, поддерживает» (ж., 22 г.). Пример ценностного соответствия — поддержание представлений о себе как человеке, которому «нравится учиться, узнавать что-то новое»: «Пока ты что-то новое делаешь, ты живешь полно, полноценно. Это просто ощущение динамики, новизны, я много где училась» (ж., 21 г.).

2. Преемственность представлений сохраняется благодаря тому, что респондент придерживается последовательности шагов или действий, которые предпринимаются для достижения представляемой им конечной цели («Я-сейчас делаю что-то важное для себя в будущем»). Данный способ согласования относится не только к текущим жизненным целям. Осмысливая жизнь в более широком масштабе, респонденты делают это в рамке «логики судьбы», представлений чего-то важного для себя в будущем: «Даже несмотря на то что профессионально изменялась жизнь, разводилась с мужем, но ощущение себя, как одно... что жизненный путь начался и идет к какой-то цели, которая уже была...» (ж., 39 л.). У некоторых респондентов было желание устроить будущее только «не так, как было...»: «Как /я это вижу — у меня было детство такое страшное, моя глобальная цель — от него уходить. У меня было много картинок — как будет по-другому» (ж., 43 г.).

3. Преемственность представлений о себе в будущем сохраняется через преемственность состояния, чаще всего основанного на предыдущем опыте: «Это опять про состояние, что мне хорошо быть в этом моменте — то, чем я занимаюсь, где

живу, с кем нахожусь и как ощущаю себя» (ж., 21 г.). «По большей части на уровне чувств — что я больше реализованный, самоактуализованный. Неважно, каким именно я буду, мне важнее это состояние. Возможно, это медитативный опыт» (м., 23 г.). Часто мы наблюдали ссылки на интегративные образы-состояния, которые из детства или других периодов жизни переносятся в будущую жизнь. Эти яркие образы, с одной стороны, носят конкретный характер, а с другой, становятся обобщенными моделями — метафорами: «Дедушка преподавал математику в Военно-морской академии: он мне говорил о том, как что-то рассказываешь студентам, им интересно, ты перед ними стоишь. И меня просили: “N., скажи, стишок почитай... тетрадочку открой”. Это так и осталось с детства — картинка. Я что-то рассказываю, и меня слушают» (ж., 43 г.); «Есть какая-то картинка, но она смутная, приятно думать о чувстве — чувстве теплоты — картинка, что несколько человек сидят рядом, скорее важно чувство тепла» (ж., 22 г.).

4. Представление о себе сохраняется за счет представления части контекста жизни как устойчивого. Респондент мыслит одну из сфер жизни как определенную и стабильную («дети окончат школу... потом окончат университет»). Например, респондентка так определяет свое будущее: «У меня есть планы на день, неделю, полгода, на два, есть очертания на 5 лет. В большинстве случаев это задачи. Есть точки — у меня две дочери. Ближайшие 5–10 лет привязаны к их жизни. Старшая поступит в институт, будет что-то, младшая поступит, кто-то уедет» (ж., 39 л.).

«Монтирование» эпизодов как создание целостности. Нас интересовало, как респонденты из возникающих картинок, эпизодов в итоге создавали определенную целостность восприятия жизни. Когда респонденты упоминали какие-то события, мы просили рассказать о них чуть подробнее. Данные эпизоды могли быть разной степени обобщенности — конкретные эпизоды или более обобщенные образы. Представим подробнее типичные ответы респондентов, которые достаточно легко их описывали по нашей просьбе.

Первая группа представляет собой описание картинок эпизодов повседневной жизни.

(1) «Обычно представляю себе какие-то эпизоды, на которые смотрю со стороны как ролики — я куда-то иду, что-то делаю. Я вижу этот образ, меня в будущем, в нем не бывает чего-то негативного. Это не абстрактное счастье — я не лежу в ванне из лепестков роз, это конкретные события, ситуации, очень реальные, связанные с повседневностью, не вымышленные. Например, я думаю, как мне жить в квартире отдельной, или я, наконец, ем одна со своими детьми за столом. Я себя вижу в повседневности, эта повседневность, которая мне нравится» (ж., 39 л.).

(2) «Картинка — работа на факультете — как я добираюсь до факультета на машине, как захожу, как студенты со мной здороваются. Как я с кем-то работаю. Семья — квартира, детская, как я мужа буду встречать с работы. Как я буду одета. Картинка развития — я в бассейне, как личное саморазвитие — или в лесу или где-то йогой занимаюсь самостоятельно. Или белый рояль, я одна дома — кто-то ушел на работу, кто-то в школу, я заварила себе кофе... Очень много картинок» (ж., 23 г.).

(3) Углубленное понимание «жизненного обзора», с акцентированием его целостности и связности, демонстрирует ответ респондента: «Не особо целостная, она <картина будущего>. Если смотреть на это как на один фильм — то она становится целостной — мы видим разные промежутки времени, как человек менялся,

каким он стал, но все равно пока есть просто кадры. Сонаправленность внутренняя — как клей. Она должна пронизывать мое будущее» (м., 23 г.).

Вторая группа примеров показывает, как отсутствие опыта заполняется образами, которые могут быть «картинками», набором идеализированных представлений, «ассоциациями, но без четких картинок», эмоционально-чувственными образами. Источником такого рода обобщенных образов, часто по типу коллажей, может быть опыт близких людей (например, недавно родился ребенок у подруги), книги и фильмы, стереотипы. Однако, несмотря на «картинность» и искусственность, наличие этих картинок важно в представлении будущего и себя в будущем, поскольку они рассматриваются респондентами как неотъемлемая часть их собственной жизни, примеры чего представлены ниже:

(1) «Есть прям образ идеализированного человека. На это отчасти могли повлиять сериалы и книги. Я прочитала “Бусидо”, на это накладывается философия» (ж., 23 г.);

(2) «Пришел образ — есть близкий человек, с которым я сажусь вместе ужинать, пить чай, скорее визуальные картинки, это атмосфера какого-то уюта и спокойствия» (ж., 22 г.);

(3) «Это, скорее всего, я и моя семья и как бы я хотела, чтобы это выглядело идеально, только то место, где я бы хотела жить, — другое» (ж., 22 г.).

В некоторых случаях респонденты хорошо улавливают эмоционально-чувственную и смысловую составляющую образа, но сам он остается достаточно схематичным: «Уверенность, не наполненная конкретикой... Эпизоды крепких хороших отношений. Начало их не особо представляю» (ж., 22 г.), «Сложно это как-то развернуть» (м., 24 г.).

В приведенных примерах, на наш взгляд, представлен один из базовых механизмов автобиографической памяти — конденсация, усиление уникального и единичного при элиминации повторяющегося. По В. Н. Нурковой, механизм конденсации лежит в основе формирования фотографических и «характерных» воспоминаний, представления о своей судьбе как целостности, а также феномена мгновенного жизненного обзора. Он проявляется в том, что перед мысленным взором человека проносятся разные события жизни, создающие эмоциональное переживание ее целостности, в то время как последовательность воспоминаний может быть как прямой, так и обратной, нелинейной, панорамной (голографической) (Нуркова, 2011). Люди описывают мгновенный жизненный обзор, используя метафоры фильма, слайд-шоу, клипа, панорамы, что передает идею того, что все события жизни словно происходят одновременно. Отвечая на вопросы о будущем, респонденты предстали в интервью как монтажеры, которые из динамичных эпизодов или отдельных сцен склеивают представление о своем будущем, которое, как видно в рассказах интервью, достаточно далеко от целостной и связной автобиографической истории, но воспринимается как достоверное личное будущее.

Обсуждение результатов

В психологии используется понятие жизненного пространства, позволяющее учесть влияние на поведение человека здесь-и-сейчас значимых внутренних и внешних факторов, среди которых одновременно могут быть как временные пер-

спективы, так и разные жизненные сферы. В данной работе способы и механизмы согласования человеком представлений о собственном будущем изучались в рамках феноменологического подхода, для выявления типичных способов самосогласования личности во времени и пространстве как одного из проявлений целостности ее жизненного пространства. Интервью с респондентами, участвовавшими в исследовании, выявили представления о будущем как фрагментарные, часто состоящие из картинок, идеальных («типичных») представлений. Однако, несмотря на фрагментарность представлений о будущем, существуют психологические механизмы, которые позволяют сохранять образ будущего психологически достоверным, а образ Я — согласованным во времени, хоть и с разной степенью четкости.

Наши данные проиллюстрировали, что в представлениях о себе в будущем респонденты прежде всего опираются на схему типичного сценария жизни и его временную разметку. Это подкрепляет данные предыдущих исследований, в которых показано, что при распаде автобиографической памяти именно типичный жизненный сценарий остается самым сохранным (Allé et al., 2015). Сценарий создает интегративную рамку для жизненного контекста человека, удерживая ее даже в случае, если он смутно представляет какие-то определенные периоды своей жизни. Области настоящего и будущего по-разному эмоционально маркируются людьми и различаются ими по степени определенности. Горизонты планирования для разных сфер у одного и того же респондента чаще всего различались. Субъектность человека проявлялась в том, как он организовывал взаимосвязи между сферами своей жизни и согласовывал их друг с другом, насколько они были взаимопроницаемы относительно друг друга.

Опираясь на представления об уровне структуры организации личности (Гришина и др., 2018), можно предположить, что наличие картинок позволяет ситуационному контексту присутствовать в более широких контекстах других уровней — жизненном и бытийном. Возможность сохранить приверженность определенной роли или ценности, действовать согласно намеченному плану как в рамках повседневной жизни, так и жизненных периодов и жизни в целом позволяют человеку интегрировать жизненный и бытийный контексты. Некоторые респонденты также ориентировались на часть жизненного контекста как устойчивую, используя для этого внешние точки опоры, например планировали свою жизнь, согласовывая ее с планами родных, рассматривая их как устойчивый и стабильный во времени способ организации своей жизни.

Относительно новым методом сохранения самосогласованности во времени, в дополнение к описанным в психологической литературе способам согласованности автобиографического нарратива (приверженность определенной роли или ценностям, выстраивание последовательности шагов для достижения важной цели), было выявленное в исследовании стремление к желаемому психологическому состоянию, знакомому по предыдущему опыту.

Выводы

Исследование показало, что опора на прототипический жизненный сценарий позволяет структурировать время жизни, обеспечивая целостность и направленность жизненного пути, даже если некоторые периоды воспринимаются человеком

как неопределенные. Горизонты планирования событий для разных сфер жизни различаются, однако после определенной точки отдаленного будущего (в нашей выборке — поздней взрослости) идентичность человека и его самоощущение представляются им как неизменные. Можно говорить о субъективных порогах между периодами прошлого и будущего, переход через которые характеризуется изменением эмоционального отношения и степени неопределенности представлений.

Выявлено четыре способа согласованности Я во времени, для каждого из которых характерна опора на тот или иной вид неизменных и устойчивых во времени компонентов:

- 1) через сохранение приверженности определенной роли или ценности (тематическая согласованность);
- 2) через сохранение приверженности плану, представления последовательности шагов для достижения важной цели (каузально-мотивационная согласованность);
- 3) через сохранение и/или воспроизведение желаемого состояния;
- 4) через сохранение контекста жизни как устойчивого во времени.

Для согласования сфер жизни респонденты использовали разные способы их соединения:

- упорядочивание по времени;
- выделение приоритетов;
- пространственное соположение представлений (жизненных фрагментов) в едином мысленном обзоре;
- объединение сфер через активное действующее Я.

Мы также обнаружили, что респонденты по-разному переживают ситуацию выбора — как вынужденное ограничение или, наоборот, как появление новых возможностей.

Говоря о методических сторонах исследования, мы можем отметить, что биографическое интервью с опорой на сферы жизни позволяет увидеть целостность восприятия жизни, дополняя известные нарративные автобиографические практики, событийные методики (линия жизни), диагностику типичных жизненных сценариев («судьбы»), экспериментальные методы мгновенного жизненного обзора. Несмотря на то что в исследовании речь шла о представлениях о будущем, они составляют неотъемлемый фон внутреннего психологического плана человека. Такого рода интервью позволяет одновременно учитывать описательные и нарративные компоненты образа будущего, замечать его фрагментарность, легкость сворачивания и развертки определенных элементов с сохранением его общей целостности.

Данное исследование, обращенное к сферам жизни, позволяет также дополнить работы, связанные с исследованием когнитивных стратегий построения «сети идентичностей» человека: оно демонстрирует, как именно личность интегрирована в реальный контекст своей жизнедеятельности, как происходит переключение идентичностей.

Рассматривая перспективы исследования, согласимся, что дальнейшее направление исследований жизненного сценария может осуществляться через концепт «жизненный стиль» (Костромина и др., 2018). Можно предположить, что жизненный стиль будет проявляться в том, как человек организует свое жизненное про-

странство относительно разных сфер жизни, на чем основывается его приверженность себе (самосогласованность) во времени, как он представляет границы настоящего времени и когда оно переходит в будущее.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Гришина Н. В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 10–20.
- Гришина Н. В. Идентичность как проявление целостности личности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 4. С. 12–24.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А. Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 26–35.
- Зайцева Ю. Е. Стратегии и стили конструирования идентичности в автобиографических Я-нарративах // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 3.
- Коржова Е. Ю., Волкова Е. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Событийная наполненность жизненной перспективы опекунов как характеристика отношений в семьях кровной и некровной опеки // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 3. С. 86–98. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110306>
- Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В., Москвичева Н. Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8, вып. 4. С. 341–357.
- Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2008.
- Москвичева Н. Л., Мамаева-Найлз В. Д. Концепт «целостности» личности в современных зарубежных исследованиях: терминология и содержание понятия // Новые психологические исследования. 2024. № 4. С. 62–90.
- Нуркова В. В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. Журнал ВШЭ. 2010. № 2. С. 64–82.
- Нуркова В. В. Мгновенный жизненный обзор. Метафора? Реальный мнемический опыт? Ретроспективный артефакт? К вопросу о перспективах исследования // Психологические исследования. 2011. № 4 (18). URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/835> (дата обращения: 25.03.2025).
- Нуркова В. В. Самоопределяющие автобиографические воспоминания в системе личностно-мнемических межфункциональных связей // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18, № 1. С. 79–89.
- Сапогова Е. Е. Лабиринты автобиографии. Экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб.: Алетейя, 2017.
- Хорошилов Д. А., Мельникова О. Т. Метод тематического анализа в изучении представлений о женском лидерстве // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 3. С. 85–99.
- Allé M. C., Potheegadoo J., Köber C., Schneider P., Coutelle R., Habermas T., Danion J. M., Berna F. Impaired coherence of life narratives of patients with schizophrenia // Sci Rep. 2015. Vol. 10, no. 5. Art. 12934.
- Baumeister R. F. Identity, self-concept, and self-esteem: The self lost and found // R. Hogan, J. Johnson, S. Briggs (eds). Handbook of Personality Psychology. San Diego: Academic Press, 1997. P. 681–710.
- Costin V., Vignoles V. L. What do people find most meaningful? How representations of the self and the world provide meaning in life // Journal of Personality. 2022. no. 90. P. 541–558. <https://doi.org/10.1111/jopy.12682>
- D'Argembeau A., Lardi C., Van der Linden M. Exploring the identity function of thinking about the future // Memory. 2012. Vol. 20. P. 110–120.
- Fenters V. W., Balven R. M., Ashforth B. E., Waldman D. A., Siegel D. S. How identity structure influences identity adoption: The case of hybrid entrepreneurs // Academy of Management Journal. 2025. Vol. 68 (3) P. 567–597. <https://doi.org/10.5465/amj.2023.0520>
- Habermas T. Autobiographical reasoning: Arguing and narrating from a biographical perspective // New direction for child and adolescent development. 2011. no. 131. P. 1–17.
- Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // Psychological Bulletin. 2000. Vol. 126, no. 5. P. 748–769.

- Human L. J., Biesanz J. C., Finseth S. M., Pierce B., Le M. To thine own self be true: Psychological adjustment promotes judgeability via personality — behavior congruence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106, no. 2. P. 286–303.
- Kuhl J., Quirin M., Koole S. L. The functional architecture of human motivation: Personality systems interactions theory // *Advances in Motivation Science*. 2021. Vol. 8. P. 1–62.
- Lajko P., Must A. A jövő emlékei — Az epizodikus jövőgondolkodás narratív irodalmi áttekintése [Memories of the future — A narrative literature review of episodic future thinking] // *Neuropsychopharmacol Hung*. 2023. Vol. 25, no. 3. P. 142–154.
- Manzi C., Paderi F., Benet-Martinez V. Multiple social identities and well-being: Insights from a person-centred approach // *Br. J. Soc. Psychol*. 2023. Vol. 63, no. 2. P. 792–810. URL: <https://bpspsychub.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/bjso.12704> (дата обращения: 25.03.2025).
- McAdams D. P. The psychological self as actor, agent, and author // *Perspectives on Psychological Science*. 2013. Vol. 8, no. 3. P. 272–295.
- Quirin M., Kuhl J. The concert of personality: Explaining personality functioning and coherence by personality systems interactions // *European Journal of Personality*. 2022. Vol. 36, no. 3. P. 274–292.
- Rawolle M., Schultheiss O. C., Strasser A., Kehr H. M. The motivating power of visionary images: Effects on motivation, affect, and behavior // *J. Pers.* 2017. Vol. 85, no. 6. P. 769–781. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27716917/> (дата обращения: 25.03.2025).
- Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing time // *Futures*. 2013. no. 45 (3). P. 38–44. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0016328712002169> (дата обращения: 25.03.2025).
- Schacter D. L., Benoit R. G., Szpunar K. K. Episodic future thinking: Mechanisms and functions // *Curr. Opin. Behav. Sci*. 2017. no. 17. P. 41–50.
- Szpunar K. K., Spreng R. N., Schacter D. L. A taxonomy of prospection: introducing an organizational framework for future-oriented cognition // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2014. no. 11. P. 18414–18421.
- Unsworth K. L., Seivwright A. N. Managing multiple, geographically-separated identities, and its effect on employee retention // *Front. Psychol. Sec. Organizational Psychology*. 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1189823>
- Weinstein N., Przybylski A. K., Ryan R. M. The integrative process: New research and future directions // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22, no. 1. P. 69–74.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2025 г.;
рекомендована к печати 9 июля 2025 г.

Контактная информация:

Аванесян Марина Олеговна — канд. психол. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0003-2482-9043>,
m.avanesyan@spbu.ru
Москвичева Наталья Львовна — канд. психол. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0002-5024-1094>,
n.moskvicheva@spbu.ru

Coherence of self-concepts and individual's life space: A qualitative study

M. O. Avanesyana, N. L. Moskvicheva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Avanesyan M. O., Moskvicheva N. L. Coherence of self-concepts and individual's life space: A qualitative study. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN GLKPNY <https://elibrary.ru/glkpny> (In Russian)

* This study was funded by the Russian Science Foundation Grant no. 24-18-00308 “Processual model of personality integrity: theoretical foundation and empirical referents”.

^a Author for correspondence.

The question of how a person perceives himself in relation to different spheres of life, how he integrates them in his living space, has not been sufficiently studied. The study conducted a qualitative analysis of future representations using the in-depth interview, processing respondents' answers through content and thematic analysis. The sample: 25 adults aged 21 to 43 years, $25 \pm 3,8$ (22 women). A total of 574 free statements were analyzed. The results showed that reference to the life scenario allows structuring the time of life, ensuring the integrity and direction of the life path, while some periods may be perceived as vague. Planning horizons for different spheres differ, but after a certain point in the distant future — late adulthood — a person's identity and sense of self are presented to them as unchanging. The distinction between present and future time is subjectively marked by respondents through thresholds, the transition across which is characterized by a change in emotional attitude and the degree of uncertainty. There were described four ways of coherence of the self in time (partially coinciding with the ways of coherence of the autobiographical narrative): 1) through maintaining commitment to a certain role or value (thematic coherence); 2) through maintaining commitment to a plan, presenting a sequence of steps to achieve an important goal (causal-motivational coherence); 3) through maintaining and/or reproducing a desired state; 4) through maintaining the context of life as stable in time. To establish the coherence of life spheres, respondents used different ways of their connection: time ordering, prioritisation, spatial arrangement of representations (life fragments) in a single mental overview, unification of spheres through the active acting self. We also registered that respondents experience the situation of life choice in different ways — as a forced restriction or, on the contrary, as the emergence of new opportunities. The results allow us more fully describe ideas about the psychology of the life path, the role of coherence of self-concepts in integrity of the individual's life space.

Keywords: coherence of self-concepts, ideas about the future, life spheres, personal life space, life space integrity.

References

- Abulkhanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Life strategy*. Moscow, Mysl Publ. (In Russian)
- Allé, M. C., Potheegadoo, J., Köber, C., Schneider, P., Coutelle, R., Habermas, T., Danion, J. M., Berna, F. (2015). Impaired coherence of life narratives of patients with schizophrenia. *Sci. Rep.*, 10, 5, 12934.
- D'Argembeau, A., Lardi, C., Van der Linden, M. (2012). Exploring the identity function of thinking about the future. *Memory*, 20, 110–120.
- Fenters, V. W., Balven, R. M., Ashforth, B. E., Waldman, D. A., Siegel, D. S., Virgil W. (2025). How identity structure influences identity adoption: The case of hybrid entrepreneurs. *Academy of Management Journal*, 68 (3), 567–597. <https://doi.org/10.5465/amj.2023.0520>
- Grishina, N. V. (2018). The problem of context conceptualization in modern psychology. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, 9, 3, 10–20. (In Russian)
- Grishina, N. V. (2024). Identity as a manifestation of personality integrity. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, 15, 4, 12–24. (In Russian)
- Grishina, N. V., Kostromina, S. N., Mironenko, I. A. (2018). The structure of the problem field of modern personality psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 39, 1, 26–35. (In Russian)
- Habermas, T. (2011). Autobiographical reasoning: Arguing and narrating from a biographical perspective. *New direction for child and adolescent development*, 131, 1–17.
- Habermas, T., Bluck, S. (2000). Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychological Bulletin*, 126 (5), 748–769.
- Khoroshilov, D., Melnikova, O. (2020). Thematic analysis method in the study of ideas about women's leadership. *Organizatsionnaya psikhologiya*, 10, 3, 85–99. (In Russian)
- Korjova, E. Yu., Volkova, E. N., Miklyaeva, A. V., Bezgodova, S. A., Yurkova, E. V. (2020). Event fullness of the guardians' life perspective as a relationship characteristic in the kinship and non-kinship guardians' families. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, 11, 3, 86–98. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110306>

- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinovieva, E.V., Moskvicheva, N.L. (2018). Life model as a construct for studying a personality's life scenario. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 8, 4, 341–357. (In Russian)
- Kuhl, J., Quirin, M., Koole, S.L. (2021). The functional architecture of human motivation: Personality systems interactions theory. *Advances in Motivation Science*, 8, 1–62.
- Lajko, P., Must, A. (2023). Memories of the Future — A Narrative Literature Review of Episodic Future Thinking. *Neuropsychopharmacol Hung.*, 25 (3), 142–154. (In Hungarian)
- Levin, K. (2008). *Field theory in the social sciences*. St. Petersburg, Rech Publ. (In Russian)
- Moskvicheva, N.L., Mamaeva-Niles, V.D. (2024). The concept of “integrity” of personality in modern foreign research: Terminology and content of the concept. *Novye psikhologicheskie issledovaniia*, 4, 62–90. (In Russian)
- Nurkova, V.V. (2011). Instant life review. Metaphor? Real Mnemonic Experience? Retrospective Artifact? On the prospects of research. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 4 (18). Available at: <https://psystudy.ru/num/article/view/835> (accessed: 25.03.2025). (In Russian)
- Nurkova, V.V. (2010). Autobiographic memory in a view of cultural-historical and activity theory methodology. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 7 (2), 64–82. (In Russian)
- Nurkova, V.V. (2022). Self-defining autobiographical memories in the system of personal-mnemonic inter-functional connections. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiya*, 18, 1, 79–89. (In Russian)
- Quirin, M., Kuhl, J. (2022). The concert of personality: Explaining personality functioning and coherence by personality systems interactions. *European Journal of Personality*, 36, 3, 274–292.
- Rubin, A. (2013). Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing time. *Futures*, 45 (3), 38–44. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0016328712002169> (accessed: 25.03.2025).
- Sapogova, E.E. (2017). *Labyrinths of autobiography. Existential-narrative analysis of personal stories*. St. Petersburg, Aletya Publ. (In Russian)
- Schacter, D.L., Benoit, R.G., Szpunar, K.K. (2017). Episodic future thinking: Mechanisms and functions. *Curr. Opin. Behav. Sci.*, 17, 41–50.
- Szpunar, K.K., Spreng, R.N., Schacter, D.L. (2014). A taxonomy of prospection: introducing an organizational framework for future-oriented cognition. *Proc. Natl. Acad. Sci.*, 111, 18414–18421.
- Unsworth, K.L., Seiwright, A.N. (2023). Managing multiple, geographically-separated identities, and its effect on employee retention. *Front. Psychol. Sec. Organizational Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1189823>
- Weinstein, N., Przybylski, A.K., Ryan, R.M. (2013). The integrative process: New research and future directions. *Current Directions in Psychological Science*, 22, 1, 69–74.
- Zaitseva, Yu. E. (2017). Strategies and styles of identity construction in autobiographical self-narratives. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 10, 52, 3. (In Russian)
- Zheltikova, I.V. (2020). Studies of the future and the place of the concept of “Image of the Future”. *Filosofskaiia mysl'*, 2, 15–32. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32302 (accessed: 31.03.2025). (In Russian)

Received: May 20, 2025

Accepted: July 9, 2025

Authors' information:

Marina O. Avanesyan — PhD in Psychology, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-2482-9043>, m.avanesyan@spbu.ru

Natalia L. Moskvicheva — PhD in Psychology, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-5024-1094>, n.moskvicheva@spbu.ru

Инструкция для респондента

1. Бывает ли такое, что Вы задумываетесь о своем будущем, о том, какими Вы будете в будущем?

1) Попробуйте описать образы, картинки, ассоциации, мысли, которые у Вас возникают, когда Вы думаете об этом.

2) К какому периоду времени относится этот образ(ы)? (исследуется вместе с респондентом)

2. Когда Вы думаете о будущем, какой у Вас горизонт планирования, на какое время вперед Вы планируете свое будущее (в повседневности? «вообще»)? Какие представления в связи с этим возникают?

3. Когда Вы думаете о себе в <сфере>, какие представления о себе у Вас возникают? Расскажите о себе в будущем в этой сфере. Каковы корни этих образов? (Детские мечты и фантазии, фильмы, книги, образец в ближайшем окружении). Меняется ли он при перемещении на оси времени — ближнее будущее, среднее и дальнее будущее?

Отдельно рассматривается каждая из четырех сфер.

(1) в сфере отношений (семейных, романтических, дружеских),

(2) работе или обучении,

(3) материальной и бытовой сфере,

(4) сфере саморазвития.

Комментарий для интервьюера: попробуйте проследить происхождение образов — откуда они взялись? насколько детализированы? они связаны с детством? Если они менялись, то что способствовало их переосмыслению — какие-то жизненные обстоятельства, собственные мысли, жизненные кризисы?

4. Затем вместе с респондентом исследуется: Соотносятся ли представления из разных сфер? Что обеспечивает их взаимосвязь, если она есть? Как именно респондент их связывает (тип связи — хронологический, каузальный, ценностный, желаемое состояние, часть контекста жизни) или они, наоборот, не связаны друг с другом, фрагментарны, относятся к разному времени? Одинаково ли он мыслит/ощущает себя (Я) в разных сферах и в разное время?

Для того чтобы обработать полученные в процессе интервью ответы, отдельно выписываются все образы/представления, создается своеобразная «карта» представлений.

Ностальгические переживания китайских студентов в условиях образовательной миграции*

К. В. Барцева¹, Би Синлун¹, Я. С. Самарина¹,
М. В. Лиханов^{1,2}, Е. Л. Солдатова^{1а}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Барцева К. В., Би Синлун, Самарина Я. С., Лиханов М. В., Солдатова Е. Л. Ностальгические переживания китайских студентов в условиях образовательной миграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN HAPKQX

Образовательная миграция — важная тенденция в развитии современного образования — на индивидуально-психологическом уровне связана с кризисной ситуацией для личности. В литературе описано, что студенты, уехавшие учиться в другой город или страну, часто сталкиваются с психологическими проблемами, имеют сниженные показатели субъективного благополучия и повышенную тревожность. Миграция может способствовать усилению ностальгии, однако роль ностальгии в этот период остается малоизученной. Настоящая работа направлена на изучение ностальгических переживаний китайских студентов, уехавших учиться в другой город или страну, и установление связей разных аспектов ностальгии с субъективным благополучием, тревожностью и симптомами кризиса. В исследовании приняли участие 167 китайских студентов (ср. возраст 20,78, ст. откл. 4,30): 1) уехавшие учиться в Россию, 2) уехавшие в другой округ в Китае, 3) оставшиеся в том же округе. Для сбора данных использовались Опросник ГТР-7, Индекс благополучия ВОЗ — 5, Методика оценки симптомов нормативного кризиса, Шкала склонности к ностальгии, а также авторская анкета для качественного изучения ностальгических переживаний. Результаты выявили статистически достоверные различия между группами по уровню субъективного благополучия ($\eta_p^2=0,07$, $p<0,01$), тревожности ($\eta_p^2=0,10$, $p<0,001$), выраженности симптомов кризиса ($\eta_p^2=0,05$, $p=0,02$); однако не обнаружили достоверных различий по склонности к ностальгии, частоте и содержанию ностальгических переживаний. При анализе на полной выборке более высокая частота обращения к ностальгии оказалась связана с более высокой тревожностью ($r_s=0,40$, $p<0,001$) и выраженностью симптомов кризиса ($r_s=0,34$, $p<0,001$). Полученные результаты дополняют данные о том, какую роль играет ностальгия у респондентов в кризисных ситуациях, в том числе в ситуации образовательной миграции, — и могут использоваться в психолого-педагогическом сопровождении иностранных студентов.

Ключевые слова: ностальгия, образовательная миграция, высшее образование, китайские студенты, субъективное благополучие, тревожность, кризис.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости личности в ситуации изоляции». Результаты представлены на Всероссийской конференции с международным участием «Зимняя психологическая школа — 2025».

^а Автор для корреспонденции.

Введение

Образовательная миграция — переезд в другой город или в другую страну с целью обучения — способствует будущему карьерному развитию (Waibel et al., 2017), однако часто влечет за собой внутренний кризис (Chen et al., 2021). Студенческий возраст и переход к ранней взрослости представляют собой сложный период, для которого характерны такие симптомы кризиса, как психологическая неустойчивость, размытие собственной идентичности, тревога и неопределенность в представлениях о будущем (Солдатова, 2008; Нартова-Бочавер и др., 2024; Hasyim et al., 2024). При этом эмпирические данные свидетельствуют, что студенты, переехавшие в другой город или страну, переживают более острый кризис, чем их сверстники, оставшиеся на родине: в частности, они испытывают более высокий уровень стресса (Amanvermez et al., 2024); страдают от одиночества, нехватки дружеского общения и тоски по близким людям (Hunley, 2010; Гришина, 2013; Колантаевская и др., 2016; Лисовская и др., 2024); испытывают сложности с адаптацией к культурной и образовательной среде (Федотова, Миллер, 2018; Tang, Zhang, 2023; Volkova, Kolesov, 2021). У студентов, обучающихся за рубежом, ниже уровень субъективного благополучия (Xiong et al., 2024), чаще встречаются депрессия, тревожность (Çimşir, Ünlü Kaynakçı, 2024; Maharaj et al., 2024; Wang et al., 2023) и даже суицидальное поведение (McKay et al., 2023; Veresova et al., 2024). Отдельную сложность представляет то, что многие из них не могут обратиться за помощью (Mori, 2000; Shek et al., 2024) и вынуждены искать выход из кризиса самостоятельно, в первую очередь — за счет внутренних ресурсов (Larcombe et al., 2024).

Мы предполагаем, что одним из таких ресурсов может стать ностальгия (от греч. νόστος — возвращение домой, θλίψη — печаль) — сентиментальная тоска по прошлому (Wildschut et al., 2006). Ностальгия неоднозначна по своей эмоциональной окраске: она сочетает в себе позитивное (связанное с возвращением к значимым, ресурсным, приятным моментам из прошлого) и негативное (связанное с невозможностью физически переместиться в прошлое) аффективное содержание (Pierro et al., 2013; Sedikides et al., 2015a). Однако, несмотря на ее неоднозначную природу, экспериментальные исследования описывают множество позитивных эффектов ностальгии: она способствует облегчению боли (Zhou et al., 2012; Kersten et al., 2020), отождествлению с собственным Я в прошлом (Sedikides et al., 2015b; van Tilburg et al., 2019), повышает самооценку (Abeyta et al., 2015), а также помогает проявлять креативность и аутентичность (Meng et al., 2019; van Tilburg et al., 2015). Однако эти эффекты могут опосредоваться индивидуально-личностными особенностями — например нейротизмом (Frankenbach et al., 2021). Отметим, что ностальгия может проявляться не только на уровне отдельных субъектов, но и на уровне целых обществ и культур: например, пандемия COVID-19 привела к повышению ностальгических настроений в обществе (Puente-Díaz, Cavazos-Arroyo, 2021; Huang et al., 2023; Xiang et al., 2024), а в китайской культуре урбанизация привела к появлению ностальгии по сельской местности (Meng et al., 2021). Отмечено, что именно кризисные ситуации способствуют усилению ностальгических переживаний и именно для уязвимых популяций они особенно важны (Солдатова и др., 2024;

Wildschut, Sedikides, 2023): так, ценность ностальгических переживаний отмечают заключенные, ожидающие судебного решения (Вартанян и др., 2024), ностальгия является сквозной темой в рассказах мигрантов (Smeekes, Jetten, 2019) и беженцев из разных стран: Северной Кореи (Kim, 2013), Афганистана (Bell, 2016) и Ближнего Востока (Wildschut et al., 2019).

Однако, по нашим данным, существует довольно мало работ, изучающих ностальгию в связи с образовательной миграцией. Хотя тема ностальгии неизбежно поднимается при изучении дневников и интервью студентов, обучающихся за рубежом, она не является центром рассмотрения в этих работах (Pearson-Evans, 2006; Alasmari, 2023). Активно изучается потребительское поведение студентов в чужой стране: так, в работе Л. Хуа (L. Hua) с соавторами было описано, что иностранные студенты предпочитают выбирать товары и услуги, напоминающие им об их родной культуре, потому что это дает чувство спокойствия (в буквальном переводе — заземленности, ‘feeling of groundedness’) (Hua et al., 2023). Обсуждаются ностальгические досуговые активности (Sun et al., 2025) и музыкальные предпочтения (Fanari et al., 2022) студентов за рубежом. Например, в работе Ф. Цзя (F. Jia) и Е. Коку (E. Koku) показано, что китайские студенты, обучающиеся в США, чаще слушают музыку из родной страны, чтобы справиться с негативными переживаниями, в то время как предпочтения американской музыки связаны с более высокой степенью культурной адаптации (Jia, Koku, 2020). Исследование Л. Сонг (L. Song) и коллег, посвященное изучению ностальгии у китайских студентов, уехавших из сельской местности в крупные города, свидетельствует, что академическое давление и социальные вызовы усиливают у студентов чувство оторванности и тоску по своей прежней «более простой» жизни, а возможность свободно выражать ностальгию способствует укреплению эмоциональной связи с прошлым и сохранению образа себя перед лицом постоянных внешних вызовов и изменений (Song et al., 2025).

Исследование ностальгии у студентов из Китая интересно тем, что, с одной стороны, для китайской культуры характерно особое отношение к памяти и прошлому: представители китайской культуры субъективно воспринимают прошлое и будущее как более тесно связанные с настоящим по сравнению с западными студентами (Ji et al., 2019), что потенциально может способствовать большей склонности к ностальгии. С другой стороны, в Китае образовательная миграция является массовым явлением: социоэкономические факторы подталкивают студентов уезжать из родного округа, особенно из сельской местности, чтобы учиться в крупных городах Китая (Wang, Teng, 2022; Seeberg, 2024) и за рубежом (Hansen, Thøgersen, 2015). Согласно статистическим данным, во многих странах, в том числе в России, студенты из Китая являются одной из наиболее многочисленных групп среди иностранных студентов (Краснова, Белоус, 2016; Садловская, 2017). При этом исследования показывают, что уровень благополучия у китайских студентов, обучающихся в России, снижен по сравнению как с российскими студентами, так и со студентами, обучающимися в КНР (Даниленко, Сюй, 2016; Пилишвили и др., 2022). Однако в литературе практически отсутствуют данные о связи благополучия с ностальгическими переживаниями у китайских студентов, уехавших учиться далеко от дома.

В нашей работе мы ставим цель изучить ностальгические переживания китайских студентов в качественном и количественном аспектах, сравнить между собой студентов, обучающихся в Китае (как в родном округе, так и переехавших в другой

округ) и в России, а также проанализировать связи ностальгии с субъективным благополучием, тревожностью и выраженностью симптомов кризиса.

Методы

Выборка. В исследовании приняли участие 167 китайских студентов:

- уехавшие учиться в Россию ($N=67$, 30 мужчин, ср. возраст 22,12, ст. откл. 2,89);
- уехавшие в другой округ в Китае ($N=53$, 30 мужчин, ср. возраст 21,45, ст. откл. 6,04);
- оставшиеся в том же округе Китая, где они закончили школу ($N=47$, 42 мужчины, ср. возраст 18,15, ст. откл. 1,72).

Сбор данных происходил с помощью онлайн-платформы, участие в исследовании было добровольным, на исследование было получено этическое одобрение СПбПО от 06.07.2023 (продлено в июле 2024 г.).

Методики. Для сбора данных были использованы: опросник генерализованного тревожного расстройства ГТР-7 (Spitzer et al., 2006) в адаптации (He et al., 2010); индекс благополучия ВОЗ — 5 (Topp et al., 2015); методика оценки симптомов нормативного кризиса (Шляпникова, 2009; Солдатова, 2008. Для оценки склонности к ностальгии использовалась Саутгемптонская шкала (Routledge et al., 2008; Аленина и др., 2023), включающая в себя вопрос о частоте ностальгических переживаний, а также авторская анкета для качественного изучения ностальгических переживаний. Данная анкета, разработанная научным коллективом на основе анализа литературы, включала в себя четыре блока вопросов:

- 1) триггеры ностальгии: что именно вызывает ностальгию (внешние стимулы, такие как запахи, звуки, виды/картинки, или внутренние переживания — грусть);
- 2) способы представления: как именно человек представляет ностальгическое воспоминание (с помощью языка, звуков, визуальных образов и пр.);
- 3) фактическое содержание: присутствует ли кто-то еще в ностальгических воспоминаниях и, если да, то кто это? (члены семьи, друзья, соседи и т. д.);
- 4) эмоциональное содержание: какие эмоции и с какой силой вызывает ностальгия? насколько ностальгическое воспоминание увлекает или отвлекает от текущей ситуации?

Для методик, у которых не существовало ранее переведенных и адаптированных версий на китайском языке (методика оценки симптомов нормативного кризиса, методика оценки склонности к ностальгии и авторская анкета о содержании ностальгии), был осуществлен перевод с русского на китайский язык с использованием процедуры перевода — обратного перевода (translation — back translation) (Brislin, 1970).

В переводе участвовали четыре внешних эксперта, владеющих и русским, и китайским языками и имеющих переводческие компетенции (в соответствии с рекомендациями (Klotz et al., 2023; Kowal, 2024)). После процедуры перевода — обратного перевода было проведено сравнение полученной версии с исходной. Далее в обсуждении с переводчиками, авторами русскоязычных оригинальных методик (оценки симптомов нормативного кризиса и анкеты о содержании ностальгии), а также с авторами русского перевода методики оценки склонности

к ностальгии были уточнены формулировки, требующие улучшения. Все переводчики и авторы оригинальных текстов согласились с окончательными вариантами формулировок.

Оценка внутренней согласованности, проведенная на этих же данных (общее $N = 167$), показала высокую степень согласованности переведенных пунктов: для Саутгемптонской шкалы склонности к ностальгии α Кронбаха = 0,91, средняя корреляция между пунктами = 0,61 (в методике 7 пунктов); для методики оценки симптомов нормативного кризиса: для шкалы «Опустошенность» α Кронбаха = 0,88, средняя корреляция между пунктами = 0,56 (6 пунктов); для шкалы «Конфликтность» α Кронбаха = 0,87, средняя корреляция между пунктами = 0,57 (5 пунктов). Корреляция между шкалами «Конфликтность» и «Опустошенность» $r = 0,91$ ($p < 0,001$). Авторская анкета о содержании ностальгии имеет качественный характер, поэтому для ее перевода оценка надежности не проводилась.

Статистический анализ. Статистический анализ выполнялся в программах IBM SPSS Statistics v.27.0 и JASP v.18.3. Предварительно была выполнена подготовка данных, удаление выбросов на основе Z -значений (как рекомендовано в (Field et al., 2012), с пороговым значением $\pm 3,29$), в результате было удалено два участника (что составляло менее 5 % от общей выборки). Были рассчитаны описательные статистики и проведен дисперсионный и регрессионный анализ.

Результаты

Сравнение выборок. На первом этапе методом дисперсионного анализа было проведено сравнение трех групп по уровням субъективного благополучия, тревожности и выраженности симптомов кризиса, а также по склонности к ностальгии (см. табл. 1 и рисунок).

Апостериорные сравнения помогли определить направление выявленных различий:

- субъективное благополучие студентов, уехавших учиться в Россию, было достоверно ниже, чем у учащихся, оставшихся в своей стране: как в том же округе Китая (d Коэна = 0,58, $p_{Tukey} < 0,01$), так и в другом округе (d Коэна = 0,48, $p_{Tukey} = 0,03$);
- тревожность студентов, оставшихся в родном округе в Китае, была достоверно ниже, чем в двух других группах (результаты сравнения с группой в другом округе Китая методом Геймса — Хауэлла: $t(96,36) = -3,38$, $p_{Tukey} < 0,01$; сравнение с группой обучающихся 3: $t(111,08) = -4,47$, $p_{Tukey} < 0,001$);
- симптомы кризиса были выше у студентов, уехавших в Россию, по сравнению со студентами, оставшимися в том же округе Китая (опустошенность: d Коэна = 0,58, $p_{Tukey} < 0,01$; внутренняя конфликтность: d Коэна = 0,50, $p_{Tukey} = 0,03$);
- по результатам опросника склонности к ностальгии достоверных различий не было обнаружено.

Для сравнения ситуативного компонента ностальгии мы отдельно сравнили наши группы по вопросу о том, как часто человек ностальгирует (последний вопрос из Саутгемптонской шкалы о склонности к ностальгии). Так как ответы были представлены в порядковой шкале, мы использовали тест Краскала — Уоллиса. Однако проведенный анализ не выявил статистически достоверных различий ($H = 3,53$, $df = 2$, $p = 0,17$).

Далее мы обратились к качественным характеристикам ностальгии, сравнив ответы, которые дали студенты из разных групп о содержании ностальгических переживаний. Учитывая качественный характер этих данных, мы использовали χ^2

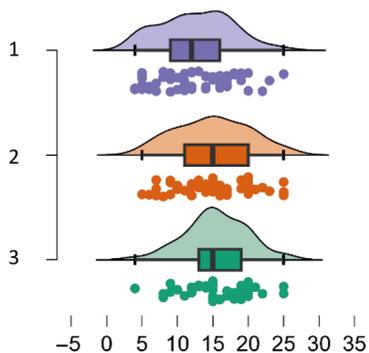
Таблица 1. Результаты сравнения трех выборок (студентов, обучающихся в разных округах Китая и в России)

Параметры	Описательные статистики Среднее (ст. откл)			Результаты ANOVA		
	переехавшие в Россию	переехавшие в другой округ Китая	оставшиеся в родном округе Китая	F (2, 164)	p	η_p^2
Благополучие (Who-5)	12,63 (5,06)	15,00 (5,17)	15,49 (4,37)	5,75	< 0,01	0,07
Тревожность (ГТР-7) ¹	7,25 (6,02)	6,09 (4,94)	3,13 (3,83)	11,52	< 0,001	0,10
Склонность к ностальгии	30,58 (10,85)	32,92 (9,59)	31,87 (8,97)	0,83	0,44	0,01
Симптом кризиса: опустошенность	16,06 (5,19)	15,02 (5,57)	13,13 (4,32)	4,60	0,01	0,05
Симптом кризиса: конфликтность	13,36 (4,78)	12,66 (4,80)	11,09 (3,49)	3,47	0,03	0,04
Симптомы кризиса: сумма	29,32 (9,70)	27,68 (10,17)	24,21 (8,01)	4,25	0,02	0,05
Частота ностальгии ²	4,07 (1,80)	4,62 (1,77)	4,11 (1,63)	$H = 3,53$	0,17	–

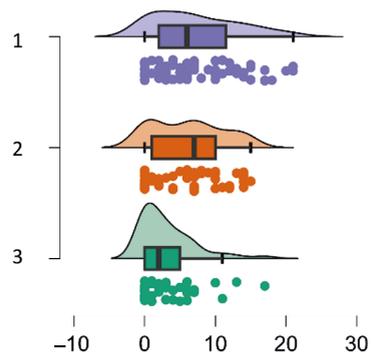
Примечания: ¹ Было выявлено нарушение допущения о гомогенности дисперсий, применена поправка Уэлча. ² Был использован непараметрический аналог, критерий Краскела — Уоллиса.

для таблиц сопряженности для большинства вопросов, а также непараметрический критерий Краскела — Уоллиса для оценки выраженности эмоций и субъективно оцениваемой иммерсивности воспоминания (см. Приложение, табл. П1–П4).

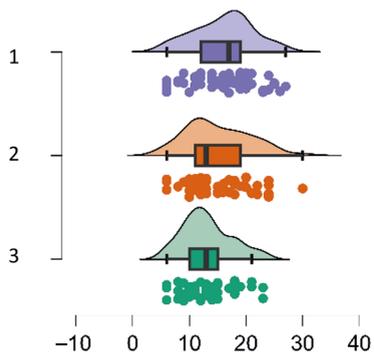
Результаты показали, что статистически достоверные различия между группами по фактическому и эмоциональному содержанию ностальгии отсутствуют: вне зависимости от места обучения студенты примерно с одинаковой частотой говорят о том, что представляют других людей (членов семьи, друзей, соседей) в ностальгических воспоминаниях, используют схожие стратегии (например, предаются ностальгическим воспоминаниям в одиночестве или в разговорах с кем-то), а также испытывают схожие эмоции. Однако различия были обнаружены в ответах на несколько вопросов, связанных с визуальным восприятием: так, в рассмотренных выборках различаются показатели четкости и цветовой окраски образов ностальгических воспоминаний, а также визуальные триггеры ностальгии (в частности, студенты, обучающиеся в России, чаще сообщали о том,

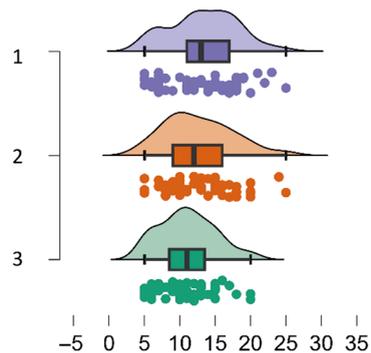
Благополучие

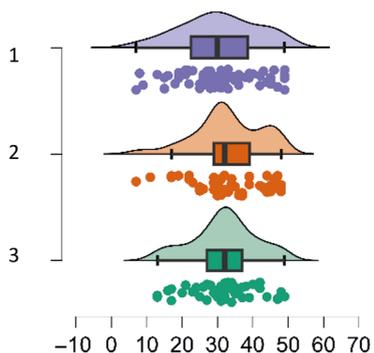
Тревожность

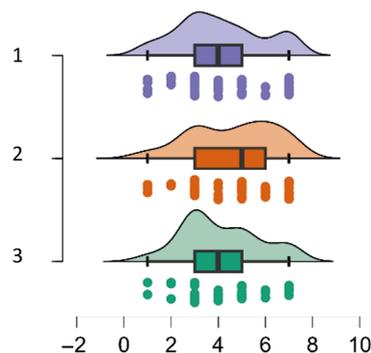
Опустошенность

Раздражительность

Склонность к ностальгии

Частота ностальгии

Примечание 1 — ■ — обучающиеся в России
 2 — ■ — обучающиеся в другом округе Китая
 3 — ■ — обучающиеся в том же округе Китая

Рис. Результаты сравнения трех выборок: распределения и медианные значения

что виды и картинки вызывают у них ностальгические переживания) (см. Приложение, рис. П1–П4).

Анализ связей ностальгии с тревожностью, благополучием и симптомами кризиса. Чтобы проанализировать более сложные связи между показателями ностальгии, особенностями ситуации обучения и субъективного благополучия, был выполнен корреляционный анализ на полной выборке. Результаты показали ожидаемое направление связей для большинства рассмотренных переменных: так, благополучие достоверно отрицательно коррелирует с тревожностью ($r = -0,46$, $p < 0,001$) и силой выраженности симптомов кризиса ($r = -0,40$, $p < 0,001$), а корреляция между тревожностью и выраженностью симптомов кризиса — сильная, положительная ($r = 0,73$, $p < 0,001$). Склонность к ностальгии достоверно слабо коррелирует с тревожностью ($r = 0,18$, $p = 0,02$) и выраженностью симптомов кризиса ($r = 0,19$, $p = 0,01$), а также с силой выраженности эмоций в ностальгическом воспоминании, с малыми размерами эффекта; а частота ностальгии (скорее ситуативная характеристика) демонстрирует средние по силе связи с тревожностью и выраженностью симптомов кризиса (r_s в диапазоне от 0,31 до 0,40, $p < 0,001$).

Для того чтобы подробнее изучить связи ностальгии с другими переменными, мы построили несколько линейных регрессионных моделей (табл. 2). В первой модели зависимой переменной было «Субъективное благополучие», во второй — «Тревожность», в третьей — «Симптомы кризиса». В качестве независимых переменных в модель были добавлены «Частота ностальгии» и «Склонность к ностальгии», в качестве контроля — «Возраст», а также номинативный фактор — «Место обучения». Все модели оказались статистически достоверными.

В первой модели, предсказывающей уровень благополучия, единственным достоверным предиктором оказался номинативный фактор, то есть объясненная изменчивость (5 %) полностью объяснялась рассмотренными ранее различиями между группами уехавших учиться в России и оставшихся учиться в том же округе Китая.

Во второй модели был выявлен достоверный положительный эффект частоты ностальгии для уровня тревожности (чем выше частота ностальгии, тем выше тревожность), а также различия в зависимости от места обучения. Полученная модель объяснила 23 % дисперсии.

Третья модель, предсказывающая выраженность симптомов кризиса, также выявила позитивный эффект частоты ностальгических воспоминаний (чем выше частота ностальгии, тем сильнее выражена кризисная симптоматика) и различия между студентами, уехавшими в Россию и оставшимися в своем округе Китая. Полученная модель объяснила 13 % дисперсии.

Отметим, что склонность к ностальгии не показала значимого эффекта ни в одной из моделей.

Далее мы рассмотрели, какой вклад эмоциональное содержание ностальгии (ответ на вопрос «Какие эмоции вызывает у Вас погружение в ностальгическое воспоминание? Насколько сильно выражены эти эмоции?») вносит в те же три переменные: «Благополучие», «Тревожность» и «Выраженность симптомов кризиса» — у студентов, обучающихся в разных округах Китая и в России (табл. 3).

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа, оценивающего эффект частоты и склонности к ностальгии для субъективного благополучия, тревожности и выраженности симптомов кризиса

Параметры	Модель 1. Зависимая переменная «Благополучие»		Модель 2. Зависимая переменная «Тревожность»		Модель 3. Зависимая переменная «Симптомы кризиса»	
	R ² = 0,08	Adjusted R ² = 0,05	R ² = 0,25	Adjusted R ² = 0,23	R ² = 0,16	Adjusted R ² = 0,13
ANOVA	F (5, 160) = 2,90, p = 0,02		F (5, 160) = 10,59, p < 0,001		F (5, 160) = 5,95, p < 0,001	
(Intercept)	Coefficients	t	p	Coefficients	t	p
	15,54 ¹	6,81	< 0,001	-2,06 ¹	-0,94	0,35
Возраст	0,07	0,81	0,42	0,02	0,22	0,83
Склонность к ностальгии	-0,02	-0,18	0,86	< 0,01	< 0,01	1,00
Частота ностальгии	-0,10	-1,18	0,24	0,38	4,77	< 0,001
Место обучения (в России)	-3,24 [*]	-3,19	< 0,01	4,17 ¹	4,26	< 0,001
Место обучения (в другом округе Китая)	-0,59 [*]	-0,56	0,57	2,29 [*]	2,29	0,02
				Coefficients	t	p
				16,85 ¹	4,06	< 0,001
				-0,02	-0,27	0,78
				0,05	0,59	0,55
				0,30	3,52	< 0,001
				5,65 [*]	1,44	< 0,01
				2,73 [*]	0,15	0,15

Примечание: * Для факторов приведены нестандартизированные коэффициенты.

Результаты регрессионного анализа показали, что эмоциональное содержание ностальгии не связано с выраженностью симптомов кризиса, однако связано с тревожностью (в случае, если ностальгическое воспоминание вызывало тревогу, беспокойство) и с благополучием (чувства благодарности и спокойствия были связаны с более высоким уровнем благополучия, а иммерсивность ностальгического переживания и страх ($p = 0,04$) — с более низким уровнем).

Обсуждение результатов

Результаты рассмотрения ностальгических переживаний трех групп китайских студентов, обучающихся в Китае и в России, свидетельствуют о сложных связях ностальгии с ситуацией образовательной миграции, с благополучием, тревожностью и кризисной симптоматикой.

Нам удалось реплицировать результаты предыдущих исследований о сниженном субъективном благополучии и повышенной тревожности у студентов, обучающихся за рубежом (Xiong et al., 2024), а также дополнить их данными о различиях в выраженности симптомов кризиса: внутренней конфликтности и опустошенности. Результаты апостериорных сравнений указывают на то, что переезд для обучения в пределах своей страны приводит к менее выраженным негативным последствиям, чем переезд за рубеж: в наших данных две группы, обучающиеся в Китае, не различаются по уровню субъективного благополучия и выраженности симптомов кризиса, хотя и различаются по тревожности, в то время как группа, обучающаяся в России, демонстрирует более низкое благополучие и более высокую выраженность симптомов кризиса.

Сравнение ностальгических переживаний не выявило различий между тремя выборками: склонность к ностальгии и частота ностальгии не различались в зависимости от фактора «Место обучения». В содержании ностальгии мы не выявили различий по большинству вопросов анкеты, включая вопросы о присутствии людей в воспоминаниях, о вызываемых воспоминаниями эмоциях, о триггерах и стратегиях представления ностальгии (за исключением визуальной модальности).

Сравнение ответов, связанных с визуальной модальностью, выявило интересную закономерность: с одной стороны, у учащихся в России реже встречаются черно-белые воспоминания по сравнению с учащимися из Китая ($p = 0,04$), предметы в их воспоминаниях чаще имеют четкую форму и окрашены в те цвета, которые были на самом деле; с другой стороны — именно студенты из России чаще отвечают, что возникновению ностальгических переживаний у них способствуют «виды/картинки». Обнаруженные отличия могут объясняться разными причинами: с одной стороны, возможно, что китайские студенты, обучающиеся в России, чаще обращаются к визуальному контенту (например, фотографиям дома или родных), вызывающему у них ностальгию, и за счет этого лучше помнят фактические детали; с другой — выявленные различия могут объясняться неким третьим конструктом, например визуально-пространственными способностями, которые влияют и на отчетливость визуальных образов (Burton, Fogarty, 2003; Csíkos, Kárpáti, 2018), и на стратегии оперирования ими (Барцева и др., 2023), и на образовательную успешность (Аристова и др., 2018). Учитывая, что в китайском высшем образо-

вании существует высокая конкуренция за право учиться в лучших университетах Китая и за рубежом (Lim et al., 2024), между нашими выборками могут существовать дополнительные различия в уровне когнитивных способностей, в том числе пространственных, косвенно влияющие на визуальный аспект ностальгических переживаний.

Результаты сравнения разных аспектов ностальгических переживаний между выборками (отсутствие различий по частоте и склонности к ностальгии, а также по большинству вопросов о содержании ностальгии) может свидетельствовать о том, что объединяющие факторы рассмотренных нами студентов (культурные, возрастные, психологические и др.) оказывают более сильное влияние на содержание ностальгии, чем объективные характеристики ситуации. К примеру, отсутствие различий по тому, с какой частотой студенты вспоминают членов семьи в своих ностальгических воспоминаниях, может объясняться высокой ценностью семьи в китайской культуре в целом (Даниленко, Сюй, 2018). Теоретически, полученные результаты могут указывать на то, что содержание ностальгических воспоминаний остается относительно стабильным, несмотря на образовательную миграцию, однако для этого вывода необходимы лонгитюдные данные.

Лонгитюдные данные необходимы и для того, чтобы определить направление выявленных нами связей ностальгии с благополучием, тревожностью и симптомами кризиса. Регрессионный анализ показал отсутствие влияния склонности к ностальгии на зависимые переменные, однако выявил достоверный позитивный эффект частоты ностальгии на тревожность и симптомы кризиса. Данные результаты могут обсуждаться, с одной стороны, как доказательство нашего первоначального предположения о том, что в кризисной ситуации переезда люди чаще обращаются к ностальгическим воспоминаниям, пытаясь найти в них опору, ресурс и связь с собой в прошлом (Солдатова и др., 2024). Однако возможно и противоположное толкование: в исторических исследованиях были описаны негативные последствия избыточной ностальгии, усиливающей кризис личности (Batcho, 2013). Кроме того, в литературе обсуждается, что нейротизм, позитивно коррелирующий с тревожностью (Rutter, Brown, 2017), может опосредовать эффекты ностальгии и даже сводить к нулю пользу ностальгии для личностей, характеризующихся высоким нейротизмом и тревожностью (Frankenbach et al., 2021).

Косвенное доказательство того, что нейротизм как негативная эмоциональность может опосредовать эффект ностальгии для благополучия, было получено и в наших данных, при анализе эмоционального содержания ностальгии. Мы показали, что, если ностальгическое воспоминание вызывает страх, то эта эмоция обладает негативным эффектом для субъективного благополучия, а вызываемое ностальгией беспокойство связано с более высокими результатами ГТР-7. Однако отметим и «позитивную эмоциональность»: способность почувствовать благодарность, мир и спокойствие при погружении в ностальгию оказалась позитивно связана с благополучием. При этом интересно, что, несмотря на корреляции благополучия с тревожностью и симптомами кризиса, на тревожность и симптомы кризиса эффект позитивных эмоций не распространялся. Таким образом, эффекты ностальгии — состояния, по определению неоднородного по своему эмоциональному тону, — могут варьироваться в зависимости от выраженности конкретных эмоций, таких как благодарность, спокойствие и страх.

Обратим внимание на то, как соотносятся результаты проведенных нами анализов друг с другом: с одной стороны, мы нашли различия между группами по показателям субъективного благополучия, тревожности и выраженности симптомов кризиса, но не по характеристикам ностальгии. С другой стороны, нам удалось установить, что показатели субъективного благополучия, тревожности и симптомов кризиса достоверно связаны с частотой и эмоциональным содержанием ностальгии. Таким образом, наши данные свидетельствуют о том, что ностальгия связана преимущественно не с объективной внешней ситуацией, а скорее с тем, как человек субъективно воспринимает и переживает имеющиеся обстоятельства. Полученные результаты подтверждают тезис о важности ситуационного подхода, подразумевающего изучение ностальгии в связи «с внутренними переживаниями, отраженными в представлениях человека о ситуации» (Солдатова и др., 2024, с. 471).

Выводы

Китайские студенты, обучающиеся в России, имеют более низкий уровень субъективного благополучия, но более высокий уровень тревожности и выраженности симптомов кризиса, чем их сверстники, оставшиеся в Китае. Высокая тревожность и выраженность симптомов кризиса связана с более высокой частотой обращения к ностальгическим воспоминаниям в полной выборке. При рассмотрении качественного аспекта ностальгических воспоминаний выявлены различия, связанные с триггерами и деталями представления в визуальной модальности. Остальные вопросы (о триггерах ностальгии, стратегиях представления, эмоциональном и фактическом содержании воспоминаний) не различались у рассмотренных нами выборок и, возможно, объяснялись общими культурными, возрастными и индивидуально-личностными особенностями. Анализ эмоционального содержания ностальгии выявил, что сила выраженности конкретных эмоций в ностальгическом воспоминании (в частности благодарности, спокойствия и страха) связана с уровнем субъективного благополучия.

Полученные результаты дополняют данные о том, какую роль играет ностальгия у уязвимых выборок в кризисных ситуациях — в том числе в ситуации образовательной миграции — и в будущем могут быть использованы в рекомендациях об учитывании ностальгии в психолого-педагогическом сопровождении иностранных студентов.

Ограничения

Главным ограничением настоящего исследования является его срезовой дизайн: для установления причинно-следственных связей между ностальгией, благополучием, кризисной симптоматикой и тревожностью у иностранных студентов будут полезны лонгитюдные и экспериментальные исследования.

Отметим также, что наши выборки не были сбалансированы по полу и возрасту, что связано с добровольностью рекрутинга и отсутствием цели рассмотреть половозрастные различия. В будущих исследованиях будет полезно рассмотреть

эффекты социодемографических характеристик, а также других индивидуальных различий (личностных, когнитивных), потенциально опосредующих связь между ностальгией и благополучием.

Отдельно отметим, что результаты некоторых сравнений, приведенных в тексте, имеют уровень p -значимости, попадающий в «зону неопределенности» — от 0,4 до 0,5 — например, выраженность страха). При большей выборке, возможно, нам удалось бы получить более определенные результаты.

Благодарности

Авторский коллектив благодарит:

- организаторов и слушателей Зимней психологической школы за интерес к настоящему проекту, полезные рекомендации и конструктивную обратную связь;
- Черницкую Алису Борисовну, старшего преподавателя китайского языка кафедры востоковедения СПбГУ, Сунь Юежань, студента кафедры РКИ СПбГУ, Ли Сяоминь, ассистента Шаньдунского технологического университета и аспиранта Российского университета дружбы народов, и Хуан Шаньшань, магистранта кафедры иностранных языков НИУ ВШЭ, за помощь с переводом опросников на китайский язык через процедуру перевода — обратного перевода;
- анонимных рецензентов за внимательное изучение статьи и ценные комментарии.

Литература

- Аленина Е. А., Барцева К. В., Лиханов М. В., Цигеман Э. С., Солдатова Е. Л. Валидизация русскоязычной версии опросника «Склонность к ностальгии» и его связь с другими психологическими конструктами // *Ананьевские чтения — 2023. Человек в современном мире: Потенциалы и перспективы психологии развития: Материалы международной научной конференции (7–20 октября 2023 г.)* / под общ. ред. О. Ю. Стрижицкой, В. И. Прусакова, А. В. Шаболтас. М., 2023. С. 386.
- Аристова И. Л., Есипенко Е. А., Исмагуллина В. И., Ковас Ю. В., Малых С. Б., Солдатова Е. Л., Фекличева И. В., Фенин А. Ю., Чипеева Н. А., Шарафиева К. Р., Масленникова Е. П. Пространственные способности: структура и этиология // *Вопросы психологии*. 2018. № 1. С. 118–126.
- Барцева К. В., Лиханов М. В., Солдатова Е. Л. Проблемы и перспективы современных подходов к изучению стратегий пространственного мышления // *Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Гуманитарные и общественные науки*. 2023. № 4 (7). С. 383–398. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-4-383-398>
- Вартамян Г. А., Солдатова Е. Л., Лиханов М. В., Барцева К. В., Цветкова Е. Ю. Особенности ностальгических переживаний женщин, содержащихся в следственном изоляторе // *Психология и право*. 2024. № 4 (14). С. 133–149. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140409>
- Гришина Н. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // *Психологические исследования*. 2013. № 30 (6). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.684>
- Даниленко О. И., Сюй И. Субъективное благополучие китайских студентов на разных этапах обучения в вузах России и Китая // *Российский психологический журнал*. 2016. № 4 (13). С. 137–156. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-7-126-159>
- Даниленко О. И., Сюй И. Ценности китайских студентов: значимость и доступность // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2018. № 1 (8). С. 34–46. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.103>

- Колантаевская А. С., Гришина Н. В., Базаров Т. Ю. Стилевые особенности самодетерминации в ситуации жизненных изменений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. № 4. С. 51–62.
- Краснова (Ашитова) Г. А., Белоус В. В. Китайские студенты за рубежом // Аккредитация в образовании. 2016. № 3 (87). С. 46–49.
- Лисовская И. В., Омельченко Е. Л., Гарифзянова А. Р. Молодежь едет учиться в мегаполис: как не остаться в одиночестве // Вопросы образования. 2024. № 3 (2). С. 136–170. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17283>
- Нартова-Бочавер С. К., Бардадымов В. А., Ерофеева В. Г., Хачатурова М. Р., Хачатрян Н. Г. Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 170–202. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17187>
- Пилишвили Т. С., Данилова А. С., Савушкина А. И. Особенности субъективного благополучия российских и китайских студентов: сравнительный анализ проблемы // Образование и наука. 2022. № 7 (24). С. 126–159. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-7-126-159>
- Садловская М. В. Иностранцы студенты в России: Прошлое и настоящее // Проблемы высшего образования. 2017. № 1. С. 79–81.
- Солдатова Е. Л. Психологическое содержание нормативных кризисов развития личности взрослого человека // Психология. Психофизиология. 2008. № 31 (131). С. 39–47.
- Солдатова Е., Барцева К., Аленина Е., Цигеман Э., Лиханов М., Вартанян Г. Ностальгия как психологический феномен: теоретический обзор исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. № 3 (14). С. 458–484. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.304>
- Федотова Н. Л., Миллер Л. В. Особенности адаптации иностранных студентов к русской лингвокультурной и образовательной среде // Лингвокультурология: теоретические и прикладные аспекты. 2018. № 16 (2). С. 191–206. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-191-206>
- Шляпникова И. А. Методика диагностики симптомов нормативного кризиса взрослости // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 4. С. 185–192.
- Abeyta A. A., Routledge C., Juhl J. Looking back to move forward: Nostalgia as a psychological resource for promoting relationship goals and overcoming relationship challenges // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. No. 6 (109). P. 1029–1044. <https://doi.org/10.1037/pspi0000036>
- Alasmari A. A. Challenges and social adaptation of international students in Saudi Arabia // Heliyon. 2023. No. 5 (9). P. e16283. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e16283>
- Amanvermez Ya., Karyotaki E., Cuijpers P., Ciharova M., Bruffaerts R., Kessler R. C., Klein A. M., Wiers R. W., de Wit L. M. Sources of stress among domestic and international students: a cross-sectional study of university students in Amsterdam, The Netherlands // Anxiety, Stress, & Coping. 2024. No. 4 (37). P. 428–445. <https://doi.org/10.1080/10615806.2023.2280701>
- Batcho K. I. Nostalgia: The bittersweet history of a psychological concept // History of Psychology. 2013. No. 3 (16). P. 165–176. <https://doi.org/10.1037/a0032427>
- Bell D. E. The Promise of Return: Nostalgia and Ambivalent Commitments to Place in Arab and Afghan Refugee Experiences. Leiden: Brill, 2016. P. 1–11. https://doi.org/10.1163/9781848883987_002
- Brislin R. W. Back-translation for cross-cultural research // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1970. No. 3 (1). P. 185–216. <https://doi.org/10.1177/135910457000100301>
- Burton L. J., Fogarty G. J. The factor structure of visual imagery and spatial abilities // Intelligence. 2003. No. 3 (31). P. 289–318. [https://doi.org/10.1016/S0160-2896\(02\)00139-3](https://doi.org/10.1016/S0160-2896(02)00139-3)
- Chen S., Fang S., He S. Analysis of college students' mental health and suggestions on crisis prevention // Psychology. 2021. No. 12 (12). P. 1982–1989. <https://doi.org/10.4236/psych.2021.1212120>
- Çimşir E., Ünlü Kaynakçı F. Z. Acculturative stress and depressive symptoms among international university students: A meta-analytic investigation // International Journal of Intercultural Relations. 2024. No. 102. P. 102041. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.102041>
- Csikós C., Kárpáti A. Connections between spatial ability and visual imagery preferences // Acta Polytechnica Hungarica. 2018. No. 15. P. 71–90. <https://doi.org/10.12700/APH.15.7.2018.74>
- Fanari A., Gahler H., Case T., Gim H., Harwood J. Study abroad soundtracks: Exploring the role of music in cross-cultural (re)adaptation among U.S. and international students // Journal of Intercultural Communication Research. 2022. No. 5 (51). P. 510–527. <https://doi.org/10.1080/17475759.2022.2028657>

- Field A. P., Miles J., Field Z. C. *Discovering statistics using R: and sex and drugs and rock 'n' roll*. Los Angeles: Sage Publishing, 2012.
- Frankenbach J., Wildschut T., Juhl J., Sedikides C. "Does neuroticism disrupt the psychological benefits of nostalgia? A meta-analytic test": Corrigendum // *European Journal of Personality*. 2021. No. 35. P.772–772. <https://doi.org/10.1177/08902070211026136>
- Hansen A. S., Thøgersen S. The anthropology of Chinese transnational educational migration // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2015. No. 3 (44). P.3–14. <https://doi.org/10.1177/186810261504400301>
- Hasyim F.F., Setyowibowo H., Purba F.D. Factors contributing to quarter life crisis on early adulthood: A systematic literature review // *Psychology Research and Behavior Management*. 2024. No. 17. P.1–12. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S438866>
- He X., Li C., Qian J., Cui H. S., Wu W. Reliability and validity of a generalized anxiety scale in general hospital outpatients // *Shanghai Archives of Psychiatry*. 2010. No. 22. P.200–203. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-0829.2010.04.002>
- Hua L., Rasool Z., Ansari M. A. A., Khan A. J., Hanif N., Ul. Hameed W. International students' nostalgic behaviour towards the purchase of products and services // *Sustainability*. 2023. No. 4 (15). P.2888. <https://doi.org/10.3390/su15042888>
- Huang K.-J., Chang Ya.-H., Landau M. J. Pandemic nostalgia: Reduced social contact predicts consumption of nostalgic music during the COVID-19 pandemic // *Social Psychological and Personality Science*. 2023. Art. 19485506221149463. <https://doi.org/10.1177/19485506221149463>
- Hunley H. A. Students' functioning while studying abroad: The impact of psychological distress and loneliness // *International Journal of Intercultural Relations*. 2010. No. 4 (34). P.386–392. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.08.005>
- Ji L.-J., Hong E. K., Guo T., Zhang Z., Su Ya., Li Ye. Culture, psychological proximity to the past and future, and self-continuity // *European Journal of Social Psychology*. 2019. No. 4 (49). P.735–747. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2544>
- Jia F., Koku E. Music listening and cultural adaptation: How different languages of songs affect Chinese international students' uses of music and cultural adaptation in the United States // *Journal of International and Intercultural Communication*. 2020. No. 4 (13). P.291–308. <https://doi.org/10.1080/17513057.2019.1618893>
- Kersten M., Swets J. A., Cox C. R., Kusumi T., Nishihata K., Watanabe T. Attenuating pain with the past: Nostalgia reduces physical pain // *Frontiers in Psychology*. 2020. No. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.572881>
- Kim M. North Korean refugees' nostalgia: The border people's narratives // *Asian Politics & Policy*. 2013. No. 4 (5). P.523–542. <https://doi.org/10.1111/aspp.12063>
- Klotz A. C., Swider B. W., Kwon S. H. Back-translation practices in organizational research: Avoiding loss in translation // *Journal of Applied Psychology*. 2023. No. 5 (108). P.699–727. <https://doi.org/10.1037/apl0001050>
- Kowal M. Translation practices in cross-cultural social research and guidelines for the most popular approach: back-translation // *Anthropological Review*. 2024. No. 87. P.19–32. <https://doi.org/10.18778/1898-6773.87.3.02>
- Larcombe W., Ryan T., Baik Ch. Are international students relatively resilient? Comparing international and domestic students' levels of self-compassion, mental health and wellbeing // *Higher Education Research & Development*. 2024. No. 2 (43). P.362–376. <https://doi.org/10.1080/07294360.2023.2234315>
- Lim M. A., Liu B., Sun Z. De-westernising competition: 'Harmony of competition' in Chinese higher education // *Studies in Higher Education*. 2024. No. 10 (49). P.1763–1778. <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2386408>
- Maharaj R., Ndwiwa D., Chutiyami M. Mental health and wellbeing of international students in Australia: a systematic review // *Journal of Mental Health (Abingdon, England)*. 2024. Vol. 34, iss. 4. P.431–449. <https://doi.org/10.1080/09638237.2024.2390393>
- McKay S., Veresova M., Bailey E., Lamblin M., Robinson J. Suicide prevention for international students: A scoping review // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. No. 2 (20). P.1500. <https://doi.org/10.3390/ijerph20021500>
- Meng Z., Cai L. A., Day J., Tang C.-H., Lu Yi., Zhang H. Authenticity and nostalgia — subjective well-being of Chinese rural-urban migrants. *Journal of Heritage Tourism*. 2019. No. 14 (5–6). P.506–524. <https://doi.org/10.1080/1743873X.2019.1567739>

- Mori S. C. Addressing the Mental Health Concerns of International Students // *Journal of Counseling & Development*. 2000. No. 2 (78). P.137–144. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.2000.tb02571.x>
- Pearson-Evans A. Chapter 3. Recording the Journey: Diaries of Irish Students in Japan *Multilingual Matters* // Byram M., Feng A. (eds). *Living and Studying Abroad*. Bristol: Multilingual Matters, 2006. P.38–63. <https://doi.org/10.21832/9781853599125-005>
- Pierro A., Pica G., Klein K., Kruglanski A. W., Higgins E. T. Looking back or moving on: How regulatory modes affect nostalgia // *Motivation and Emotion*. 2013. No. 4 (37). P.653–660. <https://doi.org/10.1007/s11031-013-9350-9>
- Puente-Díaz R., Cavazos-Arroyo J. Fighting social isolation with nostalgia: Nostalgia as a resource for feeling connected and appreciated and instilling optimism and vitality during the COVID-19 pandemic // *Frontiers in Psychology*. 2021. No. 12. P.740247. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.740247>
- Routledge C., Arndt J., Sedikides C., Wildschut T. A blast from the past: The terror management function of nostalgia // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. No. 1 (44). P.132–140. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2006.11.001>
- Rutter L. A., Brown T. A. Psychometric properties of the Generalized Anxiety Disorder Scale-7 (GAD-7) in outpatients with anxiety and mood disorders // *Journal of psychopathology and behavioral assessment*. 2017. No. 1 (39). P.140–146. <https://doi.org/10.1007/s10862-016-9571-9>
- Sedikides C., Wildschut T., Routledge C., Arndt J., Hepper E. G., Zhou X. To Nostalgize // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2015a. Vol. 51. P.189–273. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2014.10.001>
- Sedikides C., Wildschut T., Routledge C., Arndt J. Nostalgia counteracts self-discontinuity and restores self-continuity // *European Journal of Social Psychology*. 2015b. No. 1 (45). P.52–61. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2073>
- Seeberg V. The social and educational impact of rural migration in China // *Chinese Education Society*. 2024. No. 1–2 (57). P.1–14. <https://doi.org/10.1080/10611932.2024.2377002>
- Shek C.H.M., Chan S.W.C., Stubbs M.A., Lee R.L.T. Promoting international students' mental health unmet needs: An integrative review // *International Journal of Mental Health Promotion*. 2024. No. 26 (11). P.905–924. <https://doi.org/10.32604/ijmh.2024.055706>
- Smeekes A., Jetten J. Longing for one's home country: National nostalgia and acculturation among immigrants and natives // *International Journal of Intercultural Relations*. 2019. No. 69. P.131–150. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.02.001>
- Song L., Chen Y., Xu H. Retrospection and separation: Narratives of nostalgia among rural students in Chinese universities // *Dynamics of Rural Society Journal*. 2025. No. 1 (3). P.77–92. <https://doi.org/10.37905/drsj.v3i1.79>
- Spitzer R. L., Kroenke K., Williams J. B. W., Löwe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder: the GAD-7 // *Archives of Internal Medicine*. 2006. No. 10 (166). P.1092–1097. <https://doi.org/10.1001/archinte.166.10.1092>
- Sun W., Kim J., Park J., Lee C. “I felt warm, familiar and comfortable”: A case study of Western exchange students seek nostalgic leisure experiences in South Korea // *Leisure Sciences*. 2025. P.1–17. <https://doi.org/10.1080/01490400.2025.2454534>
- Tang L., Zhang C. Global research on international students' intercultural adaptation in a foreign context: A visualized bibliometric analysis of the scientific landscape // *Sage Open*. 2023. No. 4 (13). Art. 21582440231218849. <https://doi.org/10.1177/21582440231218849>
- van Tilburg W. A. P., Sedikides C., Wildschut T. The mnemonic muse: Nostalgia fosters creativity through openness to experience // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2015. No. 59. P.1–7. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2015.02.002>
- van Tilburg W. A. P., Sedikides C., Wildschut T., Vingerhoets A. J. J. M. How nostalgia infuses life with meaning: From social connectedness to self-continuity // *European Journal of Social Psychology*. 2019. No. 3 (49). P.521–532. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2519>
- Topp C. W., Østergaard S. D., Søndergaard S., Bech P. The WHO-5 Well-Being Index: A systematic review of the literature // *Psychotherapy and Psychosomatics*. 2015. No. 3 (84). P.167–176. <https://doi.org/10.1159/000376585>
- Veresova M., Lamblin M., Robinson J., McKay S. A systematic review and narrative synthesis of prevalence rates, risk and protective factors for suicidal behavior in international students // *Frontiers in Psychiatry*. 2024. No. 15. P.1358041. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1358041>

- Volkova N., Kolesov A. A. Adjustment or inclusion?: Adaptation challenges of domestic and international students in an English-medium instruction university // *Journal of International Students*. 2021. No. 2 (12). <https://doi.org/10.32674/jis.v12i2.3594>
- Waibel S., Rüger H., Ette A., Sauer L. Career consequences of transnational educational mobility: A systematic literature review // *Educational Research Review*. 2017. No. 20. P. 81–98. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2016.12.001>
- Wang D., Teng Yu. Educational migration and rural decline in China // *The China Journal*. 2022. No. 88. P. 100–125. <https://doi.org/10.1086/719473>
- Wang Yu., Wang X., Wang X., Guo X., Yuan L., Gao Yu., Pan B. Stressors in university life and anxiety symptoms among international students: a sequential mediation model // *BMC Psychiatry*. 2023. No. 1 (23). P. 556. <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05046-7>
- Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. Nostalgia: Content, triggers, functions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. No. 91. P. 975–993. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.5.975>
- Wildschut T., Sedikides C. Benefits of nostalgia in vulnerable populations // *European Review of Social Psychology*. 2023. Vol. 34. Iss. 1. P. 44–91. <https://doi.org/10.1080/10463283.2022.2036005>
- Wildschut T., Sedikides C., Alowidy D. Hanin: Nostalgia among Syrian refugees // *European Journal of Social Psychology*. 2019. No. 7 (49). P. 1368–1384. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2590>
- Xiang P., Chen L., Xu F., Du S., Liu M., Zhang Yi., Tu J., Yin X. The impact of the COVID-19 pandemic on nostalgic social media use // *Frontiers in Psychology*. 2024. No. 15. P. 1431184. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1431184>
- Xiong W., Radünz M., Ali K., King D., Kyrios M., Zhao Yu., Fassnacht D. Comparing the mental health and wellbeing of domestic and international tertiary students: A systematic review and meta-analysis // *Journal of International Students*. 2024. No. 14. P. 702–740. <https://doi.org/10.32674/jis.v14i4.6647>
- Zhou X., Wildschut T., Sedikides C., Chen X., Vingerhoets A. J. J. M. Heartwarming memories: Nostalgia maintains physiological comfort // *Emotion (Washington, D. C.)*. 2012. No. 4 (12). P. 678–684. <https://doi.org/10.1037/a0027236>

Статья поступила в редакцию 23.05.2025 г;
рекомендована к печати 12.07.2025

Контактная информация:

Барцева Ксения Викторовна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>,
k.bartseva@spbu.ru

Синлун Би — студент; <https://orcid.org/0009-0008-8433-2809>, xinglongbi1@gmail.com

Самарина Яна Сергеевна — студент; <https://orcid.org/0009-0005-6895-9458>,
samarinayana10@yandex.ru

Лиханов Максим Владимирович — канд. филол. наук, ст. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, maximus.minimus@mail.ru

Солдатова Елена Леонидовна — д-р. психол. наук, профессор;
<https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e.l.soldatova@spbu.ru

Nostalgia among Chinese students: A study of educational migration*

K. V. Bartseva¹, X. L. Bi¹, Ya. S. Samarina¹, M. V. Likhanov^{1,2}, E. L. Soldatova^{1a}

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² HSE University,

20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

* The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-18-00142. The results were presented at the All-Russian conference with international participation “Winter Psychological School — 2025”.

^a Author for correspondence.

For citation: Bartseva K. V., Bi Xing Long, Samarina Ya. S., Likhanov M. V., Soldatova E. L. Nostalgia among Chinese students: A study of educational migration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN HAPKQX (In Russian)

Although educational migration is common in modern higher education, research shows that students studying in another city or country often experience psychological distress and report lower levels of subjective well-being and increased anxiety. Migration can also evoke nostalgia, but its role during this period is not well understood. The present work aims to examine the nostalgia experienced by Chinese students who left to study in another city or country, and to establish the relationships between different aspects of nostalgia and subjective well-being, anxiety, and crisis symptoms. A total of 167 Chinese students (mean age 20.78, SD 4.30) participated in the study: 1) those who left to study in Russia, 2) those who left for another province in China, and 3) those who remained in their home province. The data were collected using GAD-7, WHO-5, Crisis Symptom Scale, Nostalgia Proneness Scale, and the author's questionnaire for qualitative study of nostalgia. Results revealed statistically significant between-group differences in subjective well-being ($\eta_p^2 = 0.07, p < 0.01$), anxiety ($\eta_p^2 = 0.10, p < 0.001$), and crisis symptom severity ($\eta_p^2 = 0.05, p = 0.02$); however, no differences were found in nostalgia proneness, frequency, and content. Analysis on the full sample showed that higher frequency of nostalgia was associated with higher anxiety ($r_s = 0.40, p < 0.001$) and crisis symptom severity ($r_s = 0.34, p < 0.001$). The obtained results expand existing data on nostalgia in vulnerable populations, and its role as a psychological resource supporting international students.

Keywords: nostalgia, educational migration, higher education, Chinese students, subjective well-being, anxiety, crisis.

References

- Abeyta, A. A., Routledge, C., Juhl, J. (2015). Looking back to move forward: Nostalgia as a psychological resource for promoting relationship goals and overcoming relationship challenges. *Journal of Personality and Social Psychology*, 109 (6), 1029–1044. <https://doi.org/10.1037/pspi0000036>
- Alasmari, A. A. (2023). Challenges and social adaptation of international students in Saudi Arabia. *Heliyon*, 9 (5), e16283. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e16283>
- Alenina, E. A., Bartseva, K. V., Likhanov, M. V., Cigeman, E. S., Soldatova, E. L. (2023). Validation of the Russian version of the Nostalgia Proneness questionnaire and its relationship to other psychological constructs In: Strizhitskaia O. Yu., Prusakov V.I., Shaboltas A. V. (eds). *Ananëvskie chteniia — 2023. Chelovek v sovremennom mire: Potentsialy i perspektivy psikhologii razvitiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (7–20 oktiabria 2023 g.)* (p. 386). Moscow. (In Russian)
- Amanvermez, Ya., Karyotaki, E., Cuijpers, P., Ciharova, M., Bruffaerts, R., Kessler, R. C., Klein, A. M., Wiers, R. W., de Wit, L. M. (2024). Sources of stress among domestic and international students: A cross-sectional study of university students in Amsterdam, The Netherlands. *Anxiety, Stress & Coping*, 37 (4), 428–445. <https://doi.org/10.1080/10615806.2023.2280701>
- Aristova, I. L., Esipenko, E. A., Sharafieva, K. R., Maslennikova, E. P., Chlpeeva, N. A., Rklicheva, I. V., Soldatova, E. L., Fenin, A. Yu., Ismatullina, V. I., Matykh, S. B., Kovas, Yu. V. (2018). Modern approaches in the study of spatial abilities: A structure and etiology of individual differences. *Voprosy psikhologii*, Jan., 1, 118–126. (In Russian)
- Bartseva, K. V., Likhanov, M. V., Soldatova, E. L. (2023). Challenges and further directions of research on spatial thinking strategies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 7 (4), 383–398. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-4-383-398> (In Russian)
- Batcho, K. I. (2013). Nostalgia: The bittersweet history of a psychological concept. *History of Psychology*, 16 (3), 165–176. <https://doi.org/10.1037/a0032427>
- Bell, D. E. (2016). The Promise of return: Nostalgia and ambivalent commitments to place in Arab and Afghan refugee experiences. In: *Exploring Nostalgia: Sad, Bad, Mad and Sweet* (pp. 1–11). Leiden, Brill. https://doi.org/10.1163/9781848883987_002

- Brislin, R. W. (1970). Back-translation for cross-cultural research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1 (3), 185–216. <https://doi.org/10.1177/135910457000100301>
- Burton, L. J., Fogarty, G. J. (2003). The factor structure of visual imagery and spatial abilities. *Intelligence*, 31 (3), 289–318. [https://doi.org/10.1016/S0160-2896\(02\)00139-3](https://doi.org/10.1016/S0160-2896(02)00139-3)
- Chen, S., Fang, S., He, S. (2021). Analysis of college students' mental health and suggestions on crisis prevention. *Psychology*, 12 (12), 12. <https://doi.org/10.4236/psych.2021.1212120>
- Çimşir, E., Ünlü Kaynaççı, F.Z. (2024). Acculturative stress and depressive symptoms among international university students: A meta-analytic investigation. *International Journal of Intercultural Relations*, 102, 102041. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.102041>
- Csikós, C., Kárpáti, A. (2018). Connections between Spatial Ability and Visual Imagery Preferences. *Acta Polytechnica Hungarica*, 15, 71–90. <https://doi.org/10.12700/APH.15.7.2018.7.4>
- Danilenko, O. I., Xu Y. (2016). Subjective wellbeing of Chinese Students on different stages of university studies in Russia and China. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 13 (4), 4. (In Russian)
- Danilenko, O. I., Xu Yi. (2018). The values of the Chinese students: The ratio of subjective significance-accessibility. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 8 (1), 34–46. (In Russian)
- Fanari, A., Gahler, H., Case, T., Gim, H., Harwood, J. (2022). Study abroad soundtracks: Exploring the role of music in cross-cultural (re)adaptation among U.S. and international students. *Journal of Intercultural Communication Research*, 51 (5), 510–527. <https://doi.org/10.1080/17475759.2022.2028657>
- Fedotova, N. L., Miller, L. V. (2018). Features of adaptation of foreign students to the Russian linguistic-cultural and educational environment. *Russian Language Studies*, 16 (2), 191–206. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2018-16-2-191-206> (In Russian)
- Field, A. P., Miles, J., Field, Z. C. (2012). *Discovering Statistics Using R: And sex and drugs and rock'n'roll*. Los Angeles, Sage Publishing.
- Frankenbach, J., Wildschut, T., Juhl, J., Sedikides, C. (2021). “Does neuroticism disrupt the psychological benefits of nostalgia? A meta-analytic test”: Corrigendum. *European Journal of Personality*, 35, 772–772. <https://doi.org/10.1177/08902070211026136>
- Grishina, N. (2013). Situational approach: Research tasks and applicability. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 6 (30). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.684> (In Russian)
- Hansen, A. S., Thøgersen, S. (2015). The anthropology of Chinese transnational educational migration. *Journal of Current Chinese Affairs*, 44 (3), 3–14. <https://doi.org/10.1177/186810261504400301>
- Hasyim, F. F., Setyowibowo, H., Purba, F. D. (2024). Factors contributing to quarter life crisis on early adulthood: A systematic literature review. *Psychology Research and Behavior Management*, 17, 1–12. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S438866>
- He, X., Li, C., Qian, J., Cui, H. S., Wu, W. (2010). Reliability and validity of a generalized anxiety scale in general hospital outpatients. *Shanghai Archives of Psychiatry*, 22, 200–203. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-0829.2010.04.002>
- Hua, L., Rasool, Z., Ansari, M. A. A., Khan, A. J., Hanif, N., Ul Hameed, W. (2023). International students' nostalgic behaviour towards the purchase of products and services. *Sustainability*, 15 (4), 2888. <https://doi.org/10.3390/su15042888>
- Huang, K.-J., Chang, Ya.-H., Landau, M. J. (2023). Pandemic nostalgia: Reduced social contact predicts consumption of nostalgic music during the COVID-19 pandemic. *Social Psychological and Personality Science*, 19485506221149463. <https://doi.org/10.1177/19485506221149463>
- Hunley, H. A. (2010). Students' functioning while studying abroad: The impact of psychological distress and loneliness. *International Journal of Intercultural Relations*, 34 (4), 386–392. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.08.005>
- Ji, L.-J., Hong, E. K., Guo, T., Zhang, Z., Su, Ya., Li, Ye. (2019). Culture, psychological proximity to the past and future, and self-continuity. *European Journal of Social Psychology*, 49 (4), 735–747. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2544>
- Jia, F., Koku, E. (2020). Music listening and cultural adaptation: How different languages of songs affect Chinese international students' uses of music and cultural adaptation in the United States. *Journal of International and Intercultural Communication*, 13 (4), 291–308. <https://doi.org/10.1080/17513057.2019.1618893>
- Kersten, M., Swets, J. A., Cox, C. R., Kusumi, T., Nishihata, K., Watanabe, T. (2020). Attenuating pain with the past: Nostalgia reduces physical pain. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.572881>

- Kim, M. (2013). North Korean refugees' nostalgia: The border people's narratives. *Asian Politics & Policy*, 5 (4), 523–542. <https://doi.org/10.1111/aspp.12063>
- Klotz, A. C., Swider, B. W., Kwon, S. H. (2023). Back-translation practices in organizational research: Avoiding loss in translation. *Journal of Applied Psychology*, 108 (5), 699–727. <https://doi.org/10.1037/apl0001050>
- Kolantaevskaya, A. S., Grishina, N. V., Bazarov, T. Yu. (2016). Stylistic characteristics of self-determination in life changes situations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 4, 51–62. (In Russian)
- Kowal, M. (2024). Translation practices in cross-cultural social research and guidelines for the most popular approach: Back-translation. *Anthropological Review*, 87, 19–32. <https://doi.org/10.18778/1898-6773.87.3.02>
- Krasnova (Ashitova), G. A., Belous, V. V. (2016). Chinese students abroad. *Akkreditatsiia v obrazovanii*, 3 (87), 46–49. (In Russian)
- Larcombe, W., Ryan, T., Baik, C. (2024). Are international students relatively resilient? Comparing international and domestic students' levels of self-compassion, mental health and wellbeing. *Higher Education Research & Development*, 43 (2), 362–376. <https://doi.org/10.1080/07294360.2023.2234315>
- Lim, M. A., Liu, B., Sun, Z. (2024). De-westernising competition: 'Harmony of competition' in Chinese higher education. *Studies in Higher Education*, 49 (10), 1763–1778. <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2386408>
- Lisovskaya, I. V., Omel'chenko, E. L., Garifzyanova, A. R. (2024). Youth is going to study in a metropolis: How not to stay alone. *Voprosy obrazovaniia*, 2 (3), 136–170. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17283> (In Russian)
- Maharaj, R., Ndwiga, D., Chutiyami, M. (2024). Mental health and wellbeing of international students in Australia: A systematic review. *Journal of Mental Health* (Abingdon, England), 34, 4, 431–449. <https://doi.org/10.1080/09638237.2024.2390393>
- McKay, S., Veresova, M., Bailey, E., Lamblin, M., Robinson, J. (2023). Suicide prevention for international students: A scoping review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20 (2), 1500. <https://doi.org/10.3390/ijerph20021500>
- Meng, Z., Cai, L. A., Day, J., Tang, C.-H., Lu, Yi., Zhang, H. (2019). Authenticity and nostalgia — subjective well-being of Chinese rural-urban migrants. *Journal of Heritage Tourism*, 14 (5–6), 506–524. <https://doi.org/10.1080/1743873X.2019.1567739>
- Mori, S. C. (2000). Addressing the mental health concerns of international students. *Journal of Counseling & Development*, 78 (2), 137–144. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.2000.tb02571.x>
- Nartova-Bochaver, S. K., Bardadymov, V. A., Erofeeva, V. G., Khachaturova, M. R., Khachatryan, N. G. (2024). Difficult life situations of modern learning youth. *Voprosy obrazovaniia*, 2, 170–202. (In Russian)
- Pearson-Evans, A. (2006). Chapter 3. Recording the Journey: Diaries of Irish Students in Japan. In: *Living and Studying Abroad* (pp. 38–63). Bristol, Multilingual Matters. Available at: <https://www.degruyter-brill.com/document/doi/10.21832/9781853599125-005/pdf?licenseType=restricted>
- Pierro, A., Pica, G., Klein, K., Kruglanski, A. W., Higgins, E. T. (2013). Looking back or moving on: How regulatory modes affect nostalgia. *Motivation and Emotion*, 37 (4), 653–660. <https://doi.org/10.1007/s11031-013-9350-9>
- Pilishvili, T. S., Danilova, A. S., Savushkina, A. I. (2022). Subjective wellbeing of the Russian and Chinese students: a comparative analysis. *Obrazovanie i nauka*, 24 (7), 126–159. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-7-126-159> (In Russian)
- Puente-Díaz, R., Cavazos-Arroyo, J. (2021). Fighting social isolation with nostalgia: Nostalgia as a resource for feeling connected and appreciated and instilling optimism and vitality during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychology*, 12, 740247. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.740247>
- Routledge, C., Arndt, J., Sedikides, C., Wildschut, T. (2008). A blast from the past: The terror management function of nostalgia. *Journal of Experimental Social Psychology*, 44 (1), 132–140. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2006.11.001>
- Rutter, L. A., Brown, T. A. (2017). Psychometric properties of the Generalized Anxiety Disorder Scale-7 (GAD-7) in outpatients with anxiety and mood disorders. *Journal of psychopathology and behavioral assessment*, 39 (1), 140–146. <https://doi.org/10.1007/s10862-016-9571-9>
- Sadlovskaya, M. V. (2017). Foreign students in Russia: Past and present. *Problemy vysshego obrazovaniia*, 1, 79–81. (In Russian)

- Sedikides, C., Wildschut, T., Routledge, C., Arndt, J., Hepper, E. G., Zhou, X. (2015a). To Nostalgize. *Advances in Experimental Social Psychology*, 51, 189–273. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2014.10.001>
- Sedikides, C., Wildschut, T., Routledge, C., Arndt, J. (2015b). Nostalgia counteracts self-discontinuity and restores self-continuity. *European Journal of Social Psychology*, 45 (1), 52–61. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2073>
- Seeberg, V. (2024). The social and educational impact of rural migration in China. *Chinese Education & Society*, 57 (1–2), 1–14. <https://doi.org/10.1080/10611932.2024.2377002>
- Shek, C. H. M., Chan, S. W. C., Stubbs, M. A., Lee, R. L. T. (2024). Promoting international students' mental health unmet needs: An integrative review. *International Journal of Mental Health Promotion*, 26 (11), 905–924. <https://doi.org/10.32604/ijmh.2024.055706>
- Shlyapnikova, I. A. (2009). Assessment scale for symptoms of normative crises in adulthood. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 4, 185–192. (In Russian)
- Smeekes, A., Jetten, J. (2019). Longing for one's home country: National nostalgia and acculturation among immigrants and natives. *International Journal of Intercultural Relations*, 69, 131–150. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.02.001>
- Soldatova, E. L. (2008). Psychological content of normative crises in adult personality development. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*, 31 (131), 39–47. (In Russian)
- Soldatova, E., Bartseva, K., Alenina, E., Cigeman, E., Likhanov, M., Vartanyan, G. (2024). Nostalgia as a psychological phenomenon: Theoretical review of research. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 14 (3), 458–484. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.304> (In Russian)
- Song, L., Chen, Y., Xu, H. (2025). Retrospection and separation: Narratives of nostalgia among rural students in Chinese universities. *Dynamics of Rural Society Journal*, 3 (1), 77–92. <https://doi.org/10.37905/drsj.v3i1.79>
- Spitzer, R. L., Kroenke, K., Williams, J. B. W., Löwe, B. (2006). A brief measure for assessing generalized anxiety disorder: The GAD-7. *Archives of Internal Medicine*, 166 (10), 1092–1097. <https://doi.org/10.1001/archinte.166.10.1092>
- Sun, W., Kim, J., Park, J., Lee, C. (2025). “I felt warm, familiar and comfortable”: A case study of Western exchange students seek nostalgic leisure experiences in South Korea. *Leisure Sciences*, 1–17. <https://doi.org/10.1080/01490400.2025.2454534>
- Tang, L., Zhang, C. (2023). Global research on international students' intercultural adaptation in a foreign context: A visualized bibliometric analysis of the scientific landscape. *Sage Open*, 13 (4), 21582440231218849. <https://doi.org/10.1177/21582440231218849>
- van Tilburg, W. A. P., Sedikides, C., Wildschut, T. (2015). The mnemonic muse: Nostalgia fosters creativity through openness to experience. *Journal of Experimental Social Psychology*, 59, 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2015.02.002>
- van Tilburg, W. A. P., Sedikides, C., Wildschut, T., Vingerhoets, A. J. J. M. (2019). How nostalgia infuses life with meaning: From social connectedness to self-continuity. *European Journal of Social Psychology*, 49 (3), 521–532. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2519>
- Topp, C. W., Østergaard, S. D., Søndergaard, S., Bech, P. (2015). The WHO-5 well-being index: A systematic review of the literature. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 84 (3), 167–176. <https://doi.org/10.1159/000376585>
- Vartanyan, G. A., Soldatova, E. L., Likhanov, M. V., Bartseva, K. V., Cvetkova, E. Yu. (2024). Peculiarities of nostalgic experiences of women in a pre-trial detention center. *Psikhologiya i pravo*, 14 (4), 133–149. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140409> (In Russian)
- Veresova, M., Lamblin, M., Robinson, J., McKay, S. (2024). A systematic review and narrative synthesis of prevalence rates, risk and protective factors for suicidal behavior in international students. *Frontiers in Psychiatry*, 15, 1358041. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1358041>
- Volkova, N., Kolesov, A. A. (2021). Adjustment or inclusion?: Adaptation challenges of domestic and international students in an English-medium instruction university. *Journal of International Students*, 12 (2). <https://doi.org/10.32674/jis.v12i2.3594>
- Waibel, S., Rüger, H., Ette, A., Sauer, L. (2017). Career consequences of transnational educational mobility: A systematic literature review. *Educational Research Review*, 20, 81–98. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2016.12.001>
- Wang, D., Teng, Yu. (2022). Educational migration and rural decline in China. *The China Journal*, 88, 100–125. <https://doi.org/10.1086/719473>

- Wang, Yu., Wang, X., Wang, X., Guo, X., Yuan, L., Gao, Yu., Pan, B. (2023). Stressors in university life and anxiety symptoms among international students: A sequential mediation model. *BMC Psychiatry*, 23 (1), 556. <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05046-7>
- Wildschut, T., Sedikides, C. (2023). Benefits of nostalgia in vulnerable populations. *European Review of Social Psychology*, 34, 1, 44–91. <https://doi.org/10.1080/10463283.2022.2036005>
- Wildschut, T., Sedikides, C., Alowidy, D. (2019). Hanin: Nostalgia among Syrian refugees. *European Journal of Social Psychology*, 49 (7), 1368–1384. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2590>
- Wildschut, T., Sedikides, C., Arndt, J., Routledge, C. (2006). Nostalgia: Content, triggers, functions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91, 975–993. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.5.975>
- Xiang, P., Chen, L., Xu, F., Du, S., Liu, M., Zhang, Yi., Tu, J., Yin, X. (2024). The impact of the COVID-19 pandemic on nostalgic social media use. *Frontiers in Psychology*, 15, 1431184. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1431184>
- Xiong, W., Radünz, M., Ali, K., King, D., Kyrios, M., Zhao, Yu., Fassnacht, D. (2024). Comparing the mental health and wellbeing of domestic and international tertiary students: A systematic review and meta-analysis. *Journal of International Students*, 14, 702–740. <https://doi.org/10.32674/jis.v14i4.6647>
- Zhou, X., Wildschut, T., Sedikides, C., Chen, X., Vingerhoets, A. J. J. M. (2012). Heartwarming memories: Nostalgia maintains physiological comfort. *Emotion (Washington, D. C.)*, 12 (4), 678–684. <https://doi.org/10.1037/a0027236>

Received: May 23, 2025

Accepted: July 12, 2025

Authors' information:

Ksenia V. Bartseva — Junior Researcher; <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>,
k.bartseva@spbu.ru

Xing Long Bi — Student; <https://orcid.org/0009-0008-8433-2809>, xinglongbi1@gmail.com

Yana S. Samarina — Student; <https://orcid.org/0009-0005-6895-9458>, samarinayana10@yandex.ru

Maxim V. Likhonov — PhD in Linguistics, Researcher; <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>,
maximus.minimus@mail.ru

Elena L. Soldatova — Dr. Sci. in Psychology, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>,
e.l.soldatova@spbu.ru

Таблица П1. Сравнение выборок по триггерам ностальгических переживаний

Вопрос	X ²	df/N	N	p	Cramer's V
Обычно я испытываю ностальгические воспоминания, когда... (пожалуйста, выберите все варианты, которые Вам подходят) 1 — ощущаю запах из прошлого	0,73	2	165	0,69	–
2 — слышу звуки, напоминающие о прошлом	2,62	2	165	0,27	–
3 — вижу старые знакомые мне виды/картинки	11,30	2	165	<0,01	0,26
4 — ощущаю особые прикосновения из прошлого	1,94	2	165	0,38	–
5 — ощущаю вкус, который о чем-то напоминает	1,94	2	165	0,38	–
6 — мне грустно	0,06	2	165	0,97	–
7 — возвращаюсь в места, с которым связаны воспоминания	0,50	2	165	0,78	–

Таблица П2. Сравнение выборок по фактическому содержанию: кто присутствует в воспоминаниях

Вопрос	X ²	df/N	N	p	Cramer's V
В моих ностальгических воспоминаниях обычно... 1 — я один (одна) 2 — со мной есть кто-то еще	0,95	2	165	0,62	–
Если выбран второй вариант, то вопрос: «В моих ностальгических воспоминаниях обычно присутствуют (пожалуйста, выберите все подходящие варианты ответа): 1 — члены семьи	1,81	2	146	0,40	–
2 — друзья	2,72	2	146	0,26	–
3 — соседи	0,94	2	146	0,63	–
4 — незнакомые мне люди	0,29	2	146	0,87	–
5 — домашние животные	4,35	2	146	0,11	–
6 — другое (пожалуйста, впишите свой вариант ответа)	1,02	2	146	0,60	–

Таблица ПЗ. Сравнение выборок по стратегиям представления

Вопросы	χ^2	df/N	N	p	Cramer's V
Обычно предметы в моих ностальгических воспоминаниях: 1 — невозможно четко описать 2 — в целом, имеют некоторую форму и очертания 3 — имеют четкую форму и очертания	10,31	4	165	0,04	0,18
Обычно окружающее в моих ностальгических воспоминаниях: 1 — черно-белое 2 — цветное	6,37	2	165	0,04	0,20
(Если цветное) Обычно все, что происходит в моих ностальгических воспоминаниях, окрашено: 1 — в теплые цвета 2 — в холодные цвета 3 — в те цвета, в которых было на самом деле 4 — от раза к разу в разные цвета	16,42	6	138	0,01	0,24
В моих ностальгических воспоминаниях я... 1 — динамично передвигаюсь 2 — передвигаю что-то в пространстве 3 — чаще всего я отстраненно наблюдаю за каким-то воспоминанием и не перемещаюсь 4 — пространство (объекты) движутся (перемещаются) вокруг меня	7,09	6	165	0,31	—
В своих воспоминаниях о прошлом я возвращаюсь: 1 — преимущественно в одно и то же место 2 — преимущественно в разные места	3,09	2	165	0,21	—
Чаще всего я предаюсь ностальгическим воспоминаниям: 1 — в одиночестве 2 — в обсуждениях с кем-то	5,12	2	165	0,08	—
Чаще всего во время воспоминаний о прошлом я ... (можно выбрать несколько вариантов) 1 — ощущаю запах (например, выпечки)	2,29	2	165	0,32	—
2 — слышу звуки (например, чей-то голос)	2,56	2	165	0,28	—
3 — представляю только визуальные образы	1,45	2	165	0,48	—
4 — испытываю прикосновения (например, человека, дуновение ветра)	4,43	2	165	0,11	—
5 — другое (пожалуйста, впишите свой вариант ответа)	1,00	2	165	0,61	—

Таблица П4. Результаты сравнения трех выборок (студентов, обучающихся в разных округах Китая и в России) по субъективной оценке эмоционального содержания ностальгии

Эмоция	Н Краскела — Уоллиса	df	p
Грусть	2,16	2	0,34
Радость	0,03	2	0,98
Тревога, беспокойство	4,37	2	0,11
Страх	3,20	2	0,20
Благодарность	1,18	2	0,55
Гнев	3,24	2	0,20
Спокойствие, мир	3,79	2	0,15
+ Иммерсивность	1,41	2	0,49

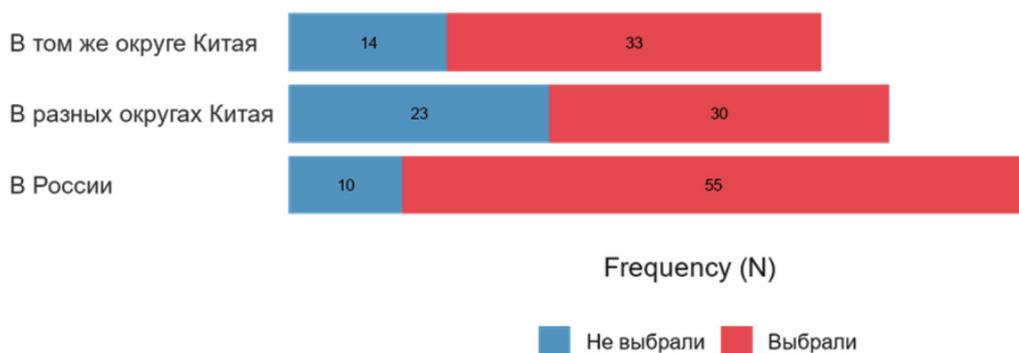

Рис. П1. Сравнение групп по вопросу из анкеты «Обычно я испытываю ностальгические воспоминания, когда... (пожалуйста, выберите все варианты, которые Вам подходят) вижу старые знакомые мне виды/картинки»

Рис. П2. Сравнение групп по вопросу из анкеты «Обычно предметы в моих ностальгических воспоминаниях: 1 — невозможно четко описать, 2 — в целом, имеют некоторую форму и очертания, 3 — имеют четкую форму и очертания»

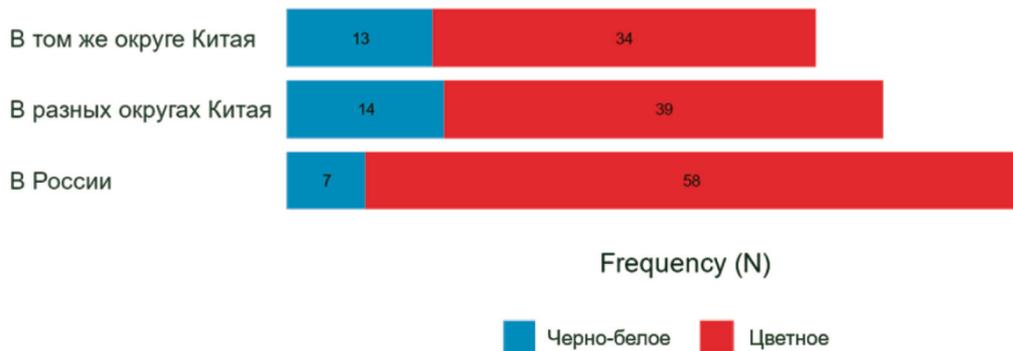

Рис. ПЗ. Сравнение групп по вопросу из анкеты «Обычно окружающее в моих ностальгических воспоминаниях: 1 — черно-белое, 2 — цветное»

Рис. П4. Сравнение групп по вопросу из анкеты «Обычно все, что происходит в моих ностальгических воспоминаниях, окрашено: 1 — в теплые цвета, 2 — в холодные цвета, 3 — в те цвета, в которых было на самом деле, 4 — от раза к разу в разные цвета»

Стресс вынужденной разлуки и совладание с ним у женщин, ожидающих партнеров с военной службы*

М. В. Сапоровская^а, А. С. Каменская

Костромской государственный университет,
Российская Федерация, 156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17/11

Для цитирования: Сапоровская М. В., Каменская А. С. Стресс вынужденной разлуки и совладание с ним у женщин, ожидающих партнеров с военной службы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN KJNDPA

Представлены результаты исследования, цель которого заключалась в изучении специфики восприятия и стратегий совладания (копинга) с вынужденной долговременной разлукой у женщин в близких отношениях, а также выявить взаимосвязи этих процессов с типом привязанности и удовлетворенностью отношениями. Фокус сделан на уникальном контексте разлуки, обусловленной военной службой партнера (ограниченный вербальный контакт, неопределенность воссоединения). Исследование проведено в рамках номотетического подхода с использованием комплекса стандартизированных методик для изучения когнитивной оценки, эмоционального состояния, стиля привязанности, совладающего поведения и удовлетворенности отношениями. Выборка: 160 женщин в возрасте 18–37 лет ($M=21,14$, $SD=3,84$), находящихся в вынужденной разлуке с романтическим партнером (военная служба / участие в СВО) продолжительностью от 6 месяцев до 3 лет ($M \approx 200$ дней). Критерии: ограниченность вербального контакта, неопределенность исхода. Выборка рекрутирована через тематические группы в соцсетях (ВКонтакте, Telegram). Разлука воспринимается как высокострессовая, но контролируемая и значимая ситуация, сопровождается нервно-психическим напряжением и тревогой за партнера / будущее отношений. Доминируют адаптивные копинг-стратегии: принятие, планирование, выражение эмоций, когнитивно-поведенческое отвлечение. Но выявлен и дефицит эффективных стратегий, приводящий к хроническому стрессу. Тревожный стиль привязанности положительно коррелирует со стрессогенностью разлуки, тревожностью, неудовлетворенностью и менее конструктивным копингом. Избегающий стиль связан с восприятием угрозы и недостатком эмоциональной поддержки, подавлением эмоций, неприятием ситуации. Удовлетворенность отношениями выступает буфером, положительно коррелируя с конструктивным копингом (принятие, активное совладание, планирование) и устойчивым эмоциональным состоянием. Большой стаж отношений связан с низкой стрессогенностью и тревожностью. Продолжительность разлуки снижает тревогу и значимость ситуации, но также эмоциональную вовлеченность и активность совладания.

Ключевые слова: близкие отношения, вынужденность, разлука, совладающее поведение, привязанность, удовлетворенность отношениями.

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №24-28-00896.

^а Автор для корреспонденции.

Введение

Современная социальная нестабильность усиливает напряженность в отношениях, усложняя поддержание близости из-за дефицита общения, различий ценностей и хронического стресса (Ковалева, 2009; Крюкова, Екимчик, 2018; Бекренева и др., 2023). Особый контекст близких отношений представляет вынужденная разлука — ситуация, возникающая под влиянием внешних (часто непреодолимых) обстоятельств. Она вызывает тревогу, снижает качество жизни, но потенциально способствует личностному и диадическому росту (Колесов, 2007; Леонтьев, 2007; Франкл, 1990).

Разлука определяется как временное пространственное разделение партнеров при сохранении эмоциональной связи, приводящее к изменению паттернов взаимодействия и повышению уровня стресса (Сапоровская, Каменская, 2024). Ее вынужденность обусловлена зависимостью от внешних факторов (миграция, эпидемии, конфликты, профессиональная необходимость) (Диденко, 2008; Ковалева, 2009; Гриценко и др., 2014; Knobloch et al., 2023; Segrin, Flora, 2001). Подобные обстоятельства усиливают негативные переживания, влияя на стабильность отношений и психическое здоровье (Diamond et al., 20086; Liddell et al., 2021). Несмотря на растущий интерес к дистантным отношениям, вынужденная разлука, характеризующаяся неопределенностью исхода, остается малоизученной (Bazani et al., 2020; Beckmeyer et al., 2023), в отличие от добровольных расставаний (Diamond et al., 2008a; Drigotas et al., 1999). Она формирует специфический контекст для трансформации отношений и активизации механизмов поддержания привязанности и доверия.

Настоящее исследование фокусируется на долговременной вынужденной разлуке со значительным ограничением вербальной коммуникации у женщин, ожидающих партнеров, проходящих военную службу. Подобные условия повышают риски дестабилизации отношений, ухудшения психоэмоционального состояния, ослабления привязанности, неудовлетворенности и дисбаланса (Finkelstein, 1989). Однако важно исследовать не только негативные, но и потенциально позитивные последствия, а также механизмы психологической устойчивости. Предполагается, что сохранение отношений возможно благодаря активации невербальных каналов коммуникации и когнитивному переосмыслению опыта, включая переоценку значимости отношений и партнера (Kelmer et al., 2013; Johnson et al., 1997).

Мы исходим из того, что восприятие и переживание разлуки опосредованы стилем привязанности и копинг-стратегиями, отражая комплексную природу диадических процессов. Такой подход позволяет рассматривать разлуку не только как стрессор, но и как потенциал для развития диады.

Теоретический обзор

Вынужденная разлука признается мощным стрессором, обуславливающим повышенную тревожность, снижение качества жизни и дестабилизацию отношений (Diamond et al., 20086; Liddell et al., 2021).

В отечественной науке разлука часто концептуализируется как этап расставания или нарушения контакта (Ковалева, 2009). Исследования семей с периодиче-

ским отсутствием супруга (командировки, вахты) демонстрируют, что прерывание контактов ведет к структурным изменениям и риску дезинтеграции (Орлова, 2010; Нечепоренко, Самченко, 2014). Концепт прерываемого жизненного цикла (Диденко, 2008) и исследования семей мигрантов (Гриценко и др., 2014) подчеркивают, что ключевыми индикаторами устойчивости при хронической разлуке выступают согласованность и удовлетворенность отношениями.

Эмоциональный опыт разлуки включает интенсивные переживания тоски, тревоги и стресса (Крючков, 2019; Knobloch et al., 2022). Женщины чаще проявляют более выраженные и амбивалентные реакции. Выбор копинг-стратегий коррелирует с длительностью разлуки (Сапоровская, Каменская, 2024), а удовлетворенность отношениями позитивно связана с их адаптивностью (Finkelstein, 1989).

Стиль привязанности является важным фактором, влияющим на взаимосвязи между разлукой, ее переживанием и копингом (Екимчик, Опекина, 2022; Mikulincer, Shaver, 2020). Безопасный стиль способствует восприятию разлуки как управляемого вызова и выбору адаптивных стратегий (поиск поддержки). Тревожная или избегающая привязанность усиливает ощущение угрозы и провоцирует дезадаптивные реакции (гиперболизация переживаний, дистанцирование). Привязанность и удовлетворенность признаны ключевыми детерминантами устойчивости связей и механизмов эмоциональной регуляции (Куфтяк, 2021; Казанцева, 2021; Sbarra, Hazan, 2008).

Однако исследования разлуки часто фрагментарны и сосредоточены на отдельных аспектах, что затрудняет целостное понимание феномена в его негативных и позитивных проявлениях. Это обуславливает актуальность комплексного изучения вынужденной разлуки, характеризующейся долговременностью, ограниченностью/прерывистостью контакта и неопределенностью воссоединения. Фокус на медиативную роль привязанности позволит глубже понять динамику эмоционально-когнитивных процессов.

Проблемные вопросы

1. Каковы особенности восприятия, переживания и совладания со стрессом вынужденной долговременной разлуки у женщин, ожидающих партнеров с военной службы?

2. Как тип привязанности, стаж и удовлетворенность отношениями связаны с восприятием (включая когнитивную оценку) вынужденной долговременной разлуки и стратегиями совладания у женщин в условиях дефицита вербального контакта и неопределенности воссоединения?

Цель: изучение специфики восприятия и способов совладания с вынужденной долговременной разлукой у женщин, ожидающих партнеров с военной службы, во взаимосвязи с типом привязанности, стажем и удовлетворенностью отношениями.

Гипотезы:

1. Восприятие (когнитивная оценка, эмоциональные реакции) долговременной вынужденной разлуки (военная служба) и стратегии совладания женщин связаны с их типом привязанности к партнеру и удовлетворенностью отношениями.

2. В условиях вынужденной долговременной разлуки с ограниченным вербальным контактом и неопределенностью воссоединения (военная служба) спец-

ифика совладающего поведения у женщин проявляется в преобладании компенсаторных коммуникативных стратегий, направленных на эмоциональную саморегуляцию и позитивную переоценку отношений.

Методы исследования

Выборка и процедура. В исследовании участвовали 160 женщин (18–37 лет, $M = 21,14$, $SD = 3,84$), переживающих вынужденную разлуку с партнером (до 3 лет, $M = 199,9$ дней) в связи с его срочной службой в армии / контрактной службой в зоне СВО. Семейный статус: 20 % — брак, 80 % — незарегистрированные отношения. Все участницы оценили разлуку как значимый стрессор. Критерии отбора:

- актуальная вынужденная разлука > 6 месяцев (военная служба / командировка в зону СВО);
- ограниченный вербальный контакт;
- неопределенность исхода разлуки.
- Рекрутинг проводился:
- через группы «ВКонтакте» (тематические, например, «Жду солдата»);
- Telegram-каналы армейской тематики;
- личные аккаунты исследователей.

Потенциальные участницы оставляли комментарий с указанием ситуации (ожидание со службы) и срока разлуки (> 6 мес.). Авторы анализировали соответствие базовым критериям (пол, возраст, ситуация, длительность). Соответствующим женщинам направлялось персональное приглашение со ссылкой на онлайн-анкету. Перед опросом участницы знакомились с электронной формой информированного согласия (добровольность, право отказа, конфиденциальность/анонимность, научное использование данных, отсутствие рисков, контакты). Опрос начинался только после подтверждения согласия (чекбокс).

На первом этапе респондентки заполняли электронную форму: социодемографический блок (возраст, статус отношений, длительность отношений/разлуки, причина); стандартизированные психодиагностические методики; открытые вопросы: «Что беспокоит Вас в ситуации разлуки?» и «Как Вы справляетесь? Что помогает?». На втором этапе анализировались:

- восприятие разлуки и эмоциональное состояние;
- совладающее поведение;
- взаимосвязи между типом привязанности, удовлетворенностью отношениями, восприятием разлуки и совладанием.

Методический комплекс исследования:

1. Анкета социодемографических данных и параметров разлуки.
2. Краткая версия COPE (COPE-30) (Carver et al., 1989); адаптация: (Одинцова и др., 2022): оценивает 15 копинг-стратегий (инструкция специфицирована).
3. Методика «Когнитивная оценка стрессовой ситуации» (Маленова, 2015); по: (Крюкова, Екимчик, 2018): оценка ситуации по 17 биполярным шкалам (шесть факторов: заданность, контроль, стрессогенность, угроза, значимость, лидерство).
4. Модифицированная методика «Семейно-обусловленное состояние» (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008), модифицирована авторами: 12 антонимических

пар по субшкалам удовлетворенность, тревожность, напряжение (инструкция: «Как чувствуете себя в разлуке?»).

5. Краткая версия ECR-R (Fraley et al., 2000); адаптация: (Чистопольская и др., 2018): шкалы тревожности и избегания привязанности.

6. Шкала оценки отношений (RAS) (Hendrick, 1988); адаптация: (Сычев, 2016): общая удовлетворенность отношениями.

7. Открытые вопросы: «Что беспокоит?» (проблемы, стрессоры), «Как справляетесь? Что помогает?» (копинг-стратегии).

Обработка данных (SPSS 22.0): дескриптивная статистика (M, SD, частоты); критерий Колмогорова — Смирнова (проверка нормальности распределения); коэффициент корреляции Спирмена; контент-анализ открытых вопросов: кодирование, выделение смысловых единиц/категорий, частотный анализ.

Результаты исследования

Первый этап был направлен на анализ когнитивной оценки долговременной вынужденной разлуки с целью выявления ее субъективного восприятия участниками (табл. 1).

Таблица 1. Описательная статистика когнитивной оценки вынужденной долговременной разлуки у женщин (N = 160)

Индикатор	M	SD	Min	Max
Фактор объективной заданности	5,13	1,29	1,5	7
Фактор контроля	5,72	1,13	3	7
Фактор стрессогенности	5,96	0,94	3,75	7
Фактор угрозы	4,10	1,57	1	7
Фактор субъективной значимости	5,38	0,98	3,5	7
Фактор лидерства	3,84	1,19	1	7

Фактор стрессогенности показал наивысшие значения (M = 5,96, SD = 0,94; Min = 3,75). Разлука воспринималась как контролируемая (M = 5,72, SD = 1,13) и понятная (M = 5,13, SD = 1,29) в силу специфики причин. Субъективная важность высока (M = 5,38, SD = 0,98) из-за влияния на отношения. Фактор угрозы — умеренный (M = 4,10) с максимальной вариативностью (SD = 1,57). Эмоциональные состояния приведены в табл. 2.

Женщины в долговременной разлуке демонстрируют высокое нервно-психическое напряжение (M = 20,4, SD = 4,6) и неудовлетворенность (M = 18,46, SD = 5,18), подтверждающие стрессогенность ситуации. Несмотря на это, в их самовосприятии в отношениях отмечаются позитивные оценки: чувство нужности (M = 2,07, SD = 1,52) и позитивный образ Я в диаде (M = 3,35, SD = 1,63). Основные причины для беспокойства представлены в табл. 3.

Таблица 2. Описательная статистика состояния женщин в ситуации вынужденной долгосрочной разлуки (N= 160)

Субшкала	M	SD	Min	Max	Шкала	M (SD)
Довольная — Недовольная	5,60	1,46	2	7	Неудовлетворенность	18,46 (5,18)
Радостная — Огорченная	5,32	1,58	1	7		
Здоровая — Больная	4,18	1,80	1	7		
Хорошая — Плохая	3,35	1,63	1	7		
Спокойная — Встревоженная	5,34	1,27	2	7	Тревожность	15,99 (4,41)
Нужная — Лишняя	2,07	1,52	1	7		
Смелая — Робкая	4,06	1,88	1	7		
Ловкая — Неуклюжая	4,51	1,50	1	7	Нервно-психическое напряжение	20,4 (4,6)
Расслабленная — Напряженная	5,35	1,50	1	7		
Отдохнувшая — Усталая	5,12	1,75	1	7		
Беззаботная — Озабоченная	4,91	1,51	1	7		
Свободная — Занятая	5,01	1,87	1	7		

Таблица 3. Результаты контент-анализа ответов на вопрос «Что Вас беспокоит в разлуке?» (N= 160)

Категория анализа	% упоминаний	Примеры выражений
Беспокойство за состояние партнера (физическое/психологическое)	30,8	«Как он там?», «Переживаю за его состояние», «Опасно», «Что с ним»
Страх утраты чувств, изменений в партнере	26,9	«Пропадет интерес», «Изменится в худшую сторону», «Угасание чувств»
Ощущение одиночества и тоски	24,4	«Одиночество», «Мне тяжело без партнера», «Тоска»
Неопределенность будущего	21,8	«Что будет дальше», «Непонятно когда увидимся», «Неизвестность»
Отсутствие физического контакта и близости	20,5	«Нельзя обнять», «Нет тактильного контакта», «Нельзя увидеть невербалику»
Беспокойство о взаимоотношениях	17,9	«Что он меня разлюбит», «Как изменятся наши отношения», «Не будет как раньше»
Снижение качества общения / нехватка информации	15,4	«Сокращенное общение», «Нет связи», «Не хватает информации»
Собственные негативные состояния (тревога, страх)	14,1	«Тревога постоянная», «Страх», «Хочется все бросить», «Моя тревога»
Переживание из-за невозможности заботиться	11,5	«Не могу помочь», «Не могу защитить», «Не рядом, когда он нуждается»
Ревность, страх измены, потеря доверия	8,9	«Будет гулять», «Общаться на стороне», «Измена, предательство»

Основные страхи женщин в разлуке (> 80 % упоминаний):

- за благополучие партнера (42,3 %), его физическое/психологическое состояние (30,8 %), невозможность оказать заботу (11,5 %);
- за отношения — их будущее (53,7 %), охлаждение чувств/изменения партнера (26,9 %), ухудшение отношений (17,9 %), ревность/измена (8,9 %);
- личные переживания — одиночество/тоска (24,4 %), неопределенная тревога (14,1 %).

Невозможность влиять на ситуацию и неопределенность формируют специфическую тревогу. Преобладающие копинг-стратегии представлены в табл. 4.

Таблица 4. Описательная статистика совладающего поведения при вынужденной долговременной разлуке (N = 160)

Копинг-стратегия	M	SD	Min	Max
Позитивное переформулирование и личностный рост	3,88	1,53	0,00	6,00
Мысленный уход от проблемы	4,26	1,39	1,00	6,00
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	4,76	1,24	2,00	6,00
Использование инструментальной социальной поддержки	4,18	1,27	1,00	6,00
Активное совладание	4,29	1,45	0,00	6,00
Отрицание	1,45	1,75	0,00	6,00
Обращение к религии	3,86	2,19	0,00	6,00
Юмор	2,40	1,72	0,00	6,00
Поведенческий уход от проблемы	2,09	1,51	0,00	6,00
Сдерживание	3,84	1,36	1,00	6,00
Использование эмоциональной социальной поддержки	4,06	1,74	0,00	6,00
Использование успокоительных	1,83	1,88	0,00	6,00
Принятие	4,94	1,18	2,00	6,00
Подавление конкурирующей деятельности	3,15	1,78	0,00	6,00
Планирование	4,73	1,25	2,00	6,00

Анализ выявил доминирующие копинг-стратегии: «Принятие» (1R), «Выражение эмоций» (2R), «Активное планирование» (3R). «Эмоциональная поддержка» заняла 7R, наименее используемые — «Отрицание» (15R) и ПАВ (14R). Это отражает тенденцию к активному принятию реальности и фокусу на эмоциональной регуляции при ограниченном использовании внешней поддержки. Контекст применения стратегий уточнен контент-анализом открытых ответов (табл. 5).

Качественный анализ выявил три паттерна совладания:

1. Когнитивно-поведенческое отвлечение (доминирующий, ≈ 80 %): активное переключение на работу/учебу/хобби («Занятость помогает не заикливаться»).
2. Ресурсные стратегии: эмоциональная поддержка близких (33,8 %, «Разговоры с подругами спасают»), когнитивное принятие временности (13,8 %, «Напоминаю себе, что это не навсегда»).
3. Дефицит эффективных механизмов (11,3 %): пассивное переживание стресса («Ничего не помогает, просто жду»).

Таблица 5. Результаты анализа ответов на вопрос «Как Вы справляетесь с разлукой? Что помогает?» ($N = 160$)

Категория анализа	% упоминаний	Примеры выражений
Учеба и работа как способ отвлечения	41,3	«Работа отвлекала», «Учусь, работаю», «Учеба помогает»
Социальная поддержка (семья, друзья, партнер)	33,8	«Поддерживают мама, подруга», «Помощь от любимого», «Общение с родными»
Хобби, творчество, саморазвитие	23,8	«Картины по номерам», «Творчество», «Саморазвитие»
Отвлеченность и загруженность деятельностью	22,5	«Занимаю себя», «Не даю себе быть одной», «Делаю все подряд», «Смотрю ТикТок», «Социальные сети»
Физическая активность / спорт / тренировки	18,8	«Хожу в зал», «Занимаюсь спортом», «Тренировки помогают»
Вера, принятие, позитивное мышление	13,8	«Вера в хорошее будущее», «Приняла ситуацию», «Мысль, что это не навсегда»
Отсутствие эффективных стратегий / беспомощность	11,3	«Ничего не помогает», «Не справляюсь»
Эмоциональная открытость, проживание чувств	7,5	«Даю себе плакать», «Обсуждение чувств», «Искренние разговоры»

Результаты корреляционного анализа (табл. 6). Тревожная привязанность положительно связана со стрессогенностью (при $p = 0,05$), заданностью (при $p = 0,01$), контролируемостью (при $p = 0,05$), неудовлетворенностью (при $p = 0,01$) и тревожностью (при $p = 0,01$), но отрицательно коррелирует с позитивным переосмыслением (при $p = 0,05$), эмоциональной поддержкой (при $p = 0,01$) и планированием (при $p = 0,05$). Избегающая привязанность демонстрирует позитивную связь с угрозой (при $p = 0,01$) и негативные связи с выражением эмоций (при $p = 0,01$), эмоциональной поддержкой (при $p = 0,01$) и принятием (при $p = 0,01$). Удовлетворенность отношениями ассоциирована с принятием (при $p = 0,05$), выражением эмоций (при $p = 0,01$), активным совладанием (при $p = 0,01$) и планированием (при $p = 0,01$). Стаж отношений негативно коррелирует с заданностью (при $p = 0,01$), неудовлетворенностью (при $p = 0,01$), тревожностью (при $p = 0,05$), активным совладанием (при $p = 0,05$) и приемом успокоительных (при $p = 0,05$). Продолжительность разлуки отрицательно связана со значимостью (при $p = 0,01$), равенством позиций (при $p = 0,05$), тревожностью (при $p = 0,05$), мысленным уходом (при $p = 0,01$), отрицанием (при $p = 0,05$) и принятием (при $p = 0,01$).

Обсуждение результатов

Вынужденная долгосрочная разлука с партнером для женщин — это выраженный стресс, но она сопровождается когнитивной оценкой контролируемости ситуации с преимущественным выбором адаптивных стратегий.

Разлука существенно влияет на эмоциональное и психическое состояние, повышая стрессовые нагрузки и нервно-психическое напряжение. Однако большинство участниц воспринимают разлуку как логичное, прогнозируемое и объективно

Таблица 6. Корреляции характеристик привязанности, удовлетворенности, стажа отношений и срока разлуки с оценкой ситуации и копингом (N= 160)

Факторы	Трево привязанности	Избегающий стиль привязанности	Удовлетворенность отношениями	Стаж отношений	Продолжительность разлуки на момент исследования
Когнитивная оценка					
Фактор объективной заданности	0,23*	–	–	–0,22*	–
Фактор контроля	0,19*	–	–	–	0,2*
Фактор стрессогенности	0,21*	–	–	–	–
Фактор угрозы	–	0,25*	–	0,18*	–
Фактор субъективной значимости	0,17*	–	–	–	–0,29* *
Фактор лидерства	–	–	–	–	–0,2*
Состояние					
Неудовлетворенность	0,22*	–	–	–0,22*	–
Тревожность	0,25*	–	–	–0,19*	–0,19*
Копинг					
Позитивное переформулирование и личностный рост	–0,2*	–	–	–	–
Мысленный уход от проблемы	–	–	–	–	–0,34**
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	–	–0,23*	0,24*	–	–
Активное совладание	–	–	0,36**	–0,17*	–
Отрицание	–	–	–	–	–0,19*
Использование эмоциональной социальной поддержки	–0,26**	–0,31**	–	–	–
Использование успокоительных	–	–	–	–0,2*	–
Принятие	–	–0,31**	0,24*	–	–0,22*
Подавление конкурирующей деятельности	0,18*	–	–	–	–
Планирование	–0,17*	–	0,23*	–	–

Примечания: * Обозначены корреляции $p < 0,05$. ** Обозначены корреляции $p < 0,01$.

обусловленное обстоятельство. Это указывает на высокую степень когнитивной осмысленности и принятия данной трудности.

Тревога, сфокусированная на партнере, преобладает: женщин больше беспокоит благополучие партнера и сохранность отношений, чем собственное состояние. Страхи утраты чувств, неопределенности будущего и невозможности быть рядом приводят к напряжению. Собственные одиночество, тревожность, усталость значимы, но вторичны по отношению к беспокойству о партнере, что согласуется с теорией привязанности об активации сохранения близости при угрозе разлуки. На физиологическом уровне подобная диадная взаимосвязь, включая синхронизацию паттернов стрессового реагирования, находит подтверждение в исследованиях (Liu et al., 2013).

Совладающее поведение в целом адаптивно и включает принятие, активное планирование и выражение эмоций. Обращение к социальной поддержке умеренное, что может отражать склонность к самостоятельности. Пассивные и дезадаптивные стратегии используются редко. Однако у части женщин возможен дефицит осознанных стратегий и чувство беспомощности. Это указывает на риски, подчеркивая необходимость индивидуализированной психологической помощи.

Особую роль играет стиль привязанности. Тревожный стиль усиливает восприятие разлуки как стрессовой, повышает неудовлетворенность и тревожность, что согласуется с данными М. Микулинджера (M. Mikulincer) и П. Шавера (P. Shaver) о гиперболизации угроз (Shaver, Mikulincer, 2009). Он также связан с дезадаптивными стратегиями (снижением позитивного переосмысления, планирования). Избегающий стиль характеризуется недоверием к поддержке, подавлением чувств и трудностями в принятии ситуации, подтверждая позицию Р. Фрейли (R. Fraley) и П. Шавера (Fraley, Shaver, 2000) о минимизации значимости стресса через эмоциональное подавление.

Удовлетворенность отношениями — ключевой ресурс. Женщины с высокой удовлетворенностью чаще используют конструктивные стратегии (принятие, активное преодоление, планирование) и охотнее выражают эмоции. Позитивная оценка отношений смягчает влияние стресса, поддерживая мотивацию к сохранению связи, выполняя функцию буфера против стресса (Reis et al., 2000).

Стаж отношений снижает стрессогенность разлуки: большая длительность ассоциирована с меньшей неудовлетворенностью, тревожностью и меньшей потребностью в стратегиях совладания, указывая на сформированное доверие.

Продолжительность разлуки также значима: со временем снижается ее субъективная значимость, тревожность, реже используются избегание и отрицание. Однако уменьшение стратегии принятия может свидетельствовать об эмоциональном притуплении или новой адаптивной норме.

Выводы

Исследование выявило амбивалентность переживания вынужденной долговременной разлуки у женщин, ожидающих партнеров с военной службы. С одной стороны, наблюдаются интенсивный стресс и тревога за партнера, будущее отношений, свидетельствующие об уязвимости. С другой — когнитивная оценка ситуации как контролируемой, а также преобладание адаптивного копинга (принятие,

планирование, выражение эмоций) отражают психологическую ресурсность. Тем не менее доминирующее эмоциональное состояние характеризуется выраженным нервно-психическим напряжением, подтверждающим глубокую личностную вовлеченность женщин. В совладании доминируют стратегии эмоциональной саморегуляции и когнитивно-поведенческое отвлечение, хотя у части выборки отмечается дефицит эффективных механизмов.

Показано, что тревожный стиль привязанности усиливает восприятие стрессогенности разлуки и снижает использование конструктивного копинга, а избегающий стиль связан с восприятием угрозы, подавлением эмоций и отказом от поддержки. Удовлетворенность отношениями выполняет буферную функцию, способствуя адаптивному совладанию и эмоциональной устойчивости. Большой стаж отношений снижает интенсивность негативных переживаний, а продолжительность разлуки уменьшает ее субъективную значимость и тревожность, но может сопровождаться снижением эмоциональной включенности, что интерпретируется как адаптация или дистанцирование.

Ограничения исследования

Возможно влияние неконтролируемых переменных (культурные факторы, здоровье), отсутствие учета социально-экономического статуса / наличия детей, возрастная специфичность выборки, кросс-секционный дизайн (отсутствие лонгитюда). Необходимы дальнейшие исследования для оценки динамики.

Литература

- Бекренева Ю. С., Бриль М. С., Ермилова В. А. Психологическое благополучие в семьях вахтовых специалистов // *The Caucasus Journal of Medical and Psychological Sciences*. 2023. Т. 1, № 2–3. С. 19–30. <https://doi.org/10.61699/cjmps-v1-i2-3-p19-30>
- Гриценко В. В., Ефременкова М. Н., Муращенкова Н. В., Смотрова Т. Н. Семьи трудовых мигрантов: социально-психологическая адаптация к условиям вынужденной разлуки. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2014.
- Диденко Е. Н. Психология со-бытия супругов в семьях моряков и «береговых» семьях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2008.
- Екимчик О. А., Опекина Т. П. Романтическая привязанность как предиктор диадического копинга в паре // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 19, № 2. С. 223–240.
- Казанцева Т. В. Привязанность и помогающее поведение // *Социальная психология: история и современность*. Хрестоматия / под ред. С. Д. Гуриевой, Л. Г. Почебут. М.: Инфра-М, 2021. С. 97–103.
- Каменская А. С., Сапоровская М. В. Разлука в близких отношениях: эмоциональные и психологические аспекты в восприятии мужчин и женщин // *Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2024. Т. 30, № 4. С. 33–40. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-4-33-40>
- Ковалева Н. А. Социально-психологический анализ расставания как феномена межличностного общения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2009.
- Колесов Д. В. Свобода и несвобода как факторы бытия // *Мир психологии*. 2007. № 3. С. 10–23.
- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А. Психодиагностика стресса и совладания в близких гетеросексуальных отношениях. Кострома: КГУ, 2018.
- Крючков К. С. Переживание любовной разлуки — опыт феноменологического анализа // *Психолог*. 2019. № 2. С. 9–27. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2019.2.27954>
- Куфтяк Е. В. Взаимосвязь привязанности и совладающего поведения у взрослых // *Консультативная психология и психотерапия*. 2021. Т. 29, № 1. С. 28–43. <https://doi.org/10.17759/cpr.2021290103>

- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2007.
- Нечепоренко О. П., Самченко Е. М. Особенности удовлетворенности браком и ролевых ожиданий супругов при периодическом раздельном проживании // Вестник Омского университета. Сер. Психология. 2014. № 1. С. 52–58.
- Одинцова М. А., Радчикова Н. П., Александрова Л. А. СОРЕ-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2022. Т. 45, № 4. С. 247–275. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.11>
- Орлова В. В. Фактор разлуки в семейно-брачных отношениях моряков и рыбаков Приморья // Молодой ученый. 2010. № 3. С. 226–231.
- Сапоровская М. В., Каменская А. С. Разлука в близких (партнерских) отношениях и совладание с ней: когнитивная оценка и социально-психологические корреляты // Вестник Омского университета. Сер. Психология. 2024. № 4. С. 26–36. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.4.26-36>
- Сычев О. А. Русскоязычная версия шкалы оценки отношений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 386–409.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Чистопольская К. А., Митина О. В., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Чубина С. А., Озоль С. Н., Дровосеков С. Э. Адаптация краткой версии «Переработанного опросника — Опыт близких отношений» (ECR-R) на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 5. С. 87–98.
- Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008.
- Bazani M., Bakhtiari M., Masjedi Arani A. An investigation of long-distance relationship maintenance in married individuals in Tehran // The American Journal of Family Therapy. 2020. Vol. 50. P. 491–509.
- Beckmeyer J. J., Herbenick D., Eastman-Mueller H. Long-distance romantic relationships among college students: Prevalence, correlates, and dynamics in a campus probability survey // J. Am. Coll. Health. 2023. Vol. 71 (8). P. 2314–2318. <https://doi.org/10.1080/07448481.2021.1978464>.
- Diamond L. M., Hicks A. M., Otter-Henderson K. D. Romantic rejection: Costs and benefits of self-silencing and psychological distancing // Journal of Personality and Social Psychology. 2008a. Vol. 95 (3). P. 588–605. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.3.588>
- Diamond L. M., Hicks A. M., Otter-Henderson K. D. Every time you go away: changes in affect, behavior, and physiology associated with travel-related separations from romantic partners // J. Pers. Soc. Psychol. 2008b. Vol. 95 (2). P. 385–403. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.2.385>
- Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56 (2). P. 267–283. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.2.267>
- Drigotas S. M., Safstrom C. A., Gentilia T. An investment model prediction of dating infidelity // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77 (3). P. 509–524. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.3.509>
- Finkelstein J. Social zeitgebers and biological rhythms // Arch. Gen. Psychiatry. 1989. Vol. 46 (9). P. 859.
- Fraley R. C., Shaver P. R. Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions // Review of General Psychology. 2000. Vol. 4 (2). P. 132–154. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.4.2.132>
- Fraley R. C., Waller N. G., Brennan K. A. An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78 (2). P. 350–365. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.2.350>
- Hendrick S. S. A generic measure of relationship satisfaction // Journal of Marriage and the Family. 1988. Vol. 50 (1). P. 93–98. <https://doi.org/10.2307/352430>
- Johnson S. M., Talitman E. Predictors of success in emotionally focused marital therapy // J. Marital. Fam. Ther. 1997. Vol. 23 (2). P. 135–152. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1997.tb00239.x>
- Kelmer G., Rhoades G. K., Stanley S., Markman H. J. Relationship quality, commitment, and stability in long-distance relationships // Fam. Process. 2013. Vol. 52 (2). P. 257–270. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.2012.01418.x>
- Knobloch L. K., Monk J. K., MacDermid Wadsworth, S. M. Relationship maintenance among military couples // Journal of Social and Personal Relationships. 2023. Vol. 40 (3). P. 734–772. <https://doi.org/10.1177/02654075221105025>

- Liddell B. J., Byrow Yu., O'Donnell M., Mau V., Batch N., McMahon T., Bryant R. Mechanisms underlying the mental health impact of family separation on resettled refugees // *The Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 2021. Vol. 55 (7). P. 699–710. <https://doi.org/10.1177/0004867420967427>
- Liu S., Rovine M. J., Klein L. C., Almeida D. M. Synchrony of diurnal cortisol pattern in couples // *J. Fam. Psychol.* 2013. Vol. 27 (4). P. 579–588. <https://doi.org/10.1037/a0033735>
- Mikulincer M., Shaver P. R. Enhancing the “Broaden and Build” cycle of attachment security in adulthood: From the laboratory to relational contexts and societal systems // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17 (6). P. 2054. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062054>
- Reis H. T., Sheldon K. M., Gable S. L., Roscoe J., Ryan R. M. Daily well-being: The role of autonomy, competence, and relatedness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol. 26 (4). P. 419–435. <https://doi.org/10.1177/0146167200266002>
- Sbarra D. A., Hazan C. Coregulation, dysregulation, self-regulation: an integrative analysis and empirical agenda for understanding adult attachment, separation, loss, and recovery // *Pers. Soc. Psychol. Rev.* 2008. Vol. 12 (2). P. 141–167. <https://doi.org/10.1177/1088868308315702>
- Segrin C., Flora J. Perceptions of relational histories, marital quality, and loneliness when communication is limited: An examination of married prison inmates // *Journal of Family Communication*. 2001. Vol. 1 (3). P. 151–173. https://doi.org/10.1207/S15327698JFC0103_01
- Shaver Ph. R., Mikulincer M. An overview of adult attachment theory // J. H. Obegi (ed.). *Attachment Theory and Research in Clinical Work with Adults*. New York; London: The Guilford Press, 2009. P. 17–45.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025 г.;
рекомендована к печати 08.07.2025 г.

Контактная информация:

Сапоровская Мария Вячеславовна — д-р психол. наук, доц.;
<https://orcid.org/0000-0002-0852-1949>, saporov35@mail.ru

Каменская Анна Сергеевна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0001-6648-6339>,
annakam44@mail.ru

Stress of forced separation and coping with it in women waiting for their partners to return from military deployment*

M. V. Saporovskaya^a, A. S. Kamenskaya

Kostroma State University,
17/11, ul. Dzerzhinskogo, Kostroma, 156005, Russian Federation

For citation: Saporovskaya M. V., Kamenskaya A. S. Stress of forced separation and coping with it in women waiting for their partners to return from military deployment. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN KJNDPA (In Russian)

This study examines the perception and coping strategies related to forced long-term separation among women in close relationships, exploring their associations with attachment style and relationship satisfaction. The research focuses on the unique context of separation due to military deployment (limited verbal contact, uncertain reunion). A nomothetic approach was employed using standardized instruments assessing cognitive appraisal, emotional state, attachment style, coping behavior, and relationship satisfaction. Sample: 160 women aged 18–37 years ($M = 21.14$, $SD = 3.84$) experiencing forced separation from romantic partners (military deployment) lasting 6 months to 3 years ($M \approx 200$ days). Criteria included limited verbal contact and uncertain reunion. Participants were recruited through thematic social media

* The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 24-28-00896/.

^a Author for correspondence.

groups (VKontakte, Telegram). Separation was perceived as highly stressful yet controllable and significant, accompanied by neuropsychic tension and anxiety for partners/relationship futures. Adaptive coping strategies dominated: acceptance, planning, emotional expression, and cognitive-behavioral distraction. However, deficient coping strategies leading to chronic stress were identified. Anxious attachment correlated positively with separation stress, anxiety, dissatisfaction, and less constructive coping. Avoidant attachment was associated with threat perception, lack of emotional support, emotional suppression, and non-acceptance. Relationship satisfaction served as a buffer, correlating positively with constructive coping (acceptance, active coping, planning) and emotional stability. Longer relationship duration correlated with lower stress and anxiety. Prolonged separation reduced anxiety and perceived significance but also decreased emotional involvement and coping activity.

Keywords: close relationships, forced separation, coping behavior, attachment, relationship satisfaction.

References

- Bazani, M., Bakhtiari, M., Masjedi Arani, A. (2020). An investigation of long-distance relationship maintenance in married individuals in Tehran. *The American Journal of Family Therapy*, 50, 491–509.
- Beckmeyer, J.J., Herbenick, D., Eastman-Mueller, H. (2023). Long-distance romantic relationships among college students: Prevalence, correlates, and dynamics in a campus probability survey. *Journal of American College Health*, 71 (8), 2314–2318. <https://doi.org/10.1080/07448481.2021.1978464>
- Bekreneva, Yu. S., Bril, M. S., Ermilova, V. A. (2023). Psychological well-being in families of shift specialists. *The Caucasus Journal of Medical and Psychological Sciences*, 1 (2–3), 19–30. <https://doi.org/10.61699/cjmps-v1-i2-3-p19-30> (In Russian)
- Chistopolskaya, K. A., Mitina, O. V., Enikolopov, S. N. (2018). Adaptation of the short version of the “Revised Questionnaire — Experience of Close Relationships” (ECR-R) on a Russian-language sample. *Psikhologicheskii zhurnal*, 39 (5), 87–98. (In Russian)
- Diamond, L. M., Hicks, A. M., Otter-Henderson, K. D. (2008a). Romantic rejection: Costs and benefits of self-silencing and psychological distancing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95 (3), 588–605. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.3.588>
- Diamond, L. M., Hicks, A. M., Otter-Henderson, K. D. (2008b). Every time you go away: changes in affect, behavior, and physiology associated with travel-related separations from romantic partners. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95 (2), 385–403. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.2.385>
- Carver, C. S., Scheier, M. F., Weintraub, J. K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56 (2), 267–283. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.2.267>
- Didenko E. N. (2008). *Psychology of spouses' co-existence in seafarers' and "shore" families*: Thesis of Candidate Dissertation. Krasnodar. (In Russian)
- Drigotas, S. M., Safstrom, C. A., Gentilia, T. (1999). An investment model prediction of dating infidelity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77 (3), 509–524. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.3.509>
- Eidemiller, E., Yustitskis, V. (2008). *Psychology and psychotherapy of the family*. 4th ed. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Ekimchik O. A., Opekina T. P. (2022). Romantic attachment as a predictor of dyadic coping in a couple. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 19 (2), 223–240. (In Russian)
- Finkelstein, J. (1989). Social zeitgebers and biological rhythms. *Archives of General Psychiatry*, 46 (9), 859.
- Frankl V. (1990). *A man in search of meaning*. Moscow. (In Russian)
- Fraley, R. C., Shaver, P. R. (2000). Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions. *Review of General Psychology*, 4 (2), 132–154. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.4.2.132>
- Fraley, R. C., Waller, N. G., Brennan, K. A. (2000) An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78 (2), 350–365. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.2.350>

- Fraley, R. C., Waller, N. G., Brennan, K. A. (2000) An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78 (2), 350–365. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.2.350>
- Hendrick, S. S. (1988). A generic measure of relationship satisfaction. *Journal of Marriage and the Family*, 50 (1), 93–98. <https://doi.org/10.2307/352430>
- Gritsenko, V. V., Efremenkova, M. N., Murashchenkova, N. V., Smotrova, T. N. (2014). *Families of migrant workers: socio-psychological adaptation to conditions of forced separation*. Smolensk, Smolensk University of the Humanities Press. (In Russian)
- Johnson, S. M., Talitman, E. (1997). Predictors of success in emotionally focused marital therapy. *J. Marital Fam. Ther.*, 23 (2), 135–152. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1997.tb00239.x>
- Kamenskaya, A. S., Saporovskaya, M. V. (2024). Separation in close relationships: emotional and psychological aspects in the perception of men and women. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 30 (4), 33–40. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2024-30-4-33-40> (In Russian)
- Kazantseva T. V. (2021) Attachment and helping behavior. In: *Sotsial'naiia psikhologiya: istoriia i sovremennost': khrestomatiia* (pp. 97–103). Moscow, Infra-M Publ. (In Russian)
- Kelmer, G., Rhoades, G. K., Stanley, S., Markman, H. J. (2013). Relationship quality, commitment, and stability in long-distance relationships. *Fam. Process*, 52 (2), 257–270. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.2012.01418.x>
- Knobloch, L. K., Monk, J. K., MacDermid Wadsworth, S. M. (2023). Relationship maintenance among military couples. *Journal of Social and Personal Relationships*, 40 (3), 734–772. <https://doi.org/10.1177/02654075221105025>
- Kovaleva, N. A. (2009). *Socio-psychological analysis of separation as a phenomenon of interpersonal communication*: Thesis of Candidate Dissertation. Saratov. (In Russian)
- Kolesov, D. V. (2007). Freedom and unfreedom as factors of existence. *Mir psikhologii*, 3. (In Russian)
- Kryuchkov, K. S. (2019). Experiencing a love separation — the experience of a phenomenological analysis. *Psikholog*, 2, 9–27. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2019.2.27954> (In Russian)
- Kryukova, T. L., Ekimchik, O. A. (2018). *Psychodiagnostics of stress and coping in close heterosexual relationships*. Kostroma, KGU Press. (In Russian)
- Kuftyak, E. V. (2021). The relationship between attachment and coping behavior in adults. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia*, 29 (1), 28–43. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290103> (In Russian)
- Leontiev, D. A. (2007). *Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality*. Moscow. (In Russian)
- Liddell, B. J., Byrow, Yu., O'Donnell, M., Mau, V., Batch, N., McMahon, T., Bryant, R., Nickerson, A. (2021). Mechanisms underlying the mental health impact of family separation on resettled refugees. *The Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 55 (7), 699–710. <https://doi.org/10.1177/0004867420967427>
- Liu, S., Rovine, M. J., Klein, L. C., Almeida, D. M. (2013). Synchrony of diurnal cortisol pattern in couples. *J. Fam. Psychol.*, 27 (4), 579–588. <https://doi.org/10.1037/a0033735>
- Mikulincer, M., Shaver, P. R. (2020). Enhancing the “Broaden and Build” cycle of attachment security in adulthood: From the laboratory to relational contexts and societal systems. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (6), 2054. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062054>
- Reis, H. T., Sheldon, K. M., Gable, S. L., Roscoe, J., Ryan, R. M. (2000). Daily well-being: The role of autonomy, competence, and relatedness. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 26 (4), 419–435. <https://doi.org/10.1177/0146167200266002>
- Necheporenko, O. P., Samchenko, E. M. (2014). Features of marital satisfaction and role expectations of spouses during periodic separation. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Psikhologiya*, 1, 52–58. (In Russian)
- Odintsova, M. A., Radchikova, N. P., Aleksandrova, L. A. (2022). COPE-30: psychometric properties of the short version of the Russian-language methodology for assessing coping strategies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, 45 (4), 247–275. <https://doi.org/10.11621/vsp.2022.04.11> (In Russian)
- Orlova, V. V. (2010). The factor of separation in family and marital relations of sailors and fishermen of Primorye. *Molodoi uchenyi*, 3, 226–231. (In Russian)

- Saporovskaya, M. V., Kamenskaya A. S. (2024). Separation in close (partner) relationships and coping with it: cognitive assessment and socio-psychological correlates. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Psikhologiya*, 4, 26–36. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.4.26-36> (In Russian)
- Sbarra, D. A., Hazan, C. (2008). Coregulation, dysregulation, self-regulation: an integrative analysis and empirical agenda for understanding adult attachment, separation, loss, and recovery. *Personality and Social Psychology Review*, 12 (2), 141–167. <https://doi.org/10.1177/1088868308315702>
- Segrin, C., Flora, J. (2001). Perceptions of relational histories, marital quality, and loneliness when communication is limited: An examination of married prison inmates. *Journal of Family Communication*, 1 (3), 151–173. https://doi.org/10.1207/S15327698JFC0103_01
- Shaver, Ph. R., Mikulincer, M. (2009). An overview of adult attachment theory. In: *Attachment Theory and Research in Clinical Work with Adults* (pp. 17–45). New York, London, The Guilford Press.
- Sychev, O. A. (2016). Russian-language version of the relationship assessment scale. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 13 (2). (In Russian)

Received: March 10, 2025

Accepted: July 8, 2025

Authors' information:

Maria V. Saporovskaya — Dr. in Psychology, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-0852-1949>, saporov35@mail.ru

Anna S. Kamenskaya — Junior Researcher; <https://orcid.org/0000-0001-6648-6339>, annakam44@mail.ru

Репрезентация трудных жизненных ситуаций в схематических изображениях*

Е. В. Битюцкая^а, А. С. Миронов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Битюцкая Е. В., Миронов А. С. Репрезентация трудных жизненных ситуаций в схематических изображениях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN LGMPNF

Данные современных исследований позволяют рассматривать репрезентацию трудной жизненной ситуации как сложный уровневый феномен. В то же время наиболее распространенные исследовательские схемы и способы диагностики основаны на вербальных самоотчетах. Это означает их направленность на изучение лишь одного уровня — осознаваемых рефлекслируемых представлений. Для полноты научной картины структуры воспринимаемой ситуации нужны исследования слабо эксплицированных знаний и опыта взаимодействия человека с трудностями. Цель исследования — на материале схематических изображений изучить особенности репрезентации трудных жизненных ситуаций и критерии, на основе которых люди оценивают трудность. В статье рассматриваются возможности графической методики, основанной на свойствах схем как культурного средства, позволяющего отображать существенные признаки объекта в виде целостной структуры, состоящей из элементов и связей между ними. Представлены результаты контент-анализа данных, полученные на основе методики «Схема трудной жизненной ситуации». Проанализированы схемы ($n = 401$) взрослых участников исследования. В ходе исследования индуктивно выделены категории, соотносимые с формальными и содержательными признаками схем. Анализ содержательных характеристик позволяет определить критерии трудности жизненных ситуаций. К ним относятся следующие признаки: 1) ситуационного характера (препятствия, дефицит времени, запреты); 2) субъективного характера (недостаток ресурсов, собственные ограничения, отрицательные эмоции); 3) взаимодействия субъекта и ситуации (оценки трудности, роль субъекта, фрустрация цели, необходимость прилагать усилия). Описаны компоненты, входящие в структуру образа трудной жизненной ситуации: ситуационный контекст, факторы трудности, цель, смысл, оценка, копинг-стратегии, ресурсы, представления о динамике ситуации. Применение методики в исследованиях копинга позволяет изучить субъективный образ ситуации на вербальном и образно-символическом уровнях, поскольку схемы зачастую содержат как слова, так и символы, абстрактные изображения и другие обозначения.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, критерии трудности, восприятие ситуации, копинг, схема, рисунок.

В современной психологии накоплены данные о детерминантах копинга и его связях с различными характеристиками личности и ситуации, о копинг-стратегии-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01255.

^а Автор для корреспонденции.

ях, приводящих к субъективному благополучию или отдаляющему от него. При этом остается открытым вопрос о структуре и характеристиках образа трудной жизненной ситуации (ТЖС), определяющего тот или иной вариант копинг-реакций.

В систематическом обзоре было представлено описание репрезентаций, которые могут быть изучены в структуре образа ТЖС. К ним относятся:

- репрезентации собственных эмоциональных или психических состояний и потребностей;
- субъективные представления об альтернативных решениях, причинах и следствиях ситуации;
- когнитивные оценки: собственных сил и ресурсов, а также степени разрешимости, определенности, значимости ситуации;
- временные параметры (Битюцкая, 2020).

В следующей за этим серии исследований были выделены смысловые кластеры характеристик ТЖС:

- образ ситуации (содержание, время, возможности и ограничения ситуации, представления об успешном и неуспешном развитии событий);
- образ Я как субъекта ситуации (эмоции, энергия, мотивация, собственные возможности и ограничения);
- взаимодействие субъекта и ситуации (степень и суть трудности, валентность, основания и критерии оценки, копинг, содержание и уровень цели, необходимость и содержание помощи) (Битюцкая, Кунашенко, 2024).

При изучении образа ТЖС одним из наиболее важных является вопрос критериев трудности ситуации как признаков, отличающих их от повседневных, обычных, привычных ситуаций. Фундаментальные основания данного вопроса разработаны в контексте изучения когнитивного оценивания стресса и категоризации ситуаций (Битюцкая, 2020; Гришина, 1997; Lazarus, Folkman, 1984). Научная проблема в этой области описывается как вариабельность критериев, полученных при использовании разных исследовательских стратегий и процедур. Например, неподконтрольность является первым по частоте упоминания признаком, на основе которого в неструктурированном опросе при описании абстрактной трудной ситуации она категоризируется как трудная жизненная. Однако когда речь идет о конкретной, актуальной жизненной ситуации респондента, мы получаем противоположную асимметрию данных, указывающую на то, что ситуация в полной мере контролируется человеком (Битюцкая, Корнеев, 2021). Критерий необратимости жизненной ситуации для подавляющего большинства ситуаций, реально происходящих в жизни (а не воображаемых или предполагаемых), оказывается не выраженным (Битюцкая, Корнеев, 2021; Peacock, Wong, 1990). Вероятно, такие расхождения являются следствием многоуровневости образа ситуации. Причем не исключено, что на разных уровнях репрезентации можно обнаружить разные критерии трудности ситуации.

Важно отметить и имеющуюся в ряде случаев невозможность для участника исследования адекватно оценить ТЖС в соответствии с происходящими событиями — из-за влияния психологической защиты. Представляется, что максимально полный охват феноменологии восприятия ТЖС возможен при использовании комплексного подхода к психодиагностике. Это предполагает в том числе приме-

нение методик с различными форматами получаемого эмпирического материала: рисунков, схем, вербальных пояснений (Дорохов, Гусев, 2019; Jones et al., 2011). Отметим, что большей частью выводы о воспринимаемых характеристиках стресса и трудных ситуаций, известные в современной психологии, получены на основе метода опроса, позволяющего изучить осознаваемые рефлекслируемые представления. При этом используются стандартизированные опросники и открытые вопросы (Битюцкая, Корнеев, 2021; Нартова-Бочавер и др., 2024; Петраш и др., 2018). Применение методик, основанных на идее визуализации жизненного опыта, в научных исследованиях ТЖС, стресса и копинга встречается редко и связано с анализом рисуночных методик (Битюцкая, Карцева, 2013; Хазова, Крылова, 2020; Јие, На, 2019), изображений интернет-мемов (Пляскина, Поддьяков, 2022), графических образов как проективных средств диагностики (Шильманская, 2020).

В данной работе мы ставим цель рассмотреть разные уровни репрезентации (восприятия) трудной жизненной ситуации и соответствующие им критерии трудности жизненных ситуаций, используя анализ схематических изображений, выполненных участниками исследования.

При определении уровней репрезентации мы основываемся на представлениях о видах мышления: вербально-логическом и образно-символическом (Потанина, Гусев, 2008). Н. Е. Веракса выделяет в структуре репрезентации проблемной ситуации наряду с формальной, эмоциональной и диалектической формами — форму символическую, позволяющую ориентироваться в ситуации неопределенности (Веракса, 2015).

В данной работе схемы рассматриваются как продукт деятельности человека, как «средства мышления и сознания», отражающие знания, опыт, образ действия в ситуации, ее смыслы для человека (Розин, 2023). При этом схемы позволяют получать целостное изображение изучаемой эмпирической реальности в виде элементов, которые соединяются в более сложные структурные образования через устанавливаемые субъектом связи (Щедровицкий, 1995, с. 474).

Схематическое изображение ситуации по инструкции психолога, с одной стороны, можно отнести к графическим диагностическим методикам (к которым относят также проективные рисунки). При этом схемы можно рассматривать как «текстографическое или символическое письмо», доступное для понимания другим — так А. А. Брудный называет детский рисунок (Брудный, 1983). Но, с другой стороны, схема не тождественна рисунку. В ней есть графические символы, определенная, более явная структура; смыслы передаются не только через образы, но и через вербальное содержание. В ряде случаев респонденты выходят за рамки инструкции и создают рисунок, комикс, символ, что само по себе является заслуживающим внимания фактом. Несмотря на высокий потенциал схематических изображений для исследований структуры воспринимаемой ситуации, мы не встретили случаев их применения в качестве психодиагностических методик. В данной статье представлено исследование, направленное на решение взаимосвязанных задач:

- 1) изучить разные уровни репрезентации (восприятия) ТЖС;
- 2) определить критерии оценки трудности, которые становятся доступны с помощью анализа схем;
- 3) обосновать методику «Схема ТЖС» для изучения образа трудной ситуации.

Методика

Процедура сбора данных. Выполнение схем предполагает соблюдение ряда условий: участникам предоставляются отдельные листы формата А4, простой и цветные карандаши средней мягкости (минимум 6 основных цветов), ластик. По желанию участники исследования могли использовать также имеющиеся у них ручки, фломастеры. Предъявлялась следующая инструкция: «Изобразите трудную жизненную ситуацию в виде схемы так, чтобы в ней отразились структурные элементы самой этой ситуации и те компоненты, в состав которых она входит». Пояснения записываются на обратной стороне листа. Формулировка содержит долю неопределенности, что позволяет реализовать принцип проекции, поскольку актуализируется опыт личности, переживания, интерпретации. Также инструкция направлена на актуализацию категоризации — одного из процессов восприятия трудных ситуаций.

После подтверждения информированного согласия участники исследования выполняли анализ актуальной ТЖС на основе открытых вопросов и стандартизированных опросников, а затем рисовали схему ТЖС. 39 % участников вначале создали схему, а затем проанализировали актуальную ТЖС. Всем участникам предоставлялась возможность пояснить исследователю устно, какие смыслы содержит изображение.

Процедура обработки данных. На предварительном этапе был подготовлен массив схем для анализа, расшифровано их вербальное содержание для эффективной работы экспертной группы. Контент-анализ (основной этап) включал следующие стадии:

1) выделение единиц анализа — категорий и подкатегорий — индуктивным путем: от данных, а не теоретических представлений; разработка кодировочной таблицы (инструкции): на данном этапе были выделены все смысловые единицы (вербальные и невербальные), которые хотя бы один раз встречались в массиве, и составлен их перечень;

2) полученные единицы группировались в смысловые кластеры, при этом выделялись более общие категории и относящиеся к ним конкретные подкатегории;

3) кодировались 100 схем, при этом два исследователя независимо друг от друга кодировали данные, после чего анализировали разногласия и достигали консенсуса;

4) по результатам обсуждения вносились корректировки в кодировочную таблицу и с учетом исправлений повторно просматривались первые 100 схем;

5) выполнялся первичный анализ результатов на этом материале — чтобы опробовать возможности методики для получения критериев трудности и структуры образа ТЖС;

6) кодировались оставшиеся схемы ($n = 301$).

На первом и втором этапах контент-анализа привлекались независимые эксперты: кандидат психологических наук, специализирующийся в области качественных методов, и студент специалитета по психологии старшего курса, овладевший навыками контент-анализа, он же затем выступал в роли кодировщика. На всех этапах кодирование каждой схемы осуществлялось двумя кодировщиками.

Кодировочная инструкция предполагает для некоторых признаков подкатегории с одним названием, но в двух вариантах: вербальное и невербальное содержание; а также отметку отсутствия признака (например, «фазы не выделены» в категории «Динамика»). В приложении представлен перечень категорий (табл. П1) и пример (фрагмент) кодировочной таблицы (категория «Динамика», табл. П2).

В этой работе не учитывались описания ТЖС и результаты опросников, не кодировались вербальные пояснения к схемам, записанные участниками исследования на оборотной стороне листа или данные устно. Рассматривались схематические изображения, выполненные на листе А4.

Выборка и материал. В исследовании приняли участие 401 человек, из них 171 мужчина и 230 женщин (в возрасте 18–45 лет; $M=24,9$; $SD=5,7$) — студенты московских вузов, курсанты выпускного курса, а также работающие специалисты с высшим и средним специальным образованием, жители Москвы и Московской области. Материал исследования представляет собой изображенные респондентами схемы ТЖС ($n=401$).

Результаты

Формальные признаки схем. На основе контент-анализа мы выделили 19 категорий, которые были разделены на два крупных типа: описывающие формальные и содержательные признаки схем (табл. П1 в приложении). Рассмотрим формальные признаки. К ним относятся тип изображения, степень обобщения ТЖС, цвет, особенности вербального содержания, центральный элемент.

Выделены следующие типы изображения:

- блок-схема (30,2 % от общего количества схем) описывает взаимосвязанные составляющие ТЖС в виде блоков, соединенных линиями и стрелками;
- схема-путь (18,7 %) показывает последовательность этапов зачастую от актуального положения дел к цели / выходу из трудного положения или от причин ТЖС к актуальному положению дел (рис. 1);
- круговая схема (7,7 %) предполагает структурирование составных элементов по кругу или внутри круга, один из элементов может быть центрирован;
- цикл (3,5 %) отличается от круговой схемы связностью элементов и их последовательностью, как правило, переданной с помощью стрелок, при этом участник исследования зачастую подчеркивает повторяемость и воспроизводимость переживания или событий, либо бесконечность и безвыходность (рис. 2);
- к другому виду схемы (18 %) относятся сложные схемы, предполагающие:
 - несколько схем в рамках одной,
 - синтез разнородных элементов (схема, в которую встроены изображения),
 - необычную / креативную структуру (например, «матрешка», где более крупные элементы включают мелкие, или схема-кроссворд, схема-график; пример дан на рис. 3).
- рисунок с персонажами (одним или несколькими; 10,7 %) предполагает отображение некоторого сюжета или сцены. Персонажами рисунков могут быть как люди (включая самого субъекта — автопортрет), так и герои сказок, мультфильмов и т. п. Чаще всего рисунки отражают ТЖС символически или «зеркально», что было отмечено ранее (Битюцкая, Карцева, 2013) (рис. 4).

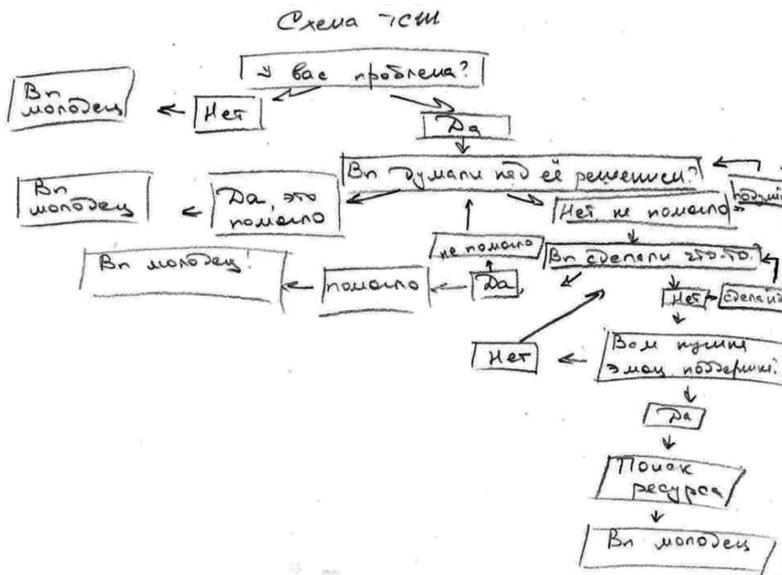
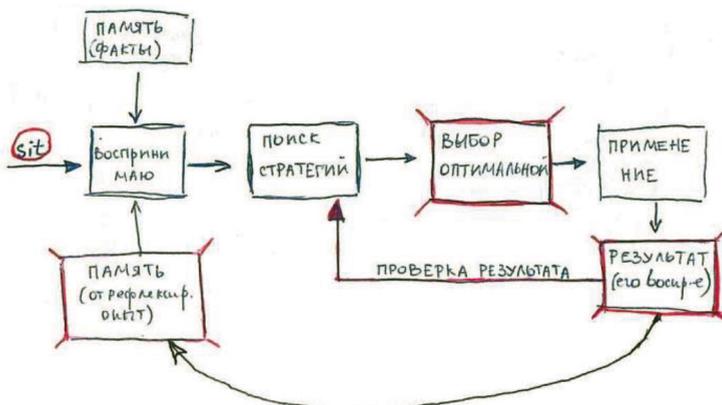

Рис. 1. Пример схемы-пути участницы исследования, ж., 22 года

красные - это про конфликтную sit, конфликтную.

Рис. 2. Пример цикла, м., 28 лет

• абстрактное изображение (2,7%) содержит нарисованные элементы (геометрические фигуры, прямые и изгибающиеся линии и др.), понятные только при пояснении автором смысла связи этих элементов и ТЖС для него.

• к другому виду рисунка (8,5%) относятся комиксы либо рисунки, включающие многие элементы-символы составляющих ТЖС или событий.

Степень обобщения ТЖС. ТЖС может репрезентироваться как конкретная, индивидуальная ситуация, с одной стороны, и обобщенная, основанная на типизации — с другой. Например, в одной из схем мы встретили следующий перечень

Рис. 3. Пример, отнесенный к другому виду схемы, ж., 21 год

Рис. 4. Пример рисунка с персонажами («зеркальный» вариант). Участник исследования, м., 28 лет, описал ТЖС «Преодоление стеснительности в общении с женщинами». На рисунке он изобразил сюжет в вагоне метро: себя и незнакомую девушку, с которой хотел бы познакомиться

обобщений: «стихийные бедствия, катастрофы, болезни, несчастные случаи, внешние стечения обстоятельств, не зависящих от человека». Отметим, что вероятность описания обобщенной ситуации была выше у той группы респондентов, которые вначале выполнили схему, а затем анализировали актуальную ТЖС.

Другие формальные признаки схем проявились следующим образом. Цвет: 55 % схем выполнены цветными карандашами, в остальных различные цвета не использовались или схемы были выполнены ручкой. Особенности вербального содержания: в 13,2 % схем опыт описан с использованием научных психологических понятий, причем их используют не только психологи, но и представители других профессий; 22,7 % схем не содержат слов. Центральный элемент: в 36,7 % схем по центру располагается ТЖС, в 24,9 % — субъект, в 3,5 % — переживания.

Содержательные признаки схем. В соответствии с предложенными ранее тремя группами характеристик ТЖС (Битюцкая, Кунашенко, 2024), содержательные признаки схем можно отнести к трем смысловым кластерам.

1. Образ ситуации включает следующие категории: время, временная перспектива прошлого и будущего в связи с ТЖС, динамика ТЖС, ресурсы ситуации, наличие выхода/решения, представление об исходе, жизненные сферы.

2. Образ Я как субъекта ситуации: эмоции, энергия, ресурсы и ограничения субъекта¹.

3. Взаимодействие субъекта и ситуации — оценка, копинг, цель, роль субъекта.

Определение признаков трудности следует осуществлять для каждой из этих групп категорий отдельно. Так, для первой из них ключевую роль играют препятствия, которые необходимо преодолеть (либо они являются непреодолимыми). К ним можно отнести некие обстоятельства (как, например, разлука с любимым человеком, призыв в армию), дефицит времени, запреты и табу, ожидания и оценки значимых людей и др. Причем схема содержит потенциал для образного описания таких ограничителей. Стена, барьер, рамки, падающий на голову кирпич, тяжелая ноша (или камень Сизифа), гора проблем, тупик, лабиринт, обрыв, крест на пути являются наиболее частыми метафорическими определениями внешних трудностей.

Выделим здесь также динамические и темпоральные характеристики. Динамика ситуации репрезентируется в схемах как этапы на пути к цели или на пути от причин к следствиям, как линия жизни, на которой один из отрезков занимает ТЖС, наряду с прошлым и будущим или цикл, спираль жизни (категории временно и перспективы, подкатегория «Циклическая динамика»). В рамках категории «Динамика ТЖС» мы выделили ряд стадий, обозначенных участниками исследования, например:

1. Появление проблемы (внезапное изменение обстановки, например молния, обвал моста);

2. Кризис (графически может быть выражен как резкое снижение);

3. Разрешение кризиса (подъем после достижения точки минимума).

Динамикой также можно считать описание внутренних процессов субъекта.

¹ В данном исследовании использовалась категория «Ресурсы», внутри нее выделены ресурсы ситуации и внутренние ресурсы субъекта. К ограничениям относятся низкий уровень энергии, отрицательные эмоциональные состояния, собственные ограничения в виде невозможности что-либо сделать (подкатегории: неподконтрольность, непонимание, неадекватные представления о себе).

К темпоральным характеристикам отнесены темы времени, сроков, расписания деятельности, и связанные с этим смыслы: «успеть / не успеть», «времени достаточно / не хватает». Символически это репрезентируется в виде циферблата со стрелками, песочных часов, линии времени жизни. Время — это та категория, которая при схематическом изображении ТЖС рассматривается в одних случаях как ограничение, а в других — как ресурс ситуации.

Вторая группа категорий описывает образ Я как субъекта ТЖС. Для выделения признаков трудности ситуации важны недостаток ресурсов (чаще всего энергии, сил), отрицательные эмоции и ограничения субъекта. Отметим, что 63,6% всех упоминаний эмоций (вербальных и невербальных) связаны с отрицательными эмоциями (гнев, злость, грусть, страх, тревога, тоска и др.). Образная репрезентация включает лица с опущенными уголками рта, нахмуренными бровями, грустные смайлы, разбитое сердце, изображение человека в позе эмбриона. В то же время позитивные эмоции составили 6,3% упоминаний (надежда, радость, хорошее настроение, счастье, интерес; а также невербальные обозначения: улыбающийся смайл, солнце и др.). Являясь индикатором трудности и значимости ТЖС для человека, эмоции в то же время становятся и фактором трудности, препятствием на пути к достижению цели, поскольку дестабилизируют внутреннее состояние и требуют усилий совладания. Это является одной из ярких смысловых тем проанализированных схем.

Как и в отношении отрицательных эмоций, относительно энергии люди склонны чаще отмечать низкий уровень в ТЖС (88% всех упоминаний энергии в схемах); в то время как высокий уровень энергии описывается редко (7% от всех упоминаний энергии в массиве и 2% от общего числа схем). Один из образов потери сил — севшая батарейка.

Наконец, третья смысловая группа, описывающая взаимодействие человека и ситуации через категории оценки, копинга, цели, роли, позволяет выделить следующие признаки трудности. Наиболее четко они определяются по критериям оценки. К ним относятся значимость, неподконтрольность и непонятность ситуации, дилемма и др. Перечисленные признаки воспроизводят ранее разработанный перечень критериев, вошедший в качестве концептуального основания в опросник «Когнитивное оценивание ТЖС» (Битюцкая, Корнеев, 2021).

Специфичным же признаком схематических изображений оказалась роль субъекта: активная (действующий субъект), пассивная (терпящий бедствие пострадавший) и роль наблюдающего за развитием ТЖС или констатирующего ее (наблюдатель). Схемы, в которых субъект представлен как наблюдатель, зачастую содержат словесные характеристики субъекта (например, «необходимость поддерживать жизнедеятельность и делать хорошо, плохое эмоциональное состояние», «не хочу тратить на это время»).

Терпящий бедствие субъект — человек под натиском отрицательных факторов или негативных воздействий других людей. Как правило, центральная характеристика такого субъекта — эмоции страдания и переживания относительно ТЖС (рис. 5). Напротив, активная роль предполагает изображение субъекта как принимающего решения и действующего в ТЖС, когда от его решений зависит дальнейшее развитие ситуации.

Таким образом, в третьей смысловой группе категорий к определению критериев трудности непосредственно имеют отношение критерии оценки, роль субъекта

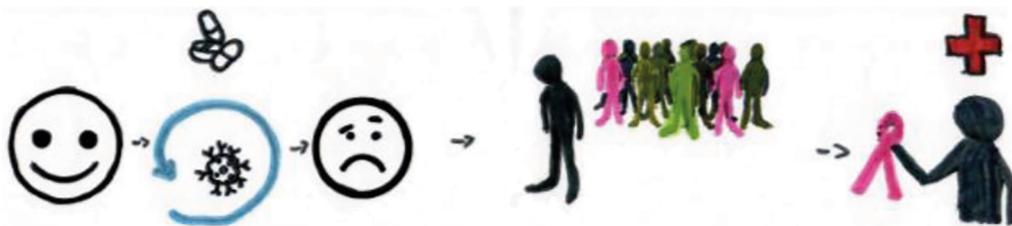

Рис. 5. Роль: терпящий бедствие герой, м., 32 года; ТЖС — тяжелый диагноз

екта, а также уровень цели, если она предполагает необходимость затрат ресурсов, превосходящих обычные или привычные усилия. Относительно копинга *per se* (как усилий, направленных на совладание с трудностью или достижение значимой трудной цели), он не может быть причислен к критериям трудности². Однако необходимость копинг-усилий является индикатором ТЖС.

В целом на основе анализа содержательных признаков схем возможно реконструировать³ структуру образа ТЖС. Он включает следующие составляющие:

- ситуационный контекст — жизненные сферы, которые затронула ТЖС;
- факторы трудности — воспринимаемые негативные факторы, препятствия и ограничения, которые необходимо преодолеть, в том числе собственные отрицательные эмоции, состояния, ограничения;
 - цель — то, чего нужно достичь (предполагаемые результаты);
 - смысл — мотивационно-смысловые составляющие, описывающие значение ТЖС для человека в контексте его жизненных задач, потребностей, перспектив;
 - оценка — когнитивная обработка информации о ситуации, сопоставление требований ситуации и возможностей, ресурсов, ограничений;
 - копинг-стратегии — способы достижения цели и преодоления негативных факторов;
 - ресурсы — то, что помогает достичь цели и преодолеть негативные факторы;
 - динамика — развитие ситуации во времени.

Обсуждение

Данное исследование, рассматривающее схематические изображения и рисунки взрослых людей, показывает возможности схем для анализа знаково-символического отражения ТЖС. Сопоставляя полученные нами данные с результатами теоретического обзора, ставившего целью определение структурных компонентов образа ТЖС (Битюцкая, 2020), отметим, что схемы отражают ранее выделенные темы эмоциональных и потребностных состояний, представления о причинах и следствиях ситуации, оценки и способы решения проблем, временные параметры. При этом имеются и особенности, расширяющие современные представления о репрезентации ТЖС.

² При определении жизненной трудности как ситуации, требующей совладания, существует риск оказаться в логической ловушке: если человек использует копинг-стратегии, значит, у него ТЖС, а если происходит ТЖС, то он использует копинг-стратегии.

³ Слово «реконструировать» используется потому, что изначально выбран индуктивный путь.

Отметим значение схем для изучения динамических характеристик и процессуальности, что выражается в отображении стадий развития ситуации, протяженности ТЖС на жизненном пути, анализе временной перспективы. Поскольку в вербальных описаниях перечисленные темы встречаются крайне редко, можно утверждать, что графические методики содержат наибольший потенциал для исследования динамики ситуации. Также можно отметить анализ респондентами альтернативных решений и вариантов развития ситуации. В вербальных описаниях (см., например, контент-анализ описаний ТЖС на выборке $n = 600$ (Битюцкая, Кунашенко, 2024)) столь детального анализа по типу «решение — исход», «альтернативное решение — исход» мы не встречали. Можно предположить, что при изображении схемы ТЖС во многих случаях респондентам (если они не фиксированы на своем негативном состоянии) важно репрезентировать ситуацию как некую целостность и проанализировать истоки проблемы, ее развитие и результат.

На материале данного исследования выделены роли: наблюдатель, активно действующий субъект и терпящий бедствие субъект. Данный признак представляется существенной характеристикой взаимодействия человека и ситуации, которая столь ярко и наглядно проявилась на материале схем, но не определялась исходя из вербальных описаний.

На основе полученных данных можно предположить, что анализ ТЖС при выполнении схемы актуализирует способность к обобщению опыта. В вербальных описаниях, полученных нами (Битюцкая, Кунашенко, 2024), обобщенные ситуации встречаются редко (1–2%; по всей видимости, из-за инструкции описать актуальную ТЖС); а в схематических — 32% схем репрезентируют обобщенные ТЖС. По данным С. А. Хазовой и М. А. Крыловой, при словесном описании ТЖС в исследовании с применением общей инструкции «как Вы понимаете, что такое ТЖС» 36,1% ответов соотносимы с общим описанием, 17,8% ответов — с конкретным описанием, остальные ответы сообщали о последствиях, ресурсах и др. (Хазова, Крылова, 2020). Наше исследование показывает, что можно различать не только конкретную/индивидуальную и обобщенную/типизированную ТЖС, но также четко выделяются конкретные vs. абстрактные репрезентации ТЖС.

Выводы

В целом схематические изображения позволяют реконструировать образ ТЖС, включающий ситуационный контекст, факторы трудности, требующие преодоления, цель, оценку, смысл ситуации для субъекта, копинг-стратегии, ресурсы. Особое значение схема имеет для образно-символических репрезентаций личностных смыслов. В то же время в схемах отображаются не только структурные элементы образа ТЖС, но и их взаимосвязи, причинно-следственные и направленные связи, а также другие характеристики процесса — в частности, динамика. Она показывает развитие (стадии) ситуации, последовательность событий во времени, хронология трудной ситуации в континууме жизни. В процессе работы над схемой люди продумывают альтернативные решения, что редко можно встретить в вербальных описаниях ТЖС.

По результатам исследования мы выделили признаки, определяющие трудность жизненной ситуации для субъекта:

- ситуационного характера: препятствия в виде ограничений ситуации, которые необходимо или невозможно преодолеть (нежелательные события, дефицит времени, ожидания и негативные оценки значимых людей, запреты), изменение обстановки, оцениваемое как угроза или кризис;

- субъективного характера: собственные ограничения (в виде высоких притязаний, отсутствия мотивации к активным действиям, представлений, не позволяющих что-либо сделать), недостаток ресурсов (сил, опыта), негативные эмоциональные состояния, которые зачастую к тому же требуют эмоционально-ориентированного копинга;

- взаимодействия субъекта и ситуации: критерии оценки (неопределенность, неподконтрольность ситуации и др.), роль субъекта, фрустрация цели, необходимость усилий по преодолению ситуации или предотвращению ее развития в проблему.

Проведенное исследование выделяет ряд возможностей графической методики. Ее применение в исследованиях копинга позволяет изучить субъективный образ ситуации на вербальном и образно-символическом уровнях, поскольку схемы зачастую содержат как слова, так и символы, абстрактные изображения, пиктограммы, рисунки и другие обозначения. В то же время «Схема ТЖС» — это инструмент, предполагающий получение таких данных, которые структурирует сам исследователь (в отличие, например, от опросников, имеющих определенную и устойчивую структуру). Это свойство открывает пути для индуктивной разработки классификаций критериев ТЖС и копинг-стратегий.

Ограничения

В данной работе, которая является первым крупным этапом анализа схематических изображений, мы рассмотрели только схемы (без пояснений к ним), чтобы описать возможности именно схематических изображений. С этим связан и выбор процедуры контент-анализа. Дальнейшие этапы исследования с применением схем предполагают использование пояснений к ним участников исследования и описаний ТЖС, соответствующих каждой схеме. Мы ожидаем, что такой синтетический вариант анализа, охватывающий вербальные и визуальные данные, позволит более полно и глубоко описать феноменологию ТЖС.

Вклад авторов

Е. В. Битюцкая разработала методику и кодировочную инструкцию для контент-анализа, собрала данные ($n = 302$), выполнила теоретическое обоснование, обработку и анализ данных, написала текст статьи. А. С. Миронов собрал данные ($n = 30$), доработал перечень категорий для кодировочной таблицы, закодировал по ней данные. Оба автора согласились с финальной версией текста.

Благодарности

Благодарим доцента факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова Н.Г.Мальшеву за экспертное мнение при разработке кодировочной инструкции. Выражаем признательность выпускникам и аспирантам этого факультета А.Г.Докучаевой, А.А.Херувимовой, Ю.С.Королевой за помощь в сборе данных и участие в экспертизе при их обработке.

Литература

- Битюцкая Е. В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 116–131.
- Битюцкая Е. В., Карцева Е. В. Рисуночная методика «Моя трудная жизненная ситуация» как инструмент диагностики восприятия трудной ситуации // Журнал практического психолога. 2013. № 4. С. 102–132.
- Битюцкая Е. В., Корнеев А. А. Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации: диагностика и структура // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 145–161.
- Битюцкая Е. В., Кунашенко М. И. Стремление к трудности как тип восприятия жизненных ситуаций // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2024. Т. 47, № 1. С. 56–87.
- Брудный А. А. О психологии изобразительной деятельности ребенка // Вопросы психологии. 1983. № 1. С. 163–164.
- Веракса Н. Е. Формы репрезентации проблемной ситуации // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: в 5 т. / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. Т. 3. М.: Когито-Центр, 2015. С. 281–282.
- Гришина Н. В. Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 121–132.
- Дорохов Е. А., Гусев А. Н. О возможности изучения ментальных моделей пользователей компьютера: от когнитивных карт к образу мира // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2019. № 3. С. 47–65. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.03.47>
- Нартова-Бочавер С. К., Бардадымов В., Ерофеева В., Хачатурова М., Хачатрян Н. Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 170–202. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17187>
- Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Головей Л. А., Савеньишева С. С. Опросник повседневных стрессоров // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 57. С. 5.
- Пляскина А. С., Поддьяков А. Н. Визуальные репрезентации «проблемы вагонетки» в интернет-мемах: политекстуальный тематический анализ // Вопросы психологии. 2022. Т. 68, № 6. С. 64–79.
- Потанина Л. Т., Гусев А. Н. Связь образно-символического мышления с развитием ценностно-смысловых представлений личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 30–40.
- Розин В. М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: Ленанд, 2023.
- Хазова С. А., Крылова М. А. Ментальная репрезентация трудных жизненных ситуаций как ресурс защитно-совладающей активности взрослых // Вестник Владимирского государственного университета. Сер. Педагогические и психологические науки. 2020. Т. 43 (62). С. 147–157.
- Шильманская А. Е. Возможности визуальных методов в качественных психологических исследованиях личности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 4. С. 49–55. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160405>
- Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.
- Jones N. A., Ross H., Lynam T., Perez P., Leitch A. Mental models: an interdisciplinary synthesis of theory and methods // Ecology and Society. 2011. Vol. 16. Art. 46. <https://doi.org/10.5751/ES-03802-160146>
- Jue J., Ha J. H. The Person-in-the-Rain Drawing Test as an assessment of soldiers' army life adjustment and resilience // Psychology. 2019. Vol. 10. P. 1418–1434. <https://doi.org/10.4236/psych.2019.1011093>
- Lazarus R. S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Co, 1984.

Контактная информация:

Битюцкая Екатерина Владиславовна — канд. психол. наук, доц.;
<https://orcid.org/0000-0001-6117-1063>, bityutskaya_ew@mail.ru
Миронов Андрей Сергеевич — студент; <https://orcid.org/0000-0001-7058-9840>,
asmironov01@gmail.com

Representation of difficult life situations in schematic images*

E. V. Bityutskaya^a, A. S. Mironov

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Bityutskaya E. V., Mironov A. S. Representation of difficult life situations in schematic images. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN LGMPNF (In Russian)

Most common diagnostic methods of difficult life situations perception are based on verbal self-reports, which focus on conscious representations. However, to fully understand the situation perception, it is also necessary to study poorly tacit knowledge and experience. The aim of the study is to consider representations of difficult life situations and the criteria of difficulty based on the material of schematic images. The article discusses the possibilities of a technique “Scheme of a Difficult Life Situation”. This technique is based on the properties of schemes as cultural tools for displaying essential features of objects as structures composed of elements and their connections. We present the results of a content analysis of 401 schematic images collected from adult participants. During the study, the categories were inductively identified, and the analysis of these categories allowed us to identify criteria of the difficult life situations. 1. Situational factors: obstacles, lack of time, prohibitions. 2. Subjective factors: lack of resources, personal limitations, negative emotions. 3. Interaction between the subject and the situation: criteria for assessing difficulties, role of the subject in the situation, frustration of goals, need for effort. The components included in the structure of a difficult life situation include the situational context, difficulty factors, purpose, meaning, assessment, coping strategies, resources, and ideas about the dynamics of the situation. The use of this method in coping research allows us to study the situation perception at both the verbal and figurative-symbolic levels.

Keywords: difficult life situation, criteria of difficulty, situation perception, coping, scheme, drawing.

References

Bityutskaya, E. V. (2020). Structure and dynamics of the image of a difficult life situation. *Voprosy psikhologii*, 3, 116–131. (In Russian)

* The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-01255.

^a Author for correspondence.

- Bityutskaya, E. V., Kartseva, E. V. (2013). The drawing method “My difficult life situation” as a diagnostic tool for the perception of a difficult situation. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 4, 102–132. (In Russian)
- Bityutskaya, E. V., Korneev, A. A. (2021). Subjective assessment of a difficult life situation: Diagnostics and structure. *Voprosy psikhologii*, 4, 145–161. (In Russian)
- Bityutskaya, E. V., Kunashenko, M. I. (2024). Striving toward difficulty as a type of perception of life situations. *Vestnik of Moscow University. Ser. 14. Psikhologiya*, 47 (1), 56–87. (In Russian)
- Brudny, A. A. (1983). On the psychology of children’s visual activity. *Voprosy psikhologii*, 1, 163–164. (In Russian)
- Dorokhov, E. A., Gusev, A. N. (2019). On the possibility of studying computer users’ mental models: From cognitive maps to the image of the world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, 3, 47–65. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.03.47> (In Russian)
- Grishina, N. V. (1997). Psychology of social situations. *Voprosy psikhologii*, 1, 121–132. (In Russian)
- Jones, N. A., Ross, H., Lynam, T., Perez, P., Leitch, A. (2011). Mental models: An interdisciplinary synthesis of theory and methods. *Ecology and Society*, 16 (1): 46. <https://doi.org/10.5751/ES-03802-160146>
- Jue, J., Ha, J. H. (2019). The Person-in-the-Rain Drawing Test as an assessment of soldiers’ army life adjustment and resilience. *Psychology*, 10 (11), 1418–1434. <https://doi.org/10.4236/psych.2019.1011093>
- Khazova, S. A., Krylova, M. A. (2020). Mental representation of difficult life situations as a resource for protective-coping activity in adults. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki*, 43 (62), 147–157. (In Russian)
- Lazarus, R. S., Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal, and Coping*. New York, Springer Publishing Co.
- Nartova-Bochaver S., Bardadymov V., Erofeeva V., Khachaturova M., Khachatryan N. (2024). Difficult life situations of young students. *Educational Studies*, 2, 170–202. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17187> (In Russian)
- Peacock, E. J., Wong, P. T. (1990). The Stress Appraisal Measure (SAM): A multi-dimensional approach to cognitive appraisal. *Stress Medicine*, 6 (3), 227–236. <https://doi.org/10.1002/smi.2460060308>
- Petrash, M. D., Strizhickaya, O. Yu., Golovej, L. A., Savenysheva S. S. (2018). The questionnaire of everyday stressors. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 11 (57), 5.
- Plyaskina, A. S., Poddyakov, A. N. (2022). Visual representations of the “trolley problem” in internet memes: A polytextual thematic analysis. *Voprosy psikhologii*, 68 (6), 64–79. (In Russian)
- Potanina, L. T., Gusev, A. N. (2008). The relationship between figurative-symbolic thinking and the development of value-meaning representations of personality. *Voprosy psikhologii*, 2, 30–40. (In Russian)
- Rozin, V. M. (2023). *Introduction to schemology: Schemas in philosophy, culture, science, design*. Moscow, Lenand Publ. (In Russian)
- Shchedrovitsky, G. P. (1995). *Izbrannye trudy*. Moscow, Shkola kul’turnoy politiki Press. (In Russian)
- Shilmanskaya, A. E. (2020). The potential of visual methods in qualitative psychological research of personality. *Kul’turnoistoricheskaya psikhologiya*, 4, 49–55. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160405> (In Russian)
- Veraksa, N. E. (2015). Forms of representation of a problematic situation. In: D. B. Bogoyavlenskaya (ed.). *Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sb. materialov iubilейnoi konferentsii*: in 5 vols. (vol. 3, pp. 281–282). (In Russian)

Received: April 14, 2025

Accepted: July 20, 2025

Authors’ information:

Ekaterina V. Bityutskaya — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-6117-1063>, bityutskaya_ew@mail.ru

Andrey S. Mironov — student; <https://orcid.org/0000-0001-7058-9840>, asmironov01@gmail.com

Таблица П1. Перечень категорий контент-анализа

№	Формальные признаки	№	Содержательные признаки
1	Степень обобщения ТЖС	6	Жизненные сферы
2	Цвет	7	Время и сроки
3	Вербальное описание ТЖС	8	Временная перспектива ТЖС: прошлое
4	Центральный элемент	9	Временная перспектива ТЖС: будущее
5	Тип изображения	10	Динамика ТЖС
		11	Ресурсы
		12	Наличие выхода / решения
		13	Представление об исходе
		14	Эмоции
		15	Энергия
		16	Оценка ситуации
		17	Копинг
		18	«Вектор» движения относительно цели
		19	Роль субъекта при взаимодействии с ТЖС

Таблица П2. Фрагмент кодировочной таблицы с подсчетом частот: категория «Динамика»

Название подкатегорий «Динамики ТЖС»	Индикаторы подкатегорий и примеры	Частота
		274/600*
Появление проблемы	Начало, старт проблемы, внезапность, шок	34
—" — н/в	Молния, туча, разрыв линии, обозначающей спокойный период, точка начала ТЖС, препятствия на пути, вход в лабиринт, падающий на человека молот, кирпич	22
Фаза кризиса/упадка	Пик напряжения или стресса, смерть	21
—" — н/в	Резкий спад, обрыв, пожар, точка невозврата на графике, яма, безвыходность как клетка-ловушка	16
Фаза разрешения кризиса	Поиск и реализация решения, действия, принятие ситуации, решение проблемы	21
—" — н/в	Кривая линия/дорога выравнивается, выход из лабиринта	8
Другие фазы	«Осознание», отсутствие проблемы и др.	54
Циклическая динамика	Возвращение от одного к другому состоянию, порочный круг	6
—" — н/в	Цикл, синусоида, стрелки возврата от выхода из ситуации к ТЖС	14
Другие признаки динамики	Внутренняя динамика, процесс, путь, «крутите барабан», движение по спирали	78
Фазы не выделены	–	326

Примечания: Частота данного признака (динамика) в одной схеме может быть >1. * Через слэш даны: частота встречаемости признака / общая частота по категории. Условные обозначения: —" — знак повтора названия подкатегории, которое дано над ним; н/в — обозначение невербального содержания схем.

Адаптация русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности (STAI-T) на выборке студентов вузов*

Т. Н. Тихомирова¹, А. А. Павлова^{1,2}, В. И. Исмагулина¹,
А. С. Малых¹, П. В. Колясников¹, С. Б. Малых^{a1}

¹ Российская академия образования,

Российская Федерация, 119121, Москва, ул. Погодинская, 8

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Тихомирова Т. Н., Павлова А. А., Исмагулина В. И., Малых А. С., Колясников П. В., Малых С. Б. Адаптация русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности (STAI-T) на выборке студентов вузов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN PECWXZ

Представлены результаты анализа психометрических свойств русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности (STAI-T) на масштабной выборке студентов вузов Российской Федерации. Личностная тревожность отражает предрасположенность к чрезмерному проявлению тревоги в отношении широкого круга событий, восприятие их как потенциально опасных, что приводит к трудностям адаптационного характера, в том числе на этапе перехода в систему высшего образования. Уровень проявления тревожности традиционно измеряется с помощью Шкалы личностной и ситуативной тревожности, русскоязычная версия которой адаптирована Ю. Л. Ханиным в 1976 г., что актуализирует необходимость повторной адаптации с участием современных молодых людей. В исследовании приняли участие 4199 студентов ($M = 18,53$, $SD = 0,86$, 57 % девушек) первого курса российских вузов. Эксплораторный и подтверждающий факторный анализ подтвердили наличие двухфакторной структуры опросника: первую субшкалу составили утверждения, измеряющие явные признаки проявления тревожности (12 утверждений), вторую — утверждения с косвенными признаками (7 утверждений). Показано, что итоговая модель обладает высокими индексами качества, а также конфигуральной, метрической и скалярной гендерной инвариантностью, оцененной при помощи структурного моделирования. Общая шкала личностной тревожности, как и выделенные субшкалы, демонстрируют высокую внутреннюю согласованность и высокую внешнюю валидность. Выявлено, что студенты российских вузов в среднем демонстрируют умеренно выраженную личностную тревожность с более высоким средним значением у девушек. Делается вывод, что русскоязычная версия Шкалы личностной тревожности (STAI-T) обладает высокими психометрическими свойствами и может быть использована для диагностики личностной тревожности студентов вузов. На основе популяционных данных выведены пороговые значения интегрированного показателя личностной тревожности. Показанные в исследовании высокие психометрические свойства и обозначенные пороговые значения уровней проявления

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01102; <https://rscf.ru/project/24-18-01102/>.

^a Автор для корреспонденции.

обеспечивают научно обоснованное применение Шкалы личностной тревожности при организации в вузе психологической помощи современным молодым людям.

Ключевые слова: Шкала личностной тревожности (STAI-T), психометрические свойства, личностная тревожность, студенты.

Введение

Личностная тревожность как устойчивая черта отражает предрасположенность человека к чрезмерному, часто необоснованному проявлению тревоги в отношении широкого круга событий и явлений, восприятие их как потенциально опасных (Szuhanu, Simon, 2022; Leal et al., 2017). Согласно исследованиям, высокий уровень тревожности сопряжен со снижением качества жизни (Pounds, 1992), стрессом и депрессией (Haug et al., 2004; Konstantopoulou et al., 2020; Apóstolo et al., 2011), повышенным риском суицидального поведения (Neron et al., 2010), проблемами со здоровьем (Roest et al., 2010), трудностями в принятии решений (Hartley, Phelps, 2012).

Студенты высших учебных заведений могут быть особенно подвержены высокой тревожности в связи с переходом из школы в университет, зарождающейся взрослостью, связанной с переездом от семьи и обретением экономической независимости от родителей, ощущением давления и высоких академических требований, вероятностью академического выгорания (Тихомирова и др., 2024; Soares et al., 2023). Нестабильное финансовое положение, проблемы в общении со сверстниками, преподавателями, друзьями и семьей (Городецкая и др., 2019), психоэмоциональное напряжение в связи с высокой учебной нагрузкой (Александров, Лукьяненко, 2016) также могут способствовать частому проявлению тревожности у студентов. В исследованиях показано, что очень высокий уровень тревожности может приводить к низкой успеваемости (Macher et al., 2012), зависимостям от интернета и социальных сетей (Matar Boumosleh, Jaalouk, 2017), уходу из системы высшего образования (Silva et al., 2018). При этом ряд исследований, представленных, в частности, в обзоре (Soares et al., 2023), показывает эффективность групповых психологических программ для снижения симптомов тревожности молодых людей. В процессе психологического сопровождения высшего образования диагностике личностной тревожности студентов, особенно в ситуации адаптационных рисков первого года обучения в вузе, уделяется особое внимание (Тихомирова и др., 2024). Разработка новых диагностических инструментов и, что важно, современная адаптация существующих традиционно применяемых в работе вузовских психологических служб методов измерения, становятся социально востребованными для выявления групп риска и своевременного оказания психологической помощи.

Одним из наиболее распространенных инструментов для измерения тревожности является Шкала личностной тревожности и тревожных состояний (State-Trait Anxiety Inventory, STAI), разработанная Ч.Спилбергером и коллегами в 1970 г. (Spielberger et al., 1970). Шкала состоит из двух субшкал: субшкалы личностной тревожности (STAI-T) и субшкалы тревожных состояний (STAI-S), на каждую из которых приходится по 20 утверждений. Шкала была валидирована для различных культурных контекстов, включая Китай (Cao, Liu, 2014; Nan et al., 2020), Канаду (Turgeon, Chartrand, 2003), Латвию (Kaupuzs et al., 2015), Гавайи (Hishinuma

et al., 2000), Италию (Delvecchio et al., 2017), Аргентину (Garrido et al., 2022), Грецию (Mystakidou et al., 2008). В этих работах сообщается о высоких психометрических свойствах этого диагностического инструмента как для клинических (Kairper et al., 2010), так и для нормотипичных (Cao, Liu, 2014; Han et al., 2020) популяций.

В 1976 г. шкала была переведена на русский язык и адаптирована Ю. Л. Ханиным (Ханин, 1976). Несмотря на то что адаптированная методика обладает высокими показателями внутренней согласованности, внешней валидности и ретестовой надежности (Вергунов и др., 2019), а также широко применяется в российских исследованиях (Александров, Лукьяненко, 2016; Городецкая и др., 2019) и практической работе психологов (Тихомирова и др., 2024), отсутствуют данные о таких психометрических показателях, как факторная структура и гендерная инвариантность. Кроме того, утверждения с реверсией в адаптации русскоязычной версии оказались «слабыми пунктами»: их удаление повышает внутреннюю согласованность шкалы (Вергунов и др., 2019). В то же время зарубежные адаптации этой методики демонстрируют сложную факторную структуру шкалы — выделяется четыре фактора: два — для шкалы ситуационной тревожности и два — для шкалы личностной тревожности, отражающие явные и косвенные признаки тревожности (Ortuño-Sierra et al., 2016). Предположительно, аналогичная многофакторная структура может быть характерна и для современной российской популяции. Действительно, адаптация методики Ю. Л. Ханиным была проведена почти 50 лет назад в культурном и историческом контексте СССР. Социокультурные и экономические изменения, произошедшие за это время, требуют повторной адаптации шкалы на выборке современных студентов.

В современных условиях была адаптирована Шкала ситуационной тревожности (STAI-S) на специфичной выборке пациентов, ожидающих операционного вмешательства (Брагин и др., 2017). При этом проведение современной адаптации Шкалы личностной тревожности (STAI-T) на выборке нормотипичных респондентов остается актуальной и социально востребованной.

Целью данного исследования является оценка психометрических свойств русскоязычной версии Шкалы личностной тревожности (STAI-T) на масштабной выборке студентов вузов. Результаты исследования в части адаптации и определения пороговых значений уровней проявления личностной тревожности, с одной стороны, актуальны для понимания психометрических свойств шкалы личностной тревожности в различных культурных контекстах, с другой стороны — для корректного научно обоснованного применения при организации в вузе психологической помощи молодым людям.

Методы

Выборка. Выборку составили 4199 студентов первого курса вузов из 7 федеральных округов Российской Федерации, из них 57% — девушки. Средний возраст составил 18,53 года, стандартное отклонение 0,86. Возраст респондентов представлен в диапазоне от 18 до 23 лет. Среди участников исследования 1534 студента (37%) обучаются по техническим направлениям подготовки высшего образования, 2248 (53%) — по гуманитарным направлениям, 260 (6%) — по естественно-научным направлениям, 157 (4%) — по иным направлениям.

Инструменты. Шкала личностной тревожности (STAI-T) является субшкалой шкалы личностной тревожности и тревожных состояний (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) (Spielberger et al., 1970). Шкала состоит из 20 утверждений, выражая степень согласия с которыми, респондент оценивает себя по шкале Лайкерта от 1 (абсолютно не согласен) до 4 (абсолютно согласен). Шкала содержит утверждения, содержащие явные признаки тревожности (например, «Я слишком сильно переживаю из-за вещей, которые на самом деле не имеют значения»), так и утверждения с косвенными признаками (например, «Я спокоен, невозмутим и собран»). Шкала была переведена на русский язык лабораторией когнитивных и междисциплинарных исследований образовательного центра «Сириус». Перевод шкалы проводился в полном соответствии с рекомендациями International Test Commission¹.

Сокращенная шкала математической тревожности (AMAS) была использована для проверки внешней валидности шкалы личностной тревожности (Норко et al., 2003) и переведена на русский язык лабораторией когнитивных и междисциплинарных исследований образовательного центра «Сириус». В исследованиях сообщается о высоких психометрических свойствах русскоязычной версии шкалы математической тревожности (Marakshina et al., 2023; Marakshina et al., 2024).

Процедура. Для сбора данных использовались цифровые психодиагностические инструменты. Студенты заполняли опросники в компьютерных аудиториях вузов по единым протоколам под наблюдением члена исследовательской группы (Тихомирова и др., 2024). Перед началом исследования все респонденты подписали информированные согласия с возможностью отказа от участия в любой момент без объяснения причины.

Алгоритм статистического анализа. Статистический анализ был выполнен в Питоне (версия 3.9.12) и в R (версия 4.4.2). Эксплораторный факторный анализ был использован для оценки факторной структуры модели. Критерий сферичности Бартлетта, а также критерий Кайзера — Мейера — Олкина (КМО) были предварительно рассчитаны для проверки адекватности данных для проведения факторного анализа.

При построении модели эксплораторного факторного анализа был использован метод вращения Varimax. График каменистой осыпи и правило Кайзера были применены для выбора оптимального числа факторов.

Конфирматорный факторный анализ был использован для подтверждения обнаруженной факторной структуры. Метрика диагональных взвешенных наименьших квадратов (DWLS) была использована для построения модели конфирматорного факторного анализа. Метрики TLI, CFI, RMSEA, SRMR были использованы для оценки качества модели конфирматорного факторного анализа. Модель, обладающая показателями $TLI > 0,95$, $CFI > 0,95$, $RMSEA < 0,08$, $SRMR < 0,08$, считается моделью, хорошо описывающей эмпирические данные (Hooper et al., 2008; Byrne, 2001; Kline, 2005; Brown, 2006).

Гендерная инвариантность была проверена при помощи мультигруппового структурного моделирования (multigroup SEM). Конфигуральная инвариантность показывает, что факторная структура одинакова для сравниваемых групп. Метрическая инвариантность предполагает, что факторные нагрузки одинаковы для двух

¹ URL: International Test Commission (дата обращения: 30.11.2025).

групп, скалярная инвариантность предполагает равенство констант в модели для обеих групп и позволяет сравнивать средние между группами. Значения $\geq -0,01$ для ΔCFI , и $\geq 0,015$ для $\Delta RMSEA$ демонстрируют отсутствие инвариантности (Cheung, Rensvold, 2002; Chen, 2007).

Внутренняя согласованность шкалы и субшкал была оценена при помощи расчета коэффициента α Кронбаха: значения от 0,7 демонстрируют высокую внутреннюю согласованность (Streiner, 2003; Malkewitz et al., 2023; Revelle, Zinbarg, 2009).

Коэффициент корреляции Пирсона между шкалой математической тревожности и шкалой личностной тревожности был рассчитан для подтверждения внешней валидности инструмента. Т-критерий Стьюдента был использован для сравнения средних между группами.

Результаты

Факторная структура. Критерий сферичности Бартлета составил 38528,44, p -value $< 0,001$. Критерий КМО составил 0,95, что свидетельствует об избыточности переменных и целесообразности проведения факторного анализа. Эксплораторный факторный анализ показал наличие двухфакторной структуры (рис 1). Собственное значение первого фактора 7,73, второго фактора — 2,56, последующих — менее единицы. Первый фактор объясняет 39% дисперсии, второй фактор — 12%, в совокупности оба фактора объясняют 51% дисперсии.

Факторные нагрузки для двухфакторной структуры эксплораторного факторного анализа представлены в табл. 1. Утверждение № 14 «Я стараюсь избегать кризисных ситуаций или трудностей» показал низкие факторные нагрузки (ниже 0,3) для обоих факторов, поэтому было принято решение удалить его из модели.

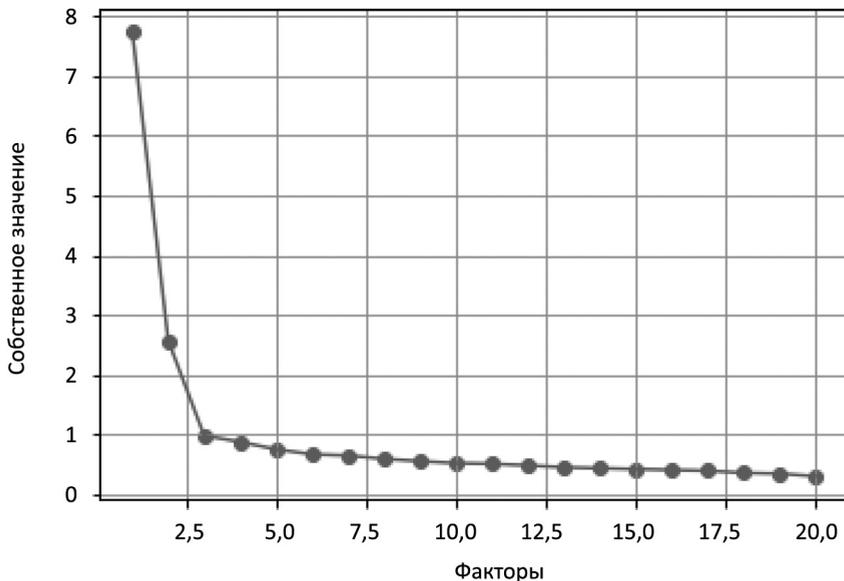

Рис. 1. График «каменистой осыпи» для эксплораторного факторного анализа Шкалы личностной тревожности (STAI-T)

В первый фактор попали прямые утверждения, измеряющие наличие тревожности (№ 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 15, 17, 18, 20), во второй фактор — обратные утверждения, измеряющие отсутствие тревожности (№ 1, 6, 7, 10, 13, 16, 19).

Таблица 1. Факторные нагрузки для эксплораторного факторного анализа

№	Утверждение	Факторная нагрузка (фактор 1)	Факторная нагрузка (фактор 2)
1	Я чувствую себя хорошо*	0,18	0,74
2	Я быстро устаю	0,58	0,28
3	Мне хочется плакать	0,61	0,25
4	Мне хотелось бы быть таким же счастливым (такой же счастливой), как другие	0,53	0,18
5	Я упускаю возможности из-за того, что не могу принять решение достаточно быстро	0,59	0,16
6	Я чувствую себя отдохнувшим (отдохнувшей)*	0,22	0,64
7	Я спокоен, невозмутим и собран (я спокойна, невозмутима и собрана)*	0,27	0,64
8	Мне кажется, что трудности накапливаются, поэтому я не могу преодолеть их	0,64	0,26
9	Я слишком сильно переживаю из-за вещей, которые на самом деле не имеют значения	0,72	0,14
10	Я счастлив (счастлива)*	0,17	0,77
11	Я склонен (склонна) сильно реагировать на вещи	0,60	0,02
12	Мне не хватает уверенности в себе	0,62	0,21
13	Я чувствую себя в безопасности*	0,20	0,66
14	<i>Я стараюсь избегать кризисных ситуаций или трудностей</i>	0,26	-0,25
15	Мне тоскливо	0,60	0,34
16	Я удовлетворен (удовлетворена)*	0,19	0,77
17	Незначительная мысль крутится у меня в голове и беспокоит меня	0,69	0,18
18	Я переживаю разочарование так остро, что не могу выкинуть его из головы	0,73	0,20
19	Я — устойчивый человек*	0,28	0,61
20	Меня может охватить паника, когда я думаю о моих недавних делах и заботах	0,68	0,20

Примечание: * Обратные утверждения.

Конфирматорный факторный анализ подтвердил выявленную структуру. В табл. 2 представлены метрики качества для базовой однофакторной модели со всеми утверждениями и для двухфакторной модели без утверждения № 14. Двухфакторная модель показывает существенно более высокое качество по сравнению с базовой моделью.

Таблица 2. Метрики качества для однофакторной и двухфакторной моделей в конфирматорном факторном анализе

Модель	TLI	CFI	SRMR	RMSEA
Один фактор, все утверждения	0,920	0,929	0,123	0,123 [0,121; 0,125]
Два фактора, без утверждения 14	0,989	0,991	0,044	0,047 [0,045; 0,049]

В табл. 3 представлены факторные нагрузки для итоговой модели. Для всех утверждений, включенных в модель, факторные нагрузки выше 0,4. Наиболее высокие факторные нагрузки наблюдаются для второго фактора, измеряющего отсутствие тревожности. Подсчет общей шкалы производится как сумма баллов по всем утверждениям, исключая утверждение № 14, с перекодировкой обратных утверждений.

Таблица 3. Факторные нагрузки для итоговой модели

№	Утверждение	Факторная нагрузка (фактор 1)	Факторная нагрузка (фактор 2)
2	Я быстро устаю	0,576	–
3	Мне хочется плакать	0,581	–
4	Мне хотелось бы быть таким же счастливым (такой же счастливой), как другие	0,550	–
5	Я упускаю возможности из-за того, что не могу принять решение достаточно быстро	0,530	–
8	Мне кажется, что трудности накапливаются, поэтому я не могу преодолеть их	0,625	–
9	Я слишком сильно переживаю из-за вещей, которые на самом деле не имеют значения	0,677	–
11	Я склонен (склонна) сильно реагировать на вещи	0,477	–
12	Мне не хватает уверенности в себе	0,669	–
15	Мне тоскливо	0,669	–
17	Незначительная мысль крутится у меня в голове и беспокоит меня	0,655	–
18	Я переживаю разочарование так остро, что не могу выкинуть его из головы	0,714	–
20	Меня может охватить паника, когда я думаю о моих недавних делах и заботах	0,656	–
1	Я чувствую себя хорошо*	–	0,811
6	Я чувствую себя отдохнувшим (отдохнувшей)*	–	0,739
7	Я спокоен, невозмутим и собран (я спокойна, невозмутима и собрана)*	–	0,777
10	Я счастлив (счастлива)*	–	0,838
13	Я чувствую себя в безопасности*	–	0,742
16	Я удовлетворен (удовлетворена)*	–	0,839
19	Я — устойчивый человек*	–	0,758

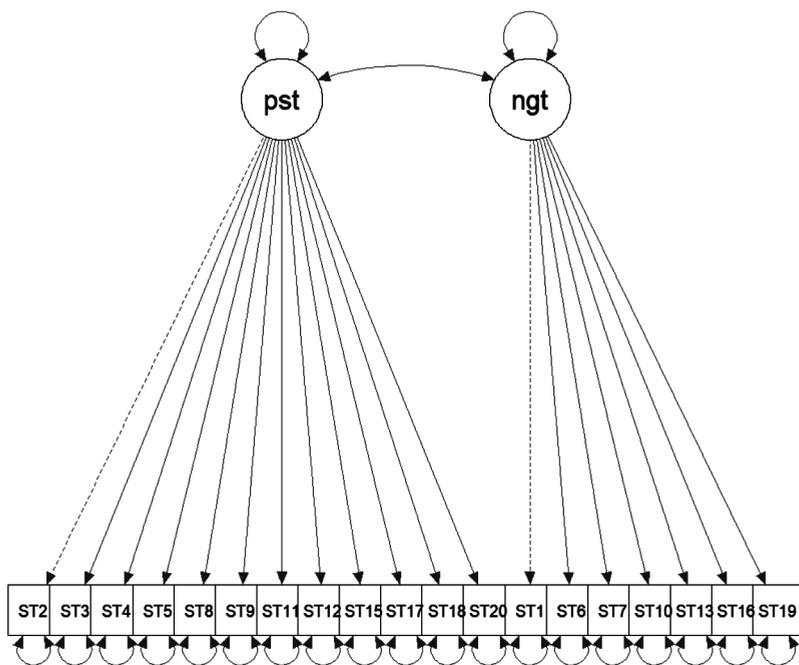

Рис. 2. Итоговая факторная модель для шкалы личностной тревожности STAI-T

(pst — прямые утверждения, ngt — обратные утверждения)

Визуализация итоговой двухфакторной модели представлена на рис. 2.

Гендерная инвариантность. Результаты теста гендерной инвариантности приведены в табл. 4.

Таблица 4. Гендерная инвариантность

Инвариантность	Метрики качества				Сравнение моделей		
	CFI	RMSEA	Df	χ^2	$\Delta\chi$ (Δdf)	ΔCFI	$\Delta RMSEA$
Конфигуральная	0,986	0,042	302	1275,7*	–	–	–
Метрическая	0,985	0,042	319	1388,0*	38,306* (17)	0,001	0,000
Скалярная	0,981	0,047	336	1788,1*	655,43 (17)*	0,004	0,005

Тест подтвердил конфигуральную, метрическую и скалярную инвариантность теста для юношей и девушек. При добавлении ограничения на равенство констант (скалярная инвариантность) качество модели снижается, но незначительно (ΔCFI и $\Delta RMSEA$ меньше пороговых значений).

Внутренняя согласованность и внешняя валидность. Коэффициент α Кронбаха для общей шкалы составил 0,92. Для субшкалы наличия тревожности — 0,90, для субшкалы отсутствия тревожности — 0,87. Обе субшкалы отрицательно коррелируют между собой ($r = -0,51$, p -value < 0,001). Общая шкала личностной тревожности (интегрированный показатель) положительно коррелирует со шкалой мате-

матической тревожности ($r=0,44$, $p\text{-value}<0,001$). Коэффициенты корреляции со шкалой математической тревожности для субшкал наличия и отсутствия тревожности равны $r=0,44$, $p\text{-value}<0,01$ и $r=-30$, $p\text{-value}<0,001$ соответственно.

Распределение в популяции

В табл. 5 представлены описательные статистики для общей шкалы личностной тревожности, а также для субшкал наличия и отсутствия тревожности.

Таблица 5. Описательные статистики для общей шкалы личностной тревожности и субшкал наличия и отсутствия тревожности

Шкалы	Среднее (стандартное отклонение)	Медиана	Минимум и максимум	Асимметрия	Экссесс
Общая шкала	38,55 (11,00)	38,0	19–76	0,35	–0,32
Субшкала наличия тревожности	24,19 (7,83)	23,0	12–48	0,60	–0,11
Субшкала отсутствия тревожности	20,64 (4,69)	21,0	7–28	–0,36	–0,29

Распределение общей шкалы, а также субшкалы наличия тревожности смещено в сторону более низких значений. Напротив, распределение субшкалы отсутствия тревожности смещено в сторону высоких значений, что соответствует меньшей выраженности личностной тревожности.

В табл. 6 представлены популяционные нормы для общей шкалы личностной тревожности и для выделенных субшкал.

Таблица 6. Популяционные нормы для общей шкалы и субшкал наличия и отсутствия тревожности, %

Процент студентов, у которых балл по шкалам ниже пороговых значений	10	20	30	40	50	60	70	80	90
Общая шкала	24,0	28,0	31,0	35,0	38,0	41,0	45,0	48,0	53,0
Субшкала наличия тревожности	15,0	17,0	19,0	21,0	23,0	25,0	28,0	31,0	35,0
Субшкала отсутствия тревожности	14,0	17,0	18,0	20,0	21,0	22,0	23,0	25,0	27,0

Согласно данным табл. 6, высоким уровнем проявления личностной тревожности можно считать «попадание» балла в 30, 20 и 10% наиболее тревожных студентов.

Гендерные различия представлены в табл. 7 и на рис. 3.

Согласно данным табл. 7 и рис. 3, девушки демонстрируют более высокие баллы по общей шкале личностной тревожности и субшкале с прямыми утверждениями, и более низкие баллы — по субшкале с обратными утверждениями, что в среднем соответствует более высокому уровню тревожности у девушек. Разница средних при этом составляет приблизительно половину стандартного отклонения.

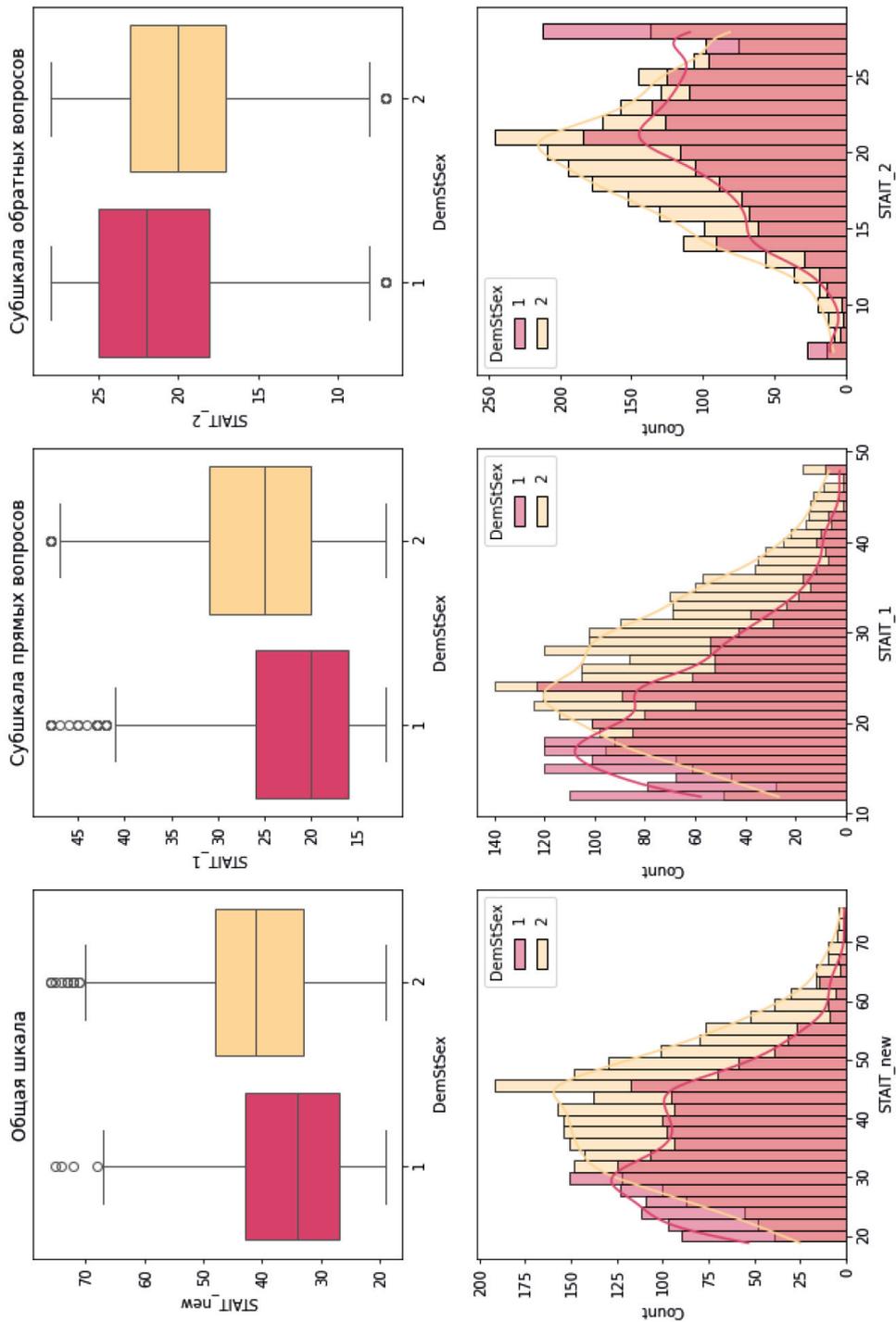

Рис. 3. Гендерные различия по общей шкале и субшкалам наличия и отсутствия тревожности (1 — юноши, 2 — девушки)

Таблица 7. Гендерные различия по общей шкале и субшкалам наличия и отсутствия тревожности

Шкалы	Среднее (стандартное отклонение), юноши	Среднее (стандартное отклонение), девушки	Разница средних	T-критерий	Значимость
Общая шкала	35,50 (10,49)	40,81 (10,82)	5,31	-15,93	< 0,001
Субшкала наличия тревожности	21,78 (7,25)	25,97 (7,77)	4,19	-17,77	< 0,001
Субшкала отсутствия тревожности	21,29 (4,85)	20,17 (4,50)	-1,12	7,73	< 0,001

30 % девушек и 13 % юношей имеют балл по общей шкале личностной тревожности выше либо равный 48. 14 % девушек имеют балл выше либо равный 53, тогда как доля юношей с такими баллами составляет всего 6%.

Обсуждение результатов

Целью данного исследования являлась оценка психометрических свойств русскоязычной версии шкалы личностной тревожности (STAI-T) на масштабной выборке студентов вузов, а также определение популяционных норм.

Эксплораторный факторный анализ выявил двухфакторную структуру опросника, которая была подтверждена конфирматорным факторным анализом. В первый фактор вошли прямые утверждения (№ 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 15, 17, 18, 20), а во второй фактор — обратные утверждения (№ 1, 6, 7, 10, 13, 16, 19). Разработчики этого инструмента отмечают, что прямые вопросы измеряют тревожность и более чувствительны к наличию высокого уровня тревожности, тогда как обратные вопросы измеряют отсутствие тревожности и более чувствительны к низкому уровню тревожности (Spielberger et al., 1980). Несоответствие одномерной структуры опросника было показано в исследовании психометрических свойств STAI-T на выборке аргентинских подростков при помощи модели Раша (Garrido et al., 2022). Двухфакторная структура STAI-T с выделением субшкал, измеряющих наличие и отсутствие тревожности, была подтверждена в ряде исследований (Spielberger et al., 1980; Hishinuma et al., 2000; Maynard et al., 2010; Bee Seok et al., 2018; Han et al., 2020). При этом в некоторых работах сообщается об альтернативной факторной структуре этого диагностического инструмента. Так, в исследовании с участием латвийских студентов при помощи эксплораторного факторного анализа была выявлена 4-факторная структура: «Внутренняя гармония», «Когнитивная Я-концепция», «Ощущение счастья» и «Расслабленность». При этом третий и четвертый факторы включали только одно утверждение, а три утверждения не коррелировали ни с одним из данных факторов (Kaupuzs et al., 2015). Вместе с тем такая структурная организация не была проверена при помощи конфирматорного факторного анализа, а размер выборки составил всего 122 человека. На выборке греческих пациентов, больных онкологическими заболеваниями, была выявлена трехфакторная структура личностной тревожности, включающая факторы «Эмоциональность», «Благополучие» и «Самоуничужение». При этом в анализ были

включены вопросы, измеряющие не только личностную тревожность, но и состояние тревожности, а размер выборки составил 99 человек (Mystakidou et al., 2008). Еще одно исследование полной шкалы STAI подтвердило как би-, так и четырехфакторную структуру, в которой STAI-T разбивалась на факторы отсутствия и наличия тревожности (Ortuño-Sierra et al., 2016). В целом выявленная в настоящем исследовании с участием российских респондентов двухфакторная структура согласуется с результатами, полученными в большинстве исследований.

Следует отметить, что утверждение № 14 «Я стараюсь избегать кризисных ситуаций или трудностей» показало низкие факторные нагрузки на оба фактора, в связи с чем было удалено из финальной версии опросника. В отличие от других утверждений, оно отражает не эмоциональное состояние, а предпочитаемую стратегию поведения, соответственно, может измерять копинг-стратегию избегания (Turner et al., 2002; Case et al., 2005), которая лишь умеренно коррелирует с личностной тревожностью, являясь независимым конструктом (Booth, 2014; Grant et al., 2013; Vulić-Prtorić, Macuka, 2006).

Модель структурного моделирования подтвердила конфигуральную, метрическую и скалярную гендерную инвариантность опросника, что позволяет сравнивать средние значения баллов между юношами и девушками. Гендерная инвариантность шкалы личностной тревожности была ранее подтверждена на выборках китайских подростков (Cao, Liu, 2014) и студентов (Han et al., 2020), а также итальянских школьников (Delvecchio et al., 2017). При этом одно исследование на клинической выборке с использованием модели Раша показало, что оригинальная шкала личностной тревожности не обладает гендерной инвариантностью, а сокращенная версия показывает лучшие психометрические свойства (Kaiprer et al., 2010). Предположительно, данный результат может объясняться ошибочным предположением об однофакторной структуре опросника, лежащего в основе использованной этими авторами модели.

Как общая шкала STAI-T, так и субшкалы обладают высокой внутренней согласованностью. Высокая внутренняя согласованность была также подтверждена на выборках латвийских (Kaupuzs et al., 2015) и карибских (Maynard et al., 2010) студентов, канадских (Turgeon, Chartrand, 2003) и гавайских (Hishinuma et al., 2000) школьников, а также по результатам метаанализа (Guillén-Riquelme, Buena-Casal, 2014). Общая шкала личностной тревожности умеренно положительно коррелирует со шкалой математической тревожности, что согласуется с результатами многих исследований (Hart, Ganley, 2019; Zettle, Raines, 2000; Buratta et al., 2019).

В целом у студентов российских вузов наблюдается умеренный уровень личностной тревожности ($M=38,55$). Сходные результаты наблюдались и у латвийских студентов ($M=38,89$; Kaupuzs et al., 2015). В настоящем исследовании на основе популяционных данных выведены следующие пороговые значения интегрированного показателя личностной тревожности: ниже 38 баллов характеризует очень низкий уровень проявления личностной тревожности, от 38 до 44 баллов — низкий уровень, от 45 до 47 — умеренно выраженную тревожность, от 48 до 52 баллов — высокий уровень, от 53 баллов и выше — очень высокий уровень личностной тревожности. В предыдущих исследованиях использовались различные пороговые значения — балл выше либо равен 40 (Giardinelli et al., 2012), 48 (Koutra et al., 2014; Bödecs et al., 2013), 53 (Bödecs et al., 2013). При этом балл от 53 считается клиниче-

ским уровнем проявления тревожности, а балл в диапазоне от 48 до 52 — субклиническим уровнем (Bödecs et al., 2013). Таким образом, нормативные показатели, полученные на российских респондентах, в целом соответствуют предлагаемым в зарубежных исследованиях.

В исследовании также показано, что девушки демонстрируют существенно более высокий уровень тревожности по сравнению с юношами. При этом размер эффекта (разница в средних значениях) составляет приблизительно половину стандартного отклонения. Эти результаты согласуются с рядом исследований, показывающих большую распространенность тревожности среди девушек и женщин (Тихомирова и др., 2024; McLean et al., 2011; Somers et al., 2006).

Заключение

В данном исследовании впервые оцениваются психометрические свойства русскоязычной версии шкалы личностной тревожности STAI-T на масштабной выборке студентов вузов. Итогом исследовательской работы стала пересмотренная шкала, включающая в себя 19 утверждений и две субшкалы: субшкала наличия тревожности (12 утверждений) и субшкала отсутствия тревожности (7 утверждений). Данный инструмент обладает высокими психометрическими свойствами и рекомендуется к применению для диагностики личностной тревожности у студентов российских вузов.

Ограничения

Основным ограничением исследования выступает высокая возрастная гомогенность выборки — студенты первого курса вузов, что не позволяет оценить возрастную инвариантность Шкалы личностной тревожности.

Литература

- Александров А. Г., Лукьяненко П. И. Изменение уровней тревожности студентов в условиях учебной деятельности // Научное обозрение: медицинские науки. 2016. № 6. С. 5–14.
- Брагин Д. Б., Астахов А. А., Турчанинов А. Ю. Оценка ситуационной тревожности в клинической практике // Вестник интенсивной терапии. 2017. № 4. С. 47–52. <https://doi.org/10.21320/1818-474X-2017-4-47-52>
- Вергунов Е. Г., Николаева Е. И., Боброва Ю. В. К вопросу о психометрической надежности некоторых психологических методик // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 1. С. 61–68.
- Городецкая И. В., Коневалова Н. Ю., Захаревич В. Г. Исследование ситуативной и личностной тревожности студентов // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2019. Т. 18, № 5. С. 120–127. <https://doi.org/10.22263/2312-4156.2019.5.120>
- Тихомирова Т. Н., Басюк В. С., Исмагуллина В. И., Зинченко Е. В., Матяш Н. В., Овсянникова О. А., ... Малых С. Б. Психологическое благополучие и образовательные результаты студентов с различными стратегиями поступления в вуз // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 6. С. 35–53. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290603>
- Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилберга. Л.: ЛНИ ИТЕК, 1976.

- Apóstolo J.L., Figueiredo M.H., Mendes A.C., Rodrigues M.A. Depression, anxiety and stress in primary health care users // *Revista Latino-Americana de enfermagem*. 2011. Vol. 19, no. 2. P.348–353. <https://doi.org/10.1590/s0104-11692011000200017>
- Bee Seok C., Abd Hamid H., Mutang J., Ismail R. Psychometric properties of the state-trait anxiety inventory (Form Y) among Malaysian university students // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, no. 9. Art. 3311. <https://doi.org/10.3390/su10093311>
- Bödecs T., Szilágyi E., Cholnoky P., Sándor J., Gonda X., Rihmer Z., Horváth B. Prevalence and psychosocial background of anxiety and depression emerging during the first trimester of pregnancy: Data from a Hungarian population-based sample // *Psychiatria Danubina*. 2013. Vol. 25. P.352–358. <https://doi.org/10.1556/oh.2009.28712>
- Booth R.W. Uncontrolled avoidance of threat: Vigilance-avoidance, executive control, inhibition and shifting // *Cognition and Emotion*. 2014. Vol.28, no. 8. P.1465–1473. <https://doi.org/10.1080/02699931.2014.88229>
- Brown T.A. Confirmatory factor analysis for applied research. New York: Guilford Press, 2006.
- Buratta L., Piccirilli M., Lanfalone G.A., Ilicini S., Bedetti C., Elisei S. Mathematics anxiety and cognitive performance in adolescent students // *Psychiatria Danubina*. 2019. Vol.31, suppl. 3. P.479–485.
- Byrne B.M. Structural equation modeling with AMOS, EQS, and LISREL: comparative approaches to testing for the factorial validity of a measuring instrument // *International Journal of Testing*. 2001. Vol. 1. P.55–86. https://doi.org/10.1207/S15327574IJT0101_4
- Cao Ya., Liu Zh. Factor structure and factorial invariance of the State-Trait Anxiety Inventory for Chinese children and adolescents // *PsyCh Journal*. 2014. Vol. 4, no. 2. P.74–87. <https://doi.org/10.1002/pchj.78>
- Case D.O., Andrews J.E., Johnson J.D., Allard S.L. Avoiding versus seeking: the relationship of information seeking to avoidance, blunting, coping, dissonance, and related concepts // *Journal of the Medical Library Association*. 2005. Vol. 93, no. 3. P.353–362.
- Chen F.F. Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance // *Struct. Equ. Model.* 2007. Vol. 14. P.464–504. <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>
- Cheung G.W., Rensvold R.B. Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance // *Struct. Equ. Model.* 2002. Vol. 9. P.233–255. https://doi.org/10.1207/S15328007SEM0902_5
- Delvecchio E., Cavallina C., Di Riso D., Mazzeschi C. Early evidence of the Italian validation of the Trait Anxiety Scale of the State-Trait Anxiety Inventory for Children // *European Journal of Developmental Psychology*. 2017. Vol. 15, no. 2. P.214–223. <https://doi.org/10.1080/17405629.2017.1297227>
- Garrido S., Azpilicueta A., Moran V., Cupani M. Psychometric properties of the State-Trait Anxiety Inventory-Trait (STAI-T) in Argentinian adolescents // *Psychological Thought*. 2022. Vol. 15. P.148–167. <https://doi.org/10.37708/psycy.v15i2.725>
- Giardinelli L., Innocenti A., Benni L., Stefanini M.C., Lino G., Lunardi C., Svelto V., Afshar S., Bovani R., Castellini G., Faravelli C. Depression and anxiety in perinatal period: Prevalence and risk factors in an Italian sample // *Archives of Women's Mental Health*. 2012. Vol. 15. P.21–30. <https://doi.org/10.1007/s00737-011-0249-8>
- Grant D.M., Wingate L.R., Rasmussen K.A., Davidson C.L., Slish M.L., Rhoades-Kerswill S., Mills A.C., Judah M.R. An examination of the reciprocal relationship between avoidance coping and symptoms of anxiety and depression // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2013. Vol. 32, no. 8. P.878–896. <https://doi.org/10.1521/jscp.2013.32.8.878>
- Guillén-Riquelme A., Buela-Casal G. Metaanálisis de comparación de grupos y metaanálisis de generalización de la fiabilidad del cuestionario State-Trait Anxiety Inventory (STAI) // *Revista Española de Salud Pública*. 2014. Vol. 88, no. 1. P.101–112. <https://doi.org/10.4321/s1135-57272014000100007>
- Han Ya., Fan J., Wang X., Xia J., Liu X., Zhou H., Zhang Yi., Zhu X. Factor structure and gender invariance of Chinese version State-Trait Anxiety Inventory (Form Y) in university students // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 2228. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02228>
- Hart S.A., Ganley C.M. The nature of math anxiety in adults: Prevalence and correlates // *Journal of Numerical Cognition*. 2019. Vol. 5, № 2. P.122–139. <https://doi.org/10.5964/jnc.v5i2.195>
- Hartley C.A., Phelps E.A. Anxiety and decision-making // *Biological Psychiatry*. 2012. Vol. 72, no. 2. P.113–118. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2011>
- Haug T.T., Mykletun A., Dahl A.A. The association between anxiety, depression, and somatic symptoms in a large population: The HUNT-II study // *Psychosomatic Medicine*. 2004. Vol. 66, no. 6. P.845–851. <https://doi.org/10.1097/01.psy.0000145823.856>

- Hishinuma E.S., Miyamoto R.H., Nishimura S.T., Nahulu L.B., Andrade N.N., Makini G.K., Yuen N.Y.C., Johnson R.S., Kim S.P., Goebert D.A., Guerrero A.P.S. Psychometric properties of the State-Trait Anxiety Inventory for Asian/Pacific-Islander adolescents // *Assessment*. 2000. Vol.7, no. 1. P.17–36. <https://doi.org/10.1177/107319110000700102>
- Hooper D., Coughlan J., Mullen M. Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit // *Electronic Journal of Business Research Methods*. 2008. Vol.6, no. 1. P.53–60. <https://doi.org/10.21427/D7CF7R>
- Hopko D.R., Mahadevan R., Bare R.L., Hunt M.K. The abbreviated math anxiety scale (AMAS) construction, validity, and reliability // *Assessment*. 2003. Vol.10. P.178–182. <https://doi.org/10.1177/1073191103010002008>
- Kaipper M.B., Chachamovich E., Hidalgo M.P.L., da Silva Torres I.L., Caumo W. Evaluation of the structure of Brazilian State-Trait Anxiety Inventory using a Rasch psychometric approach // *Journal of Psychosomatic Research*. 2010. Vol.68, no. 3. P.223–233. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2009.09.013>
- Kaupuzs A., Vazne Z., Usca S. Evaluation of psychometric properties of the State and Trait Anxiety Inventory Scale in a student sample // *Society, Integration, Education, Proceedings of the International Scientific Conference*. 2015. Vol.1. <https://doi.org/10.17770/sie2015vol1.317>
- Kline R.B. *Principles and Practice of Structural Equation Modeling*. New York: The Guilford Press, 2005.
- Konstantopoulou G., Iliou T., Karaivazolou K., Iconomou G., Assimakopoulos K., Alexopoulos P. Associations between (sub)clinical stress- and anxiety symptoms in mentally healthy individuals and in major depression: a cross-sectional clinical study // *BMC Psychiatry*. 2020. Vol.20, no. 1. <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02836-1>
- Koutra K., Vassilaki M., Georgiou V., Koutis A., Bitsios P., Chatzi L., Kogevinas M. Antenatal maternal mental health as determinant of postpartum depression in a population based mother-child cohort (Rhea Study) in Crete, Greece // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2014. Vol.49. P.711–721. <https://doi.org/10.1007/s00127-013-0758-z>
- Leal P.C., Goes T.C., da Silva L.C.F., Teixeira-Silva F. Trait vs. state anxiety in different threatening situations // *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*. 2017. Vol.39, no. 3. P.147–157. <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2016-0044>
- Macher D., Paechter M., Papousek I., Ruggeri K., Freudenthaler H.H., Arendasy M. Statistics anxiety, state anxiety during an examination, and academic achievement // *British Journal of Educational Psychology*. 2012. Vol.83, no. 4. P.535–549. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8279.2012.02081.x>
- Malkewitz C.P., Schwall P., Meesters C., Hardt J. Estimating reliability: A comparison of Cronbach's α , McDonald's ω and the greatest lower bound // *Social Sciences & Humanities Open*. 2023. Vol.7, no. 1. Art. 100368.
- Marakshina J., Pavlova A., Ismatullina V., Adamovich T., Mironets S., Sitnikova M.A., Lobaskova M., Malykh S. The Russian version of the abbreviated math anxiety scale: psychometric properties in adolescents aged 13–16 years // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol.14. Art. 1275212. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1275212>
- Marakshina J.A., Pavlova A.A., Ismatullina V.I., Lobaskova M.M., Adamovich T.V., Mironets S.A., Sitnikova M.A., Malykh S.B. Psychometric properties of abbreviated math anxiety scale in Russian high schoolers // *Acta Biomedica Scientifica*. 2024. Vol.9. P.151–160. <https://doi.org/10.29413/ABS.2024-9.1.16>
- Matar Boumosleh J., Jaalouk D. Depression, anxiety, and smartphone addiction in university students — A cross-sectional study // *PLOS One*. 2017. Vol.12, no. 8. Art. e0182239. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0182239>
- Maynard D.-M.B., Campbell M.H., Devonish D., Leon T., Emmanuel M.K., Roberti J.W. Psychometric properties and factorial structure of the State Trait Anxiety Inventory-Trait Version (STAI-T) in Caribbean university students // *Journal of Psychology in Africa*. 2010. Vol.20, no. 1. P.7–12. <https://doi.org/10.1080/14330237.2010.1082033>
- McLean C.P., Asnaani A., Litz B.T., Hofmann S.G. Gender differences in anxiety disorders: Prevalence, course of illness, comorbidity and burden of illness // *Journal of Psychiatric Research*. 2011. Vol.45, no. 8. P.1027–1035. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2011.03.003>
- Mystakidou K., Tsilika E., Parpa E., Sakkas P., Vlahos L. The psychometric properties of the Greek version of the State-Trait Anxiety Inventory in cancer patients receiving palliative care // *Psychology & Health*. 2008. no. 24 (10). P.1215–1228. <https://doi.org/10.1080/08870440802340172>

- Nepon J., Belik S.-L., Bolton J., Sareen J.* The relationship between anxiety disorders and suicide attempts: findings from the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions // *Depression and Anxiety*. 2010. Vol.27, no. 9. P.791–798. <https://doi.org/10.1002/da.20674>
- Ortuño-Sierra J., García-Velasco L., Inchausti F., Debbané M., Fonseca-Pedrero E.* New approaches on the study of the psychometric properties of the STAI // *Actas Españolas de Psiquiatría*. 2016. Vol.44, no. 3. P.83–92.
- Pounds R.* A review of the medical and social consequences of generalized anxiety disorder and panic disorder // *The Journal of the Louisiana State Medical Society*. 1992. Vol.144, no. 10. P.479–483.
- Revelle W., Zinbarg R.E.* Coefficients alpha, beta, omega, and the glb. Comments on Sijsma // *Psychometrika*. 2009. Vol.74. P.145–154
- Roest A.M., Martens E.J., de Jonge P., Denollet J.* Anxiety and risk of incident coronary heart disease // *Journal of the American College of Cardiology*. 2010. Vol.56, no. 1. P.38–46. <https://doi.org/10.1016/j.jacc.2010.03.034>
- Silva D.R., Panosso I.R., Donadon M.F.* Anxiety in university students: associated risk factors and interventions — a critical literature review // *Psicologia: Saberes & Práticas*. 2018. Vol.1, no. 2. P.1–10.
- Soares L., Freitas C., Fernandes M.* Anxiety in higher education: a brief review // *Biomedical Journal of Scientific & Technical Research*. 2023. Vol.51, iss. 1. P.42227–42232. <https://doi.org/10.26717/BJSTR.2023.51.008038>
- Somers J.M., Goldner E.M., Waraich P., Hsu L.* Prevalence and incidence studies of anxiety disorders: a systematic review of the literature // *The Canadian Journal of Psychiatry*. 2006. Vol.51, no. 2. P.100–113. <https://doi.org/10.1177/070674370605100206>
- Spielberger C.D., Gorsuch R.L., Lushene R.E.* Manual for the State-Trait Anxiety Inventory. Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 1970.
- Spielberger C.D., Vagg P.R., Barker L.R., Donham G.W., Westberry L.G.* The factor structure of the State-Trait Anxiety Inventory // I.G.Sarason, C.D.Spielberger (eds). *Stress and Anxiety*. Vol.7. New York: Hemisphere, 1980. P.95–109.
- Streiner D.L.* Starting at the beginning: an introduction to coefficient alpha and internal consistency // *Journal of Personality Assessment*. 2003. Vol.80, no. 1. P.99–103.
- Szuhany K.L., Simon N.M.* Anxiety disorders: a review // *JAMA*. 2022. Vol.328, no. 24. P.2431–2445. <https://doi.org/10.1001/jama.2022.22744>
- Turgeon L., Chartrand É.* Psychometric properties of the French Canadian version of the State-Trait Anxiety Inventory for Children // *Educational and Psychological Measurement*. 2003. Vol.63, no. 1. P.174–185. <https://doi.org/10.1177/0013164402239325>
- Turner J.C., Midgley C., Meyer D.K., Gheen M., Anderman E.M., Kang Y., Patrick H.* The classroom environment and students' reports of avoidance strategies in mathematics: a multimethod study // *Journal of Educational Psychology*. 2002. Vol.94, no. 1. P.88–106. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.94.1.88>
- Vulić-Prtorić A., Macuka I.* Family and coping factors in the differentiation of childhood anxiety and depression // *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*. 2006. Vol.79, no. 2. P.199–214. <https://doi.org/10.1348/147608305X52676>
- Zettle R., Raines S.J.* The relationship of trait and test anxiety with mathematics anxiety // *College Student Journal*. 2000. Vol.34. P.246–258.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025 г.;
рекомендована к печати 29.07.2025 г.

Контактная информация:

Тихомирова Татьяна Николаевна — академик РАО, д-р психол. наук;
<https://orcid.org/0000-0002-6748-763X>, tikho@mail.ru

Павлова Анна Андреевна — <https://orcid.org/0000-0003-1566-243X>,
annapavlova98hse@gmail.com

Исмагулина Виктория Игоревна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-5096-4313>,
victoria2686@gmail.com

Малых Артем Сергеевич — <https://orcid.org/0000-0003-4109-9935>, malykharthem86@gmail.com

Колясников Павел Владирирович — <https://orcid.org/0000-0003-3633-5913>,
pavelkolyasnikov@gmail.com

Малых Сергей Борисович — академик РАО, д-р психол. наук;
<https://orcid.org/0000-0002-3786-7447>, malykhsb@mail.ru

Adaptation of the Russian-language version of the Trait Anxiety Scale (STAI-T) to a sample of university students*

T. N. Tikhomirova¹, A. A. Pavlova^{1,2}, V. I. Ismatullina¹,
A. S. Malykh¹, P. V. Kolyasnikov¹, S. B. Malykh^{a1}

¹ Russian Academy of Education,
8, ul. Pogodinskaya, Moscow, 119121, Russian Federation

² HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Tikhomirova T.N., Pavlova A.A., Ismatullina V.I., Malykh A.S., Kolyasnikov P.V., Malykh S.B. Adaptation of the Russian-language version of the Trait Anxiety Scale (STAI-T) to a sample of university students. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN PECWXZ (In Russian)

The results of the analysis of the psychometric properties of the Russian-language version of the STAI-T on a large sample of university students are presented. Personal anxiety reflects a person's predisposition to excessive manifestation of anxiety in relation to a wide range of events, which leads to difficulties of an adaptation nature, especially at the stage of transition to the higher education system. The Russian-language version was adapted in 1976, which actualizes the need for adaptation with the participation of modern young people. The study involved 4,199 students ($M=18.53$, $SD=0.86$, 57% females) of Russian universities. Exploratory and confirmatory factor analysis confirmed the presence of a two-factor structure of the questionnaire: the first subscale consisted of statements measuring "explicit" anxiety (12 statements), the second — statements with "indirect" anxiety (7 statements). It is shown that the final model has high quality indices, as well as configural, metric and scalar gender invariance. The general scale of personal anxiety, as well as the subscales, demonstrate high internal consistency and high external validity. It was revealed that students, on average, demonstrate moderate personal anxiety with a higher average anxiety value in girls. It is concluded that the Russian version of STAI-T has high psychometric properties. Based on population data, threshold values of the integrated personality anxiety indicator were derived. The high psychometric properties and the designated threshold values of manifestation levels ensure scientifically substantiated use of the STAI-T in organizing psychological assistance to modern young people at a university.

Keywords: trait anxiety scale, STAI-T, psychometric properties, anxiety, university students.

References

- Alexandrov, A. G., Lukyanenok, P. I. (2016). The shift of students' anxiety in the process of learning. *Nauchnoe obozrenie: meditsinskie nauki*, 6, 5–14. (In Russian)
- Apóstolo, J. L., Figueiredo, M. H., Mendes, A. C., Rodrigues, M. A. (2011). Depression, anxiety and stress in primary health care users. *Revista Latino-Americana de enfermagem*, 19 (2), 348–353. <https://doi.org/10.1590/s0104-11692011000200017>
- Bee Seok, C., Abd Hamid, H., Mutang, J., Ismail, R. (2018). Psychometric properties of the State-Trait Anxiety Inventory (Form Y) among Malaysian university students. *Sustainability*, 10 (9), 3311. <https://doi.org/10.3390/su10093311>
- Bödecs, T., Szilágyi, E., Cholnoky, P., Sándor, J., Gonda, X., Rihmer, Z., Horváth, B. (2013). Prevalence and psychosocial background of anxiety and depression emerging during the first trimester of pregnancy: Data from a Hungarian population-based sample. *Psychiatr. Danub.*, 25: 352–358. <https://doi.org/10.1556/oh.2009.28712>

* The research was funded by the grant from Russian Science Foundation no. 24-18-01102, <https://rscf.ru/project/24-18-01102/>.

^a Author for correspondence.

- Booth, R.W. (2014). Uncontrolled avoidance of threat: Vigilance-avoidance, executive control, inhibition and shifting. *Cognition and Emotion*, 28 (8), 1465–1473. <https://doi.org/10.1080/02699931.2014.88229>
- Bragin, D.B., Astahov, A.A., Turchaniniv, A.U. (2017). The assessment of state anxiety in clinic practice. *Vestnik intensivnoi terapii*, 4: 47–52. <https://doi.org/10.21320/1818-474X-2017-4-47-52> (In Russian)
- Brown, T.A. (2006). *Confirmatory Factor Analysis for Applied Research*. New York.
- Buratta, L., Piccirilli, M., Lanfaloni, G.A., Ilicini, S., Bedetti, C., Elisei, S. (2019). Mathematics anxiety and cognitive performance in adolescent students. *Psichiatria Danubina*, 31 (suppl. 3), 479–485.
- Byrne, B.M. (2001). Structural equation modeling with AMOS, EQS, and LISREL: comparative approaches to testing for the factorial validity of a measuring instrument. *Int. J. Test.*, 1, 55–86. https://doi.org/10.1207/S15327574IJT0101_4
- Cao, Ya., Liu, Zh. (2014). Factor structure and factorial invariance of the State-Trait Anxiety Inventory for Chinese children and adolescents. *PsyCh Journal*, 4 (2), 74–87. <https://doi.org/10.1002/pchj.78>
- Case, D.O., Andrews, J.E., Johnson, J.D., Allard, S.L. (2005). Avoiding vs. seeking: the relationship of information seeking to avoidance, blunting, coping, dissonance, and related concepts. *Journal of the Medical Library Association*, 93 (3), 353–362.
- Chen, F.F. (2007). Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. *Struct. Equ. Model.*, 14, 464–504. <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>
- Cheung, G.W., Rensvold, R.B. (2002). Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance. *Struct. Equ. Model.*, 9, 233–255. https://doi.org/10.1207/S15328007SEM0902_5
- Delvecchio, E., Cavallina, C., Di Riso, D., Mazzeschi, C. (2017). Early evidence of the Italian validation of the Trait Anxiety Scale of the State-Trait Anxiety Inventory for Children. *European Journal of Developmental Psychology*, 15 (2), 214–223. <https://doi.org/10.1080/17405629.2017.1297227>
- Garrido, S., Azpilicueta, A., Moran, V., Cupani, M. (2022). Psychometric properties of the State-Trait Anxiety Inventory-Trait (STAI-T) in Argentinian adolescents. *Psychological Thought*, 15, 148–167. <https://doi.org/10.37708/psyc.v15i2.725>
- Giardinelli, L., Innocenti, A., Benni, L., Stefanini, M.C., Lino, G., Lunardi, C., Svelto, V., Afshar, S., Bovani, R., Castellini, G., Faravelli, C. (2012). Depression and anxiety in perinatal period: Prevalence and risk factors in an Italian sample. *Arch. Women's Ment. Health.*, 15, 21–30. <https://doi.org/10.1007/s00737-011-0249-8>
- Gorodetskaya, I.V., Konovalova, H.U., Zaharevich, B.G. (2019). The research of state and trait anxiety among university students. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 18 (5): 120–127. <https://doi.org/10.22263/2312-4156.2019.5.120> (In Russian)
- Grant, D.M., Wingate, L.R., Rasmussen, K.A., Davidson, C.L., Slush, M.L., Rhoades-Kerswill, S., Mills, A.C., Judah, M.R. (2013). An examination of the reciprocal relationship between avoidance coping and symptoms of anxiety and depression. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 32 (8), 878–896. <https://doi.org/10.1521/jscp.2013.32.8.878>
- Guillén-Riquelme, A., Buela-Casal, G. (2014). Metaanálisis de comparación de grupos y metaanálisis de generalización de la fiabilidad del cuestionario State-Trait Anxiety Inventory (STAI). *Revista Española de Salud Pública*, 88 (1), 101–112. <https://doi.org/10.4321/s1135-57272014000100007>
- Han, Ya., Fan, J., Wang, X., Xia, J., Liu, X., Zhou, H., Zhang, Yi., Zhu, X. (2020). Factor structure and gender invariance of Chinese version State-Trait Anxiety Inventory (Form Y) in university students. *Frontiers in Psychology*, 11, 2228. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02228>
- Hanin, U.L. (1976). *The brief guide for implementation of Spilberg's state and trait anxiety scale*. Leningrad, LNI ITEK Press. (In Russian)
- Hart, S.A., Ganley, C.M. (2019). The nature of math anxiety in adults: Prevalence and correlates. *Journal of Numerical Cognition*, 5 (2), 122–139. <https://doi.org/10.5964/jnc.v5i2.195>
- Hartley, C.A., Phelps, E.A. (2012). Anxiety and decision-making. *Biological Psychiatry*, 72 (2), 113–118. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2011>
- Haug, T.T., Mykletun, A., Dahl, A.A. (2004). The association between anxiety, depression, and somatic symptoms in a large population: The HUNT-II study. *Psychosomatic Medicine*, 66 (6), 845–851. <https://doi.org/10.1097/01.psy.0000145823.856>
- Hishinuma, E.S., Miyamoto, R.H., Nishimura, S.T., Nahulu, L.B., Andrade, N.N., Makini, G.K., Yuen, N.Y.C., Johnson, R.S., Kim, S.P., Goebert, D.A., Guerrero, A.P.S. (2000). Psychometric properties of the State-Trait Anxiety Inventory for Asian/Pacific-Islander adolescents. *Assessment*, 7 (1), 17–36. <https://doi.org/10.1177/107319110000700102>

- Hooper, D., Coughlan, J., Mullen, M. (2008). Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit. *Electronic Journal of Business Research Methods*, 6 (1), 53–60. <https://doi.org/10.21427/D7CF7R>
- Hopko, D.R., Mahadevan, R., Bare, R.L., Hunt, M.K. (2003). The abbreviated math anxiety scale (AMAS) construction, validity, and reliability. *Assessment*, 10, 178–182. <https://doi.org/10.1177/1073191103010002008>
- Kaipper, M.B., Chachamovich, E., Hidalgo, M.P.L., da Silva Torres, I.L., Caumo, W. (2010). Evaluation of the structure of Brazilian State-Trait Anxiety Inventory using a Rasch psychometric approach. *Journal of Psychosomatic Research*, 68 (3), 223–233. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2009.09.013>
- Kaupuzs, A., Vazne, Z., Usca, S. (2015). Evaluation of psychometric properties of the State and Trait Anxiety Inventory Scale in a student sample. Society, integration, education. In: *Proceedings of the International Scientific Conference* (vol. 1). <https://doi.org/10.17770/sie2015vol1.317>
- Kline, R.B. (2005). *Principles and Practice of Structural Equation Modeling*. New York, The Guilford Press.
- Konstantopoulou, G., Iliou, T., Karaivazolou, K., Iconomou, G., Assimakopoulos, K., Alexopoulos, P. (2020). Associations between (sub) clinical stress- and anxiety symptoms in mentally healthy individuals and in major depression: a cross-sectional clinical study. *BMC Psychiatry*, 20 (1). <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02836-1>
- Koutra, K., Vassilaki, M., Georgiou, V., Koutis, A., Bitsios, P., Chatzi, L., Kogevinas, M. (2014). Antenatal maternal mental health as determinant of postpartum depression in a population based mother-child cohort (Rhea Study) in Crete, Greece. *Soc. Psychiatry. Psychiatr. Epidemiol.*, 49, 711–721. <https://doi.org/10.1007/s00127-013-0758-z>
- Leal, P.C., Goes, T.C., da Silva, L.C.F., Teixeira-Silva, F. (2017). Trait vs. state anxiety in different threatening situations. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, 39 (3), 147–157. <https://doi.org/10.1590/2237-6089-2016-0044>
- Macher, D., Paechter, M., Papousek, I., Ruggeri, K., Freudenthaler, H.H., Arendasy, M. (2012). Statistics anxiety, state anxiety during an examination, and academic achievement. *British Journal of Educational Psychology*, 83 (4), 535–549. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8279.2012.02081.x>
- Malkewitz, C.P., Schwall, P., Meesters, C., Hardt, J. (2023). Estimating reliability: A comparison of Cronbach's α , McDonald's ω and the greatest lower bound. *Social Sciences & Humanities Open*, 7 (1), 100368.
- Marakshina, J., Pavlova, A., Ismatullina, V., Adamovich, T., Mironets, S., Sitnikova, M. A., Malykh S. (2023). The Russian version of the abbreviated math anxiety scale: psychometric properties in adolescents aged 13–16 years. *Front. Psychol.*, 14, 1275212. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1275212>
- Marakshina, J.A., Pavlova, A.A., Ismatullina, V.I., Lobaskova, M.M., Adamovich, T.V., Mironets, S.A., Sitnikova, M.A., Malykh, S.B. (2024). Psychometric properties of abbreviated math anxiety scale in Russian high schoolers. *Acta Biomed. Sci.*, 9, 151–160. <https://doi.org/10.29413/ABS.2024-9.1.16>
- Matar Boumosleh, J., Jaalouk, D. (2017). Depression, anxiety, and smartphone addiction in university students — A cross sectional study. *PLOS One*, 12 (8), e0182239. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0182239>
- Maynard, D.-M.B., Campbell, M.H., Devonish, D., Leon, T., Emmanuel, M.K., Roberti, J.W. (2010). Psychometric properties and factorial structure of the State Trait Anxiety Inventory-Trait Version (STAI-T) in Caribbean university students. *Journal of Psychology in Africa*, 20 (1), 7–12. <https://doi.org/10.1080/14330237.2010.1082033>
- McLean, C.P., Asnaani, A., Litz, B.T., Hofmann, S.G. (2011). Gender differences in anxiety disorders: Prevalence, course of illness, comorbidity and burden of illness. *Journal of Psychiatric Research*, 45 (8), 1027–1035. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2011.03>
- Mystakidou, K., Tsilika, E., Parpa, E., Sakkas, P., Vlahos, L. (2008). The psychometric properties of the Greek version of the State-Trait Anxiety Inventory in cancer patients receiving palliative care. *Psychology & Health*, 24 (10), 1215–1228. <https://doi.org/10.1080/08870440802340172>
- Nepon, J., Belik, S.-L., Bolton, J., Sareen, J. (2010). The relationship between anxiety disorders and suicide attempts: findings from the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions. *Depression and Anxiety*, 27 (9), 791–798. <https://doi.org/10.1002/da.20674>
- Ortuño-Sierra, J., García-Velasco, L., Inchausti, F., Debbané, M., Fonseca-Pedrero, E. (2016). New approaches on the study of the psychometric properties of the STAI. *Actas españolas de psiquiatria*, 44 (3), 83–92.
- Pounds, R. (1992). A review of the medical and social consequences of generalized anxiety disorder and panic disorder. *The Journal of the Louisiana State Medical Society: official organ of the Louisiana State Medical Society*, 144 (10), 479–483.

- Revelle, W., Zinbarg, R.E. (2009). Coefficients alpha, beta, omega, and the glb. Comments on Sijtsma. *Psychometrika*, 74, 145–154.
- Roest, A.M., Martens, E.J., de Jonge, P., Denollet, J. (2010). Anxiety and risk of incident coronary heart disease. *Journal of the American College of Cardiology*, 56 (1), 38–46. <https://doi.org/10.1016/j.jacc.2010.03.034>
- Silva, D.R., Panosso, I.R., Donadon, M.F. (2018). Ansiedade em universitários: fatores de risco associados e intervenções — uma revisão crítica da literatura. *Psicologia: Saberes & Práticas*, 1 (2), 1–10.
- Soares, L., Freitas, C., Fernandes, M. (2023). Anxiety in higher education: A brief review. *Biomedical Journal of Scientific & Technical Research*, 51, 1, 42227–42232. <https://doi.org/10.26717/BJSTR.2023.51.008038>
- Somers, J.M., Goldner, E.M., Waraich, P., Hsu, L. (2006). Prevalence and incidence studies of anxiety disorders: A systematic review of the literature. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 51 (2), 100–113. <https://doi.org/10.1177/070674370605100206>
- Spielberger, C.D., Gorsuch, R.L., Lushene, R.E. (1970). *Manual for the State-Trait Anxiety Inventory*. Palo Alto, Consulting Psychologists Press.
- Spielberger, C.D., Vagg, P.R., Barker, L.R., Donham, G.W., Westberry, L.G. (1980). The factor structure of the State-Trait Anxiety Inventory. In: I.G. Sarason, C.D. Spielberger (eds). *Stress and Anxiety* (vol. 7, pp. 95–109). New York, Hemisphere.
- Streiner, D.L. (2003). Starting at the beginning: an introduction to coefficient alpha and internal consistency. *Journal of Personality Assessment*, 80 (1), 99–103.
- Szuhany, K.L., Simon, N.M. (2022). Anxiety disorders: A review. *JAMA*, 328 (24), 2431–2445. <https://doi.org/10.1001/jama.2022.22744>
- Tikhomirova, T.N., Basyuk, V.S., Ismatullina, V.I., Zinchenko, E.V., Matyash, N.V., Ovsyannikova, O.A., Pilipenko, S.A., Ponikarova, I.D., Sakharova, T.N., Sluch, N.A., Malykh, S.B. (2024). Well-being and educational outcomes among student with different university admission strategies. *Psychological Science and Education*, 29 (6), 35–53. <https://doi.org/https://doi.org/10.17759/pse.2024290603> (In Russian)
- Turgeon, L., Chartrand, É. (2003). Psychometric properties of the French Canadian version of the State-Trait Anxiety Inventory for children. *Educational and Psychological Measurement*, 63 (1), 174–185. <https://doi.org/10.1177/0013164402239324>
- Turner, J.C., Midgley, C., Meyer, D.K., Gheen, M., Anderman, E.M., Kang, Y., Patrick, H. (2002). The classroom environment and students' reports of avoidance strategies in mathematics: A multimethod study. *Journal of Educational Psychology*, 94 (1), 88–106. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.94.1.88>
- Vergunov, E.G., Nikolayeva E.I., Bobrova U.V. (2019). On the issue of psychometric validity of certain psychology tests. *Teoreticheskaja i eksperimental'naja psikhologija*, 12 (1), 61–68. (In Russian)
- Vulić-Prtorić, A., Macuka, I. (2006). Family and coping factors in the differentiation of childhood anxiety and depression. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, 79 (2), 199–214. <https://doi.org/10.1348/147608305x52676>
- Zettle, R., Raines, S.J. (2000). The relationship of trait and test anxiety with mathematics anxiety. *College Student Journal*, 34, 246–258.

Received: April 19, 2025

Accepted: July 29, 2025

Authors' information:

Tatiana N. Tikhomirova — Academician of the Russian Academy of Education, Dr. in Psychology;

<https://orcid.org/0000-0002-6748-763X>, tikho@mail.ru

Anna A. Pavlova — <https://orcid.org/0000-0003-1566-243X>, annapavlova98hse@gmail.com

Victoria I. Ismatullina — PhD (Psychology); <https://orcid.org/0000-0002-5096-4313>,

victoria2686@gmail.com

Artem S. Malykh — <https://orcid.org/0000-0003-4109-9935>, malykharthem86@gmail.com

Pavel V. Kolyasnikov — <https://orcid.org/0000-0003-3633-5913>, pavelkolyasnikov@gmail.com

Sergey B. Malykh — Academician of the Russian Academy of Education, Dr. in Psychology;

<https://orcid.org/0000-0002-3786-7447>, malykhsb@mail.ru

Инструкция: Ниже перечислены утверждения, которые используются людьми для описания их самочувствия. Пожалуйста, прочтите каждое утверждение и выберите тот ответ, который наиболее соответствует тому, КАК ВЫ ОБЫЧНО СЕБЯ ЧУВСТВУЕТЕ. Здесь нет правильных или неправильных ответов. Не тратьте слишком много времени на отдельные утверждения, давайте ответ сразу.

Стимульный материал:

1. Я чувствую себя хорошо*
 - 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
2. Я быстро устаю
 - 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
3. Мне хочется плакать
 - 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
4. Мне хотелось бы быть таким же счастливым (счастливой), как другие
 - 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
5. Я упускаю возможности из-за того, что не могу принять решение достаточно быстро
 - 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
6. Я чувствую себя отдохнувшим (отдохнувшей)*
 - 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
7. Я «спокоен, невозмутим и собран» (Я «спокойна, невозмутима и собрана»)*
 - 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
8. Мне кажется, что трудности накапливаются, поэтому я не могу преодолеть их
 - 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
9. Я слишком сильно переживаю из-за вещей, которые на самом деле не имеют значения
 - 1) Почти никогда (1 балл)

- 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
10. Я счастлив (счастлива)*
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
11. Я склонен (склонна) сильно реагировать на вещи
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
12. Мне не хватает уверенности в себе
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
13. Я чувствую себя в безопасности*
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
14. Мне тоскливо
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
15. Я удовлетворен (Я удовлетворена)*
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
16. Незначительная мысль крутится у меня в голове и беспокоит меня
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
17. Я переживаю разочарование так остро, что не могу выкинуть его из головы
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
18. Я — устойчивый человек*
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)
 - 3) Часто (3 балла)
 - 4) Почти всегда (4 балла)
19. Меня может охватить паника, когда я думаю о моих недавних делах и заботах
- 1) Почти никогда (1 балл)
 - 2) Иногда (2 балла)

- 3) Часто (3 балла)
- 4) Почти всегда (4 балла)

Ключи:

1. Шкала наличия тревожности: сумма баллов по вопросам № 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 16, 17, 19. Чем выше балл по шкале, тем выше тревожность.

2. Шкала отсутствия тревожности: сумма баллов по вопросам № 1, 6, 7, 10, 13, 15, 18, отмечены *. Чем выше балл по шкале, тем ниже тревожность.

3. Общая шкала тревожности:

Перекодировать вопросы из шкалы отсутствия тревожности (№ 1, 6, 7, 10, 13, 15, 18, отмечены *): 1 балл=4 балла, 2 балла=3 балла, 3 балла=2 балла, 4 балла=1 балл.

Посчитать сумму баллов по вопросам шкалы наличия тревожности (№ 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 16, 17, 19) и сумму баллов по перекодированным вопросам шкалы отсутствия тревожности

Интерпретация результатов по интегрированному показателю личностной тревожности

Ниже 38 баллов: очень низкий уровень личностной тревожности

38–44: низкий уровень личностной тревожности

45–47: умеренно выраженная личностная тревожность

48–52 балла: высокий уровень личностной тревожности

53 балла и выше: очень высокий уровень личностной тревожности

Адаптация Шкалы родительского стресса (PSS): исследование на российских матерях с детьми разного возраста

Ю. В. Мисюк^{1а}, И. В. Тихонова²

¹ Ярославский государственный медицинский университет,
Российская Федерация 150000, Ярославль, ул. Революционная, 5

² Костромской государственный университет,
Российская Федерация, 156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17/11

Для цитирования: Мисюк Ю. В., Тихонова И. В. Адаптация Шкалы родительского стресса (PSS): исследование на российских матерях с детьми разного возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN QKMQCR

Работа посвящена адаптации Шкалы родительского стресса (PSS) на выборке российских матерей с детьми разного возраста. Родительский стресс в современном обществе признан широко распространенным явлением, требующим пристального внимания специалистов. Для диагностики его выраженности в мировой психологии используются Индекс родительского стресса (PSI) и Шкала родительского стресса (PSS). Последний инструмент является общедоступным, но его использование в России требует создания адаптированной версии с проверенными психометрическими свойствами для научных и практических целей. В статье описаны результаты проверки надежности, валидности и факторной структуры Шкалы родительского стресса. В исследовании приняли участие 572 матери в возрасте от 20 до 68 лет ($M = 39,5$), имеющих от 1 до 5 детей. Оценка внешней валидности шкалы проводилась с использованием Методики исследования удовлетворенности родительской ролью К. Ф. Хальверсона и Х. П. Дьюка (1991) в адаптации Е. В. Куфтык (2009). Конфирматорный факторный анализ позволил получить две структурные модели Шкалы родительского стресса: одну с четырьмя факторами («Родительский ущерб», «Родительские стрессоры», «Потеря контроля», «Родительское недовольство»), другую — с двумя («Дефицит родительских ресурсов» и «Родительские стрессоры»). Определены показатели уровней выраженности родительского стресса по субшкалам для каждой модели. Надежность русскоязычной версии шкалы подтверждена достаточными показателями внутренней согласованности для общей выборки матерей (α Кронбаха = 0,865, $n = 572$); при четырехфакторной и двухфакторной структуре на нормализованной выборке женщин (α Кронбаха = 0,829, $n = 427$). Надежность методики определялась с помощью ретеста ($n = 54$), подтверждена корреляциями достаточной силы ($\min r = 0,540$; $\max r = 0,942$); определена дифференциальная валидность факторов. Шкала родительского стресса представляет собой эффективный инструмент для оценки его уровня как одномерная шкала, описаны ограничения использования двух- и четырехфакторной модели и перспективы исследования.

Ключевые слова: родительский стресс, родительство, материнство, адаптация методики, Шкала родительского стресса.

^а Автор для корреспонденции.

Введение

Родительство как субъективный трансформирующий опыт и социальная роль имеет большое значение в жизни человека. Современное материнство часто остается пространством напряженности и уязвимости, где многие женщины могут чувствовать себя неспособными справиться с требованиями родительской роли. Родительский стресс (РС) рассматривается как несоответствие между ресурсами, необходимыми для выполнения родительской роли, и воспринимаемой способностью родителя справляться с этими требованиями (Hobfoll, 1989), особенно в условиях возрастающих социальных ожиданий.

Для диагностики выраженности РС разработано несколько методов (Montoro-Pérez et al., 2024), но два наиболее часто используемых благодаря их психометрическим свойствам — это Индекс родительского стресса (Abidin, 1992) и Шкала родительского стресса (Berry, Jones, 1995).

Оригинальная шкала родительского стресса (PSS) — это краткий и простой инструмент для оценки уровня родительского стресса, доказавший свою надежность и валидность в научных исследованиях и клинической практике. Теоретическая основа PSS опирается на модель сохранения ресурсов С.Е. Хобфолла (S.E. Hobfoll) (Hobfoll, 1989). Инструмент настроен на оценку субъективного опыта родителей и отражает дихотомию, связанную с восприятием родительства как источника удовольствия или стресса. Положительные аспекты воспитания включают эмоциональные преимущества (любовь, счастье, удовлетворение), чувства близости и личностного роста. Отрицательные элементы связаны с ограничениями, чувством потери контроля над жизнью, а также с временными, финансовыми, эмоциональными и физическими затратами. Дж. О. Берри (J. O. Berry) и У.Х. Джонс (W. H. Jones) использовали PSS в клинической и неклинической выборке из 1276 родителей нормотипичных и атипичных детей до 18 лет (Berry, Jones, 1995).

На сегодняшний день PSS переведена более чем на 26 языков (Louie et al., 2017; Montoro-Pérez et al., 2024). Результаты исследований психометрических параметров разнообразны и представлены двух-четырёхфакторной структурой, включающей от 11 до 18 пунктов. Все авторы поддерживают оригинальную версию, утверждая, что PSS представляет собой одномерную шкалу для диагностики родительского стресса.

Диапазон модификаций, предложенных в различных исследованиях, связан с культурными различиями в переводе, характеристиками выборки, вариативностью формата ответов по шкале Лайкерта и статистическими обоснованиями (Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020). PSS широко применяется в исследованиях, охватывающих различные выборки, такие как:

- матери и отцы (Kotsis et al., 2023; Matuszczak-Świgoń, Bakiera, 2023);
- прародители (Gerard et al., 2006);
- смесь клинических и неклинических выборок с неврологическими заболеваниями и без них (Lindström et al., 2024);
- родители, которые заботятся о детях с задержками нейроразвития и поведенческими проблемами (Algarvio et al., 2018; Louie et al., 2017);
- родители детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (Park et al., 2021);

- родители детей с хроническими соматическими заболеваниями (Zelman, Ferro, 2018);
- неклинические популяции, включающие расовое/этническое разнообразие, социально-экономический статус (Holly et al., 2019; van der Knoop et al., 2023);
- родители несовершеннолетних правонарушителей (Caldwell et al., 2007).

В нескольких исследованиях PSS использовали для оценки родительского стресса у матерей младенцев (Ekizoglou et al., 2022; Habibpour et al., 2018), включая тех, кто впервые родил (Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020; Oronoz et al., 2007; Pontoppidan et al., 2018). Табл. 1 представляет в хронологическом порядке описательную информацию о некоторых исследованиях, в которых сообщалось об использовании переведенной версии PSS.

Адаптация и проверка психометрических свойств Шкалы родительского стресса (ШРС) для российского родительского сообщества является продолжением уже ведущегося исследования (Мисиюк, Тихонова, 2022) и дополняет дискуссию поиска оптимальной факторной структуры ШРС, вариаций наиболее эффективно использования шкалы в рамках диагностики РС в исследовательских и практических интересах.

Цель настоящего исследования: провести психометрическую проверку методики «Шкала родительского стресса» путем определения ее структуры с использованием исследовательского и/или подтверждающего факторного анализа, оценки надежности и подтверждения конвергентной валидности на российской выборке родителей, нормализованной по половому составу.

Методы

Участники и процедура исследования. Общая выборка изначально составила 652 родителя, из них 572 матери и 80 отцов в возрасте от 20 до 70 лет. Для повышения репрезентативности выборки отцы, составляющие 12,1 % общей совокупности респондентов, были исключены из дальнейшей психометрической проверки. В итоге была получена выборка, состоящая из 572 матерей в возрасте от 20 до 68 лет ($M = 39,5$, $SD = 7,62$), имеющих от 1 до 5 детей. Респонденты являются представительницами Уральского и Центрального федеральных округов РФ (Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ярославля, Ярославского района). Критерием отбора для участия в исследовании было наличие детей (ребенка) до 18 лет, проживающих совместно с родителем. Исследование реализовано в строгом соответствии с политикой конфиденциальности при добровольном участии и информированном согласии всех респондентов в смешанном формате: с помощью онлайн-опроса, в очной форме.

Методики исследования. Шкала родительского стресса (Parental Stress Scale; PSS) (Berry, Jones, 1995) включает как прямые, так и обратные вопросы, оценивающие положительный и негативный родительский опыт. Ответы оцениваются по 5-балльной шкале Лайкерта от одного («Полностью не согласен») до пяти («Полностью согласен»). Оригинальная шкала PSS включает 18 пунктов и имеет четырехкомпонентную структуру по 16 элементам PSS: родительские награды, родительские стрессоры, отсутствие контроля над собственной жизнью и родительское удовлетворение, объединенных в два подконструкта РС: стресс («Родительские

Таблица 1. Факторная структура шкалы родительского стресса (PSS) в современных зарубежных исследованиях

Автор адаптации	Характеристики выборки	Количество факторов (метод факторного анализа)	Количество пунктов шкалы (исключенные пункты)
Оригинальная версия Berry, Jones, 1995 $\alpha = 0,83$	Нормотипичные и атипичные родители ($n = 1276$)	4 Varimax-вращение	18 (2,4)
Ogonoz et al., 2007 (Испания)	Впервые ставшие родителями ($n = 211$), с детьми 3–8 месяцев	2 ЭФА	12 (2, 4, 7, 8, 14, 16)
van der Knoop et al., 2017 (Голландия)	Родители ($n = 198$) с детьми до 19 лет	2 ЭФА, КФА	15 (2, 5, 7)
Algarvio et al., 2018 (Португалия)	Родители ($n = 3842$) с детьми дошкольного и младшего школьного возраста	4 КФА	14 (1, 2, 17, 18)
Zelman, Ferro, 2018 (Канада) α Кронбаха = 0,84	Родители ($n = 50$) с детьми 6–16 лет с физическими заболеваниями (астма, диабет, эпилепсия)	4 КФА	18
Pontoppidan et al., 2018 (Дания)	Матери ($n = 1110$) с детьми 0–12 мес.	2 Моделирование Rasch	16 (2, 11)
Habibpour et al., 2018 (Иран) α Кронбаха = 0,92	Матери недоношенных детей ($n = 500$)	3 ЭФА, КФА	18
Nærde, Hukkelberg, 2020 (Норвегия) α Кронбаха = 0,74, $\omega = 0,79$	($n = 1096$) (Мвозр. ребенка = 12 мес.)	2 ЭФА, КФА	13 (1, 2, 4, 15, 1, 8)
Park et al., 2021 (Южная Корея) α Кронбаха = 0,88	Матери ($n = 160$) с детьми с СДВГ (Мвозр. ребенка = 11,28)	2 ЭФА, КФА	11 (2–5, 7, 8, 11)
Ekizoglou et al., 2022 (Греция) α Кронбаха = 0,83	Матери с детьми 0–12 мес. ($n = 735$)	2 ЭФА, КФА	18 (2, 4)
Kumalasari et al., 2022 (Индонезия) α Кронбаха = 0,83	Матери с детьми 3–12 лет	2 ЭФА, КФА	15 (3, 4, 9)
Matuszczak-Świgoń, Bakiera, 2023 (Польша) $\omega = 0,88$	Родители ($n = 250$: матери — 126; отцы — 124) с детьми до 19 лет	2 ЭФА, КФА	16 (2, 4)
Kotsis et al., 2023 (Греция) α Кронбаха = 0,78, $\omega = 0,79$	Родители ($n = 204$: матери — 124; отцы — 80) с детьми дошкольного возраста с нарушениями речевого развития	4 КФА	18 (2, 4)
Lindström et al., 2024 (Швеция) α Кронбаха = 0,87	Родители ($n = 2233$) с детьми 3–17 лет с неврологическими заболеваниями и без них	2 ЭФА	17 (14)

стрессоры» и «Отсутствие контроля») и отсутствие удовлетворенности ролью (шкалы «Родительское удовлетворение» и «Родительские вознаграждения» измеряют недостаточность этих ресурсов).

Для проверки конвергентной валидности использовалась Методика исследования удовлетворенности родительской ролью (Parent Satisfaction Scale), разработанной Хальверсоном (Halverson) и Дьюком (Duke) (1991) в адаптации Е. В. Куфтык (Куфтык, 2009). Опросник включает в себя такие шкалы, как «Удовлетворенность», «Тяжесть/Необременительность родительской роли», «Важность роли родителя».

Этапы исследования. Процесс адаптации ШРС включал несколько этапов:

- 1) перевод инструмента;
- 2) экспертная оценка;
- 3) проверка надежности и факторной структуры.

В 2021–2022 гг. методика была переведена с английского языка, адаптирована лексически и грамматически, а также проверена на эквивалентность оригиналу с учетом культурного контекста методом экспертной содержательной оценки (Мисиюк, Тихонова, 2022). Использовался метод прямого и обратного перевода, экспертами выступали билингвы ($n = 4$) с психологическим образованием, специализирующиеся на исследованиях стресса. Затем проводилась проверка факторной структуры, надежности и внутренней согласованности, конвергентной валидности, тест-ретестовой надежности.

Анализ данных. Статистическая обработка материалов проводилась с использованием пакетных прикладных программ IBM SPSS, версия 22. Внутренняя согласованность теста определялась методом α Кронбаха. Факторная структура опросника PSS исследовалась при помощи эксплораторного факторного анализа (ЭФА) ($n = 572$) и конфирматорного факторного анализа (КФА) ($n = 427$). Проверка приоритетности использования ЭФА проводилась по критерию выборочной адекватности КМО. Оценка внешней валидности с использованием коэффициента корреляции Спирмена ($n = 226$). Для определения дифференциальной валидности факторов использовалась извлеченная средняя дисперсия (Average Variance Extracted, AVE $> 0,5$) и критерий Форнелла — Ларкера (Fornell, Larcker, 1981). Надежность как устойчивость результатов методики определялась с помощью повторного тестирования (ретеста) с применением коэффициента корреляции Спирмена ($n = 54$).

Результаты

Проверка надежности ШРС. Для проверки внутренней согласованности теста применяли метод α Кронбаха, показатель T^2 Хотеллинга, критерий неаддитивности Тьюки. Значение α Кронбаха на выборке из 572 женщин составило 0,865, что является высоким показателем надежности, выражающейся в согласованности пунктов интегральной шкалы. Проверка достоверности различий средних значений всех переменных, участвующих в анализе, доказала, что все переменные имеют разный вклад в общий показатель ($F = 220,719$; $p = 0,000$). Проверка линейности зависимости между переменными, участвующими в анализе ($F = 489,983$; $p = 0,000$) свидетельствует, что показатели коррелируют друг с другом.

Положительные корреляции средней силы между пунктами шкалы и показателями общей надежности варьировались от 0,341 до 0,649, подтверждая их вклад

в общую согласованность. Исключением стали пункты ШРС2 и ШРС4, продемонстрировавшие значения 0,276 и 0,266 соответственно. Исключение этих пунктов незначительно повышало показатель общей надежности шкалы.

Проверка факторной структуры ШРС. Учитывая обширный опыт исследований, в вариантах адаптации PSS мы попытались рассмотреть оптимальную факторную структуру ШРС для русскоязычной популяции женщин, включающую четырех- и двухфакторную модели.

Четырехфакторная структура ШРС. Проверка целесообразности использования ЭФА проводилась по критерию выборочной адекватности КМО, он составил 0,896, что говорит о применимости факторного анализа на данной выборке (Наследов, 2004). При ЭФА использовались методы:

- выделения главных компонент;
- факторизации главных осей;
- α -факторизации с вращением по методу варимакс с нормализацией Кайзера.

Было выделено наличие четырех факторов в структуре шкалы, однако максимальный процент накопленной дисперсии (56,68 %) был достигнут только методом главных компонент. Другие методы (главных осей, α -факторизация) объясняли менее 50 % дисперсии. Во всех вариантах факторизации 4-й фактор включал всего два вопроса, что недостаточно для надежной оценки. В данном случае ЭФА оказался несостоятельным.

Нами было принято решение о проведении подтверждающего факторного анализа. Достигнута многомерная нормальность (С.Р. многомерного эксцесса, равный 4,397 при $n=427$). В итоге выборку составили 427 женщин от 20 до 68 лет ($M=39,65$, $SD=7,37$). На нормализованной выборке показатели надежности оказались несколько иные. Значение α Кронбаха на выборке из 427 женщин составил 0,829, отмечается слабая корреляция с суммарным балом вопросов ШРС2 и ШРС4 (табл. 2).

Структурное моделирование (SEM) методом максимального правдоподобия выполнялось в программе AMOS. Метод предполагает предварительное построение структурных моделей и подтверждение модели авторов методики. Поэтому вопросы ШРС2 и ШРС4, исключаемые авторами, не включались в процедуру КФА. Модель считалась хорошо согласованной с полученными экспериментальными данными при значениях CFI , NFI , GFI , $ACFI \geq 0,90$, $RMSEA$ — не более 0,05 (хорошее согласие), и показателя χ^2/df (приемлемое согласие) в пределах 2.

Для четырехфакторной модели были получены следующие показатели: $p=0,000$, CFI (Comparative Fit Index) = 0,955, NFI (Normed Fit Index) = 0,918, GFI (Goodness of Fit Index) = 0,949, $AGFI$ (Adjusted Goodness of Fit Index) = 0,921, $RMSEA$ (Root Mean Square Error of Approximation) = 0,050; $\chi^2 = 181,640$; $df = 88$; $p = 0,000$, $\chi^2/df \approx 2,064$. Последний показатель несколько превышает утвержденные значения, но является допустимым при больших выборках, тем более что все ключевые индексы (GFI , $AGFI$, CFI , NFI) значительно превышают пороговое значение 0,90, что является сильным свидетельством адекватности модели.

Значения индексов согласия для двухфакторной модели составили: $p=0,000$, $CFI=0,959$, $NFI=0,921$, $GFI=0,951$, $AGFI=0,925$, $RMSEA=0,048$, $\chi^2/df=175,768/89 \approx 1,98$. Результаты показывают, что двухфакторная модель демонстрирует отличное согласие с экспериментальными данными.

Таблица 2. Внутренняя согласованность утверждений и суммарного показателя ШРС на нормализованной выборке ($n = 427$)

Пункт шкалы	Корреляция пункта с суммарным баллом	Квадрат коэффициента множественной корреляции	α Кронбаха при удалении пункта
1	0,496	0,381	0,819
2	0,284	0,143	0,828
3	0,365	0,316	0,828
4	0,212	0,253	0,837
5	0,410	0,304	0,821
6	0,565	0,517	0,815
7	0,528	0,536	0,818
8	0,421	0,315	0,820
9	0,454	0,250	0,819
10	0,514	0,406	0,815
11	0,488	0,356	0,817
12	0,540	0,424	0,814
13	0,423	0,226	0,821
14	0,309	0,340	0,826
15	0,511	0,516	0,818
16	0,479	0,434	0,818
17	0,508	0,358	0,818
18	0,580	0,550	0,815

Четырехфакторная модель ШРС, содержательно соответствующая шкалам авторского опросника, показывает наличие четырех субшкал в структуре методики, коррелирующих друг с другом (рис. 1) и имеющих достаточный уровень согласованности по шкалам (табл. 3).

Чтобы избежать неверной интерпретации, первый фактор, ранее называвшийся «Родительское вознаграждение», теперь обозначен как «Родительский ущерб» из-за обратного характера вопросов. Субшкала «Родительское удовлетворение» переименована в «Родительское недовольство/досаду».

Показатель α Кронбаха выдает сомнительные результаты в случае измерения шкалы «родительское недовольство» (0,529). Этот факт может быть объяснен смысловой двусмысленностью формулировки вопроса, содержащей ситуацию выбора: «Поведение моего ребенка (детей) часто меня смущает или вызывает стресс». В данном случае нецелесообразность уменьшения количества вопросов (до двух) в данной шкале и наличие умеренной корреляции вопроса с суммарным баллом позволяют сохранить ее в структуре субшкалы.

Определены показатели нормативных значений для определения уровня выраженности родительского стресса и его показателей и рассчитаны процентиля (квантили), представленные в табл. 4. Данные значения могут быть использованы для определения норм выраженности родительского стресса и его компонентов.

Двухфакторная модель ШРС. Двухфакторная модель включает субшкалы «Родительских стрессоров» и «Родительских ресурсов», каждая из которых содержит 8 вопросов (рис. 2). Вопросы ШРС2 и ШРС4 исключены согласно концепции авторов и низкому уровню согласованности. Субшкала «Родительских ресурсов»

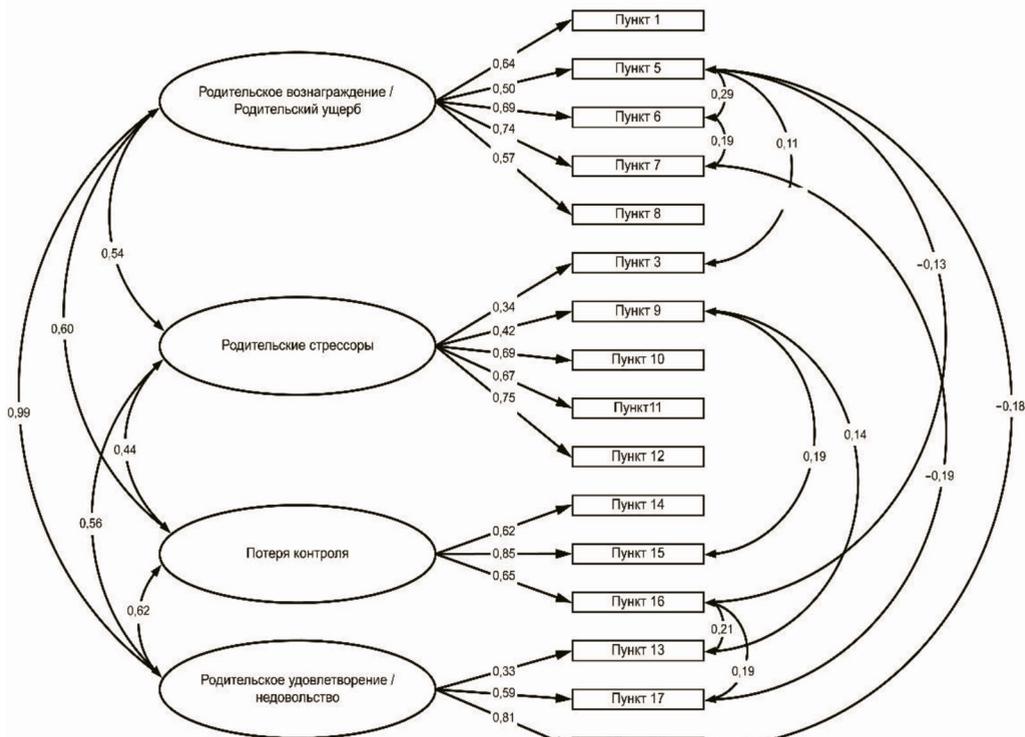

Рис. 1. Визуализация апостериорной четырехфакторной модели ШРС со стандартизованными оценками параметров ($n = 427$)

Таблица 3. Внутренняя согласованность утверждений и показателей по субшкалам в четырехфакторной модели ШРС ($n = 427$)

Пункт субшкалы	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Родительский ущерб, α Кронбаха = 0,760		
1	0,499	0,728
5	0,442	0,746
6	0,647	0,678
7	0,677	0,674
8	0,476	0,759
Родительские стрессоры, α Кронбаха = 0,694		
3	0,312	0,719
9	0,375	0,675
10	0,544	0,600
11	0,513	0,615
12	0,572	0,604

Пункт субшкалы	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Потеря контроля, α Кронбаха = 0,723		
14	0,502	0,715
15	0,662	0,481
16	0,547	0,670
Родительское недовольство, α Кронбаха = 0,529		
13	0,289	0,649
17	0,424	0,340
18	0,409	0,376

Таблица 4. Описательные статистики выраженности родительского стресса и его показателей в исследуемой выборке по четырехфакторной модели ШРС ($n = 427$)

Субшкала	M	SD	Min	Max	% _o		
					25	50 (Med)	75
Родительский ущерб	7,53	2,06	5,00	15,00	6,00	7,00	9,00
Родительские стрессоры	11,44	3,01	5,00	20,00	9,00	12,00	13,00
Потеря контроля	3,98	1,13	3,00	8,00	3,00	4,00	5,00
Родительское недовольство	5,08	1,41	3,00	9,00	4,00	5,00	6,00
Общий уровень родительского стресса	33,65	6,51	18,00	53,00	29,00	33,00	38,00

Примечания: M — среднее; SD — стандартное; %_o — процентиль; Med — медиана

оценивает дефицит ресурсов, так как требует инвертирования ответов. Для избежания ошибок интерпретации название субшкалы уточнено как «Дефицит родительских ресурсов».

Анализ внутренней согласованности субшкал (табл. 5) показывает, что вопрос ШРС13 снижает показатель согласованности в субшкале «Дефицит родительских ресурсов» из-за своей семантической двусмысленности. Несмотря на небольшое улучшение показателей α Кронбаха при его удалении, корреляция с учетом объема выборки достаточна, поэтому было решено сохранить этот вопрос в структуре шкалы.

Нами также были рассчитаны показатели уровней выраженности родительского стресса по субшкалам в двухфакторной модели родительского стресса: определены высокие, умеренные и низкие показатели (табл. 6).

Дискриминантная валидность ШРС. Все показатели Average Variance Extracted (AVE) в четырехфакторной и двухфакторной структуре ШРС ($AVE < 0,5$), что свидетельствует о недостаточной дифференциальной валидности шкал опросника, за исключением субшкалы «Потеря контроля» (табл. 7). При этом показатели AVE четырехфакторной структуры демонстрируют более приближенные к пороговому значению.

Для проверки дифференциальной валидности использовался критерий Форнелла — Ларкера (Fornell, Larcker, 1981). Валидность фактора подтверждается,

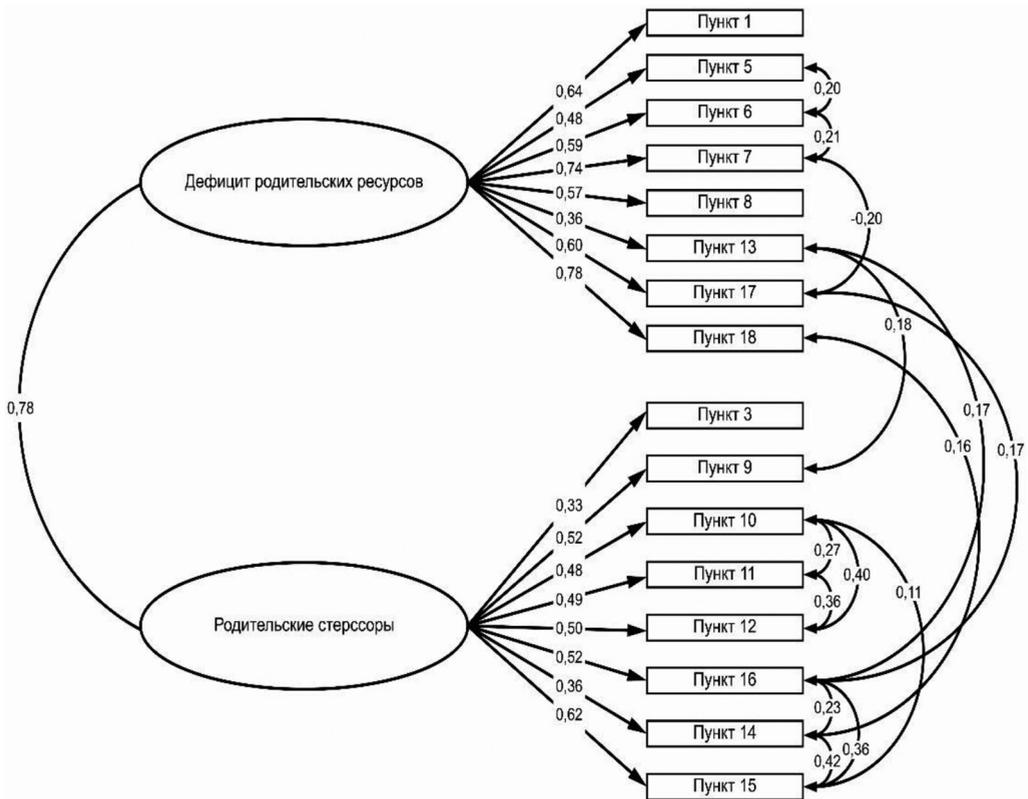

Рис. 2. Визуализация апостериорной двухфакторной модели ШРС со стандартизованными оценками параметров ($n = 427$)

если его AVE превышает любой квадрат его корреляции с остальными факторами ($AVE_x > \varphi^2_{xy}$ и $AVE_y > \varphi^2_{xy}$), чего не наблюдается в двухфакторной ($\varphi^2_{1-2} = 0,61$, $r = 0,78$) и в четырехфакторной моделях, где только первый и четвертый факторы ($\varphi^2_{1-4} = 0,98$, $r = 0,99$) не выдерживают этого требования. Таким образом, по результатам проверки дифференциальной валидности шкал опросника большую состоятельность демонстрирует четырехфакторная модель ШРС с условием ограничений в отношении шкал «Родительское недовольство» и «Родительский ущерб», измеряющих схожие конструкты.

Внешняя (конвергентная) валидность. Оценку содержательной валидности проводили путем установления связей между показателями РС и удовлетворенностью родительской ролью на другой случайной выборке женщин ($n = 226$), в возрасте от 24 до 67 лет ($M = 41,5$, $SD = 7,41$), имеющих от 1 до 4 детей, с помощью опросника «Методика исследования удовлетворенности родительской ролью» (табл. 8). Выбор методики опирается на концептуализацию феномена родительского стресса, согласно которой он может рассматриваться как состояние, возникающее вследствие неудовлетворенности родительством. Так как эмпирические данные не имели нормального распределения, то использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Таблица 5. Внутренняя согласованность утверждений и показателей по субшкалам в двухфакторной модели ($n = 427$)

Пункт субшкалы	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Дефицит родительских ресурсов, α Кронбаха = 0,791		
1	0,545	0,764
5	0,464	0,774
6	0,643	0,749
7	0,654	0,750
8	0,477	0,776
13	0,312	0,819
17	0,496	0,770
18	0,665	0,748
Родительские стрессоры, α Кронбаха = 0,725		
3	0,292	0,744
9	0,426	0,697
10	0,531	0,672
11	0,524	0,673
12	0,579	0,665
14	0,251	0,727
15	0,444	0,702
16	0,467	0,694

Таблица 6. Описательные статистики выраженности родительского стресса и его показателей в исследуемой выборке по двухфакторной модели ШРС ($n = 427$)

Субшкала	M	SD	Min	Max	%о		
					25	50 (Med)	75
Дефицит родительских ресурсов	12,61	3,10	8,00	22,00	10,00	12,00	15,00
Родительские стрессоры	15,43	3,59	8,00	25,00	13,00	16,00	18,00

Примечания: M — среднее; SD — стандартное; %о — процентиль; Med — медиана.

Таблица 7. Показатели дискриминантной валидности по двух- и четырехфакторной модели ШРС ($n = 427$)

Показатели AVE	Значение
Четырехфакторная модель	
Родительский ущерб	0,402
Родительские стрессоры	0,356
Потеря контроля	0,509
Родительское недовольство	0,371
Двухфакторная модель	
Дефицит родительских ресурсов	0,369
Родительские стрессоры	0,235

Таблица 8. Корреляционные связи показателей родительского стресса и удовлетворенности родительством ($n = 226$)

Показатели удовлетворенности родительством / Показатели родительского стресса	Общий уровень удовлетворенности родительством	Удовольствие, получаемое от воспитания и родительства	Тяжесть роли родителя	Важность роли родителя
Четырехфакторная модель				
Общий уровень родительского стресса	-0,56*	-0,49*	-0,58*	-0,47*
Родительский ущерб	-0,53*	-0,51*	-0,40*	-0,55*
Родительские стрессоры	-0,41*	-0,32*	-0,50*	-0,28*
Потеря контроля	-0,30*	-0,29*	-0,36*	-0,21*
Родительское недовольство	-0,47*	-0,43*	-0,44*	-0,41*
Двухфакторная модель				
Дефицит родительских ресурсов	-0,55*	-0,52*	-0,43*	-0,52*
Родительские стрессоры	-0,45*	-0,36*	-0,54*	-0,31*

Примечание: * $p \leq 0,001$.

Исследование взаимосвязи удовлетворенности родительством как эмоционально-оценочного отношения к воспитательной функции с общим уровнем РС и его составляющими показало наличие множественных достоверных умеренных корреляций. Наибольшей силой среди них обладают связи всех параметров удовлетворенности родительством с общим уровнем стресса и родительским ущербом ($\min r = -0,213$; $\max r = -0,581$).

Тест-ретестовая надежность ШРС. Ретестовая надежность как устойчивость результата методики определялась с помощью повторного тестирования (ретеста) с применением коэффициента корреляции Спирмена с участием 54 женщин. Для этого через 4–6 месяцев после первого заполнения респонденты повторно отвечали на вопросы опросника (табл. 9, 10).

Таблица 9. Корреляционные связи показателей родительского стресса в первом и втором замеры по четырехфакторной модели ШРС ($n = 54$)

Показатели родительского стресса	Общий уровень 2	Родительский ущерб 2	Родительские стрессоры 2	Потеря контроля 2	Родительское недовольство 2
Общий уровень 1	0,82*				
Родительский ущерб 1		0,54 *			
Родительские стрессоры 1			0,68*		
Потеря контроля 1				0,93*	
Родительское недовольство 1					0,94*

Примечание: * $p \leq 0,001$.

Таблица 10. Корреляционные связи показателей родительского стресса в первом и втором замере по двухфакторной модели ШРС ($n = 54$)

Показатели родительского стресса	Дефицит родительских ресурсов 2	Родительские стрессоры 2
Дефицит родительских ресурсов 1	0,75*	
Родительские стрессоры 1		0,78*

Примечание: * $p \leq 0,001$.

Устойчивость результата шкалы подтверждена корреляциями достаточной силы ($\min r = 0,540$; $\max r = 0,942$) с высоким уровнем значимости, что говорит о высоких показателях надежности.

Обсуждение результатов и заключение

Учитывая разнообразие факторных структур в мировых исследованиях, важной задачей исследования было определение оптимальной структуры шкалы для русскоязычной выборки матерей. Для этого мы объединили методологию ЭФА и КФА, чтобы проверить ранее предложенные решения.

Важно отметить, что из факторной структуры русскоязычной версии ШРС были удалены два пункта: 2 и 4. Мы не нашли исследований, включающих все 18 пунктов PSS и имеющих надежную факторную структуру, включая оригинальное исследование (Berry, Jones, 1995), где два пункта (PSS2 и PSS4) были пропущены из-за отсутствия существенных факторных нагрузок.

К. Номагучи и М. А. Милки также отмечают, что на стресс, испытываемый родителями, влияют менталитет, культура и система убеждений, касающиеся родительства и воспитания (Nomaguchi, Milkie, 2017). Пункты 2 и 4 указывают на готовность родителей жертвовать временем, энергией и затратами на воспитание детей. Эти пункты не описывают родительский стресс, так как в российской родительской культуре «жертвенное и всепоглощающее» родительство является важной характеристикой «хорошего» материнства (Клецина, Иоффе, 2019). Это характерно для многих культур, включая азиатские (Kumalasari et al., 2022). Женщины стремятся позиционировать себя как «справляющихся матерей», даже если не чувствуют себя такими. «Довольно жесткая культурная регуляция материнства вынуждает многих женщин к бесконечному мониторингу себя и других на предмет соответствия мифическим идеалам “хорошего” материнства» (Нартова, 2016, с. 45). Основываясь на кросс-культурных эмпирических доказательствах, включая настоящие результаты, мы поддерживаем аргументы о том, что эти пункты следует исключить из структурного моделирования. В русскоязычной адаптации мы придерживаемся позиции Дж. О. Берри и У. Х. Джонса, указывающих на возможность использования ШРС как одномерной шкалы (Berry, Jones, 1995; Kotsis et al., 2023; Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020), где интегральный показатель выступает надежным параметром выраженности РС по 18 пунктам.

В русскоязычной адаптации мы поддерживаем идеи К. Котцис и соавторов (Kotsis et al., 2023) и М. Понтоппидан и соавторов (Pontoppidan et al., 2018), пред-

полагая, что четыре фактора могут быть подразделениями двух факторов: родительских стрессоров и родительского удовлетворения/ресурсов. Эта гипотеза согласуется с оригинальным исследованием Дж. О. Берри и У. Х. Джонса, поддерживающих дихотомию положительного и отрицательного опыта воспитания (Berry, Jones, 1995).

Результаты адаптации ШРС воспроизводят оригинальную факторную структуру PSS, подтверждая четыре субшкалы, которые можно концептуализировать в соответствии с теоретическим конструктом родительского стресса С. Е. Хобфолла (Hobfoll, 1989): наличие или отсутствие ресурсов (шкалы «Родительский ущерб» (пункты 1, 5–8) и «Родительское недовольство» (пункты 13, 17, 18) и негативные переживания (шкалы «Родительские стрессоры» (пункты 3, 9–12) и «Потеря контроля» (пункты 14–16)). Полученная структура согласуется с предыдущими исследованиями, где целью было сохранение оригинальной формы шкалы PSS, включая исследования на русскоязычных женщинах (Мисюк, Тихонова, 2022).

Опора на теоретический конструкт РС и анализ существующих исследований позволяет рассматривать четырехфакторную структуру как подструктуру двухфакторной модели. Эмпирическая двухфакторная модель ШРС представлена шкалами «Дефицит родительских ресурсов» (пункты 1, 5–8, 13, 17, 18) и «Родительские стрессоры» (пункты 3, 9–12, 14–16). Чем выше общий балл по измерению напряжения (шкала «Родительские стрессоры») и дефицита положительных аспектов воспитания (шкала «Дефицит родительских ресурсов»), тем более выражен РС.

Субшкалы четырехфакторной структуры «Родительский ущерб» (пункты 1, 5–8) и «Родительское недовольство» (пункты 13, 17, 18) полностью соответствуют шкале «Дефицит родительских ресурсов» двухфакторной модели ШРС и описывают отсутствие положительных последствий воспитания. Высокие баллы по шкале «Дефицит родительских ресурсов» свидетельствуют о недостаточности системы ресурсов и вознаграждений в родительском опыте, что вносит вклад в высокие показатели РС. Субшкалы «Родительские стрессоры» (пункты 3, 9–12) и «Потеря контроля» (пункты 14–16) соответствуют шкале «Родительские стрессоры» и описывают негативные последствия воспитания. Вариативность использования факторной структуры ШРС позволит исследователям и специалистам в области психического здоровья интерпретировать конструкт РС в зависимости от целей исследования с учетом ограничений на основе низкой дискриминантной валидности.

Надежность русскоязычной версии ШРС подтверждена достаточными показателями внутренней согласованности при четырех- и двухфакторной структуре на нормализованной выборке женщин. Однако при анализе структуры четырехфакторной модели ШРС в ситуации сомнительного значения согласованности по шкале «Родительское недовольство» (α Кронбаха $< 0,7$) было принято решение сохранить оригинальную авторскую структуру шкалы, включающую три вопроса. Невысокие показатели внутренней согласованности можно объяснить смысловой двузначностью формулировки вопроса и краткостью шкалы, поэтому в данном случае более значимые данные о надежности методики получены при помощи определения тест-ретестовой устойчивости (Сергеева и др., 2016), соответствующей высоким показателям ($p \leq 0,001$) в двух- и четырехфакторном решении. Полученные результаты соответствуют предыдущим исследованиям, как в общей популяции, так и у родителей в различных клинических выборках.

При оценке дифференциальной валидности в четырехфакторной структуре установлено, что четвертый фактор по своему конструктивному содержанию не отличается от первого настолько, чтобы считаться независимым измерением недовольства родительской ролью отдельной субшкалой методики. Таким образом, эти два фактора могут быть логично объединены в один (шкала «Дефицит родительских ресурсов»). Однако критерий Форнелла — Ларкера ставит под сомнение дискриминантную валидность двухфакторной модели и требует ее дальнейшей доработки. Важно отметить, что доказательства валидности, подтверждающие предложенную внутреннюю структуру, в оригинальной версии отсутствуют (Berry, Jones, 1995). Это ставит исследователей и практиков, заинтересованных в использовании определенного инструмента, в затруднительное положение — в данном случае мы также не можем исключать изначальные характеристики различий между компонентами многомерной шкалы оригинального инструмента как наиболее важный фактор при разработке и оценке измерительных инструментов. Как показали Р. Крутцен и Дж. Питерс, лишь в небольшой части многомерных инструментов приводятся явные доказательства валидности их внутренней структуры (Crutzen, Peters, 2017).

В исследовании также была продемонстрирована внешняя валидность ШРС. Как и предполагалось, родительский стресс коррелировал с конструктом удовлетворенности родительской ролью. Методика ШРС исследует феномен, тесно связанный с удовлетворенностью родительство, но не идентичный ей. В нашем исследовании не было обнаружено корреляций с возрастом, стажем родительства и количеством детей. Это подчеркивает, что неудовлетворенность родительство — значимый механизм развития родительского стресса, не зависящий от жизненных и демографических обстоятельств.

Таким образом, основываясь на строгих психометрических оценках в соответствующем культурном контексте с использованием адекватных размеров выборки, подтверждено, что ШРС является простым и гибким методом оценки выраженности родительского стресса и его компонентов у матерей, но имеет ряд ограничений. В зависимости от целей исследования шкала может быть рассмотрена как двух- и четырехфакторная модель, охватывающая 16 пунктов, или использована как одномерная шкала, охватывающая 18 вопросов. Проверка оригинальной факторной структуры ШРС по параметрам дискриминантной валидности демонстрирует более приемлемые значения, нежели двухфакторная модель и может применяться с ограничениями. В частности, важным ограничением является высокая корреляция факторов 1 и 4 и сомнительный уровень надежности четвертой субшкалы. Таким образом, четырехфакторная модель может быть предназначена скорее для использования в исследовательских целях при изучении выраженности родительского стресса в неклинических условиях. Дискриминантная валидность двухфакторной шкалы не выдерживает требований, предъявляемых к оценке измерительных инструментов (Fornell, Larcker, 1981), несмотря на приемлемые уровни внутренней согласованности, в то время как интегральный показатель ШРС может быть использован без ограничений. В сравнении со схожими исследованиями (Бочавер и др., 2024), настоящая адаптация ШРС максимально приближена к оригинальной версии, учитывает возрастное разнообразие респондентов, в ней установлены пороговые значения для шкалы в двух- и четырехфакторном решении (см. Приложение).

Данные результаты могут лечь в основу дальнейшего исследования оптимальной факторной структуры ШРС, в том числе модификации и доработки двухфакторной модели за счет удаления из структуры шкал некоторых пунктов и дальнейшей проверки психометрических свойств ШРС, обеспечивающих ее безупречную валидность для российской выборки. Характеристики выборки, включающие только матерей, также формируют ограничения исследования. Включение отцов и/или категоризация родительской выборки по возрасту детей или стажу родительства могли бы расширить анализируемые аспекты и улучшить репрезентативность выводов.

Литература

- Бочавер А. А., Ахмеджанова Д. Р., Байрамян Р. М., Поливанова К. Н. Шкала родительского стресса: адаптация на русскоязычной выборке // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 3. С. 202–221. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312>
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.6>
- Курфтяк Е. В. Оценка самовосприятия родителей вопросы исследования и психодиагностики // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1 (13). С. 209–212.
- Мисиюк Ю. В., Тихонова И. В. Русскоязычная версия «Шкалы родительского стресса»: результаты первичной оценки внутренней надежности и валидности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9 (101). С. 58–66. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.9.9>
- Нартова Н. А. Материнство в современной западной социологической дискуссии // Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 39–53. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.4>
- Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
- Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Джумагулова А. Ф. Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (ТПИ-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. 2016. № 3 (9). С. 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>
- Abidin R. R. The determinants of parenting behavior // Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology. 1992. Vol. 21, no. 4. P. 407–412. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp2104_12
- Algarvio S., Leal I., Maroco J. Parental Stress Scale: Validation study with a Portuguese population of parents of children from 3 to 10 years old // Journal of Child Health Care. 2018. Vol. 22, no. 4. P. 563–576. <https://doi.org/10.1177/1367493518764337>
- Berry J. O., Jones W. H. The parental stress scale: Initial psychometric evidence // Journal of Social and Personal Relationships. 1995. Vol. 12, no. 3. P. 463–472. <https://doi.org/10.1177/0265407595123009>
- Caldwell C. L., Horne A. M., Davidson B., Quinn W. H. Effectiveness of a multiple family group intervention for juvenile first offenders in reducing parent stress // Journal of Child and Family Studies. 2007. Vol. 16. P. 443–459. <https://doi.org/10.1007/s10826-006-9097-y>
- Crutzen R., Peters G. Yg. Scale quality: alpha is an inadequate estimate and factor-analytic evidence is needed first of all // Health Psychol. Rev. 2017. Vol. 11. P. 242–247. <https://doi.org/10.1080/17437199.2015.1124240>
- Ekizoglou C., Voursour E., Anagnostopoulos D., Papageorgiou C., Zervas I. M. Validation of parental stress scale in a Greek sample of mothers with infants from 0 to 12 months: [abstract] // Infant Mental Health Journal. 2022. Vol. 43, no. 2. P. 300–310. <https://doi.org/10.1002/imhj.21971>
- Fornell C., Larcker D. F. Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement errors // Journal of Marketing Research. 1981. Vol. 18, no. 1. P. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Gerard J. M., Landry-Meyer L., Roe J. G. Grandparents raising grandchildren: The role of social support in coping with caregiving challenges // The International Journal of Aging and Human Development. 2006. Vol. 62, no. 4. P. 359–383. <https://doi.org/10.2190/3796-DMB2-546Q-Y4AQ>
- Habibpour S., Afroz G. A., Shokohi Yekta M., Farzad V. A., Besharat M., Nakhshab M. Validation of parenting stress scale for mothers of premature infants in Iran // Journal of Mazandaran University of Medical Sciences. 2018. Vol. 28, no. 162. P. 115–127.

- Hobfoll S. E. Conservation of resources: a new attempt at conceptualizing stress // *American Psychologist*. 1989. Vol. 44, no. 3. P. 513–524. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513>
- Holly L. E., Fenley A. R., Kritikos T. K., Merson R. A., Abidin R. R., Langer D. A. Evidence-base update for parenting stress measures in clinical samples // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2019. Vol. 48, no. 5. P. 685–705. <https://doi.org/10.1080/15374416.2019.1639515>
- Kotsis K., Boukouvala M., Serdari A., Koullourou I., Siafaka V., Hyphantis T. Parental Stress Scale: Psychometric properties in parents of preschool children with developmental language disorder // *Healthcare*. MDPI. 2023. Vol. 11, no. 9. P. 1332. <https://doi.org/10.3390/healthcare11091332>
- Kumalasari D., Gani I. A. A., Fourianalistyawati E. Adaptasi dan properti psikometri parental stress scale versi bahasa indonesia // *Jurnal Psikologi Ulayat: Indonesian Journal of Indigenous Psychology*. 2022. Vol. 9, no. 2. P. 332–353. <https://doi.org/10.24854/jpu527>
- Lindström T., Bergman T. H., Annerstedt M., Forster M., Bölte S., Hirvikoski T. Psychometric properties of the Parental Stress Scale in Swedish parents of children with and without neurodevelopmental conditions // *Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology*. 2024. Vol. 12, no. 1. P. 10–22. <https://doi.org/10.2478/sjcapp-2024-0002>
- Louie A. D., Cromer L. D., Berry J. O. Assessing parenting stress: Review of the use and interpretation of the parental stress scale // *The Family Journal*. 2017. Vol. 25, no. 4. P. 359–367. <https://doi.org/10.1177/1066480717731347>
- Matuszczak-Świgoń J., Bakiera L. Psychometric properties of the Polish version of the Parental Stress Scale // *Roczniki Psychologiczne*. 2023. Vol. 26, no. 1. P. 23–46. <https://doi.org/10.18290/rpsych2023.0002>
- Montoro-Pérez N., Oliver-Roig A., Montejano-Lozoya R., Richart-Martínez M. Psychometric properties of parental stress scales used in paediatric health care settings: A systematic review // *Journal of Clinical Nursing*. 2024. Vol. 33, no. 3. P. 911–931. <https://doi.org/10.1111/jocn.16920>
- Nærde A., Sommer Hukkelberg S. An examination of validity and reliability of the Parental Stress Scale in a population based sample of Norwegian parents // *PLoS One*. 2020. Vol. 15, no. 12. P. 242–251. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242735>
- Nomaguchi K., Milkie M. A. Sociological perspectives on parenting stress: How social structure and culture shape parental strain and the well-being of parents and children // K. Deater-Deckard, R. Panneton (eds). *Parental Stress and Early Child Development: Adaptive and maladaptive outcomes*. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 47–73. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-55376-4>
- Ornoz B., Alonso-Arbiol I., Balluerka N. A. Spanish adaptation of the parental stress scale // *Psicothema*. 2007. Vol. 19, no. 4. P. 687–692.
- Park S. Yo., Kim J. H., Jeong M. Yo., Lee Yu. S., Shin J. E., Lee Ye. J. Reliability and validity of the Korean version of the Parental Stress Scale for children with attention-deficit/hyperactivity disorder // *Psychiatry Investigation*. 2021. Vol. 18, no. 12. P. 1188–1197. <https://doi.org/10.30773/pi.2021.0116>
- Pontoppidan M., Nielsen T., Kristensen I. H. Psychometric properties of the Danish Parental Stress Scale: Rasch analysis in a sample of mothers with infants // *PloS One*. 2018. Vol. 13, no. 11. P. 1–20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205662>
- van der Knoop M. M., Schmidt L. J., Jansson B. Translation and psychometric properties of the Dutch Parental Stress Scale // *Psychreg Journal of Psychology*. 2023. Vol. 7, no. 2. P. 83–95.
- Zelman J. J., Ferro M. A. The parental stress scale: psychometric properties in families of children with chronic health conditions: [abstract] // *Family Relations*. 2018. Vol. 67, no. 2. P. 240–252. <https://doi.org/10.1111/fare.12306>

Статья поступила в редакцию 11.02.2025 г.;
рекомендована к печати 26.07.2025 г.

Контактная информация:

Мисюк Юлия Викторовна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0003-3257-1978>,
misiyk@ysmu.ru
Тихонова Инна Викторовна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0001-7756-0610>,
inn.007@mail.ru,

Adaptation of the Parental Stress Scale (PSS): A study on Russian mothers with children of various ages

Yu. V. Misiyuk^{a1}, I. V. Tikhonova²

¹ Yaroslavl State Medical University,
5, ul. Revolyutsionnaya, Yaroslavl, 150000, Russian Federation

² Kostroma State University,
17/11, ul. Dzerzhinskogo, Kostroma, 156005, Russian Federation

For citation: Misiyuk Yu. V., Tikhonova I. V. Adaptation of the Parental Stress Scale (PSS): A study on Russian mothers with children of various ages. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN QKMQR <https://elibrary.ru/qkmqcr> (In Russian)

The article describes the results of the reliability, validity and factor structure testing of the Parental Stress Scale (PSS) on a sample of Russian mothers with children of different ages. The study involved 572 mothers aged ($n=39.5$) from 20 to 68 years, with 1 to 5 children. The external validity of the scale was assessed using the Methodology for Studying Satisfaction with the Parental Role by C. F. Halverson, H. P. Duke (1991), as adapted by E. V. Kuftyak (2009). Confirmatory factor analysis allowed us to obtain two structural models of the PSS: a four-factor model (“Parental Damage”, “Parental Stressors”, “Loss of Control”, “Parental Dissatisfaction”) and a two-factor model (“Lack of Parental Resources” and “Parental Stressors”). The levels of parental stress severity were determined for each model on the subscales. The reliability of the Russian-language version of the SRS is confirmed by sufficient indicators of internal consistency for the general sample of mothers (α Cronbach = 0.865, $n = 572$); with a four-factor and two-factor structure on a normalized sample of women (α Cronbach = 0.829, $n = 427$). Reliability as the stability of the results of the method was determined using a retest ($n = 54$), confirmed by correlations of sufficient strength (min $r = 0.540$; max $r = 0.942$); differential validity of the factors was determined. The SRS is an effective tool for assessing the level of parental stress as a one-dimensional scale, the limitations of using a two- and four-factor model and research prospects are described.

Keywords: parental stress, parenthood, motherhood, adaptation of methodology, parental stress scale.

References

- Abidin, R. R. (1992). The determinants of parenting behavior. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 21 (4), 407–412. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp2104_12
- Algarvio, S., Leal, I., Maroco, J. (2018). Parental Stress Scale: Validation study with a Portuguese population of parents of children from 3 to 10 years old. *Journal of Child Health Care*, 22 (4), 563–576. <https://doi.org/10.1177/1367493518764337>
- Berry, J. O., Jones, W. H. (1995). The parental stress scale: Initial psychometric evidence. *Journal of Social and Personal Relationships*, 12 (3), 463–472. <https://doi.org/10.1177/0265407595123009>
- Bochaver, A. A., Ahmedzhanova, D. R., Bajramjan, R. M., Polivanova, K. N. (2024). Parental Stress Scale: Adaptation in the Russian-speaking sample. *Sotsial'naiia psikhologija i obshchestvo*, 15 (3), 202–221. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312> (In Russian)
- Caldwell, C. L., Horne, A. M., Davidson, B., Quinn, W. H. (2007). Effectiveness of a multiple family group intervention for juvenile first offenders in reducing parent stress. *Journal of Child and Family Studies*, 16, 443–459. <https://doi.org/10.1007/s10826-006-9097-y>

^a Author for correspondence.

- Crutzen, R., Peters, G. Yg. (2017). Scale quality: Alpha is an inadequate estimate and factor-analytic evidence is needed first of all. *Health Psychol. Rev.* 11, 242–247. <https://doi.org/10.1080/17437199.2015.1124240>
- Ekizoglou, C., Vousoura, E., Anagnostopoulos, D., Papageorgiou, C., Zervas, I. M. (2022). Validation of parental stress scale in a Greek sample of mothers with infants from 0 to 12 months. *Infant Mental Health Journal*, 43 (2), 300–310. <https://doi.org/10.1002/imhj.21971>
- Fornell, C., Larcker, D. F. (1981) Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement errors. *Journal of Marketing Research*, vol. 18, no. 1, pp. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Gerard, J. M., Landry-Meyer, L., Roe, J. G. (2006). Grandparents raising grandchildren: The role of social support in coping with caregiving challenges. *The International Journal of Aging and Human Development*, 62 (4), 359–383. <https://doi.org/10.2190/3796-DMB2-546Q-Y4AQ>
- Habibpour, S., Afrooz, G. A., ShokohiYekta, M., Farzad, V. A., Besharat, M., Nakhshab, M. (2018). Validation of parenting stress scale for mothers of premature infants in Iran. *Journal of Mazandaran University of Medical Sciences*, 28 (162), 115–127.
- Hobfoll, S. E. (1989). Conservation of resources: a new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*, 44 (3), 513–524. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513>
- Holly, L. E., Fenley, A. R., Kritikos, T. K., Merson, R. A., Abidin, R. R., Langer, D. A. (2019). Evidence-base update for parenting stress measures in clinical samples. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 48 (5), 685–705. <https://doi.org/10.1080/15374416.2019.1639515>
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2019). Norms of female behavior: traditional and modern models. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 3, 72–90. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.6> (In Russian)
- Kotsis, K., Boukouvala, M., Serdari, A., Koullourou, I., Siafaka, V., Hyphantis, T. (2023). Parental Stress Scale: Psychometric properties in parents of preschool children with developmental language disorder. *Healthcare*, 11 (9), 1332. <https://doi.org/10.3390/healthcare11091332>.
- Kuftyak, E. V. (2009). Evaluation of self-perception of parents: research issues and psychodiagnostics. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 1 (13), 209–212. (In Russian)
- Kumalasari, D., Gani, I. A. A., Fourianalisyawati, E. (2022). Adaptasi dan properti psikometri parental stress scale versi bahasa Indonesia. *Jurnal Psikologi Ulayat: Indonesian Journal of Indigenous Psychology*, 9 (2), 332–353. <https://doi.org/10.24854/jpu527>
- Lindström, T., Bergman, T. H., Annerstedt, M., Forster, M., Bölte, S., Hirvikoski, T. (2024). Psychometric properties of the Parental Stress Scale in Swedish parents of children with and without neurodevelopmental conditions. *Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology*, 12 (1), 10–22. <https://doi.org/10.2478/sjcapp-2024-0002>
- Louie, A. D., Cromer, L. D., Berry, J. O. (2017). Assessing parenting stress: Review of the use and interpretation of the Parental Stress Scale. *The Family Journal*, 25 (4), 359–367. <https://doi.org/10.1177/1066480717731347>
- Matuszczak-Świgoń, J., Bakiera, L. (2023). Psychometric properties of the Polish version of the Parental Stress Scale. *Roczniki Psychologiczne*, 26 (1), 23–46. <https://doi.org/10.18290/rpsych2023.0002>
- Misiyuk, Yu. V., Tikhonova, I. V. (2022). Russian version of the “Parenting Stress Scale”: Results of the initial assessment of internal reliability and validity. *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika*, 9 (101), 58–66. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.9.9> (In Russian)
- Montoro-Pérez, N., Oliver-Roig, A., Montejano-Lozoya, R., Richart-Martínez, M. (2024). Psychometric properties of parental stress scales used in paediatric health care settings: A systematic review. *Journal of Clinical Nursing*, 33 (3), 911–931. <https://doi.org/10.1111/jocn.16920>
- Nærde, A., Sommer Hukkelberg, S. (2020). An examination of validity and reliability of the Parental Stress Scale in a population based sample of Norwegian parents. *PLoS One*, 15 (12), 242–251. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242735>
- Nartova, N. A. (2016). Motherhood in modern Western sociological discussion. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 3 (80), 39–53. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.4> (In Russian)
- Nasledov, A. D. (2004). *Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data*. St. Petersburg, Rech' Publ. (In Russian)
- Nomaguchi, K., Milkie, M. A. (2017). Sociological perspectives on parenting stress: How social structure and culture shape parental strain and the well-being of parents and children. In: Deater-Deckard K.,

- Panneton R. (eds). *Parental Stress and Early Child Development: Adaptive and maladaptive outcomes* (pp. 47–73). Cham, Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-55376-4>
- Oronoz, B., Alonso-Arbiol, I., Balluerka, N.A. (2007). Spanish adaptation of the Parental Stress Scale. *Psicothema*, 19 (4), 687–692.
- Park, S. Yo., Kim, J. H., Jeong, M. Yo., Lee, Yu. S., Shin, J. E., Lee, Ye. J. (2021). Reliability and validity of the Korean version of the Parental Stress Scale for children with attention-deficit/hyperactivity disorder. *Psychiatry Investigation*, 18 (12), 1188–1197. <https://doi.org/10.30773/pi.2021.0116>
- Pontoppidan, M., Nielsen, T., Kristensen, I.H. (2018). Psychometric properties of the Danish Parental Stress Scale: Rasch analysis in a sample of mothers with infants. *PLoS One*, 13 (11), 1–20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205662>
- Sergeeva, A. S., Kirillov, B. A., Dzhumagulova, A. F. (2016). Translation and adaptation of short five factor personality questionnaire (TIPI-RU): convergent validity, internal consistency and test-retest reliability evaluation. *Experimental psychology*, 3 (9), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (In Russian)
- van der Knoop, M. M., Schmidt, L. J., Jansson, B. (2023). Translation and psychometric properties of the Dutch Parental Stress Scale. *Psychreg. Journal of Psychology*, 7 (2), 83–95.
- Zelman, J. J., Ferro, M. A. (2018). The Parental Stress Scale: Psychometric properties in families of children with chronic health conditions. *Family Relations*, 67 (2), 240–252. <https://doi.org/10.1111/fare.12306>

Received: February 11, 2025

Accepted: July 26, 2025

Authors' information:

Yulia V. Misiyuk — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0003-3257-1978>, misiyk@ysmu.ru,
Inna V. Tikhonova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-7756-0610>, inn.007@mail.ru

Шкала родительского стресса

БЛАНК

Инструкция: «Следующие утверждения описывают чувства и представления о родительском опыте. Подумайте о каждом из пунктов с точки зрения Ваших обычных отношений с ребенком (детьми). Укажите, насколько Вы согласны или не согласны со следующими пунктами, отметив степень согласия с утверждением в отведенном для этого поле».

№	Формулировка утверждения	Полностью не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Согласен	Полностью согласен
		1	2	3	4	5
1	Я счастлив в роли родителя*					
2	Для меня практически не существует того, что я бы не смог(ла) сделать для своего ребенка (детей) в случае необходимости*					
3	Забота о ребенке (детях) иногда требует больше времени и сил, чем я могу им дать					
4	Иногда я беспокоюсь, достаточно ли я делаю для своего ребенка (детей)					
5	Я ощущаю близость со своим ребенком (детьми)*					
6	Я наслаждаюсь временем, проведенным со своим ребенком (детьми)*					
7	Мой ребенок (дети) является(-ются) важным источником любви для меня*					
8	Рождение ребенка (детей) дает мне более уверенный и оптимистичный взгляд на будущее*					
9	Основной источник стресса в моей жизни — это мой ребенок (дети)					
10	Появление ребенка (детей) оставляет мало времени и свободы действий в моей жизни					

11	Наличие ребенка (детей) является финансовым бременем					
12	Мне сложно совмещать разные обязанности из-за моего ребенка (детей)					
13	Поведение моего ребенка (детей) часто меня смущает или вызывает стресс					
14	Если бы мне дали второй шанс, возможно, я бы решил(а) не иметь ребенка (детей)					
15	Я чувствую себя подавленным ответственностью быть родителем					
16	Рождение ребенка (детей) означает для меня отсутствие выбора и слишком мало контроля над моей жизнью					
17	Как родитель я удовлетворен*					
18	Дети — источник моей радости*					

Примечание: * Обратные вопросы.

Подсчет баллов:

Чтобы вычислить оценку выраженности родительского стресса, пункты 1, 2, 5–8, 17 и 18 должны быть оценены в обратном порядке следующим образом: (1 = 5) (2 = 4) (3 = 3) (4 = 2) (5 = 1). Затем баллы по пунктам суммируются, возможен подсчет показателей по шкалам (факторам) и общий показатель выраженности родительского стресса.

Определение показателей выраженности родительского стресса по двухфакторной модели

Фактор	Вопросы (№)	Нормы
Дефицит родительских ресурсов	1, 5*, 6*, 7*, 8*, 13, 17*, 18*	Менее 10 — низкий уровень; 10–15 — умеренный уровень; 16 и выше — высокий уровень
Родительские стрессоры	3, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16	Менее 13 — низкий уровень; 13–18 — умеренный уровень; 19 и выше — высокий уровень
Общий уровень родительского стресса	Сумма показателей по всем вопросам после инвертирования обратных вопросов	Менее 29 — низкий уровень; 29–38 — умеренный уровень; 39 и выше — высокий уровень

Определение показателей выраженности родительского стресса по четырехфакторной модели

Фактор	Вопросы (№)	Нормы
Родительский ущерб	1, 5*, 6*, 7*, 8*	Менее 6 — низкий уровень; 6–9 — умеренный уровень; 10 и выше — высокий уровень
Родительские стрессоры	3, 9, 10, 11, 12	Менее 9 — низкий уровень; 9–13 — умеренный уровень; 14 и выше — высокий уровень
Потеря контроля	14, 15, 16	Менее 3 — низкий уровень; 3–5 — умеренный уровень; 6 и выше — высокий уровень
Родительское недовольство	13, 17*, 18*	Менее 4 — низкий уровень; 4–6 — умеренный уровень; 7 и выше — высокий уровень
Общий уровень родительского стресса	Сумма показателей по всем вопросам после инвертирования обратных вопросов	Менее 29 — низкий уровень; 29–38 — умеренный уровень; 39 и выше — высокий уровень

Влияние ранних дезадаптивных схем на психологическую адаптацию пациентов с туберкулезом легких

О. С. Шелоумова^а, Г. В. Баранова, Н. В. Золотова

Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза,
Российская Федерация, 107564, Москва, Яузская аллея, 2

Для цитирования: Шелоумова О. С., Баранова Г. В., Золотова Н. В. Влияние ранних дезадаптивных схем на психологическую адаптацию пациентов с туберкулезом легких // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN R1ROIJ

Статья посвящена изучению влияния выраженности ранних дезадаптивных схем на психологическую адаптацию пациентов с туберкулезом легких. Актуальность исследования обусловлена важностью выявления личностных факторов неэффективного стресс-совладающего поведения для определения траектории психологического сопровождения. Представлен теоретико-методологический обзор литературы по данной проблематике. Приведены результаты эмпирического исследования, в которое были включены 122 пациента 18–58 лет (103 (84%) женщин и 19 (16%) мужчин) с туберкулезом легких, проходивших стационарное лечение в ФГБНУ «Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза». Были использованы следующие методики: Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-rRevised, SCL-90-R), опросник «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI), опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) и Опросник ранних дезадаптивных схем Дж. Янга YSQ-S3R (Young schema questionnaire). Клинико-психологическое обследование проводилось в первую неделю госпитализации. Показано, что успешность психологической адаптации пациентов зависела от наличия более низкой выраженности общего балла ранних дезадаптивных схем. Высокий уровень общего балла обуславливал значительную напряженность такого механизма психологической защиты, как регрессия, более редкое использование конструктивной копинг-стратегии «Планирование решения проблемы» и предпочтение следующих способов совладания: бегство-избегание, конфронтация и принятие ответственности. Выраженность ранних дезадаптивных схем влияла на наличие более высокого уровня обсессивно-компульсивных расстройств, межличностной сензитивности, депрессии, тревожности и других психопатологических симптомов. Результаты исследования указывают на целесообразность использования оценки выраженности ранних дезадаптивных схем при поступлении в стационар для раннего выявления пациентов, относящихся к группе риска по психологической дезадаптации, с целью определения траектории психологического сопровождения. Данные анализа выявленных схем могут быть использованы при оказании психокоррекционной и психотерапевтической помощи пациентам с туберкулезом легких на этапе стационарного лечения.

Ключевые слова: стресс, стратегии совладания, психологические защиты, психологическая адаптация, ранние дезадаптивные схемы, туберкулез легких, психологическое сопровождение.

^а Автор для корреспонденции.

Введение

Одной из центральных проблем клинической психологии является адаптация пациента к ситуации болезни и госпитализации, приобретающая особую актуальность в области фтизиатрии в связи с длительными сроками стационарного лечения туберкулеза легких (ТЛ), требующимися для обеспечения возможности комплексного лечения и соблюдения сложных схем химиотерапии. В качестве значимого аспекта психологической адаптации выделяют совладание со стрессом, или копинг. Р. Лазарус (R. Lazarus) и С. Фолкман (S. Folkman) дифференцируют активное копинг-поведение, представляющее собой осознанные стратегии совладания со стрессовыми ситуациями, и пассивное копинг-поведение, подразумевающее совладание с источником стресса с применением механизмов психологической защиты, направленных не на изменение стрессовой ситуации, а на снижение эмоционального напряжения (Lazarus, Folkman, 1984). М. Мичели (M. Miceli) и К. Кастельфранки (C. Castelfranchi), разграничивая стратегии совладания и психологические защиты, акцентируют внимание на таком критерии, как искажение/пересмотр ментальных установок, связанных со стрессовой ситуацией (Miceli, Castelfranchi, 2001). В отношении совладания со стрессом болезни данные многочисленных исследований указывают на взаимосвязь предпочтения пациентами активного копинга с эффективностью адаптации, в частности отмечается, что использование активных стратегий совладания связано с более низким уровнем тревоги и депрессии и меньшим снижением качества жизни у пациентов с хронической обструктивной болезнью легких (McCathie et al., 2002). Наряду с этим продемонстрировано влияние более активного совладающего поведения на достижение таких целей лечения, как улучшение качества жизни и поддержание оптимального уровня глюкозы, у пациентов с сахарным диабетом (Rose et al., 2002).

Выбор стратегий совладания со стрессом опосредован процессом его оценки, зависящим от специфических когнитивных тенденций, определяющих особенности восприятия и интерпретации стрессовой ситуации (Вассерман и др., 2010). Изучение данной проблематики осуществляется преимущественно в рамках различных школ когнитивно-поведенческого направления. Так А. Бек, связывая негативные переживания и трудности в разрешении проблемных ситуаций с «ошибками» или «искажениями» в интерпретации событий, в качестве базовых когнитивных структур выделял когнитивные схемы, организующие опыт и поведение (Вассерман и др., 2010). Согласно Беку, обработка информации основана на базисных убеждениях, внедренных в схемы (Падун, Котельникова, 2012). Отмечается, что когнитивные схемы, определяя картину мира личности, оказывают значительное влияние на оценку стрессовой ситуации, выбор стратегий совладания и оценку их эффективности, то есть на процесс психической адаптации к стрессу в целом (Вассерман и др., 2010).

Дальнейшая разработка концепции схем осуществлялась Дж. Янгом (J. Young) с коллегами в рамках такого метода психотерапии, как схема-терапия (Янг и др., 2020). Были выделены 18 так называемых ранних дезадаптивных схем (РДС), сгруппированных в пять категорий (доменов), соответствующих определенным неудовлетворенным потребностям развития (Васильева, 2023). РДС представляют собой широкие всеобъемлющие паттерны, состоящие из воспоминаний, эмоций, когний и телесных ощущений, затрагивающие отношения с самим собой и с дру-

гими людьми, сформированные в детстве вследствие нарушения удовлетворения эмоциональных потребностей и/или психотравмирующего опыта, и оказывающие непосредственное влияние на восприятие и осмысление дальнейших жизненных событий и обстоятельств (Янг и др., 2020). Выступая в детстве в качестве адаптации к такому негативному опыту, как семейные ссоры, отвержение, враждебность или агрессия со стороны родителей и других лиц, участвующих в воспитании ребенка, недостаток любви и тепла, родительской заботы и поддержки, РДС значительно влияют на нормативное прохождение стадий развития, приводя в дальнейшем к эмоциональной дисрегуляции (Фресвейк и др., 2022).

В ситуациях, имеющих какое-либо сходство с аспектами предыдущих негативных переживаний, способствовавших формированию РДС, происходит их активация с возникновением таких сильных негативных эмоций, как горе, стыд, страх или ярость (Фресвейк и др., 2022; Янг и др., 2020). Для адаптации к РДС с целью уменьшения интенсивности подавляющих эмоций, связанных с их активацией, с раннего возраста вырабатываются дезадаптивные копинговые стратегии и реакции. Несмотря на то что копинговые стратегии могут помогать снижать негативные эмоции, связанные с РДС, они не способствуют изменению схем, внося вклад в процесс их сохранения (Янг и др., 2020).

Результаты исследований демонстрируют негативное влияние РДС на процесс психической адаптации к стрессу, способность к саморегуляции и психологическое благополучие. Отмечается наличие обратной корреляционной связи РДС с рядом показателей социально-психологической адаптации, в частности с принятием себя и адаптированностью (Богданов и др., 2019). Установлена прогностическая роль РДС в выявлении онкологических пациентов, требующих более интенсивного психотерапевтического лечения вследствие наличия выраженных психопатологических симптомов (de Vlaming et al., 2023). Продемонстрирована прямая корреляционная связь посттравматического роста у пациенток с раком молочной железы с удовлетворением базовых психологических потребностей и эмоциональной регуляцией, и обратная — с выраженностью РДС (Karimzadeh et al., 2021). Данные мета-анализа, в который были включены 19 исследований с общей численностью участников $n = 6086$, продемонстрировали положительную корреляцию всех 18 РДС с трудностями регулирования эмоций и 16 РДС — с алекситимией (Pilkington et al., 2023). Выявлена опосредующая роль трудностей с регулированием эмоций во взаимосвязи между РДС и осложненным горем (Kaaya-Demir, Çirakoglu, 2021). Наряду с этим определена положительная корреляционная связь РДС с трудностями в обработке эмоций, приводящими к возникновению дисфункциональных эмоциональных состояний (Faustino, Vasco, 2020). Отмечается наличие положительной корреляции РДС с непродуктивными копинг-стратегиями у женщин, подвергшихся домашнему насилию (Абросимов, Марцинкевич, 2024). Показана взаимосвязь между РДС и расстройствами пищевого поведения, опосредованная нарушением способности к регуляции эмоций (Gerges et al., 2022). При изучении факторов неадаптивного совладания с РДС в качестве одного из предикторов выявлен низкий уровень эмоционального интеллекта (Ke, Barlas, 2020).

Научные данные, указывающие на важность оценки РДС для прогнозирования психологической дезадаптации, обуславливают целесообразность использования данного подхода в сфере здравоохранения, в том числе во фтизиатрии, с целью сво-

временного определения траектории психологического сопровождения пациентов. В настоящее время имеются данные о связи ряда РДС с выраженностью психопатологической симптоматики у пациентов с ТЛ. Отмечается, что пациенты с неблагоприятным психопатологическим статусом чаще используют такие стратегии совладания со стрессом, как бегство-избегание и конфронтация (Стрельцов и др., 2022). Однако недостаточно изученной остается проблема взаимосвязи выраженности РДС со спецификой стресс-совладающего поведения у данной категории пациентов.

Целью настоящего исследования стало изучение влияния выраженности РДС на психологическую адаптацию пациентов с ТЛ. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что высокая выраженность РДС у пациентов будет оказывать негативное влияние на психологическую адаптацию.

Метод

Выборка. В исследование, проводившееся с января 2022 по февраль 2023 г., были включены 122 пациента 18–58 лет ($M = 33,68$; $SD = 10,27$) с ТЛ, проходивших стационарное лечение в ФГБНУ «Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза». Из них 103 (84 %) женщин и 19 (16 %) мужчин. В выборке отсутствовали пациенты, относящиеся к социально дезадаптированным группам населения. Все пациенты давали письменное согласие в рамках сотрудничества с учреждением. Участие для всех респондентов было добровольным. Исследование получило одобрение локального этического комитета ФГБНУ «ЦНИИТ». Клинико-психологическое обследование проводилось в первую неделю госпитализации.

Поскольку в выборку вошло небольшое количество пациентов мужского пола, было принято решение о контроле данной переменной. Были сопоставлены данные, полученные на всей выборке и на ее части (только женской выборке). Сопоставление полученных данных с помощью критерия U Манна — Уитни не выявило статистически значимых различий ни по одной из исследуемых переменных. Ввиду достаточно большого возрастного диапазона выборки был проведен также анализ взаимосвязи переменной «Возраст» с исследуемыми параметрами с помощью коэффициента r Спирмена. Статистически значимых связей выявлено не было.

Основные клинические характеристики. В табл. 1 приведено распределение частот встречаемости основных диагнозов. Наиболее частым диагнозом был инфильтративный туберкулез (39,3 %) и туберкулема (20,5 %).

Для контроля влияния переменной «Диагноз» на показатели психологической адаптации пациентов с ТЛ был проведен анализ с помощью H -критерия Краскала — Уоллиса. Значимых различий между подгруппами пациентов с разным диагнозом выявлено не было.

Методики

Для оценки актуального психопатологического статуса пациентов использовался Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-rRevised, SCL-90-R) в русскоязычной адаптации (Тарабрина и др., 2007).

Таблица 1. Результаты частотного анализа основных диагнозов пациентов

Основной диагноз	<i>n</i>	%
Инфильтративный туберкулез	48	39,3
Кавернозный туберкулез	7	5,7
Фиброзно-кавернозный туберкулез	9	7,4
Очаговый туберкулез	13	10,7
Диссеминированный туберкулез	9	7,4
Туберкулез внутригрудных лимфатических узлов	1	0,8
Туберкулема	25	20,5
Казеозная пневмония	2	1,6
Цирротический туберкулез	8	6,6

Методика направлена на диагностику следующих симптомов: соматизации, обсессивно-компульсивных расстройств, межличностной сензитивности, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльных симптомов и психотизма. Наряду с этим вычислялись обобщенные индексы дистресса: общий индекс тяжести (GSI) и индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI).

Диагностика преобладающих типов психологических защит осуществлялась с помощью опросника «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI) Г. Келлермана (G. Kellerman) и Р. Плутчика (R. Plutchik) в адаптации Л. И. Вассермана (Вассерман и др., 2005).

Для оценки способов совладания со стрессом использовался опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ), разработанный С. Фолкманом и Р. Лазарусом в адаптации Л. И. Вассермана и соавторов (Вассерман и др., 2009).

Диагностика ранних дезадаптивных схем осуществлялась с помощью Опросника ранних дезадаптивных схем Дж. Янга YSQ-S3R (Young schema questionnaire) в адаптации П. М. Касьяника и Е. В. Романовой (Касьяник, Романова, 2016). Оценивалась выраженность как отдельных РДС, так и общего балла всех РДС (РДСобщ).

Статистическая обработка проводилась с помощью пакета SPSS 23.0. Различия считались достоверными при $p < 0,05$. Анализ клинико-психологических характеристик пациентов проводился с помощью методов описательной статистики. Сравнение клинических показателей с нормативными значениями осуществлялось с помощью *t*-критерия Стьюдента. Для оценки влияния разной выраженности РДС на психологическую адаптацию применялся однофакторный дисперсионный анализ ANOVA с апостериорным критерием Тамхейна. Выборка предварительно была разделена на группы по общему баллу РДС: группа 1 ($n = 40$) — низкая выраженность РДС (≥ 196 баллов), группа 2 ($n = 41$) — средняя выраженность РДС (197–231 балл), группа 3 ($n = 41$) — высокая выраженность РДС (≥ 232 баллов). Группы были сопоставимы по половозрастным характеристикам.

Результаты

В табл. 2 можно увидеть, что в первую неделю госпитализации в психоэмоциональном статусе пациентов выявлялся значимо превышающий нормативные значения уровень соматизации ($t=4,547, p<0,0001$), обсессивно-компульсивных расстройств ($t=2,656, p<0,01$), депрессии ($t=4,189, p<0,0001$) и тревожности ($t=4,004, p<0,0001$). Общий индекс тяжести (GSI) и индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI) также были значимо выше нормы ($t=2,306, p<0,05$ и $t=3,536, p<0,001$ соответственно).

Таблица 2. Характеристики психопатологического статуса пациентов в сравнении с нормативными показателями

Показатель ¹	Пациенты с ТЛ		Нормативные значения ²		<i>t</i> -критерий	Значимость
	М	SD	М	SD		
Соматизация	0,8367	0,6965	0,55	0,46	4,547	0,0001
Обсессивно-компульсивные расстройства	0,9574	0,7375	0,78	0,54	2,656	0,0090
Межличностная сензитивность	0,8339	0,7662	0,95	0,65	-1,674	0,9700
Депрессия	0,9859	0,7011	0,72	0,55	4,189	0,0001
Тревожность	0,8344	0,7018	0,58	0,53	4,004	0,0001
Враждебность	0,4818	0,5130	0,74	0,65	-5,559	0,0001
Фобическая тревожность	0,3866	0,4848	0,32	0,37	1,516	0,1320
Паранойальные симптомы	0,5793	0,6146	0,73	0,59	-2,709	0,008
Психотизм	0,4770	0,5032	0,44	0,45	0,813	0,4180
Дополнительные вопросы	0,7949	0,6738	0,54	0,49	4,179	0,0001
Общий индекс тяжести (GSI)	0,7533	0,5425	0,64	0,43	2,306	0,023
Индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI)	1,5981	0,4626	1,45	0,39	3,536	0,001

Примечания: ¹ По SCL-90-R. ² По данным исследования Н. В. Тарабриной с соавторами (Тарабрина и др., 2007); полужирным шрифтом выделены значимые различия.

Изучение психологических защит пациентов выявило высокую напряженность большинства защитных механизмов. Так, показатели регрессии ($t=7,359, p<0,0001$), отрицания ($t=7,599, p<0,0001$), вытеснения ($t=2,902, p<0,004$), компенсации ($t=5,062, p<0,0001$), реактивных образований ($t=4,040, p<0,0001$) значительно превышали нормативные значения (табл. 3). Анализ доминирующих типов психологических защит показал, что наиболее выраженными являются регрессия ($M=7,0241, SD=3,4882$) и отрицание ($M=6,5192, SD=2,9349$). Обращает на себя внимание значимо более низкий по сравнению с нормативным уровень такого типа психологической защиты, как проекция ($t=-9,668, p<0,0001$).

Таблица 3. Показатели напряженности психологических защит пациентов

Показатель ¹	Пациенты с ТЛ		Нормативные значения ²		t-критерий	Значимость
	М	SD	М	SD		
Регрессия	7,0241	3,4882	4,7	2,96	7,359	0,0001
Отрицание	6,5192	2,9349	4,5	2,96	7,599	0,0001
Интеллектуализация	5,8269	2,5802	5,9	2,6	-0,313	0,755
Проекция	5,3556	3,2496	8,2	3,55	-9,668	0,0001
Вытеснение	4,5570	2,1201	4,0	2,97	2,902	0,004
Замещение	4,3316	2,9804	3,8	2,96	1,970	0,051
Компенсация	4,1557	2,3035	3,1	2,13	5,062	0,0001
Реактивные образования	4,0410	2,5726	3,1	2,13	4,040	0,0001

Примечания: ¹ По опроснику «Индекс жизненного стиля — LSI». ² Приведены данные по результатам апробации методики (Вассерман и др., 2005); полужирным шрифтом выделены значимые различия.

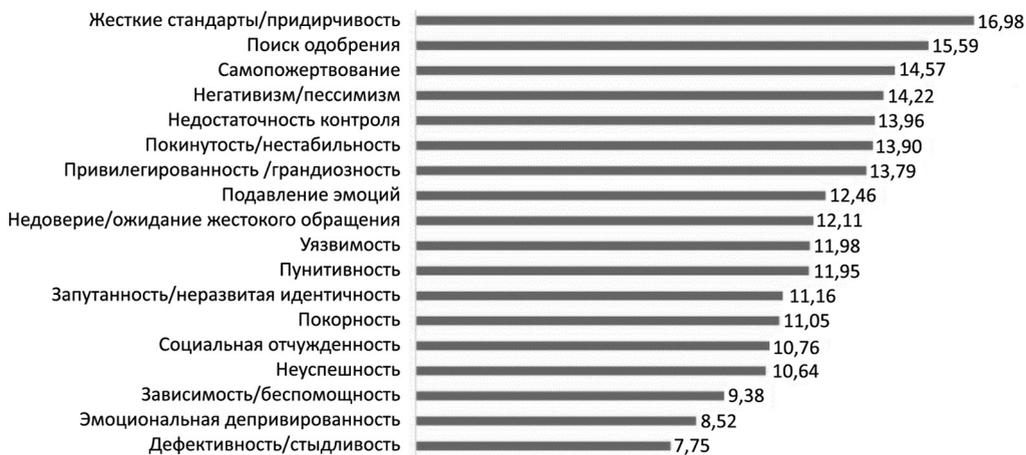

Рис. 1. Выраженность ранних дезадаптивных схем пациентов (в баллах)

Примечание: По YSQ-S3R.

Наиболее выраженными РДС были жесткие стандарты / придирчивость ($M = 16,98$, $SD = 4,79$), поиск одобрения ($M = 15,59$, $SD = 5,87$), самопожертвование ($M = 14,57$, $SD = 4,83$) (рис. 1).

Преобладающими формами совладающего со стрессом поведения были бегство-избегание ($M = 53,48$, $SD = 10,89$) и дистанцирование ($M = 51,35$, $SD = 10,51$), однако их выраженность не выходила за пределы диапазона, соответствующего умеренному использованию копинг-стратегий (40–60 баллов).

По результатам дисперсионного анализа выраженность РДС влияла на напряженность таких психологических защит, как вытеснение, регрессия, замещение, проекция и компенсация ($F = 3,469$, $p = 0,034$; $F = 21,706$, $p < 0,0001$; $F = 11,913$, $p < 0,0001$; $F = 19,527$, $p = 0,0001$ и $F = 14,872$, $p = 0,0001$ соответственно). Предпочтение

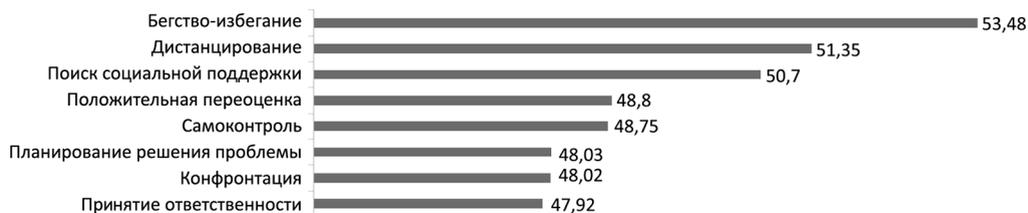

Рис. 2. Показатели предпочтительности стратегий стресс-преодолевающего поведения пациентов (в баллах)

Примечание: По WCQ

пациентами следующих стратегий стресс-преодолевающего поведения также зависело от выраженности РДС: конфронтации ($F = 7,668, p = 0,001$), принятия ответственности ($F = 4,251, p = 0,016$), бегства-избегания ($F = 19,238, p < 0,0001$) и планирования решения проблемы ($F = 8,343, p < 0,0001$). Наряду с этим большой уровень РДС являлся фактором психологической дезадаптации, влияя на выраженность обсессивно-компульсивных расстройств ($F = 16,108, p < 0,0001$), межличностной сензитивности ($F = 23,683, p < 0,0001$), депрессии ($F = 11,453, p < 0,0001$), тревожности ($F = 8,362, p < 0,0001$), враждебности ($F = 7,492, p = 0,001$), фобической тревожности ($F = 9,493, p < 0,0001$), паранойяльных симптомов ($F = 22,060, p < 0,0001$), психотизма ($F = 16,156, p < 0,0001$), общего индекса тяжести (GSI) ($F = 17,818, p < 0,0001$) и индекса наличного симптоматического дистресса (PSDI) ($F = 8,617, p < 0,0001$).

Критерий множественных сравнений Тамхейна (T_2) показал наличие значимых различий между группами с разным уровнем РДС по большинству показателей, однако наиболее выраженные различия наблюдались между группами 1 и 3 (табл. 4).

Обсуждение результатов

По результатам исследования значительное число показателей психоэмоционального статуса пациентов превышали нормативные значения, что может свидетельствовать о психологической дезадаптации. Наряду с этим отмечалась повышенная по сравнению с нормативным уровнем напряженность большинства механизмов психологической защиты. Полученные данные о влиянии выраженности РДС на рост показателей обсессивно-компульсивных расстройств, межличностной сензитивности, депрессии, тревожности и других психопатологических симптомов согласуются с результатами исследования Я. де Фламинга (I. de Vlaming) и соавт., демонстрирующими зависимость интенсивности психотерапевтической помощи, оказанной пациентам с онкологическими заболеваниями, от повышения общего балла РДС, сопряженного с большей тяжестью психопатологических расстройств (de Vlaming et al., 2023).

Представляют интерес данные о высоком уровне РДС «Жесткие стандарты / Придирчивость», «Поиск одобрения» и «Самопожертвование» у пациентов с ТЛ. Указанные РДС являются условными, то есть вторичными, развивающимися для снижения влияния более ранних безусловных схем, представляющих собой отражение опыта взаимодействия ребенка со значимыми взрослыми (Янг и др., 2020). В большинстве случаев активация условных РДС происходит несколько раньше,

Таблица 4. Результаты парных сравнений выраженности психологических защит, копинг-стратегий и психопатологических симптомов между группами 1 и 3 с помощью критерия Тамхейна (T2)

Показатель	Средняя разность (группа 1 — группа 3)	Стандартная ошибка	Значимость	95%-ный доверительный интервал	
				нижняя граница	верхняя граница
Психологические защиты ¹					
Вытеснение	-9,53293	3,80809	0,043	-18,8445	-0,2213
Регрессия	-31,30976	4,84838	0,0001	-43,1660	-19,4535
Замещение	-22,87927	4,47032	0,0001	-33,7847	-11,9738
Проекция	-30,31037	4,99857	0,0001	-42,5062	-18,1146
Компенсация	-25,14024	4,64156	0,0001	-36,4629	-13,8176
Стратегии стресс-преодолевающего поведения ²					
Конфронтация	-7,16524	1,79686	0,0001	-11,5492	-2,7812
Принятие ответственности	-6,24634	1,88412	0,004	-10,8429	-1,6498
Бегство-избегание	-12,99268	1,98127	0,0001	-17,8261	-8,1593
Планирование решения проблемы	7,37378	1,95847	0,001	2,5957	12,1519
Психопатологические симптомы ³					
Обсессивно-компульсивные расстройства	-0,77933	0,16037	0,0001	-1,1705	-0,3881
Межличностная сензитивность	-0,95751	0,15419	0,0001	-1,3348	-0,5802
Депрессия	-0,65725	0,15581	0,0001	-1,0373	-0,2772
Тревожность	-0,55811	0,15997	0,002	-0,9484	-0,1679
Враждебность	-0,39304	0,11769	0,004	-0,6808	-0,1053
Фобическая тревожность	-0,38830	0,10890	0,002	-0,6540	-0,1226
Паранойальные симптомы	-0,73200	0,12289	0,0001	-1,0333	-0,4307
Психотизм	-0,54012	0,10769	0,0001	-0,8035	-0,2768
Общий индекс тяжести (GSI)	-0,60299	0,11870	0,0001	-0,8926	-0,3134
Индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI)	-0,39435	0,10098	0,001	-0,6408	-0,1479

Примечания: Показаны только значимые различия. ¹ По LSI. ² По WCQ; ³ По SCL-90-R.

чем базовых, безусловных, превосходя их. Так, например, активация РДС «Жесткие стандарты / Придирчивость», приводящая в том числе к сверхкритичности к себе, стремлению соответствовать нереалистично завышенным моральным, культурным и др. стандартам, может являться стратегией совладания с РДС «Дефективность/Стыдливость», для которой характерно ощущение себя неполноценным, неправильным в важных аспектах, недостойным любви. В данном случае у человека будет присутствовать убежденность, что в случае соответствия завышенным стандартам он сможет заслужить любовь и принятие окружающих (Янг и др., 2020). Вторичная схема «Самопожертвование», при которой потребности других людей удовлетворяются в ущерб собственным интересам, может формироваться в качестве стратегии совладания с базовой РДС «Эмоциональная депривированность», развивающейся в результате дефицита внимания, принятия и поддержки со стороны значимых взрослых. Аналогичным образом происходит формирование и других условных схем. Высокий уровень вторичных РДС у пациентов с ТЛ способствует активации механизмов психологической защиты, препятствующих осознанию различных аспектов неблагоприятного детского опыта. Данный процесс может обуславливать низкую выраженность в исследованной выборке таких базовых схем, как эмоциональная депривированность, дефективность/стыдливость, зависимость/беспомощность, неуспешность, социальная отчужденность и др.

Выявленное негативное влияние выраженности РДС на психологическую адаптацию пациентов согласуется с данными предыдущих исследований (Абросимов, Марцинкевич, 2024; Богданов и др., 2019; de Vlaming et al., 2023). Высокий уровень РДС являлся фактором большей напряженности такого механизма психологической защиты, как регрессия, характеризующейся переходом к упрощенным, стереотипным, характерным для более ранних возрастных этапов, стратегиям совладания со стрессом, снижающих адаптационный потенциал личности. Наряду с этим значительная выраженность РДС приводила к более редкому использованию конструктивной копинг-стратегии «Планирование решения проблемы», предполагающей целенаправленное и планомерное разрешение проблемной ситуации, и предпочтению таких способов совладания, как бегство-избегание, конфронтация и принятие ответственности. Данные стратегии частично согласуются с описанными в рамках схема-терапии дезадаптивными копинговыми реакциями (избеганием, гиперкомпенсацией, капитуляцией), выработанными в раннем возрасте для адаптации к РДС с целью снижения выраженности негативных эмоций, вызванных активацией схем

Стратегия «Бегство-избегание», как и дезадаптивная копинговая реакция «Избегание», заключается в попытках минимизации негативных эмоций путем уклонения от проблемы, избегания связанных с ней ситуаций. Общей характеристикой стратегии совладания «Конфронтация» и дезадаптивной реакции «Гиперкомпенсация» является высокий уровень активности личности в попытках преодоления стрессовой ситуации. В случае конфронтации поведенческая активность направлена на изменение конфликтной ситуации или отреагирование негативных эмоций, связанных с возникшими трудностями. Выраженное предпочтение данной стратегии может приводить к импульсивности в поведении, враждебности, трудностям планирования действий, прогнозирования их результата, коррекции стратегии поведения, неоправданному упорству (Вассерман и др., 2010). Гиперкомпенсация

предполагает активные действия, противоположные содержанию конкретной РДС, нередко сопровождающиеся самоуверенным, агрессивным или независимым поведением (Фресвейк и др., 2022).

Характеристикой, объединяющей стратегию совладания «Принятие ответственности» и дезадаптивную копинговую реакцию «Капитуляция», является восприятие себя в качестве причины различных проблем и неприятностей. «Принятие ответственности» предполагает признание субъектом своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, нередко сопряженной с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения (Вассерман и др., 2010). Капитуляция включает восприятие содержания конкретной РДС как истинного с воспроизведением поведенческих паттернов, выработанных для адаптации к схеме (Янг и др., 2020). Так, например, при реагировании по типу капитуляции на РДС «Дефективность/Стыдливость» у человека будет присутствовать ощущение себя неполноценным, плохим, недостойным любви, а в качестве поведенческой стратегии будет использоваться выбор критически настроенных, неспособных к принятию партнеров по общению, самообвинение и самокритика (Янг и др., 2020). Основным аспектом, указывающим на содержательную схожесть стратегий совладания, выраженность которых зависела от уровня РДС, и дезадаптивных копинговых реакций, концептуализированных в рамках схема-терапии, является их дезадаптивный характер. В теоретической модели РДС, предложенной Дж. Янгом, Дж. Клоско (J. Klosko) и М. Вайсхаар (M. Weishaar), данный аспект объясняется ригидностью дезадаптивных копинговых реакций, являвшихся адаптивными в детстве, но утративших релевантность в более старшем возрасте (Фресвейк и др., 2022; Янг и др., 2020). В рамках настоящего исследования на дезадаптивный характер стратегий совладания, предпочтение которых зависело от выраженности РДС, указывает большее высокий уровень психопатологических симптомов в группе с высоким уровнем общего балла РДС. Однако в связи с тем, что имеющиеся в настоящее время научные данные о взаимовлиянии РДС и механизмов совладающего поведения у больных ТЛ немногочисленны, требуется дополнение и уточнение полученных данных.

В клинической практике оценка выраженности РДС при поступлении в стационар может иметь прогностическое значение для раннего выявления пациентов, относящихся к группе риска по психологической дезадаптации, с целью определения траектории психологического сопровождения. Данные анализа выявленных РДС могут быть использованы при оказании психокоррекционной и психотерапевтической помощи пациентам с ТЛ на этапе стационарного лечения.

Выводы

1. Проведенное исследование показало, что выраженность РДС являлась фактором психологической дезадаптации, влияя на уровень большинства показателей Опросника выраженности психопатологической симптоматики: обсессивно-компульсивных расстройств, межличностной сензитивности, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльных симптомов, психотизма, общего индекса тяжести и индекса наличного симптоматического дистресса.

2. Пациенты с высоким уровнем общего балла РДС предпочитали менее эффективные копинг-стратегии и механизмы психологической защиты. В частно-

сти, в указанной группе наблюдалась большая напряженность такого механизма психологической защиты, как регрессия, реже использовалась конструктивная копинг-стратегия «Планирование решения проблемы», предпочтение отдавалось следующим способам совладания: бегство-избегание, конфронтация и принятие ответственности. Закономерность выявленных взаимосвязей обусловлена, с одной стороны, влиянием РДС на адекватность восприятия, интерпретации и оценивания различных параметров стрессовой ситуации, с другой стороны — ригидностью сформированных под влиянием схем стратегий совладания со стрессом, несоответствию их актуальной проблемной ситуации.

3. Зависимость напряженности большинства механизмов психологической защиты от выраженности РДС обусловлена необходимостью преодолевать несоответствие между неосознаваемыми компонентами РДС (базовыми представлениями, установками, системой мировосприятия и самовосприятия) и новой информацией (Вассерман и др., 2010). Данное несоответствие вызывает негативные эмоции, для снижения которых используются определенные когнитивные преобразования, составляющие суть механизмов психологической защиты. Этот процесс способствует сохранению РДС, не давая возможности человеку пересмотреть дисфункциональные убеждения и установки.

4. Полученные результаты указывают на целесообразность включения схематерапевтического подхода в практику психологического сопровождения пациентов фтизиатрического профиля для коррекции устойчивых дезадаптивных паттернов восприятия и реагирования, являющихся причиной возникновения различных психопатологических симптомов.

Ограничения

Результаты настоящего исследования следует рассматривать в свете ряда ограничений, основными из которых являются небольшой объем и широкий возрастной диапазон исследованной выборки. Преодолением данных ограничений является дальнейшее изучение специфики стресс-совладающего поведения и психологической адаптации в зависимости от выраженности РДС в группах пациентов с туберкулезом разного возраста, а также увеличение объема выборок. Представляется целесообразным и рассмотрение работы психологических защит в группах пациентов разного пола, а также сужение исследования по клиническим группам. Наряду с этим перспективой данного исследования является разработка программ психологического сопровождения пациентов с разной выраженностью РДС и оценка их эффективности.

Литература

- Абросимов И. Н., Марцинкевич Е. С. Особенности восприятия родительского отношения и ранних дезадаптивных схем у женщин, имеющих опыт домашнего насилия // *Cifra. Психология*. 2024. Т. 3, № 4. С. 1–10. <https://doi.org/10.60797/PSY.2024.4.1>
- Богданов Е. Н., Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В., Заварзина А. А. Социально-психологическая адаптация взрослых в связи с ранними дезадаптивными схемами // *Прикладная юридическая психология*. 2019. № 1 (46). С. 31–39. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1\(46\).031-039](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1(46).031-039)

- Васильева А. В. Психотерапия: национальное руководство. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2023. <https://doi.org/10.33029/9704-7567-6-PSY-2023-1-992>
- Вассерман Л. И., Абабков В. А., Трифонова Е. А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: учебно-методическое пособие. СПб.: Речь, 2010.
- Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б., Петрова Н. Н., Беспалько И. Г., Беребин М. А., Савельева М. И., Таукенова Л. М., Штрахова А. В., Аристова Т. А., Осадчий И. М. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: пособие для психологов и врачей. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2005.
- Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Исаева Е. Р., Трифонова Е. А., Щелкова О. Ю., Новожилова М. Ю., Вукс А. Я. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессом и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009.
- Касьяник П. М., Романова Е. В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/i17-183>
- Падун М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
- Стрельцов В. В., Харитоновна Н. Ю., Баранова Г. В. Психопатологический статус болеющих туберкулезом органов дыхания в связи с ранними дезадаптивными схемами // Вестник Центрального научно-исследовательского института туберкулеза. 2022. № 3. С. 44–53. <https://doi.org/10.57014/2587-6678-2022-3-44-53>
- Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макачук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина Е. И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-центр, 2007.
- Фресвейк М., Броерсен Дж., Надорт М. Руководство по схематерапии: теория, исследования и практика. М.: Научный мир, 2022.
- Янг Дж., Клоско Дж., Вайсхаар М. Схема-терапия: практическое руководство / пер. с англ. СПб.: Диалектика, 2020.
- de Vlaming I. H., Schellekens M. P. J., van der Lee M. L. Intensity of mental health treatment of cancer-related psychopathology: the predictive role of Early Maladaptive Schemas // Support Care Cancer. 2023. Vol. 31, no. 6. P. 325. <https://doi.org/10.1007/s00520-023-07764-w>
- Faustino B., Vasco A. B. Relationships between emotional processing difficulties and early maladaptive schemas on the regulation of psychological needs // Clin. Psychol. Psychother. 2020. Vol. 27. P. 804–813. <https://doi.org/10.1002/cpp.2464>
- Gerges S., Hallit S., Malaeb D., Obeid S. Maladaptive cognitive schemas as predictors of disordered eating: Examining the indirect pathway through emotion regulation difficulties // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, no. 18. P. 11620. <https://doi.org/10.3390/ijerph191811620>
- Karimzadeh Ya., Rahimi M., Goodarzi M. A., Tahmasebi S., Talei A. Posttraumatic growth in women with breast cancer: Emotional regulation mediates satisfaction with basic needs and maladaptive schemas // European Journal of Psychotraumatology. 2021. Vol. 12, no. 1. P. 1943871. <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1943871>
- Kaya-Demir D., Çırakoglu O. C. The role of sense of coherence and emotion regulation difficulties in the relationship between early maladaptive schemas and grief // Death Studies. 2021. Vol. 46, iss. 6. P. 1–9. <https://doi.org/10.1080/07481187.2021.1936295>
- Ke T., Barlas J. Thinking about feeling: Using trait emotional intelligence in understanding the associations between early maladaptive schemas and coping styles // Psychol. Psychother. Theory Res. Pract. 2020. Vol. 93. P. 1–20. <https://doi.org/10.1111/papt.12202>
- Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer, 1984.
- McCarthy H. C., Spence S. H., Tate R. L. Adjustment to chronic obstructive pulmonary disease: The importance of psychological factors // Eur. Respir. J. 2002. Vol. 19, no. 1. P. 47–53. <https://doi.org/10.1183/09031936.02.00240702>
- Miceli M., Castelfranchi C. Further distinction between coping and defensive mechanisms // Journal of Personality. 2001. Vol. 69, no. 2. P. 287–296. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.00146>

- Pilkington P.D., Karantzas G. C., Faustino B., Pizarro-Campagna E.* Early maladaptive schemas, emotion regulation difficulties and alexithymia: A systematic review and meta-analysis // *Clin. Psychol. Psychother.* 2023. Sep. 21. <https://doi.org/10.1002/cpp.2914>
- Rose M., Fliege H., Hildebrandt M., Schirop T., Klapp B. F.* The network of psychological variables in patients with diabetes and their importance for quality of life and metabolic control // *Diabetes Care.* 2002. Vol. 25, no. 1. P. 35–42. <https://doi.org/10.2337/diacare.25.1.35>

Статья поступила в редакцию 13.12.2024 г.;
рекомендована к печати 26.06.2025 г.

Контактная информация:

Шелумова Оксана Сергеевна — <https://orcid.org/0000-0003-2323-2253>,
oksanasheloumova@yandex.ru

Баранова Галина Викторовна — канд. психол. наук.; <https://orcid.org/0000-0002-0480-5231>,
g_a_l_i_n_a_62@mail.ru

Золотова Наталья Владимировна — канд. психол. наук.; <https://orcid.org/0000-0003-0048-4394>,
zolotova_n@mail.ru

The effect of early maladaptive schemes on stress management and psychological adaptation in patients with pulmonary tuberculosis

O. S. Sheloumova, G. V. Baranova, N. V. Zolotova

Central Tuberculosis Research Institute,
2, Yauzskaya alleya, Moscow, 107564, Russian Federation

For citation: Sheloumova O.S., Baranova G.V., Zolotova N.V. The effect of early maladaptive schemes on stress management and psychological adaptation in patients with pulmonary tuberculosis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN RIROIJ (In Russian)

The article is devoted to the study of the influence of the severity of early maladaptive schemes on psychological adaptation in patients with pulmonary tuberculosis. The relevance of the study is due to the importance of identifying personal factors of ineffective stress-coping behavior to determine the trajectory of psychological support. The results of the study are presented, which included 122 patients aged 18–58 (103 (84%) women and 19 (16%) men) with pulmonary tuberculosis undergoing inpatient treatment. The following methods were used: the Symptom Check List-90-rRevised, the Questionnaire “Life Style Index”, the Questionnaire “Ways of Coping Behavior” and the Young schema questionnaire. Psychological adaptation of patients depended on the presence of a lower severity of the overall early maladaptive schemes score. The high level of the overall EMS score caused significant tension in the mechanism of psychological defense “regression”, the more rare use of the constructive coping strategy “problem solving planning” and the preference for the following coping methods: escape-avoidance, confrontation and taking responsibility. The severity of early maladaptive schemes influenced the presence of a higher level of obsessive-compulsive disorders, interpersonal sensitivity, depression, anxiety and other psychopathological symptoms. The results of the study indicate the expediency of using an assessment of the severity of early maladaptive schemes upon admission to the hospital for early detection of patients at risk for psychological maladjustment to determine the trajectory of psychological support. The data of the analysis of the identified early maladaptive schemes can be used in providing psychotherapeutic care to patients with pulmonary tuberculosis.

Keywords: stress, coping strategies, psychological defenses, psychological adaptation, early maladaptive schemes, pulmonary tuberculosis, psychological support.

References

- Abrosimov, I. N., Martsinkevich, E. S. (2024). Specifics of perception of parental attitudes and early maladaptive schemes in women with experience of domestic violence. *Tsifra. Psikhologiya*, 3 (4), 1–10. <https://doi.org/10.60797/PSY.2024.4.1> (In Russian)
- Bogdanov, E. N., Galimzyanova, M. V., Kasyanik, P. M., Romanova, E. V., Zavarzina, A. A. (2019). Socio-psychological adaptation of adults in connection with early maladaptive schemes. *Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya*, 1 (46), 31–39. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1\(46\).031-039](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2019.1(46).031-039) (In Russian)
- de Vlaming, I. H., Schellekens, M. P. J., van der Lee, M. L. (2023). Intensity of mental health treatment of cancer-related psychopathology: the predictive role of Early Maladaptive Schemas. *Support Care Cancer*, 31 (6), 325. <https://doi.org/10.1007/s00520-023-07764-w>
- Faustino, B., Vasco, A. B. (2020). Relationships between emotional processing difficulties and early maladaptive schemas on the regulation of psychological needs. *Clin. Psychol. Psychother.*, 27, 804–813. <https://doi.org/10.1002/cpp.2464>
- Fresvejk, M., Broersen, J., Nadort, M. (2022). *A guide to circuit therapy: Theory, research and practice*. Moscow, Nauchnyi mir Publ. (In Russian)
- Gerges, S., Hallit, S., Malaeb, D., Obeid, S. (2022). Maladaptive cognitive schemas as predictors of disordered eating: Examining the indirect pathway through emotion regulation difficulties. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19 (18), 11620. <https://doi.org/10.3390/ijerph191811620>
- Karimzadeh, Ya., Rahimi, M., Goodarzi, M. A., Tahmasebi, S., Talei, A. (2021). Posttraumatic growth in women with breast cancer: Emotional regulation mediates satisfaction with basic needs and maladaptive schemas. *European Journal of Psychotraumatology*, 12 (1), 1943871. <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1943871>
- Kasyanik, P. M., Romanova, E. V. (2016). *Diagnosis of early maladaptive schemes*. St. Petersburg, Polytechnic University Press. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/i17-183> (In Russian)
- Kaya-Demir, D., Çirakoglu, O. C. (2021). The role of sense of coherence and emotion regulation difficulties in the relationship between early maladaptive schemas and grief. *Death Studies*, 46 (6), 1–9. <https://doi.org/10.1080/07481187.2021.1936295>
- Ke, T., Barlas, J. (2020). Thinking about feeling: Using trait emotional intelligence in understanding the associations between early maladaptive schemas and coping styles. *Psychol. Psychother. Theory Res. Pract.*, 93, 1–20. <https://doi.org/10.1111/papt.12202>
- Lazarus, R. S., Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal, and Coping*. New York, Springer, 1984.
- McCathie, H. C., Spence, S. H., Tate, R. L. (2002). Adjustment to chronic obstructive pulmonary disease: the importance of psychological factors. *Eur. Respir. J. Jan.*; 19 (1), 47–53. <https://doi.org/10.1183/09031936.02.00240702>
- Miceli, M., Castelfranchi, C. (2001). Further distinction between coping and defensive mechanisms. *Journal of Personality*, 69, 2, 287–296. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.00146>
- Padun, M. A., Kotelnikova, A. V. (2012). *Mental trauma and the worldview: theory, empiricism, practice*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Pilkington, P. D., Karantzas, G. C., Faustino, B., Pizarro-Campagna, E. (2023). Early maladaptive schemas, emotion regulation difficulties and alexithymia: A systematic review and meta-analysis. *Clin. Psychol. Psychother.*, Sep. 21. <https://doi.org/10.1002/cpp.2914>
- Rose, M., Fliege, H., Hildebrandt, M., Schirop, T., Klapp, B. F. (2002). The network of psychological variables in patients with diabetes and their importance for quality of life and metabolic control. *Diabetes Care*, 25 (1), 35–42. <https://doi.org/10.2337/diacare.25.1.35>
- Streltsov, V. V., Haritonova, N. Yu., Baranova, G. V. (2022). Psychopathological status of respiratory tuberculosis patients in connection with early maladaptive regimens. *Vestnik Tsentral'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta tuberkuleza*, 3, 44–53. <https://doi.org/10.57014/2587-6678-2022-3-44-53> (In Russian)
- Tarabrina, N. V., Agarkov, V. A., Byhovecz, Yu. V., Kalmykova, E. S., Makarchuk, A. V., Padun, M. A., Udachina, E. G., Himchyan, Z. G., Shatalova, N. E., Shhepina, E. I. (2007). *A practical guide to the psychology of post-traumatic stress*. P. 1. Theory and methods. Moscow, Kogito-tsentr Publ. (In Russian)
- Vasilyeva, A. V. (2023). *Psychotherapy: A national guide*. Moscow, GEOTAR-Media Publ. <https://doi.org/10.33029/9704-7567-6-PSY-2023-1-992> (In Russian)

- Vasserman, L. I., Ababkov, V. A., Trifonova, E. A. (2010). *Coping with stress: theory and psychodiagnostics: An educational and methodological guide*. St. Petersburg, Rech' Publ. (In Russian)
- Vasserman, L. I., Eryshev, O. F., Klubova, E. B., Petrova, N. N., Bespal'ko, I. G., Berebin, M. A., Savelieva, M. I., Taukenova, L. M., Shtrakhova, A. V., Aristova, T. A., Osadchij, I. M. (2005). *Psychological diagnostics of the lifestyle index. A handbook for psychologists and doctors*. St. Petersburg, NIPNI im. Behtereva Press. (In Russian)
- Vasserman, L. I., Iovlev, B. V., Isaeva, E. R., Trifonova, E. A., Shhelkova, O. Yu., Novozhilova, M. Yu., Vuks, A. Ya. (2009). *Methodology for the psychological diagnosis of ways to cope with stress and problematic situations for the individual: a manual for doctors and medical psychologists*. St. Petersburg, NIPNI im. V. M. Behtereva Press. (In Russian)
- Young, J. E., Klosko, J. S., Weishaar, M. E. (2020). *Schema therapy: A practitioner's guide*. St. Petersburg, Dialektika Publ. (In Russian)

Received: December 13, 2024

Accepted: June 26, 2025

Authors' information:

Oksana S. Sheloumova — <https://orcid.org/0000-0003-2323-2253>, oksanasheloumova@yandex.ru;

Galina V. Baranova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-0480-5231>,

g_a_l_i_n_a_62@mail.ru

Natalia V. Zolotova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0003-0048-4394>, zolotova_n@mail.ru

Связь типа привязанности и отношения к смерти у подростков с врожденным пороком сердца с учетом возрастных различий

М. Е. Ростовцева

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова Минздрава России, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Трубецкая, 8

Для цитирования: *Ростовцева М. Е.* Связь типа привязанности и отношения к смерти у подростков с врожденным пороком сердца с учетом возрастных различий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN RXJZPK

Статья посвящена изучению специфики отношения к смерти у подростков с врожденным пороком сердца и исследованию взаимосвязей между типом привязанности к родителю и аспектами отношения к смерти. Танатическая тревога способна провоцировать ухудшение психического состояния индивида, однако ее выраженность зависит от типа привязанности. Результаты могут помочь в разработке программ коррекции дезадаптивного отношения к смерти у подростков с врожденным пороком сердца. Выборка: 50 подростков 11–17 лет ($M=14,4$, $SD=1,841$), имеющие диагноз «врожденные пороки сердца» и находящиеся на лечении в стационаре, разделенные на две возрастные группы (11–14 и 15–17 лет). Методы: опросники «Отношение к смерти» (К. А. Чистопольская), «Страх личной смерти» (К. А. Чистопольская), «Метафоры личной смерти» (Т. А. Гаврилова), «Опросник на привязанность к родителям для старших школьников» (М. В. Яремчук). Выявлены взаимосвязи между типом привязанности и отношением к смерти. Не надежные типы привязанности положительно коррелируют с дезадаптивным отношением к смерти, надежная привязанность отрицательно связана с неблагоприятным отношением к смерти. Связь между как позитивным, так и негативным метафорическим отношением к смерти и тревожно-амбивалентным типом привязанности требует дальнейшего изучения. Существует возрастная специфика отношения к смерти: подростки старшего школьного возраста смотрят на смерть как на нейтральное биологическое явление и переживают о последствиях смерти для их личности. Результаты расширяют представления об особенностях отношения к смерти у подростков с врожденным пороком сердца и обосновывают целесообразность работы с привязанностью в стационаре и за его пределами.

Ключевые слова: отношение к смерти, танатическая тревога, возрастная психология, танатопсихология, клиническая психология, тип привязанности, врожденный порок сердца.

Введение

Страх при мыслях о смерти и умирании может беспокоить любого вне зависимости от пола, возраста или жизненных обстоятельств, однако определенные факторы, в частности состояние здоровья, могут оказывать специфическое влияние на

отношение к смерти (Bates, Kearney, 2015). Именно опыт проживания болезни может стать триггером, запускающим рефлексию касательно вопросов смерти, страха перед ней. Принимая во внимание, что на этапе подросткового возраста происходит столкновение индивида с первым экзистенциальным кризисом, в результате которого образуются первые представления о жизни и смерти, особенно ценным кажется изучение отношения к смерти у подростков, имеющих те или иные особенности состояния здоровья (Медведева, Кадыров, 2019).

Столкновение с серьезным заболеванием способствует формированию особого отношения к смерти. Это может выражаться в более глубоком понимании смерти, в большей выраженности страха смерти, слабом понимании собственной смертности, восприятии смерти как избавления и других аспектах (Jay et al., 1987; O'Halloran, Altmaier, 1996; Медведева, Кадыров, 2019). Не только опыт болезни, но и опыт госпитализации вносит свой вклад в формирование отношения к смерти — он повышает чувствительность детей к теме смерти, хотя далеко не всегда юные пациенты находят адекватную поддержку. В результате у ребенка может сформироваться негативное отношение к смерти, наполненное страхом и грустью (Alencar et al., 2022).

Танатическая тревога — это негативные переживания, вызванные осознанием близящейся смерти. Они разносторонние и могут касаться самого процесса умирания, своей беспомощности, осознания факта прекращения жизни, а также проблем, с которыми придется столкнуться близким (Юревич, 2017). Таким образом, танатическая тревога — один из вариантов отношения к смерти, окрашенный негативно. Она связана с риском развития психопатологий, тяжестью их симптомов, в частности это касается тревожно-депрессивных переживаний, тревоги о здоровье и других вариантов нарушений в психической и психологической сферах (Ростовцева, 2024; Gürbüz, Yorulmaz, 2024). Известно, что дети и подростки с врожденным пороком сердца (ВПС) особенно подвержены развитию психических расстройств, тревожных, депрессивных состояний (Gonzalez et al., 2021; Qi et al., 2023). Датское исследование, проведенное более чем на 16 тысячах детей с ВПС, показало, что более трети из них имели то или иное психическое расстройство, и один из пиков развития таких расстройств приходится на подростковый возраст (Miles et al., 2023). Такая специфика ВПС обуславливает актуальность исследований, посвященных способам профилактики и коррекции различных психических расстройств, с которыми может столкнуться подросток, имеющий данный диагноз. Ввиду наличия связей между танатической тревогой и развитием психопатологий можно предположить целесообразность создания программ по коррекции отношения к смерти для влияния на психическое состояние индивида.

Существуют различные способы защиты от танатической тревоги. Согласно теории управления страхом смерти, это самооценка и мировоззрение, а также привязанность — в последние годы исследователи уделяют внимание и этому фактору (Mikulincer, 2019). Известно, что надежная привязанность ассоциируется с менее выраженным страхом смерти (Kos, Kafa, 2019). Сталкиваясь с напоминаниями о смерти, люди с надежной привязанностью не только справляются с ними, но и сохраняют оптимизм (Mikulincer, 2019). Исследование, проведенное на медсестрах, показало, что тревожно-амбивалентный тип привязанности связан с более выраженной танатической тревогой (Atarod, Mansouriyeh, 2024). Люди с избегаю-

щим типом привязанности склонны к подавлению танатической тревоги, их сознательные отчеты отличаются от бессознательных переживаний по поводу смерти. Испытуемые сообщают о низком страхе смерти, но при этом отмечается повышенная танатическая тревога при использовании проективных методик (Menziez et al., 2018). Клинические исследования показывают, что ненадежная привязанность у пациентов с онкологическими заболеваниями была связана как с повышенной танатической тревогой, так и с большей выраженностью депрессивных симптомов (Scheffold et al., 2018).

Привязанность не только к романтическому партнеру, но и к родителю играет важную роль в регуляции танатической тревоги. Дж. Рейнгольд (J. Rheingold) в своей работе «Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти» указывает, что страхи, связанные со смертью, уходят своими корнями в ранние детские переживания и отношения с матерью. Материнская привязанность чрезвычайно важна для ребенка, без нее невозможны жизнь и развитие. Однако мать оказывает на ребенка как благотворное, так и пагубное влияние. Ребенок, считывая ее подсознательное состояние, которое содержит в себе враждебные импульсы, ощущает тревогу перед опасностью, которая может позднее проявляться как страх смерти. В то же время, если мать обеспечивает ребенку достаточно безопасности и стабильной заботы, этот страх смерти может смягчаться. Если отношения преимущественно конфликтные, это усугубляет страх уничтожения. Таким образом, именно опыт ранних отношений с матерью формирует специфическое отношение человека к смерти (Rheingold, 1967).

Исследования, проведенные главным образом на выборке студентов, показали, что активизация мыслей (особенно положительных) о родителе в ответ на напоминание о смертности снижает у участников склонность к дальнейшим размышлениям о смерти. Кроме того, у участников при напоминаниях о смертности легче вызывались воспоминания о положительных взаимодействиях с матерью и труднее — воспоминания о негативных взаимодействиях. После напоминания о смертности люди с ненадежным типом привязанности чаще опирались на отношения со своими родителями, в то время как люди с надежным типом привязанности полагались на отношения с романтическими партнерами (Cox et al., 2008).

Хотя тип привязанности — это достаточно стабильная личностная характеристика, ряд авторов считает, что он может меняться как в результате жизненных событий, так и психотерапевтического вмешательства (Bernheim et al., 2022; Konieczny, Cierpiałkowska, 2022). Подростковый возраст подходит для этого, так как это период потенциальных изменений, когда индивид впервые получает возможность пересмотреть и изменить наследие своего детства (Crittenden, 2001). Так, например, если подросток неоднократно обсуждает свои переживания с родителями, и это имеет положительный итог, такой опыт корректирует внутренние рабочие модели и ведет к изменениям привязанности в сторону большей надежности. В достижении этой цели помогает семейная терапия, основанная на привязанности (ABFT, attachment-based family therapy) (Снегирева, Воликова, 2020). Когнитивно-поведенческие интервенции могут помочь в ослаблении характеристик тревожной привязанности (Robles, Santovena, 2024). Эти данные показывают, что коррекция типа привязанности в подростковом возрасте возможна. Для этого подходят различные психотерапевтические интервенции (ABFT, КПТ). Это создает

теоретические предпосылки для разработки программ, нацеленных на изменение типа привязанности (усиление надежного компонента и ослабление ненадежных паттернов), что может стать перспективным направлением снижения дезадаптивных проявлений танатической тревоги.

Хотя полноценная психокоррекционная работа с типом привязанности требует длительного вмешательства, в условиях стационара возможно осуществить первичную диагностику как особенностей привязанности, так и отношения к смерти, провести краткосрочные интервенции (в том числе психообразовательные), а также разработать индивидуальные рекомендации для продолжения работы после выписки в формате семейной терапии или индивидуальной терапии с участием подростка.

Отечественные исследования последних лет в большей степени сосредоточены на изучении отношения к смерти у подростков, имеющих те или иные особенности поведения или психического состояния: подростков с саморазрушающим, аддиктивным или девиантным поведением, совершивших суицидальную попытку (Чистопольская, Ениколопов, 2015; Жукова, 2016; Жукова, 2017; Абрамян, Хломов, 2021). В то же время проблема влияния состояния здоровья (например, опыта столкновения с хроническим угрожающим жизни заболеванием) на отношение к смерти у подростков раскрыта не в полной мере. Это обуславливает актуальность настоящей работы. Мы предпринимаем попытку собрать данные о характерном для подростков с пороком сердца отношении к смерти и обнаружить взаимосвязи между аспектами отношения к смерти и типом привязанности к родителю. Полученные данные могут быть использованы в дальнейшем для психокоррекционной работы с подростками разных возрастных групп для снижения уровня тревоги, касающейся смерти, что благоприятно скажется на их психическом и психологическом состоянии.

Цель исследования: исследовать роль типа привязанности как психологического фактора, определяющего специфику отношения к смерти у подростков, и выявить возрастные различия, характерные для среднего и старшего школьного возраста.

Гипотезы исследования:

1. Тип привязанности связан с отношением к смерти. Надежный тип привязанности положительно коррелирует с более адаптивным отношением к смерти. Тревожно-амбивалентный и избегающий типы привязанности имеют прямые связи с дезадаптивным отношением к смерти.

2. Подростки старшего школьного возраста имеют более адаптивное отношение к смерти, чем подростки среднего школьного возраста.

Данное исследование является частью более крупного проекта, направленного на изучение отношения к смерти у подростков с ВПС путем сравнения их со здоровыми сверстниками, в результате чего можно будет выделить характеристики танатической тревоги, свойственные данной кардиопатологии. Текущее исследование фокусируется на различиях между подростками разного возраста, имеющих диагноз ВПС, что позволит выявить возрастные особенности в отношении к смерти. Полученные результаты помогут в разработке целенаправленных психологических интервенций, направленных на психологическую поддержку подростков с ВПС.

Процедура и методы

В настоящем исследовании приняли участие 50 пациентов обоих полов (21 юноша и 29 девушек; возраст: 11–17 лет ($M = 14,4$, $SD = 1,841$), имеющие диагноз ВПС (Q20–Q26 по классификации МКБ-10) и находящиеся в стационаре на реабилитации после хирургического лечения. Участники были разделены на группы по возрасту. В группу среднего школьного возраста вошли подростки от 11 до 14 лет (24 респондента), в группу старшего школьного возраста — подростки от 15 до 17 лет (26 человек). Участники самостоятельно заполняли анкеты с опросниками, нацеленными на исследование отношения к смерти и привязанность к родителям. Перед началом исследования было получено информированное согласие от участников и их родителей. В процессе сбора данных изредка возникали трудности, связанные с негативным отношением родителей к тематике исследования. Они выражали беспокойство по поводу того, что их ребенок готов столкнуться с обсуждением смерти. Такие ситуации могли решаться путем предоставления дополнительной информации о важности нашего исследования и о том, какую роль вообще играет обсуждение смерти для детей и подростков, какую пользу это может принести для их психологического состояния. Сами подростки реагировали спокойно, охотно шли на контакт.

Для оценки различных аспектов отношения к смерти использовались опросники «Отношение к смерти» (краткая версия К. А. Чистопольской), «Страх личной смерти» (краткая версия К. А. Чистопольской) (Чистопольская и др., 2017) и «Метафоры личной смерти» (адаптация Т. А. Гавриловой) (Гаврилова, 2001). Опросник «Отношение к смерти» оценивает выраженность пяти типов отношения индивида к смерти, к которым относятся страх смерти (смерть вызывает страх и беспокойство), нейтральное принятие (смерть — не негативное, а естественное и неизбежное явление), принятие-приближение смерти (смерть видится позитивным явлением, обещает жизнь после смерти, которая лучше земной), принятие смерти как бегства (смерть воспринимается позитивно, является выходом из затруднительных ситуаций), избегание темы смерти (человек избегает мыслей и напоминаний о смерти). Опросник «Страх личной смерти» измеряет специфические страхи, связанные со смертью:

- страх последствий для личности (смерть разрушит личность, его способности, лишит замыслов, исключит из процесса жизни);
- страх последствий для тела (смерть принесет пугающие физические последствия);
- страх последствий для близких (близкие болезненно воспримут смерть, будут нуждаться в умершем);
- страх забвения (никто не заметит смерти индивида, другие отнесутся к этому безразлично);
- трансцендентные последствия (страх неизвестности).

Методика «Метафоры личной смерти» позволяет оценить общую позитивную (смерть как покой, воссоединение) или негативную (смерть как одиночество, угроза) окраску представлений о смерти через анализ выбранных метафор.

Тип привязанности к родителю определялся с помощью опросника на привязанность к родителям для старших школьников с выделением надежного, тре-

возможного и избегающего типа привязанности М. В. Яремчук (Яремчук, 2005). Статистический анализ проводился с помощью методов описательной статистики, непараметрических критериев Манна — Уитни и Спирмена в программе IBM SPSS Statistics, v. 27.

На проведение исследования было получено разрешение локального этического комитета ПМГМУ им. Сеченова.

Результаты

Отношение к смерти. Как в группе среднего, так и в группе старшего школьного возраста наиболее предпочтительным отношением к смерти по методике «Отношение к смерти» является нейтральное принятие (средний возраст $M = 4,57$, $SD = 1,72$; старший возраст $M = 6$, $SD = 1,08$). Высокие баллы по этой шкале отражают спокойное, рациональное восприятие смерти как естественной и неизбежной части жизни. Наименее популярным для обеих групп стало принятие смерти как бегства (средний возраст $M = 3,05$, $SD = 1,69$; старший возраст $M = 2,76$, $SD = 1,65$). Относительно низкие баллы по этой шкале означают, что подростки редко рассматривают смерть как желанный выход из жизненных трудностей. Статистически значимые различия касаются показателей по шкале «Нейтральное принятие смерти» ($p = 0,001^{**}$), показатели выше у подростков старшего школьного возраста. Этот результат демонстрирует, что с возрастом в данной выборке усиливается рациональное, спокойное принятие смерти.

По результатам методики «Страх личной смерти» наибольший балл в группе среднего школьного возраста получен по шкале «Страх последствий для близких» ($M = 4,01$, $SD = 1,63$), тогда как в группе старшего школьного возраста на первом месте по показателям находится шкала «Страх последствий для личности» ($M = 4,63$, $SD = 1,67$). Мы видим, что подростки среднего возраста в большей степени обеспокоены тем, что близкие люди будут очень переживать в случае смерти опрашиваемого, тот не сможет помочь им в будущем. Подростки старшего возраста больше боятся последствий смерти для своей личности, что им не удастся осуществить свои планы, они пропустят будущие события. Наименьший балл в обеих группах имеет шкала «Страх забвения» (средний возраст $M = 2,85$, $SD = 2,03$; старший возраст $M = 2,86$, $SD = 1,75$), страх того, что об умершем забудут и не будут горевать, мало волнует как в среднем, так и в старшем школьном возрасте. Статистически значимым является различие по шкале «Страх последствий для личности» между группами ($p = 0,008^{**}$), такой страх больше выражен у подростков старшего школьного возраста. Данный результат показывает, что страх упустить жизненный опыт, не достичь целей усиливается с возрастом.

На основе методик «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» выделяются благоприятные и неблагоприятные шкалы. Благоприятные шкалы («Нейтральное принятие смерти» и «Страх последствий для близких») отражают более адаптивное отношение к смерти, позволяющее эффективно функционировать, неблагоприятные шкалы («Страх смерти», «Принятие смерти как бегства», «Страх телесных последствий смерти» и «Страх забвения») отражают более дезадаптивное отношение к смерти. Показатели благоприятных шкал выше у старшего школьного возраста, различие статистически значимо ($p = 0,003^{**}$).

По методике «Метафоры личной смерти» статистически значимых различий между группами не обнаруживается. Показатели как позитивных ($M=2,33$, $SD=0,93$), так и негативных метафор личной смерти ($M=2,33$, $SD=0,85$) схожи в группе среднего школьного возраста. Выбор метафор с позитивной окраской (представляющих смерть как, например, покой, освобождение) и метафор с негативной окраской (представляющих смерть как угрозу, одиночество) был у этих подростков равновероятным. Это указывает на отсутствие выраженного преобладания позитивного или негативного взгляда в метафорическом восприятии смерти. В группе старшего школьного возраста показатели позитивных метафор личной смерти выше ($M=2,58$, $SD=1,09$), чем показатели негативных метафор ($M=2,28$, $SD=0,94$). Хотя статистически значимых различий между группами не выявлено, внутри старшей группы наблюдалась тенденция к более частому выбору позитивно окрашенных метафор при описании личной смерти по сравнению с метафорами негативного характера (табл. 1).

Таблица 1. Средние значения параметров отношения к смерти, сравнение параметров между клинической и контрольной группами

Параметры		Средний школьный возраст		Старший школьный возраст		U Манна — Уитни
		M	SD	M	SD	
Отношение к смерти	Принятие-приближение	3,47	1,41	3,1	1,49	–
	Избегание темы	3,54	1,14	4,2	1,28	–
	Страх смерти	3,4	1,45	3,72	1,63	–
	Принятие-бегство	3,05	1,69	2,76	1,65	–
	Нейтральное принятие	4,57	1,72	6	1,08	$p=0,001^{**}$ $U=145$
Страх личной смерти	Последствия для личности	3,54	1,46	4,63	1,67	$p=0,008^{**}$ $U=175$
	Последствия для тела	3,02	1,62	3,4	2,02	–
	Трансцендентные последствия	3,92	1,68	4,46	1,67	–
	Последствия для близких	4,01	1,63	4,62	1,47	–
	Забвение	2,85	2,03	2,86	1,75	–
Благоприятные шкалы		4,29	1,24	5,31	0,82	$p=0,003^{**}$ $U=160,5$
Неблагоприятные шкалы		3,08	0,89	3,19	1,44	–
Метафоры личной смерти	Позитивные	2,33	0,93	2,58	1,09	–
	Негативные	2,23	0,85	2,28	0,94	–

Примечания: M — среднее значение, SD — стандартное отклонение; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Привязанность. В обеих группах компоненты привязанности распределяются схожим образом. В группе шкал, характеризующих отношения с матерью, у подростков в обеих группах наибольшее среднее значение имеет шкала «Надежная привязанность» (средний возраст $M=6,17$, $SD=3,15$; старший возраст $M=5,76$, $SD=3,15$). Это указывает на преобладание здорового типа привязанности, при котором подростки воспринимают мать как надежную опору, способную поддерживать их в стрессовых ситуациях. Затем следует тревожно-амбивалентная привязанность (средний возраст $M=2,22$, $SD=1,99$; старший возраст $M=2,36$, $SD=2,32$). Относительно низкие баллы по этой шкале говорят о слабой выраженности тревожной зависимости от матери, страхе отвержения или чрезмерной потребности в подтверждении близости. Избегающая привязанность к матери выражена слабее всего (средний возраст $M=1,61$, $SD=1,72$; старший возраст $M=1,88$, $SD=1,81$), что говорит о редком использовании подростками стратегий эмоционального дистанцирования от матери.

В шкалах, относящихся к отцу, в обеих группах наиболее высокие показатели шкалы «Надежной привязанности» (средний возраст $M=4,83$, $SD=3,15$; старший возраст $M=5,13$, $SD=3,40$). Подростки в целом склонны воспринимать отца скорее как доступную и отзывчивую фигуру, хотя средние значения несколько ниже, чем в случае с матерью. На втором месте находится «Избегающая привязанность» (средний возраст $M=3,04$, $SD=2,36$; старший возраст $M=2,74$, $SD=2,11$). Более высокие (по сравнению с матерью) баллы могут свидетельствовать о большей эмоциональной сдержанности или меньшей включенности отца в повседневную поддержку. Наиболее слабо выражена «Тревожно-амбивалентная привязанность к отцу» (средний возраст $M=2,13$, $SD=1,77$; старший возраст $M=2,13$, $SD=1,96$), тревожные паттерны в отношениях с отцом выражены слабо (табл. 2).

Статистически значимых различий между группами нет.

Таблица 2. Средние значения компонентов привязанности к матери и отцу в группах сравнения

Параметры		Средний школьный возраст		Старший школьный возраст	
		M	SD	M	SD
Привязанность к матери	Надежная	6,17	3,15	5,76	3,15
	Тревожная	2,22	1,99	2,36	2,32
	Избегающая	1,61	1,72	1,88	1,81
Привязанность к отцу	Надежная	4,83	3,15	5,13	3,40
	Тревожная	2,13	1,77	2,13	1,96
	Избегающая	3,04	2,36	2,74	2,11

Примечания: M — среднее значение, SD — стандартное отклонение.

Корреляции между типом привязанности и аспектами отношения к смерти. Корреляционный анализ, проведенный на общей выборке, обнаруживает множество взаимосвязей между выраженностью типа привязанности и параметром, характеризующим отношение подростка к смерти.

Шкала «Надежная привязанность» к матери отрицательно коррелирует со шкалой «Принятие смерти как бегства» ($r = -0,351$, $p = 0,014$). Подростки с надежной привязанностью реже воспринимают смерть как желанный выход из трудностей, что согласуется с представлениями о безопасной привязанности как о ресурсе совладания. Шкала «Тревожно-амбивалентная привязанность» к матери положительно коррелирует со шкалами «Принятие смерти как бегства» ($r = 0,377$, $p = 0,008$), «Страх забвения» ($r = 0,321$, $p = 0,026$), а также с показателем неблагоприятных шкал ($r = 0,286$, $p = 0,049$). Подростки с таким типом привязанности к матери склонны рассматривать смерть как способ избежать страданий, а также испытывают тревогу о том, что их смерть останется незамеченной. Это естественно проистекает из ненадежной привязанности, которая не может дать эмоциональной опоры и требует постоянного подтверждения значимости. В целом это усиливает тенденцию к дезадаптивному отношению к смерти.

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа: связи между показателями отношения к смерти и компонентами привязанности

Параметры		Привязанность к матери			Привязанность к отцу		
		Н	Т	И	Н	Т	И
Отношение к смерти	Принятие-приближение	-	-	-	-	-	-
	Избегание темы	-	-	-	-	-	-
	Страх смерти	-	-	-	-	-	-
	Принятие-бегство	$r = -0,351^*$	$r = 0,377^{**}$	-	-	$r = 0,332^*$	-
	Нейтральное принятие	-	-	-	-	-	-
Страх личной смерти	Последствия для личности	-	-	-	-	-	-
	Последствия для тела	-	-	-	-	$r = 0,326^*$	-
	Трансцендентные последствия	-	-	-	-	-	-
	Последствия для близких	-	-	-	-	-	-
	Забвение	-	$r = 0,321^*$	-	$r = -0,487^{**}$	$r = 0,428^{**}$	$r = 0,449^{**}$
Благоприятные шкалы		-	-	-	-	-	-
Неблагоприятные шкалы		-	$r = 0,286^*$	-	$r = -0,438^{**}$	$r = 0,494^{**}$	-
Метафоры личной смерти	Позитивные	-	-	-	-	$r = 0,290^*$	-
	Негативные	-	-	-	$r = -0,396^{**}$	$r = 0,426^{**}$	-

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; Н — надежная привязанность, Т — тревожно-амбивалентная привязанность, И — избегающая привязанность.

Шкала «Надежная привязанность» к отцу отрицательно коррелирует со шкалами «Страх забвения» ($r = -0,487, p < 0,001$), «Негативные метафоры» ($r = -0,396, p = 0,006$) и с неблагоприятными шкалами ($r = -0,438, p = 0,002$). Подростки с надежной привязанностью к отцу уверены в своей значимости для других, что и отражает сниженный страх забвения, а также не склонны видеть смерть как преимущественно негативное явление. Надежная привязанность к отцу играет защитную роль по отношению к дезадаптивному отношению к смерти. Тревожно-амбивалентная привязанность к отцу имеет положительные корреляции со шкалами «Принятие смерти как бегства» ($r = 0,332, p = 0,023$), «Страх последствий для тела» ($r = 0,326, p = 0,026$), «Страх забвения» ($r = 0,428, p = 0,003$), с неблагоприятными шкалами ($r = 0,494, p < 0,001$), а также с обеими шкалами опросника «Метафоры личной смерти» — «Позитивные метафоры» ($r = 0,290, p = 0,048$) и «Негативные метафоры» ($r = 0,426, p = 0,003$). Мы видим, что подростки с выраженными тревожными паттернами привязанности к отцу склонны относиться к смерти как к способу избежать трудностей (аналогично, как и в случае тревожно-амбивалентной привязанности к матери), они также тревожатся о том, что после смерти их легко забудут, и беспокоятся о физических изменениях после смерти. Неоднозначные данные по метафорам могут отражать неустойчивые представления о смерти или такие представления, на которые также влияют неучтенные факторы. Шкала «Избегающая привязанность» к отцу положительно коррелирует со шкалой «Страх забвения» ($r = 0,449, p = 0,002$). Эмоциональная дистанция с отцом связана с повышенной тревогой относительно собственной незаметности для других.

Обсуждение

1. Полученные данные позволяют сделать ряд выводов о специфике отношения к смерти у подростков с ВПС.

Подростки старшего школьного возраста в большей степени воспринимают смерть как естественное и неизбежное явление, боятся последствий для своей личности и в целом имеют более адаптивное отношение к смерти, чем подростки среднего школьного возраста.

С возрастом подростки вырабатывают все более эффективные стратегии эмоциональной регуляции, что позволяет им спокойнее относиться даже к таким сложным темам, как смерть, собственная смертность. Растущий уровень когнитивного развития также способствует лучшему пониманию абстрактных концепций (например, неизбежности, необратимости), что в целом ведет к формированию более нейтрального отношения к смерти. Также подростки старшего возраста имеют больший опыт жизни с опасным заболеванием, чем подростки среднего возраста, что может вносить свой вклад в более спокойное, принимающее отношение к смерти.

В старшем подростковом возрасте идет активное формирование личной идентичности, подростки в большей степени сосредотачиваются на своих ценностях и особенностях, на планировании своего будущего на фоне окончания школьного обучения, все эти переживания отражаются в специфике отношения к смерти — в усилении страха последствий для личности, который становится намного актуальнее, чем у подростков среднего школьного возраста.

Чем старше становится подросток, чем более высокого уровня развития достигают его когнитивная и эмоциональная сфера, тем легче ему принять свою смертность. Поддержку здесь также может оказывать накопленный опыт (потери близких, опыт угрожающей жизни болезни), выработанные философские взгляды, ценности, образование. Все это помогает выработать более адаптивное отношение к смерти, которое не мешает жизни (не включает в себя страх или избегание), но наоборот, помогает функционировать эффективнее. Данные выводы согласуются с результатами предшествующих исследований (Scheffold et al., 2018; Кос, Kafa, 2019).

2. Надежная привязанность к матери отрицательно коррелирует с принятием смерти как бегства, надежная привязанность к отцу отрицательно коррелирует со страхом забвения, дезадаптивным отношением к смерти и негативным восприятием смерти через метафоры.

Надежная привязанность позволяет подросткам выработать эффективные копинг-стратегии и стратегии эмоциональной регуляции, благодаря чему они готовы принимать вызовы жизни (Moretti, Peled, 2004; Ashraf, Imran, 2019; Messina et al., 2024). Но вместе с тем смерть видится скорее негативным, чем позитивным явлением, которое подросток не стремится приближать.

Тревожно-амбивалентная привязанность к матери положительно коррелирует с принятием смерти как бегства, страхом забвения и дезадаптивным отношением к смерти. Тревожно-амбивалентная привязанность к отцу положительно коррелирует с принятием смерти как бегства, страхом последствий для тела, страхом забвения, дезадаптивным отношением к смерти, а также как с позитивным, так и с негативным восприятием смерти через метафоры.

Тревожная привязанность как к матери, так и к отцу не формирует надежной опоры, и подростки, не находя в себе ресурсов для борьбы, видят смерть как избавление от трудностей. Чем сильнее выражен тревожно-амбивалентный тип привязанности, тем менее адаптивно отношение к смерти у подростка, что выражается в переживаниях о физических последствиях смерти, страхе, что о нем забудут, не будут грустить, и в восприятии смерти как инструмента решения проблем. Такой дезадаптивный взгляд может быть отражением общих тревожных тенденций, ослабленного ощущения безопасности, трудностей в сфере совладания со сложными переживаниями. Такие результаты соответствуют другим исследованиям, показавшим, что тревожно-амбивалентный тип привязанности ассоциирован с танатической тревогой, дезадаптивным отношением к смерти (Atarod, Mansouriyeh, 2024).

Избегающий тип привязанности к отцу имеет прямую связь со страхом забвения.

Ненадежная привязанность усиливает страх забвения, который ставит подростка в ситуацию символического отвержения, являющегося чувствительной зоной как для тревожно-амбивалентной, так и для избегающей привязанности. Однако чем надежнее привязанность, тем слабее страхи, что его забудут после смерти.

Неоднозначны связи между тревожно-амбивалентной привязанностью к отцу и восприятием смерти через метафоры. Хотя связь между тревожно-амбивалентной привязанностью и негативными ассоциациями со смертью сильнее, существует также корреляция с позитивными ассоциациями, которая, возможно, зависит от иных переменных. Также мы можем предположить, что тревожно-амбивалентная привязанность связана с более сложным, амбивалентным отношением к смерти,

которое невозможно охарактеризовать как однозначно положительное или однозначно отрицательное, в связи с чем методика «Метафоры личной смерти» не подходит для описания таких особенностей.

Возвращаясь к выдвинутым в начале исследования гипотезам, мы видим, что первая гипотеза подтверждается частично. Тип привязанности действительно связан с отношением к смерти, и тревожно-амбивалентный тип привязанности, как предполагалось, положительно коррелирует с неблагоприятными шкалами, которые отражают дезадаптивное отношение к смерти. Однако связи между неблагоприятными шкалами и избегающим типом привязанности не обнаружено. Это может объясняться тем, что у людей с избегающей привязанностью танатическая тревога легче считывается проективными методиками, наше же исследование в основном предлагало прямые вопросы (Menziez et al., 2018). Что касается надежного типа, мы не видим положительных корреляций с благоприятными шкалами, однако видим отрицательные корреляции с неблагоприятными шкалами. Стоит заметить, что благоприятные шкалы не коррелируют у нас ни с каким другим параметром. Но все же заметим, что подростки с надежным типом привязанности не склонны к дезадаптивному отношению к смерти, что уже указывает на то, что связь с адаптивным отношением может обнаружиться, если, к примеру, увеличить выборку.

Вторая гипотеза подтверждается полностью. Подростки старшего школьного возраста действительно имеют более адаптивное отношение к смерти, чем подростки среднего школьного возраста, что отражено в соответствующих различиях по благоприятным шкалам.

Ограничения

Настоящее исследование имеет несколько ограничений, которые следует учитывать при интерпретации результатов. Во-первых, это небольшой объем выборки, что может снижать статистическую мощность и ограничивать экстраполяцию результатов на более широкие популяции подростков с врожденным пороком сердца. Во-вторых, отсутствие контрольной группы здоровых подростков ограничивает возможность прямого сравнения. Также исследование не имеет лонгитюдного дизайна, что ограничивает возможность изучения изменений во времени и причинно-следственных связей. Некоторые полученные выводы могут быть неоднозначными и требуют дальнейшего изучения.

Перспективы дальнейших исследований

Для того чтобы улучшить наше понимание взаимосвязей между отношением к смерти и типом привязанности, необходимо провести дополнительные исследования. Такие исследования могут включать в себя оценку большего числа разнообразных факторов, которые могут опосредовать связи между привязанностью и отношением к смерти (стиль воспитания, родительское отношение и др.). Будет также полезно провести лонгитюдные исследования, нацеленные на изучение происходящих с возрастом изменений, касающихся отношения к смерти, характерных для определенного типа привязанности, а также на исследование того, как меняется отношение к смерти при коррекции типа привязанности.

Практические рекомендации

Полученные данные позволяют составить перечень практических рекомендаций для врачей, психологов и иных специалистов, работающих с подростками с ВПС:

1. Разработать программы психологической поддержки для подростков с ВПС с элементами танатопсихологического просвещения, направленные на развитие адаптивных стратегий эмоциональной регуляции и снижение танатической тревоги. Включить в программы элементы когнитивно-поведенческой терапии, чтобы помочь подросткам справиться с тревожными мыслями о смерти и развивать более позитивное отношение к жизни.

2. Внедрить образовательные программы, которые помогут подросткам лучше понимать свои эмоциональные состояния, развивать и применять навыки саморегуляции. Обучать подростков навыкам стресс-менеджмента и методам релаксации, чтобы они могли более эффективно справляться с тревогой и стрессом.

3. Проводить семейные консультации, направленные на укрепление надежной привязанности между подростками и их родителями. Это может включать в себя обучение родителей навыкам эмоциональной поддержки и эффективного общения.

4. Регулярно оценивать уровень тревожности и надежной привязанности у подростков с ВПС, чтобы своевременно выявлять и корректировать дезадаптивные паттерны поведения. Использовать результаты оценки для индивидуализации подходов к лечению и поддержке каждого подростка.

Заключение

Проведенное нами исследование выявило важные аспекты отношения к смерти у подростков с ВПС, подчеркивая значимость типа привязанности и возрастных различий. Подростки старшего школьного возраста демонстрируют более зрелое и адаптивное отношение к смерти, что связано с их когнитивным и эмоциональным развитием. Тревожно-амбивалентная и избегающая привязанности связаны с дезадаптивными взглядами на смерть.

Наши данные согласуются с другими исследованиями в области танатопсихологии, однако пока не являются исчерпывающими: мы планируем расширить понимание проблемы отношения к смерти у подростков с ВПС путем увеличения выборки и добавления контрольной группы сравнения. Также целесообразна была бы организация лонгитюдного исследования.

Полученные результаты обогащают наше понимание проблемы отношения к смерти у подростков с ВПС и могут быть использованы для составления психокоррекционных программ (в том числе индивидуальных — с учетом типа привязанности подростка и его возраста), нацеленных на формирование более адаптивного отношения к смерти, которые могут применяться как в клинике, так и за ее пределами.

Литература

- Абрамян З. А., Хломов К. Д. Отношение к смерти у подростков с аддитивным поведением: «Как употребил, сразу думаю о смерти» // Психологические исследования. 2021. Т. 14, № 79. <https://doi.org/110.54359/ps.v14i79.113>
- Гаврилова Т. А. Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога: методы исследования и диагностики // Прикладная психология. 2001. № 6. С. 1–8.
- Жукова Н. Ю. Исследование отношения к смерти у подростков с нормативным и девиантным поведением // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. 2016. Т. 9, № 4. С. 96–102. <https://doi.org/10.14529/psu1604110>
- Жукова Н. Ю. Взаимосвязь отношения к смерти и склонности к саморазрушающему поведению у подростков // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. № 4 (17). С. 27–33.
- Медведева В. А., Кадыров Р. В. Отношение к жизни и смерти у подростков с онкологическими заболеваниями // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 4. С. 39–57. <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080403>
- Ростовцева М. Е. Детское понимание смерти: формирование концепции смерти и ее основные характеристики // Российский психологический журнал. 2024. Т. 21, № 1. С. 87–107. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.1.5>
- Снегирева Т. В., Воликова С. В. Нарушения привязанности у подростков с несуйцидальным самоповреждающим поведением // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 4. С. 66–76. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090406>
- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н. Отношение к смерти после попытки самоубийства: стигматизация и самостигматизация суицидальных пациентов // Вестник психиатрии Чувашии. 2015. Т. 11, № 1. С. 8–19.
- Чистопольская К. А., Митина О. В., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Озоль С. Н., Чубина С. А. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. 2017. Т. 8, № 4 (29). С. 43–55.
- Юревич А. В. Психологические факторы отношения к смерти // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3–4. С. 35–48.
- Яремчук М. В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 86–94.
- Alencar V. O., Nascimento I. R. C. D., Santos I. B. D., Almeida L. M. P. Understanding death in the eyes of hospitalized children // Revista Bioética. 2022. Т. 30. P. 63–71. <https://doi.org/10.1590/1983-80422022301507EN>
- Ashraf A., Imran H. Association between attachment styles and emotional regulation strategies: A study on non-clinical adolescents sample // Pakistan Journal of Clinical Psychology. 2019. Vol. 18, no. 2. URL: <http://pjcpku.com/index.php/pjcp/article/view/23> (дата обращения: 04.01.2025).
- Atarod V., Mansouriyeh N. The relationship between insecure attachment styles and emotional self-regulation with death anxiety in nurses working in corona wards in Tabriz city // Journal of Nursing Education. 2024. Vol. 13, no. 1. P. 34–46. <https://doi.org/10.22034/JNE.13.1.34>
- Bates A. T., Kearney J. A. Understanding death with limited experience in life: dying children's and adolescents' understanding of their own terminal illness and death // Current Opinion in Supportive and Palliative Care. 2015. Vol. 9, no. 1. P. 40–45. <https://doi.org/10.1097/SPC.000000000000118>
- Bernheim D., Buchheim A., Domin M., Mentel R., Lotze M. Neural correlates of attachment representation in patients with borderline personality disorder using a personalized functional magnet resonance imaging task // Frontiers in Human Neuroscience. 2022. Vol. 16. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2022.810417>
- Cox C. R., Arndt J., Pyszczynski T., Greenberg J., Abdollahi A., Solomon S. Terror management and adults' attachment to their parents: The safe haven remains // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 94, no. 4. P. 696–717. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.4.696>
- Crittenden P. Transformations in attachment relationships in adolescence: Adaptation versus need for psychotherapy // Revista de Psicoterapia. 2001. Vol. 12. P. 33–62.
- Gonzalez V. J., Kimbro R. T., Cutitta K. E., Shabosky J. C., Bilal M. F., Penny D. J., Lopez K. N. Mental health disorders in children with congenital heart disease // Pediatrics. 2021. Vol. 147, no. 2. <https://doi.org/10.1542/peds.2020-1693>

- Gürbüz A., Yorulmaz O. Death anxiety in psychopathology: A systematic review // *Psikiyatride Güncel Yaklaşımlar*. 2024. Vol. 16, no. 1. P. 159–174. <https://doi.org/10.18863/pgy.1267748>
- Jay S. M., Green V., Johnson S., Caldwell S., Nitschke R. Differences in death concepts between children with cancer and physically healthy children // *Journal of Clinical Child Psychology*. 1987. Vol. 16, no. 4. P. 301–306. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp1604_2
- Koc V., Kafa G. The roles of self-esteem and attachment within the framework of terror management theory // *Current Approaches in Psychiatry*. 2019. Vol. 11, no. 1. P. 129–139. <https://doi.org/10.18863/pgy.41933>
- Konieczny P., Cierpialkowska L. Positive and negative life experiences and changes in internal working models of attachment — a comparative study // *Psychiatria Polska*. 2022. Vol. 56, no. 3. P. 551–570. <https://doi.org/10.12740/PP/OnlineFirst/127457>
- Menzies R. E., Menzies R. G., Iverach L. (eds). *Curing the dread of death: Theory, research and practice*. Canberra: Australian Academic Press, 2018.
- Messina I., Calvo V., Grecucci A. Attachment orientations and emotion regulation: new insights from the study of interpersonal emotion regulation strategies // *Research in Psychotherapy: Psychopathology, Process, and Outcome*. 2024. Vol. 26, № 3. P. 703. <https://doi.org/10.4081/ripppo.2023.703>
- Mikulincer M. An attachment perspective on managing death concerns // *Handbook of Terror Management Theory*. London: Academic Press, 2019. P. 243–257. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-811844-3.00010-x>
- Miles K. G., Farkas D. K., Laugesen K., Sørensen H. T., Kasparian N. A., Madsen N. Mental health conditions among children and adolescents with congenital heart disease: A Danish population-based cohort study // *Circulation*. 2023. Vol. 148, no. 18. P. 1381–1394. <https://doi.org/10.1161/CIRCULATIONAHA.123.064705>
- Moretti M. M., Peled M. Adolescent-parent attachment: Bonds that support healthy development // *Paediatrics & Child Health*. 2004. Vol. 9, no. 8. P. 551–555. <https://doi.org/10.1093/pch/9.8.551>
- O'Halloran C. M., Altmaier E. M. Awareness of death among children: Does a life-threatening illness alter the process of discovery? // *Journal of Counseling & Development*. 1996. Vol. 74, no. 3. P. 259–262. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1996.tb01862.x>
- Qi X., Xu W., Deng Ya., Tao S., Wang Ya. Study on adolescent emotional and sleep status in patients with congenital heart disease // *ISSRA Journal of Applied Medical Sciences*. 2023. Vol. 2, no. 2. P. 15–25.
- Rheingold J. C. *The Mother, Anxiety, and Death: The catastrophic death complex*. Boston: Little, Brown and Co., 1967.
- Robles K. A. P., Santoveña E. E. E. Intervención cognitivo conductual en factores de riesgo de violencia en el noviazgo: dependencia emocional y apego ansioso // *Revista Electrónica de Psicología Iztacala*. 2024. Vol. 27, no. 1. P. 107–127.
- Scheffold K., Philipp R., Koranyi S., Engelmann D., Schulz-Kindermann F., Härter M., Mehnert A. Insecure attachment predicts depression and death anxiety in advanced cancer patients // *Palliative and Supportive Care*. 2018. Vol. 16, № 3. P. 308–316. <https://doi.org/10.1017/S1478951517000281>

Статья поступила в редакцию 28.01.2025 г.;
рекомендована к печати 16.07.2025 г.

Контактная информация:

Ростовцева Марина Евгеньевна — аспирант; <https://orcid.org/0000-0002-6466-3466>,
rostovtseva.my@gmail.com

The relationship between attachment type and attitude to death in adolescents with congenital heart disease, taking into account age differences

M. Ye. Rostovtseva

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University,
8, ul. Trubetskaya, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Rostovtseva M. Ye. The relationship between attachment type and attitude to death in adolescents with congenital heart disease, taking into account age differences. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN RXJZPK (In Russian)

The article is devoted to the study of the specifics of the attitude to death in adolescents with congenital heart disease and the study of the relationship between the attachment style to the parent and attitude to death aspects. Death anxiety provokes a deterioration in an individual's mental state, but its severity depends on the attachment style. The results may help in the development of psychocorrection programs for maladaptive attitudes towards death in adolescents with congenital heart disease. Sample: 50 adolescents aged 11–17 years ($M = 14.4$, $SD = 1.841$) diagnosed with congenital heart disease and undergoing hospital treatment, divided into two age groups (11–14 years and 15–17 years). Methods: questionnaires “Death Attitude Profile-Revised” (K. A. Chistopolskaya), “Fear of Personal Death” (K. A. Chistopolskaya), “Metaphors of Personal Death” (T. A. Gavrilova), “Questionnaire on Attachment to Parents for Senior Schoolchildren” (M. V. Yaremchuk). The interrelationships between the attachment style and the attitude to death are revealed. Insecure attachment styles are positively correlated with a maladaptive attitude towards death, secure attachment is negatively correlated with an dysfunctional attitude towards death. The relationship between both positive and negative metaphorical attitudes towards death and the anxiety-ambivalent attachment style requires further study. There is an age-specific attitude to death: adolescents of senior school age see death as a neutral biological phenomenon and worry about the consequences of death for their personality. The results expand the understanding of the features of the attitude to death in adolescents with congenital heart disease and substantiate the expediency of working with attachment in the hospital and beyond.

Keywords: attitudes towards death, death anxiety, developmental psychology, thanatopsychology, clinical psychology, attachment styles, congenital heart disease.

References

- Abrahamyan Z. A., Khlomov K. D. (2021). Attitude to death in adolescents with addictive behavior: “As soon as I use it, I immediately think about death”. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 14 (79). <https://doi.org/110.54359/ps.v14i79.113> (In Russian)
- Alencar, V. O., Nascimento, I. R. C. D., Santos, I. B. D., Almeida, L. M. P. (2022). Understanding death in the eyes of hospitalized children. *Revista Bioética*, 30, 63–71. <https://doi.org/10.1590/1983-80422022301507EN>
- Ashraf, A., Imran, H. (2019). Association between attachment styles and emotional regulation strategies: A study on non-clinical adolescents sample. *Pakistan Journal of Clinical Psychology*, 18 (2). Available at: <http://pjcpcu.com/index.php/pjcp/article/view/23> (accessed: 04.01.2025).
- Atarod, V., Mansouriyeh, N. (2024). The relationship between insecure attachment styles and emotion self-regulation with death anxiety in the nurses of corona wards in Tabriz city. *Journal of Nursing Education*, 13 (1), 34–46. <https://doi.org/10.22034/JNE.13.1.34>
- Bates, A. T., Kearney, J. A. (2015). Understanding death with limited experience in life: dying children's and adolescents' understanding of their own terminal illness and death. *Current Opinion in Supportive and Palliative Care*, 9 (1), 40–45. <https://doi.org/10.1097/SPC.000000000000118>

- Bernheim, D., Buchheim, A., Domin, M., Mentel, R., Lotze, M. (2022). Neural correlates of attachment representation in patients with borderline personality disorder using a personalized functional magnet resonance imaging task. *Frontiers in Human Neuroscience*, 16. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2022.810417>
- Chistopolskaya, K. A., Enikolopov, S. N. (2015). Attitude to death after suicide attempt: stigmatization and self-stigmatization of suicidal patients. *Vestnik psikiatrii Chuvashii*, 11, 1, 8–19. (In Russian)
- Chistopolskaya K. A., Mitina O. V., Enikolopov S. N., Nikolaev E. L., Semikin G. I., Ozol S. N., Chubina S. A. (2017). Creation of short Russian-language versions of the questionnaires “Attitude to death” and “Fear of personal death”. *Suicidologiya*, 8, 4 (29), 43–55. (In Russian)
- Cox, C. R., Arndt, J., Pyszczynski, T., Greenberg, J., Abdollahi, A., Solomon, S. (2008). Terror management and adults’ attachment to their parents: The safe haven remains. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94 (4), 696–717. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.4.696>
- Crittenden, P. (2001). Transformations in attachment relationships in adolescence: Adaptation versus need for psychotherapy. *Revista de Psicoterapia*, 12, 33–62.
- Gavrilova, T. A. (2001). Existential fear of death and thanatic anxiety: research and diagnostic methods. *Prikladnaya psihologiya*, 6, 1–8. (In Russian)
- Gonzalez, V. J., Kimbro, R. T., Cutitta, K. E., Shabosky, J. C., Bilal, M. F., Penny, D. J., Lopez, K. N. (2021). Mental health disorders in children with congenital heart disease. *Pediatrics*, 147 (2). <https://doi.org/10.1542/peds.2020-1693>
- Gürbüz, A., Yorulmaz, O. (2024). Death anxiety in psychopathology: A systematic review. *Psikiyatride Güncele Yaklaşımlar*, 16 (1), 159–174. <https://doi.org/10.18863/pgy.1267748>
- Jay, S. M., Green, V., Johnson, S., Caldwell, S., Nitschke, R. (1987). Differences in death concepts between children with cancer and physically healthy children. *Journal of Clinical Child Psychology*, 16 (4), 301–306. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp1604_2
- Koc, V., Kafa, G. (2019). The roles of self-esteem and attachment within the framework of terror management theory. *Current Approaches in Psychiatry*, 11 (1), 129–139. <https://doi.org/10.18863/pgy.41933>
- Konieczny, P., Cierpialkowska, L. (2022). Positive and negative life experiences and changes in internal working models of attachment — a comparative study. *Psychiatria Polska*, 56 (3), 551–570. <https://doi.org/10.12740/PP/OnlineFirst/127457>
- Medvedeva V. A., Kadyrov R. V. (2019). Attitude to life and death in adolescents with oncological diseases. *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiya*, 8, 4, 39–57. <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080403> (In Russian)
- Menzies, R. E., Menzies, R. G., Iverach, L. (eds). (2018). *Curing the Dread of Death: Theory, research and practice*. Canberra, Australian Academic Press.
- Messina, I., Calvo, V., Grecucci, A. (2024). Attachment orientations and emotion regulation: new insights from the study of interpersonal emotion regulation strategies. *Research in Psychotherapy: Psychopathology, Process, and Outcome*, 26 (3), 703. <https://doi.org/10.4081/ripppo.2023.703>
- Mikulincer, M. (2019). *An attachment perspective on managing death concerns*. In: Handbook of Terror Management Theory (pp. 243–257). London, Academic Press. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-811844-3.00010-x>
- Miles, K. G., Farkas, D. K., Laugesen, K., Sørensen, H. T., Kasparian, N. A., Madsen, N. (2023). Mental health conditions among children and adolescents with congenital heart disease: A Danish population-based cohort study. *Circulation*, 148 (18), 1381–1394. <https://doi.org/10.1161/CIRCULATIONAHA.123.064705>
- Moretti, M. M., Peled, M. (2004). Adolescent-parent attachment: Bonds that support healthy development. *Paediatrics & Child Health*, 9 (8), 551–555. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1996.tb01862.x>
- O'Halloran, C. M., Altmaier, E. M. (1996). Awareness of death among children: Does a life-threatening illness alter the process of discovery? *Journal of Counseling & Development*, 74 (3), 259–262/
- Qi, X., Xu, W., Deng, Ya., Tao, S., Wang, Ya. (2023). Study on adolescent emotional and sleep status in patients with congenital heart disease. *ISSRA Journal of Applied Medical Sciences*, 2 (2), 15–25.
- Rheingold, J. C. (1967). *The Mother, Anxiety, and Death: The catastrophic death complex*. Boston, Little, Brown and Co.
- Robles, K. A. P., Santoveña, E. E. E. (2024). Intervención cognitivo conductual en factores de riesgo de violencia en el noviazgo: dependencia emocional y apego ansioso. *Revista Electrónica de Psicología Iztacala*, 27 (1), 107–127.

- Rostovtseva, M. E. (2024). Children's understanding of death: the formation of the concept of death and its main characteristics. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 21 (1), 87–107. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.1.5> (In Russian)
- Scheffold, K., Philipp, R., Koranyi, S., Engelmann, D., Schulz-Kindermann, F., Härter, M., Mehnert, A. (2018). Insecure attachment predicts depression and death anxiety in advanced cancer patients. *Palliative and Supportive Care*, 16 (3), 308–316. <https://doi.org/10.1017/S1478951517000281>
- Snegireva, T. V., Volikova, S. V. (2020). Attachment disorders in adolescents with non-suicidal self-harm behavior. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya*, 9 (4), 66–76. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090406> (In Russian)
- Yaremchuk, M. V. (2005). Features of attachment in child-parent relationships and love relationships in older adolescents. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, 3, 86–94. (In Russian)
- Yurevich, A. V. (2017). Psychological factors of attitudes towards death. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 3–4, 35–48. (In Russian)
- Zhukova, N. Yu. (2016). A study of the attitude to death in adolescents with normative and deviant behavior. *Vestnik YuUrGU. Ser. Psikhologiya*, 9, 4, 96–102. <https://doi.org/10.14529/psy1604110> (In Russian)
- Zhukova, N. Yu. (2017). The relationship between attitudes towards death and the tendency to self-destructive behavior in adolescents. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov*, 17, 4, 27–33. (In Russian)

Received: January 28, 2025

Accepted: July 16, 2025

Authors' information:

Marina Ye. Rostovtseva — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0000-0002-6466-3466>,
rostovtseva.my@gmail.com

Процесс принятия решения и антиципационная состоятельность у подростков с несуйцидальным самоповреждающим поведением*

Р. И. Антохина^{а1}, А. В. Васильева^{2,3}, Е. Ю. Антохин¹, А. А. Кибитов⁴

¹ Оренбургский государственный медицинский университет,
Российская Федерация, 460000, Оренбург, ул. Советская, 6

² Национальный исследовательский центр психиатрии
и неврологии им. В. М. Бехтерева,
Российская Федерация, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3

³ Северо-Западный государственный медицинский
университет им. И. И. Мечникова,
Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, ул. Кирочная, 41

⁴ Научный центр психического здоровья,
Российская Федерация, 115522, Москва, Каширское шоссе, 34

Для цитирования: Антохина Р.И., Васильева А.В., Антохин Е.Ю., Кибитов А.А. Процесс принятия решения и антиципационная состоятельность у подростков с несуйцидальным самоповреждающим поведением // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN TLFVDR

Анализ литературы указывает на необходимость подробного изучения причин несуйцидальной аутоагрессии у подростков в контексте процесса принятия решения и прогностической компетентности. Цель: изучить антиципационную состоятельность и процесс принятия решения в условиях неопределенности у подростков с несуйцидальным самоповреждающим поведением. Материалы и методы: с апреля 2023 по ноябрь 2024 г. клиническими и экспериментально-психологическими методами (полуструктурированное интервью, Колумбийская шкала серьезности суйцидальных намерений, игровая задача Iowa Gambling Task, тест антиципационной состоятельности В. Д. Менделевича) исследованы лица от 15 до 17 лет: 32 человека с несуйцидальными самоповреждениями (средний возраст $16,2 \pm 1,2$ лет, 26 девочек, 6 мальчиков) и 30 условно здоровых подростков (средний возраст $16,1 \pm 1,6$ лет, 26 девочек, 4 мальчика). Статистическая обработка проводилась с помощью критериев Колмогорова — Смирнова и Лилиефорса, теста Левена, U-теста Манна — Уитни, двустороннего критерия Фишера. Определены особенности антиципационной состоятельности, процесса принятия решения в условиях неопределенности у подростков с несуйцидальным самоповреждающим поведением. Процесс принятия решений у условно здоровых подростков более эффективен, нежели у их сверстников с несуйцидальным самоповреждающим поведением. Подростки с несуйцидальной аутоагрессией прогностически менее компетентны в сравнении с их здоровыми сверстниками.

Ключевые слова: несуйцидальное самоповреждающее поведение, принятие решения, антиципационная состоятельность, подростки.

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-25-00397; <https://rscf.ru/project/23-25-00397/>.

^а Автор для корреспонденции.

Введение

Подростковый возраст характеризуется значительными психологическими, биологическими и социальными изменениями, которые могут способствовать развитию рискованного поведения, включая суицидальное и самоповреждающее (Батлук, Пойлова, 2020; Антохина, Васильева, 2021; Булычева и др., 2023). Несуицидальное самоповреждающее поведение (НССП) представляет собой преднамеренные действия с нанесением физического вреда себе без намерения покончить с жизнью. Важно отметить, что, несмотря на отсутствие суицидальных намерений в моменте самоповреждающего акта, НССП связано с повышенным риском суицидального поведения в будущем (Zashchirinskaja, Isagulova, 2022; Булычева и др., 2023).

Необходимо разграничивать суицидальную попытку и несуицидальное самоповреждающее поведение (self-harm), также известное как парасуицид. Термин self-harm предложен для включения в DSM-V в качестве нового диагноза. В отличие от суицида, индивиды с данным расстройством не стремятся к смерти. НССП часто рассматривается как способ регулирования сложных эмоций, однако лишь немногие (около трети тех, кто наносит себе вред) испытывают улучшение самочувствия после таких действий (Любов, Зотов, 2020).

В психологической литературе имеются исследования в области антиципации, вероятностного прогнозирования и процесса принятия решений. Большинство этих работ сосредоточено на выявлении общих психологических закономерностей, лежащих в основе антиципативной деятельности. В современной психологии антиципация трактуется как способность человека предвидеть развитие событий, результаты своих поступков и действий других людей, а также планировать поведение на основе вероятностного прогноза (Ничипоренко, Менделевич, 2006). Прогностическая компетентность активно изучается в контексте манифестации и течения тревожно-депрессивных расстройств, эмоциональной регуляции, которые повышают склонность к самоповреждающему поведению у подростков (Холмогорова, 2016; Brown, Plener, 2017; Васильева, Караваева, 2020; Разваляева и др., 2023; Denton, Álvarez, 2024).

Многочисленные исследования связывают аутоагрессивное поведение со специфическими нейрокогнитивными факторами, включая ошибочность принятия решения (Bridge et al., 2012; Keilp et al., 2015; Холмогорова, 2016; Ackerman, 2017; Антохина, Васильева, 2021; Auerbach et al., 2021). В нашем исследовании в условиях поставленной игровой задачи подростки принимали решение в ситуации неопределенности, когда сложно оценить окончательный результат выбора. По данным литературы, способность к антиципации или прогнозированию изучалась в основном в контексте суицидального поведения подростков (Bechara et al., 2005; Ackerman, 2017). Дж. П. Акерман (J. P. Ackerman), проводя широкомасштабное исследование с использованием игровой задачи «Айова-тест», выявил, что подростки с суицидальным поведением не обладают достаточным навыком прогнозирования будущих событий, так как в ходе выполнения данной методики были готовы пойти на большой риск, используя стиль принятия решений, который со временем оказывался невыгодным (Ackerman, 2017). Исследования показывают, что подростки с аутоагрессивным поведением принимают менее выгодные решения для поставленных перед ними задач, имитирующих принятие реальных решений, по сравнению с подростками, не склон-

ных к самоповреждению и суициду, обладают сниженной способностью к принятию решений на основе прошлого опыта, склонностью к игнорированию отрицательных последствий своего выбора (Bechara et al., 2005; Oldershaw et al., 2009; Ackerman, 2017; Brown, Plener, 2017; Антохина, Васильева, 2021).

Анализируя данные литературы, мы обнаружили лишь один коллектив авторов, которые занимались изучением процесса принятия решений у подростков без аутоагрессии в сопоставлении именно с подростками с НССП. А. Oldershaw с коллегами отметили, что подростки с НССП менее точно предсказывают неблагоприятные исходы, что указывает на сниженную антиципационную состоятельность (АС) как способность прогнозировать ход развития событий (Oldershaw et al., 2009). При этом авторы данного исследования утверждают, что эти подростки не имеют опыта НССП в прошлом, только в настоящем. Улучшение навыков принятия решений со временем может быть связано с прекращением причинения себе вреда (Oldershaw et al., 2009). Эффективное принятие решений позволяет людям планировать постепенное достижение значимых целей, справляться с фрустрацией и эмоциональным дискомфортом на пути их достижения, что требует также хорошей АС, умения оценивать трудности как временные, выделять имеющиеся возможности, повышающие вероятность успеха, гибко менять стратегии поведения (Rangel et al., 2008; Tajima et al., 2016).

НССП с точки зрения подростков является эффективным способом быстрого изменения эмоционального состояния и когнитивного переключения с оценки негативных эмоций как вечных и непереносимых, а текущей ситуации как безвыходной, руминаций о собственной несостоятельности на причинение себе физической боли. Таким образом, в моменте принимается решение, которое определяет дальнейшее поведение подростка, где, с одной стороны, в короткой перспективе на основании имеющегося опыта имеет место реалистичное представление об ослаблении душевной боли в результате НССП, с другой стороны, есть очевидная недооценка низкой эффективности подобной стратегии в долгосрочной перспективе, поскольку никак не разрешаются те проблемы, которые выступают в качестве триггеров негативных эмоций, к примеру, самооценка, место подростка в референтной группе, достижение значимых целей. Таким образом, НССП может отражать неадаптивный механизм принятия решений (Hasking et al., 2017).

В отечественной литературе имеется ряд работ, убедительно демонстрирующих значимость когнитивной составляющей (дисфункциональных убеждений, к примеру, катастрофизации, руминативного мышления, когнитивного дефицита, недостаточного понимания и осведомленности об эмоциональных переживаниях, кризиса самооценки при прохождении кризиса взросления) в эмоциональной регуляции и склонности к НССП (Hilt et al., 2008; Сирота и др., 2016; Польская, Разваляева, 2017; Польская, 2018).

Существенный вклад в постановку научной проблемы вносит систематический обзор и метаанализ 2025 г., описывающий дефицит принятия решений, основанных на ценностях, при НССП (Jiang et al., 2025). В совокупности, данные, полученные в ходе работы, свидетельствуют о том, что нарушение процесса принятия решений, проявляющееся в неадаптивной чувствительности к вознаграждению (прогностическая некомпетентность) и предпочтении рискованных вариантов, может представлять собой примечательную когнитивную особенность, связанную

с несуйцидальными мыслями и намерениями, особенно у подростков. Ошибочное прогнозирование с ожиданием выгоды (эмоциональное облегчение) и недостаточное осознание отдаленных последствий (долговременное сохранение следов НССП с последующими проблемами в межличностных отношениях) свидетельствуют о дефиците принятия решений у лиц с НССП (Jiang et al, 2025). Учитывая, что в более ранних работах изучаются механизмы принятия решений, лежащие в основе суицидального поведения (Perrain et al., 2021; Sastre-Buades et al., 2021), существует недостаток данных, позволяющих прояснить вопрос о том, проявляют ли подростки с НССП явные нарушения в процессах принятия решений.

Имеются работы, указывающие на повышенную импульсивность в группе лиц с НССП, однако они не отвечают на вопрос, как именно человек принимает то или иное решение (Arqueros et al., 2025; Pan et al., 2025). Высокий уровень импульсивности и нарушения регуляции эмоций могут быть важными факторами риска развития НССП (Adrian et al., 2011; Польская, 2018; Wolff et al., 2019; Kim et al., 2020). Укрепление навыков регуляции эмоций и обучение сдерживающему контролю подростков с НССП может способствовать уменьшению случаев самоповреждений и поддержанию их психического здоровья (Liu et al., 2022).

Имеются работы исследования антиципационных способностей у девиантных подростков, которые достоверно чаще по сравнению со здоровыми оказывались антиципационно несостоятельными (значительно хуже прогнозировали поведение окружающих, предугадывали их действия и высказывания, а также планировали собственное поведение) (Менделевич, Макаричева, 2002; Ахметзянова, 2015б). Способность к вероятностному прогнозированию имеет «адаптивно-дезадаптивный психологический характер... и при несостоятельности интеллектуальной либо психической наблюдается и антиципационная несостоятельность» (Ахметзянова, 2015а, с. 42).

В настоящее время большая часть исследований, посвященных АС, так же как и диспозиционному оптимизму (Carver, Scheier, 2014), конструкту позитивной антиципации, проводилась на взрослых выборках (Uribe et al., 2021). Подростки лишь недавно оказались в фокусе внимания исследователей. Однако полученные результаты представляют несомненный интерес в плане дальнейшей разработки мишенецентрированных психотерапевтических программ.

Недостаточная освещенность работ по изучению антиципации, существующая противоречивость и скудость данных о наличии проблем с принятием решений у подростков с НССП является пробелом, который мы попытались восполнить в своей работе.

Настоящее исследование является попыткой проследить в режиме реального времени, а не на основании самоотчетов, с использованием геймификации, каким образом подростки принимают решение, и сопоставить полученные данные с АС как способностью представить себе заранее результат собственных действий, что является значимой составляющей адаптационного потенциала личности. НССП может рассматриваться в качестве эффективного поведения немедленной редукции эмоционального напряжения и интенсивности негативных эмоций, однако выступает несостоятельной стратегией в долговременной перспективе.

Анализ актуальных теоретических и эмпирических исследований факторов риска НССП может служить основой для разработки мишенецентрированных

психотерапевтических программ с использованием элементов геймификации, реализуя тем самым персонализированный подход, который может «существенно уменьшить медико-социальные риски, обеспечивая управляемость состоянием пациентов и адаптацию методов лечения под индивидуальные особенности, включая уязвимые группы» (Васильева и др., 2024, с. 642).

Цель исследования: изучить особенности процесса принятия решения и АС у подростков с НССП.

Методы

Исследование проведено в Оренбурге на базе стационарного отделения ГБУЗ «Оренбургская областная клиническая психиатрическая больница № 1» и МАОУ «Кваркенская средняя общеобразовательная школа». Исследование проведено в два этапа в период с апреля 2023 по ноябрь 2024 г. На первом этапе клинико- и экспериментально-психологическими методами на базе психиатрической больницы исследовано 62 подростка от 15 до 17 лет, поступивших на стационарное лечение в связи с аутоагрессивным поведением, что явилось критерием включения в исследование. На втором этапе с учетом полученных клинико-анамнестических данных с использованием Колумбийской шкалы оценки тяжести суицидальности из исследования были исключены 30 человек с выявленными в анамнезе с самоповреждающим поведением суицидальными намерениями.

В окончательную клиническую выборку вошли 32 респондента с НССП (с отсутствием суицидального намерения, с кожными повреждениями, полученными путем нанесения себе ударов, порезов, расчесываний). Вошедшие в основную группу подростки в ходе полуструктурированного интервью сообщили, что совершают преднамеренные самоповреждения несуйцидального характера более 2,5 лет. В большинстве случаев (72 %) объектом самоповреждения являлись руки, в 23 % — бедра и в 5 % — живот. Подростки отрицали наличие намерений умереть в момент самоповреждения, однако по Колумбийской шкале и данным интервью мысли и фантазии на тему смерти в это время присутствовали, что в рамках интерперсональной теории суицидов не включается в причины самоубийств. Клиническая оценка всех исследуемых проводилась при поступлении, экспериментально-психологическая — после достижения эутимии. Пациенты получали антидепрессанты из группы СИОЗС, сертралин и флувоксамин как единственные разрешенные для применения в подростковом возрасте. Эти препараты отличает не только эффективность, но и хорошая переносимость, у них отсутствует когнитивная токсичность (Быков, Беккер, 2018; Вазагаева и др., 2019). Сплошным методом была сформирована контрольная группа, исследовано 30 школьников общеобразовательной школы, которые, по данным полуструктурированного интервью, никогда не нанесли себе самоповреждений.

Выборка. Критерии включения пациентов в основную группу:

- наличие информированного согласия;
- дееспособность девочек и мальчиков в возрасте от 15 до 17 лет, свободное владение русским языком;

- наличие несуйцидального самоповреждения в анамнезе с отсутствием суйцидального намерения, с кожными повреждениями, полученными путем нанесения себе ударов, порезов, расчесываний;

- диагноз непсихотических тревожно-депрессивных расстройств.

Критерии включения пациентов в группу сравнения:

- наличие информированного согласия;

- дееспособность девочек и мальчиков в возрасте от 15 до 17 лет, свободное владение русским языком;

- отсутствие самоповреждения в анамнезе.

Критерии невключения пациентов:

- наличие психических расстройств и расстройств поведения, связанных с употреблением ПАВ (F10–19), шизофрении, шизотипических и бредовых расстройств (F20–29), умственной отсталости (F70–79);

- прием транквилизаторов, антихолинергических или снотворных препаратов менее чем за 3 дня до проведения обследования;

- отсутствие информированного согласия.

Методы исследования:

1. Клинический, включающий клинико-анамнестический, клинико-психопатологический, проводился с помощью полуструктурированного интервью и дополнительного сбора объективного анамнеза. Также проводилось исследование испытуемых по Колумбийской шкале серьезности суйцидальных намерений (Columbia Suicide Severity Rating Scale, C-SSRS) (Цукарзи, 2011) для оценки тяжести суйцида и суйцидального риска.

2. Экспериментально психологический метод включал обследование пациентов следующими методиками:

а) игровая задача «Iowa Gambling Task» (IGT) (Корнилова и др., 2018). Тест зарекомендовал себя как инструмент для моделирования решения прогностических задач в ситуации неопределенности, где необходима прогностическая активность человека, что находит отражение в особенностях его индивидуальных стратегий. Выполнение IGT позволяет судить об эмоциональной регуляции в выборах принятия решений, что соответствует гипотезе «соматических маркеров» (Bechara et al., 2005). В процессе прохождения Айова-теста респондент совершает 100 выборов карт из колод, которые при интерпретации результатов разбиваются на 5 этапов (первый этап соответствует первым 20 выборам, второй этап — 21–40 выборы, третий этап — 41–60 выборы, четвертый этап — 61–80 выборы, пятый этап — 81–100 выборы). Каждый выбор в игре рассматривается как «выигрыш» или «проигрыш» игровых долларов. Частый выбор карт из «плохих» колод (А и В), обеспечивающих большой сиюминутный выигрыш, приводит в результате к большому убытку. Частый выбор карт из «хороших» колод (С и D), обеспечивающих наименьший выигрыш, приводит в результате к меньшему убытку, но в итоге дает возможность получить высокий результат. На протяжении первого этапа испытуемый активно исследует игровое пространство. Начиная со второго и заканчивая четвертым этапом, индивид апробирует различные игровые стратегии выбора. И уже на заключительном, пятом этапе игрок реализует лучший выбор из всех возможных, что ассоциируется с наименьшей нео-

пределенностью и прогнозируемым риском. Частая смена колод рассматривается как хаотичность действий; редкая смена колод — как отсутствие хаотичности в выборе. Если испытуемый отдает предпочтение «хорошим» колодам с малым выигрышем, то такая стратегия рассматривается как осторожная. Если респондент предпочитает «плохие» колоды, но с редким большим выигрышем, это интерпретируется как наименее рациональная и наиболее рискованная стратегия. Таким образом, в исследовании появляется возможность в условиях эксперимента получить данные о стратегии принятия решений, в отличие от использования опросников для самозаполнения. При анализе результатов мы придерживались общепринятых принципов интерпретации Айова-теста: сравнение средних значений полученной прибыли, количества выборов выигрышных колод, количества смены колод как на каждом этапе, так и за всю игру у подростков двух исследуемых групп.

б) тест АС разработан для исследования пациентов с расстройствами невротического уровня (Менделевич, Макаричева, 2002; Ничипоренко, Менделевич, 2006). Данный метод используется для оценки особенностей антиципационной деятельности, под которой понимается способность с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуации и собственные реакции на них и действовать с временно-пространственным упреждением.

Нормальность распределения проверялась при помощи использования критериев Колмогорова — Смирнова и Лилиефорса. Тест Левена применялся для оценки гомогенности дисперсий. Сравнение средних, не имеющих нормального распределения, проводилось с помощью непараметрических статистических методов: U-теста Манна — Уитни. Анализ таблиц сопряженности проводился с использованием точного двустороннего критерия Фишера. Уровень значимости для применяемых статистических критериев считался равным 0,05.

Результаты

Согласно МКБ-10, в группе НССП преобладали 16 пациентов (50%) с диагнозом «Расстройство адаптации. Пролонгированная депрессивная реакция» (F 43.21), у 12 (38%) пациентов диагностирован «Умеренный депрессивный эпизод» (F 32.1), у 2 пациентов (6%) «Расстройство адаптации. Кратковременная депрессивная реакция» (F 43.20), у 2 пациентов (6%) «Расстройство адаптации. Смешанное расстройство эмоций и поведения» (F 43.25).

В процессе анализа принятия решения в условиях неопределенности обнаружено, что подростки с НССП выбирают менее выгодные колоды и, соответственно, получают меньшую прибыль, подвержены большей хаотичности в действиях, в отличие от условно здоровых подростков (табл. 1).

Подростки с НССП получают низкую прибыль на протяжении всех этапов, обладают слабой способностью рассчитывать возможность верных решений, в результате чего выбирают проигрышную стратегию. У подростков с НССП в начале и середине игры средние значения по прибыли выше, чем в конце игры, что указывает на относительно рациональные выборы. Затем же прибыль резко снижается, что указывает на неэффективность решений в целом.

Подростки клинической выборки склонны к выбору невыгодных колод на всех этапах игры. В начале игры респонденты с НССП выбирают более выигрышные

Таблица 1. Процесс принятия решения у подростков

№ п/п	Показатели Айова-теста	Подростки с НССП	Здоровые подростки	p-уровень
		M ± σ	M ± σ	
1	Прибыль			
	1-й блок	2700 ± 516,51	2772 ± 431,11	≤ 0,01
	2-й блок	2016,66 ± 448,35	2576,66 ± 779,75	≤ 0,05
	3-й блок	1740 ± 473,66	1874,66 ± 974,75	≤ 0,05
	4-й блок	1723,33 ± 831,56	2060 ± 810,84	≤ 0,05
	5-й блок	1701,66 ± 691,62	1875 ± 1108,69	≤ 0,01
	Общий результат (за игру)	9291,66 ± 2395,64	10847,33 ± 2294,74	≤ 0,01
2	Выбор выигрышных колод			
	1-й блок	8,23 ± 2,21	12,33 ± 3,23	≤ 0,05
	2-й блок	9,06 ± 2,71	9,66 ± 4,22	≤ 0,05
	3-й блок	10,3 ± 2,32	12,68 ± 2,99	≤ 0,05
	4-й блок	10,6 ± 3,31	11,33 ± 1,15	≤ 0,01
	5-й блок	6,6 ± 3,26	10,4 ± 4,16	≤ 0,01
	Общий результат (за игру)	39,93 ± 8,44	62,4 ± 13,78	≤ 0,01
3	Смена колод			
	1-й блок	13 ± 3,48	18,93 ± 3,35	≤ 0,01
	2-й блок	13,46 ± 3,11	16,2 ± 3,82	≤ 0,05
	3-й блок	14,6 ± 3,61	16,13 ± 4,03	≤ 0,05
	4-й блок	12,53 ± 3,21	15,2 ± 4,64	≤ 0,01
	5-й блок	14,73 ± 4,51	13,93 ± 5,85	≤ 0,01
	Общий результат (за игру)	71,33 ± 14,14	77,4 ± 2,13	≤ 0,01

колоды (у 73%), затем же происходит перевес в сторону невыгодных колод. Колебание низких (у 63%) и средних (у 50%) значений отмечается в середине этапа апробации игровых стратегий (на 3-м этапе). Это может быть связано с тем, что подростки с НССП решают изменить стратегию поведения, но, убедившись, что такая стратегия не подходит им, хотя и является правильной, они переходят к другому плану действий, который является заведомо провальным.

У подростков с НССП отмечается преобладание средних значений в условиях максимальной неопределенности (на 1-м этапе) и на этапе апробации игровых стратегий (на 2–4-м этапах), что является адекватным проявлением смены колод, но также прослеживается и большое количество высоких значений, что указывает на хаотичность действий. В условиях наименьшей неопределенности хаотичность занимает лидирующее положение.

Антиципационная несостоятельность выявлена у 55% подростков с НССП. Из всех форм антиципационной несостоятельности наиболее высокий уровень об-

наружен по пространственной антиципации у подростков с НССП (у 90 %). При анализе средних значений выявлено, что показатели по шкалам «АС» (241,15 ± 11,7), «Личностно-ситуативная АС» (160,7 ± 9,4), «Пространственная АС» (43,45 ± 6,5) и «Временная АС» (37 ± 5,3) расположились в диапазоне низких значений, что свидетельствует об антиципационной несостоятельности у данных лиц с НССП. У респондентов группы сравнения показатели по всем шкалам («АС» (268,8 ± 28,7), «Личностно-ситуативная АС» (177,45 ± 20,5), «Пространственная АС» (54,45 ± 8,1)) расположены в зоне высоких значений, что говорит о сохранной АС у условно здоровых подростков.

Таблица 2. Средние значения АС у подростков

Шкалы антиципации	Подростки с НССП	Здоровые подростки	p-уровень
	М ± σ	М ± σ	
АС	241,15 ± 11,7	268,8 ± 28,7	≤ 0,01
Личностно-ситуативная АС	160,7 ± 9,4	177,45 ± 20,5	≤ 0,01
Пространственная АС	43,45 ± 6,5	54,45 ± 8,1	≤ 0,01
Временная АС	37,1 ± 5,3	38,6 ± 6,7	≥ 0,1

По результатам проведения сравнительного анализа показателей основной группы и группы сравнения выявлены высокие статистически значимые различия практически по всем шкалам: АС ($p \leq 0,01$), личностно-ситуативная АС ($p \leq 0,01$), пространственная АС ($p \leq 0,01$). По шкале «Временная АС» статистически значимые различия не выявлены ($p \geq 0,1$) (табл. 2). Подростки с НССП с трудом предвосхищают ход событий, плохо прогнозируют развитие ситуаций и собственные реакции на них. Подростки обеих групп одинаково затрудняются действовать с временным упреждением. Они плохо прогнозируют течение времени и неточно распределяют собственное время.

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют о существовании значимых различий между основной группой подростков с НССП и группой сравнения по большинству показателей антиципации, что подтверждается высокими статистически значимыми показателями по шкалам АС, личностно-ситуативной и пространственной АС. Эти результаты указывают на то, что подростки с НССП испытывают существенные трудности в предвосхищении и прогнозировании развития событий и собственных реакций в различных контекстах, что препятствует достижению значимых целей, повышает вероятность ситуаций фрустрации, где при выявленных в ранее проведенных исследованиях нарушениях эмоциональной регуляции НССП рассматривается как наиболее подходящая поведенческая стратегия совладания с эмоциональной болью (Польская, Разваляева, 2017; Польская, 2018).

Также АС не дает возможности прогнозировать развитие негативных эмоциональных состояний и более конструктивно к ним подготовиться. Подростки с НССП обладают сниженной антиципационной компетентностью, трудностями

в прогнозировании последствий своих действий по сравнению со здоровыми подростками, что отражается в более ранней работе (Oldershaw et al., 2009).

Отсутствие статистически значимых различий по шкале временной антиципации свидетельствует о том, что обе группы демонстрируют сходные затруднения в упреждающем временном планировании и прогнозировании временных параметров событий. Это может указывать на то, что временная антиципация еще недостаточно сформирована у подростков и полученные данные связаны с возрастными особенностями подростков независимо от наличия НССП.

Среди полученных результатов выделяется высокий уровень пространственной антиципационной несостоятельности, выявленный у 90 % подростков с НССП. Пространственная антиципация связана с умением прогнозировать и ориентироваться в пространственно-временном контексте событий, что критически важно для адекватного планирования собственных действий. В том числе и для дискретного восприятия времени, что помогает в оценке того, что негативное эмоциональное состояние носит временный характер и поэтому переносимо и не требует немедленных действий в виде нанесения себе повреждений. Также это препятствует формированию стратегий пошагового достижения значимых целей, что негативно влияет на самооценку и усиливает эмоциональную дисрегуляцию. Помимо этого, такие антиципационные нарушения снижают способность понимать фатальность самодеструктивного поведения, что требует дальнейших исследований в отношении возможного повышения суицидального риска.

Таким образом, выявленные различия специфики нарушений антиципационных процессов при принятии решений в подростковом возрасте могут быть использованы в качестве мишеней при разработке и дальнейшей апробации психотерапевтических программ с использованием элементов геймификации для подростков с НССП, где в игровом режиме можно было бы восполнять дефицит и тренировать принятие более конструктивных решений в условиях неопределенности, а также лучше прогнозировать свои действия и представлять их результат. Особое внимание следует уделять развитию навыков личностно-ситуативного и пространственного прогнозирования, что может способствовать улучшению адаптивного поведения и снижению рисков дезадаптации. В то же время выявленные сложности с временной антиципацией в обеих группах указывают на необходимость включения в коррекционные программы компонентов, направленных на формирование навыков эффективного управления временем.

В целом у подростков с НССП выявлены патологические/дезадаптивные формы антиципации, что в определенной степени может объяснить их потребность в снятии эмоциональной боли через физическую. При совершении НССП действий реализуется как личностно-ситуативная, так и пространственная прогностическая несостоятельность с локализацией на своем теле — аутоагресссия. Наши данные косвенно отражают результаты предыдущих исследований. Ожидания результатов от несуйцидальных самоповреждений (то есть ожидания того, что за НССП последуют определенные результаты) предсказывают склонность к НССП у подростков (Guo et al., 2024).

Мы рассматриваем представления о причинении себе вреда как проявление ограниченности набора вариантов, сложившегося в результате поиска решений в условиях прогностической некомпетентности. У подростков с НССП имеются

нарушения антиципации, что отражается, как мы полагаем, и при выполнении игровой задачи в процессе принятия решений — в окончательной прибыли, которая меньше, чем у здоровых подростков. Мы предполагаем, что неспособность моделировать альтернативное будущее может препятствовать поиску альтернативных решений в условиях стресса.

Выводы

Проблема самоповреждающего поведения среди подростков остается актуальной и не до конца изученной. Выделяют два вида самоповреждающего поведения, в частности несуицидальный и суицидальный типы. В настоящее время имеются трудности в оценке роли факторов риска и их иерархии в развитии НССП.

По полученным результатам выявлены статистически значимые различия показателей АС, процесса принятия решений у подростков с НССП и без самоповреждающего поведения.

У подростков с НССП выявлено снижение АС по всем формам в сравнении со здоровыми сверстниками. Подростки с НССП с трудом прогнозируют варианты развития событий, хуже представляют развитие ситуаций и собственные реакции на них, чем здоровые подростки. Подростки двух групп затрудняются действовать с пространственно-временно-упреждением, плохо прогнозируют течение и неточно распределяют время.

При принятии решений в ситуации неопределенности подростки с НССП склонны совершать нерациональные действия, чаще рисковать, отдавать предпочтение неэффективным, непродуктивным стратегиям без должного учета долгосрочной перспективы. Подростки с несуицидальной аутоагрессией принимают недостаточно практичные хаотичные решения, без ориентировки на прошлый опыт, проявляя тем самым прогностическую некомпетентность.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки целевых программ по психологическому сопровождению подростков с НССП. Предоставление практикующим психологам, социальным работникам и педагогам новых знаний о механизмах суицидальной уязвимости и самоповреждениях повышает качество оказываемой поддержки. Выявленные различия в ходе проведенного исследования у подростков с НССП и здоровых подростков могут быть стать мишенями для проведения коррекционных мероприятий.

Ограничения

Особенности дизайна исследования подразумевали избирательный отбор подростков с НССП. В дальнейшем необходимо участие в качестве группы сравнения подростков группы с суицидальным самоповреждающим поведением. Ограничение также касалось самой концепции рассмотрения факторов самоповреждающего поведения, в которой они оцениваются главным образом как вероятные предпосылки, «подготавливающие почву» для возникновения членовредительства. В дальнейшем целесообразно описать роль и взаимовлияние потенциальных и актуальных факторов риска манифестации НССП. Исследование проводилось в одном городе (Оренбурге), необходимо провести подобное исследование в других регионах.

Благодарность

Коллектив авторов благодарит руководство и сотрудников ГБУЗ «ООКПБ № 1» за помощь в сборе материала.

Литература

- Антохина Р.И., Васильева А.В. Процесс принятия решения и негативный опыт детства у подростков с аутоагрессией в зависимости от наличия суицидальной цели // Неврологический вестник. 2021. Т. 53, № 4. С. 11–22.
- Ахметзянова А.И. Антиципационная несостоятельность в условиях болезни и аномального развития (научная позиция казанской школы) // Практическая медицина. 2015а. № 5(90). С. 42–45.
- Ахметзянова А.И. Особенности антиципационно-прогностической системы в подростковом возрасте // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. 2015б. № 12(209). С. 129–137.
- Батлук Ю.В., Пойлова Я.П. Суицидальные тенденции у людей с татуировкой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10, вып. 3. С. 338–352. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.309>
- Булычева Е.В., Антохина Р.И., Васильева А.В., Антохин Е.Ю., Калмыкова А.С. Психосоциальные аспекты антисуицидальных мотивов у подростков // Психиатрия и психофармакотерапия. 2023. № 6. С. 11–23.
- Быков Ю.В., Беккер Р.А. Сертралин в детской и подростковой психиатрической практике // Психиатрия и психофармакотерапия. 2018. № 20 (5). С. 13–26.
- Вазагаева Т.И., Ахапкин Р.В., Корендюхина А.О., Файзуллоев А.З. Влияние сертралина на когнитивные, психомоторные и личностно-поведенческие показатели при терапии депрессии (клинический случай) // Медицинский совет. 2019. № 21. С. 103–109. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2019-21-103-109>
- Васильева А.В., Караваева Т.А. Психосоциальные факторы профилактики и терапии невротических расстройств в мегаполисе: мишени интервенций в здоровом городе // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева. 2020. № 2. С. 95–104.
- Васильева А.В., Караваева Т.А., Радионов Д.С., Старунская Д.А., Андрианова А.Е. Ментальная экология в эпоху социальных вызовов: фокус на коморбидность депрессивных и тревожных расстройств // Экология человека. 2024. Т. 31, № 9. С. 635–646.
- Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А. Интеллект и успешность стратегий прогнозирования при выполнении Айова-теста (IGT) // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2018. Т. 15, № 1. С. 10–21.
- Любов Е.Б., Зотов П.Б. Несуицидальные самоповреждения подростков: общие и особенное. Ч. II // Суицидология. 2020. Т. 11, № 4. С. 25–55.
- Менделевич В.Д., Макаричева Э.В. Антиципационная состоятельность в структуре личности подростков с девиациями в поведении // Конгресс по детской психиатрии: Материалы конгресса. М.: МЕДпресс, 2002. С. 195–197.
- Ничипоренко Н.П., Менделевич В.Д. Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 5. С. 50–59.
- Польская Н.А. Эмоциональная дисрегуляция в структуре самоповреждающего поведения // Консультативная психология и психотерапия. 2018. № 26 (4). С. 65–82. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260405>
- Польская Н.А., Разваляева А.Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. № 25 (4). С. 71–93. <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250406>
- Разваляева А.Ю., Польская Н.А., Басова А.Я. Методики оценки риска суицидального поведения в подростковом возрасте: систематический обзор систематических обзоров // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31, № 2. С. 33–67. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310202>
- Сирота Н.А., Московченко Д.В., Ялтонский В.М., Кочетков Я.А., Ялтонская А.В. Психодиагностика эмоциональных схем: результаты апробации русскоязычной краткой версии шкалы эмоци-

ональных схем Р. Лихи // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2016. № 1. С. 76–83.

- Холмогорова А. Б. Суицидальное поведение: теоретическая модель и практика помощи в когнитивно-бихевиоральной терапии // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 3. С. 144–163. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240309>
- Цукарзи Э. Э. Суицид: оценка риска и первая помощь. Определение уровня суицидального риска с помощью Колумбийской шкалы оценки тяжести суицида (C-SSRS) // Современная Терапия психических расстройств. 2011. № 2. С. 30–40.
- Ackerman J. P. Risk-sensitive decision-making deficit in adolescent suicide attempters // Journal of Child and Adolescent Psychopharmacology. 2017. Vol. 25 (2). P. 109–113.
- Adrian M., Zeman J., Erdley C., Lisa L., Sim L. Emotional dysregulation and interpersonal difficulties as risk factors for nonsuicidal self-injury in adolescent girls // Journal of Abnormal Child Psychology. 2011. No. 39 (3). P. 389–400. <https://doi.org/10.1007/s10802-010-9465-3>
- Arqueros M., Perez-Diez I., Garcia-Ramos A., Ayad-Ahmed W., Sanchez A., Torre-Luque A. de la. Addiction profile is associated with suicidal behavior and repetition of non-suicidal self-injury: a latent profile analysis study in a schooled adolescents // European Child & Adolescent Psychiatry. 2025. Vol. 34. P. 2931–2941. <https://doi.org/10.1007/s00787-025-02712-x>
- Auerbach R. P., Pagliaccio D., Allison G. O., Alqueza K. L., Alonso M. F. Neural correlates associated with suicide and nonsuicidal self-injury in youth // Biological Psychiatry. 2021. Vol. 89 (2). P. 119–133. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2020.06.002>
- Bechara A., Damasio H., Tranel D., Damasio A. R. The Iowa Gambling Task and the somatic marker hypothesis: some questions and answers // Trends in Cognitive Sciences. 2005. Vol. 9 (4). P. 159–162.
- Bridge J. A., McBee-Strayer S. M., Cannon E. A., Sheftall A. H., Reynolds B., Campo J. V., Pajer K. A., Barbe R. P., Brent D. A. Impaired decision making in adolescent suicide attempters // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2012. Vol. 51. P. 394–403.
- Brown R. C., Plener P. L. Non-suicidal self-injury in adolescence // Current Psychiatry Reports. 2017. Vol. 19 (3) P. 20. <https://doi.org/10.1007/s11920-017-0767-9>
- Carver C. S., Scheier M. F. Dispositional optimism // Trends in Cognitive Sciences. 2014. No. 18 (6). P. 293–299. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2014.02.003>
- Denton E., Álvarez K. The global prevalence of nonsuicidal self-injury among adolescents // JAMA Network Open. 2024. Vol. 7 (6). P. 2415406. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2024.15406>
- Guo J., Wang C., You J. Patterns and transitions of nonsuicidal self-injury outcome expectancies and their associations with nonsuicidal self-injury among adolescents // Journal of Youth and Adolescence. 2024. Vol. 53 (4). P. 895–909. <https://doi.org/10.1007/s10964-023-01900-9>
- Hasking P., Whitlock J., Voon D., Rose A. A cognitive-emotional model of NSSI: Using emotion regulation and cognitive processes to explain why people self-injure // Cognition and Emotion. 2017. No. 31 (8). P. 1543–1556. <https://doi.org/10.1080/02699931.2016.1241219>
- Hilt L. M., Cha C. B., Nolen-Hoeksema S. Nonsuicidal self-injury in young adolescent girls: moderators of the distress-function relationship // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2008. No. 76 (1). P. 63–71. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.76.1.63>
- Jiang Yu., Zeng Yi., Zhang M., Wang H., He W., Xu P., Ai H. Value-based decision-making deficits in non-suicidal self-injury: A systematic review and meta-analysis // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2025. Vol. 172. P. 106107. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2025.106107>
- Keilp J. G., Gorlyn M., Russell M., Oquendo M. A., Burke A. K., Harkavy-Friedman J., Mann J. J. Neuropsychological function and suicidal behavior: Attention control, memory and executive dysfunction in suicide attempt // Psychological Medicine. 2015. Vol. 43. P. 539–551.
- Kim K. L., Galione J., Schettini E., DeYoung L. L. A., Gilbert A. C., Jenkins G. A., MacPherson H. A., Radoeva P. D., Kudinova A. Yu., Dickstein D. P. Do styles of emotion dysregulation differentiate adolescents engaging in non-suicidal self-injury from those attempting suicide? // Psychiatry Research. 2020. Vol. 291. P. 113240. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113240>
- Liu J., Gao Ye., Liang C., Liu X. The potential addictive mechanism involved in repetitive nonsuicidal self-injury: the roles of emotion dysregulation and impulsivity in adolescents // Journal of Behavioral Addictions. 2022. No. 11 (4). P. 953–962. <https://doi.org/10.1556/2006.2022.00077>

- Oldershaw A., Grima E., Jollant F., Richards C., Simic M., Taylor L., Schmidt U. Decision-making and problem solving in adolescents who deliberately self-harm // *Psychological Medicine*. 2009. No. 39 (1). P.95–104. <https://doi.org/10.1017/S0033291708003693>
- Pan B., Gong Yu., Guo M., Wang X., Lu H., Lin Z., Zhang B. Negative affect and impulsivity in adolescents with non-suicidal self-injury: The moderating and mediating roles of perceived social support // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2025. No. 1 (21). P. 1–13. <https://doi.org/10.2147/NDT.S498951>
- Perrain R., Dardenne R., Jollant F. Risky decision-making in suicide attempters, and the choice of a violent suicidal means: an updated meta-analysis // *Journal of Affective Disorders*. 2021. Vol. 280, part A. P. 241–249. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.11.052>
- Rangel A., Camerer C., Montague P.R. A framework for studying the neurobiology of value-based decision-making // *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. No. 9. P. 545–555.
- Sastre-Buades S.-A., Alacreu-Crespo A., Courtet P., Baca-Garcia E., Barrigon M.L. Decision-making in suicidal behavior: A systematic review and meta-analysis // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2021. Vol. 131. P. 642–662. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.10.005>
- Tajima S., Drugowitsch J., Pouget A. Optimal policy for value-based decision-making // *Nature Communications*. 2016. No. 7. P. 12400. <https://doi.org/10.1038/ncomms12400>
- Uribe F. A. R., de Oliveira S. B., Junior A. G., da Pedroso S. J. Association between the dispositional optimism and depression in young people: a systematic review and meta-analysis // *Psicologia: Reflexão e Crítica*. 2021. No. 29, Vol. 34 (1). P. 37. <https://doi.org/10.1186/s41155-021-00202-y>
- Wolff J. C., Thompson E., Thomas S. A., Nesi J., Bettis A. H., Ransford B., Scopelliti K., Frazier E. A., Liu R. T. Emotion dysregulation and non-suicidal self-injury: A systematic review and meta-analysis // *European Psychiatry*. 2019. Vol. 59. P. 25–36. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2019.03.004>
- Zashchirinskaia O., Isagulova E. Childhood trauma as a risk factor for high risk behaviors in adolescents with borderline personality disorder // *Iranian Journal of Psychiatry*. 2022. Vol. 18, No. 1. P. 65. <https://doi.org/10.18502/ijps.v18i1.11414>

Статья поступила в редакцию 19.02.2025 г.;
рекомендована к печати 29.07.2025 г.

Контактная информация:

Антохина Розалия Ильдаровна — старший преподаватель; <https://orcid.org/0000-0003-1761-1337>,
rozaliana8@mail.ru

Васильева Анна Владимировна — д-р мед. наук, доц., главный научный сотрудник,
<https://orcid.org/0000-0002-5116-836X>, annavdoc@yahoo.com

Антохин Евгений Юрьевич — д-р мед. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0001-6835-8613>,
antioh73@yandex.ru

Кибитов Андрей Александрович — аспирант; <https://orcid.org/0000-0001-7766-9675>,
andreykibitov18@gmail.com

Decision-making process and anticipatory competence in adolescents with non-suicidal self-injurious behavior*

R. I. Antokhina^{a1}, A. V. Vasilyeva^{2,3}, E. Yu. Antokhin¹, A. A. Kibitov⁴

¹ Orenburg State Medical University,

6, ul. Sovetskaya, Orenburg, 460000, Russian Federation

² V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology,

3, ul. Bekhtereva, St. Petersburg, 192019, Russian Federation

³ I. I. Mechnikov North-Western State Medical University,

41, ul. Kirochnaya, St. Petersburg, 191015, Russian Federation

⁴ Scientific Center of Mental Health,

34, Kashirskoe shosse, Moscow, 115522, Russian Federation

For citation: Antokhina R. I., Vasilyeva A. V., Antokhin E. Yu., Kibitov A. A. Decision-making process and anticipatory competence in adolescents with non-suicidal self-injurious behavior. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN TLFVDR (In Russian)

The literature review points to the need for a detailed study of the causes of non-suicidal self-aggression in adolescents in the context of decision-making process and prognostic competence. Objective: to study the anticipatory consistency and decision-making process under uncertainty in adolescents with non-suicidal self-injurious behavior. From April 2023 to November 2024, clinical and experimental psychological methods (semi-structured interview, Columbia Suicide Intent Scale, Iowa Gambling Task, V. D. Mendelevich Anticipatory Competence Test) were used to study individuals aged 15 to 17: 32 individuals with non-suicidal self-harm (mean age 16.2 years, 26 girls, 6 boys) and 30 conditionally healthy adolescents (mean age 16.1 years, 26 girls, 4 boys). Statistical processing was carried out using the Kolmogorov — Smirnov and Liliefors criteria, Levene's test, Mann — Whitney U-test, two-tailed Fisher criterion. The features of anticipatory consistency, the decision-making process in conditions of uncertainty, in adolescents with non-suicidal self-damaging behavior were determined. Conclusions: the decision-making process in conditionally healthy adolescents is more effective than in their peers with non-suicidal self-damaging behavior. Adolescents with non-suicidal autoaggression are prognostically not competent in comparison with their healthy peers.

Keywords: non-suicidal self-harming behavior, decision making, anticipatory competence, adolescents.

References

- Ackerman, J.P. (2017). Risk-sensitive decision-making deficit in adolescent suicide attempters. *Journal of Child and Adolescent Psychopharmacology*, 25 (2), 109–113. <https://doi.org/10.1089/cap.2016.0021>
- Adrian, M., Zeman, J., Erdley, C., Lisa, L., Sim, L. (2011). Emotional dysregulation and interpersonal difficulties as risk factors for nonsuicidal self-injury in adolescent girls. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 39 (3), 389–400. <https://doi.org/10.1007/s10802-010-9465-3>
- Akhmetzianova, A. I. (2015a). Anticipation failure in the context of disease and abnormal development (Scientific Position of the Kazan School). *Prakticheskaya meditsina*, 5 (90), 42–45. (In Russian)
- Akhmetzianova, A. I. (2015b). Features of the anticipation-prognostic system in adolescence. *Nauchnye vedomosti. Ser. Gumanitarnye nauki*, 12 (209), 129–137. (In Russian)

* The study was carried out using funds from the Russian Science Foundation grant no. 23-25-00397; <https://rscf.ru/project/23-25-00397/>.

^a Author for correspondence.

- Antokhina, R. I., Vasil'eva, A. V. (2021). The decision-making process and negative childhood experience in adolescents with autoaggression depending on the presence of a suicidal goal. *Neurologicheskii vestnik*, 53 (4), 11–22. (In Russian)
- Arqueros, M., Perez-Diez, I., Garcia-Ramos, A., Ayad-Ahmed, W., Sanchez, A., A. de la Torre-Luque. (2025). Addiction profile is associated with suicidal behavior and repetition of non-suicidal self-injury: A latent profile analysis study in schooled adolescents. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 29, 34, 2931–2941. <https://doi.org/10.1007/s00787-025-02712-x>
- Auerbach, R. P., Pagliaccio, D., Allison, G. O., Alqueza, K. L., Alonso, M. F. (2021). Neural correlates associated with suicide and nonsuicidal self-injury in youth. *Biological Psychiatry*, 89 (2), 119–133. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2020.06.002>
- Batluk, Iu. V., Poilova, Ia, P. (2020). Suicidal tendencies in people with tattoos. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 10 (3), 338–352. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.309> (In Russian)
- Bechara, A., Damasio, H., Damasio, A. R., Damasio, A. R. (2005). The Iowa Gambling Task and the somatic marker hypothesis: Some questions and answers. *Trends in Cognitive Sciences*, 9 (4), 159–162. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2005.02.002>
- Bridge, J. A., McBee-Strayer, S. M., Cannon, E. A., Sheftall, A. H., Reynolds, B., Campo, J. V., Pajer, K. A., Barbe, R. P., Brent, D. A. (2012). Impaired decision making in adolescent suicide attempters. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 51 (4), 394–403. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2012.01.002>
- Brown, R. C., Plener, P. L. (2017). Non-suicidal self-injury in adolescence. *Current Psychiatry Reports*, 19 (3), 20. <https://doi.org/10.1007/s11920-017-0767-9>
- Bulycheva, E. V., Antokhina, R. I., Vasil'eva, A. V., Antokhin, E. Yu., Kalmykova, A. S. (2023). Psychosocial aspects of anti-suicidal motives in adolescents. *Psikhiatriia i psikhofarmakoterapiia*, 6, 11–23. (In Russian)
- Bykov, Iu. V., Bekker, R. A. (2018). Sertraline in children and adolescent psychiatric practice. *Psikhiatriia i psikhofarmakoterapiia*, 20 (5), 13–26. (In Russian)
- Carver, C. S., Scheier, M. F. (2014). Dispositional optimism. *Trends in Cognitive Sciences*, 18 (6), 293–299. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2014.02.003>
- Denton, E., Álvarez, K. (2024). The global prevalence of nonsuicidal self-injury among adolescents. *JAMA Network Open*, 7 (6), e2415406. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2024.15406>
- Guo, J., Wang, C., You, J. (2024). Patterns and transitions of nonsuicidal self-injury outcome expectancies and their associations with nonsuicidal self-injury among adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 53 (4), 895–909. <https://doi.org/10.1007/s10964-023-01900-9>
- Hasking, P., Whitlock, J., Voon, D., Rose, A. (2017). A cognitive-emotional model of NSSI: Using emotion regulation and cognitive processes to explain why people self-injure. *Cognition and Emotion*, 31 (8), 1543–1556. <https://doi.org/10.1080/02699931.2016.1241219>
- Hilt, L. M., Cha, C. B., Nolen-Hoeksema, S. (2008). Nonsuicidal self-injury in young adolescent girls: Moderators of the distress-function relationship. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 76 (1), 63–71. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.76.1.63>
- Jiang, Yu., Zeng, Yi., Zhang, M., Wang H., He, W., Xu, P., Ai, H. (2025). Value-based decision-making deficits in non-suicidal self-injury: A systematic review and meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 172, 106107. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2025.106107>
- Keilp, J. G., Gorlyn, M., Russell, M., Oquendo, M. A., Burke, A. K., Harkavy-Friedman, J., Mann, J. J. (2015). Neuropsychological function and suicidal behavior: Attention control, memory and executive dysfunction in suicide attempt. *Psychological Medicine*, 43 (3), 539–551. <https://doi.org/10.1017/S0033291712001419>
- Kholmogorova, A. B. (2016). Suicidal behavior: A theoretical model and practice of assistance in cognitive-behavioral therapy. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia*, 24 (3), 144–163. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240309> (In Russian)
- Kim, K. L., Galione, J., Schettini, E., Oquendo, M. A., Burke, A. K., Harkavy-Friedman, J., Mann, J. J. (2020). Do styles of emotion dysregulation differentiate adolescents engaging in non-suicidal self-injury from those attempting suicide? *Psychiatry Research*, 291, 113240. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113240>
- Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A. (2018). Intelligence and success of prediction strategies in the Iowa Test (IGT). *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 15 (1), 10–21. (In Russian)

- Liu, J., Gao, Ye., Liang, C., Liu, X. (2022). The potential addictive mechanism involved in repetitive non-suicidal self-injury: The roles of emotion dysregulation and impulsivity in adolescents. *Journal of Behavioral Addictions*, 11 (4), 953–962. <https://doi.org/10.1556/2006.2022.00077>
- Liubov, E. B., Zotov, P. B. (2020). Non-suicidal self-harm in adolescents: General and specific. Part II. *Suit-sidologiia*, 11 (4), 25–55. <https://doi.org/10.32878/suiciderus> (In Russian)
- Mendelevich, V. D., Makaricheva, E. V. (2002). Anticipatory consistency in the personality structure of adolescents with behavioral deviations. In: *Kongress po detskoj psikhii: Materialy kongressa* (pp. 195–197). Moscow, MEDpress Publ. (In Russian)
- Nichiporenko, N. P., Mendelevich, V. D. (2006). The phenomenon of anticipatory abilities as a subject of psychological research. *Psikhologicheskii zhurnal*, 27 (5), 50–59. (In Russian)
- Oldershaw, A., Grima, E., Jollant, F., Richards, C., Simic, M. Taylor, L., Schmidt, U. (2009). Decision-making and problem solving in adolescents who deliberately self-harm. *Psychological Medicine*, 39 (1), 95–104. <https://doi.org/10.1017/S0033291708003693>
- Pan, B., Gong, Yu., Guo, M., Wang, X., Lu, H., Lin, Z., Zhang, B. (2025). Negative affect and impulsivity in adolescents with non-suicidal self-injury: The moderating and mediating roles of perceived social support. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 21, 1–13. <https://doi.org/10.2147/NDT.S498951>
- Perrain, R., Dardennes, R., Jollant, F. (2021). Risky decision-making in suicide attempters, and the choice of a violent suicidal means: An updated meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, 280, A, 241–249. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.11.052>
- Pol'skaia, N. A. (2018). Emotional dysregulation in the structure of self-harm behavior. *Konsul'tativnaia psikhologiia i psikhoterapiia*, 26 (4), 65–82. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260405> (In Russian)
- Pol'skaia, N. A., Razvaliaeva, A. Iu. (2017). Development of a questionnaire for emotional dysregulation. *Konsul'tativnaia psikhologiia i psikhoterapiia*, 25 (4), 71–93. <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250406> (In Russian)
- Rangel, A., Camerer, C., Montague, P. R. (2008). A framework for studying the neurobiology of value-based decision-making. *Nature Reviews Neuroscience*, 9 (7), 545–556. <https://doi.org/10.1038/nrn2357>
- Razvaliaeva, A. Iu., Pol'skaia, N. A., Basova, A. Ia. (2023). Methods for assessing the risk of suicidal behavior in adolescence: A systematic review of systematic reviews. *Konsul'tativnaia psikhologiia i psikhoterapiia*, 31 (2), 33–67. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310202> (In Russian)
- Sastre-Buades, S. A., Alacreu-Crespo, A., Courtet, P., Baca-Garcia, E., Barrigon, M. L. (2021). Decision-making in suicidal behavior: A systematic review and meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 131, 642–662. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.10.005>
- Sirota, N. A., Moskovchenko, D. V., Ialtonckii, V. M., Kochetkov, Ya. A., Yaltonskaya, A. V. (2016). Psychodiagnosics of emotional schemas: Results of the Russian-language short version of the R. Leahy Emotional Schemas Scale. *Obozrenie psikhii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, 1, 76–83. (In Russian)
- Tajima, S., Drugowitsch, J., Pouget, A. (2016). Optimal policy for value-based decision-making. *Nature Communications*, 7, 12400. <https://doi.org/10.1038/ncomms12400>
- Tsukarzi, E. E. (2011). Suicide: Risk assessment and first aid. Determining the level of suicidal risk using the Columbia Suicide Severity Rating Scale (C-SSRS). *Sovremennaia terapiia psikhicheskikh rasstroistv*, 2, 30–40. (In Russian)
- Uribe, F. A. R., de Oliveira, S. B., Junior, A. G., da Pedrosa, S. J. (2021). Association between the dispositional optimism and depression in young people: A systematic review and meta-analysis. *Psicologia: Reflexão e Crítica*, 34 (1), 37. <https://doi.org/10.1186/s41155-021-00202-y>
- Vasil'eva, A. V., Karavaeva, T. A. (2020). Psychosocial factors of prevention and therapy of neurotic disorders in a megalopolis: Targets of interventions in a healthy city. *Obozrenie psikhii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva*, 2, 95–104. (In Russian)
- Vasil'eva, A. V., Karavaeva, T. A., Radionov, D. S., Starunskaya, D. A., Andrianova, A. E. (2024). Mental ecology in the era of social challenges: Focus on the comorbidity of depressive and anxiety disorders. *Ekologiia cheloveka*, 31 (9), 635–646. (In Russian)
- Vazagaeva, T. I., Akhapiin, R. V., Korendiukhina, A. O., Faizulloev, A. Z. (2019). The effect of sertraline on cognitive, psychomotor, and personality-behavioral indicators in the treatment of depression (A clinical case). *Meditsinskii sovet*, 21, 103–109. <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2019-21-103-109> (In Russian)

- Wolff, J. C., Thompson, E., Thomas, S. A., Nesi, J., Bettis, A. H., Ransford, B., Scopelliti K., Frazier, E. A., Liu, R. T. (2019). Emotion dysregulation and non-suicidal self-injury: A systematic review and meta-analysis. *European Psychiatry*, 59, 25–36. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2019.03.004>
- Zashchirinskaia, O., Isagulova, E. (2022). Childhood trauma as a risk factor for high risk behaviors in adolescents with borderline personality disorder. *Iranian Journal of Psychiatry*, 18 (1), 65–74. <https://doi.org/10.18502/ijps.v18i1.11414>

Received: February 19, 2025

Accepted: July 29, 2025

Authors' information:

Rosalia I. Antokhina — Senior Lecturer; <https://orcid.org/0000-0003-1761-1337>, rozaliana8@mail.ru

Anna V. Vasilyeva — MD, Associate Professor, Chief Researcher; <https://orcid.org/0000-0002-5116-836X>, annavdoc@yahoo.com

Evgeny Yu. Antokhin — MD, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-6835-8613>, antioh73@yandex.ru.

Andrey A. Kibitov — Postgraduate Student; <https://orcid.org/0000-0001-7766-9675>, andreykibitov18@gmail.com.

Может ли активация моторных программ ускорить обнаружение объекта в задаче зрительного поиска?*

А. А. Ануфриева^а, Е. С. Горбунова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Ануфриева А. А., Горбунова Е. С. Может ли активация моторных программ ускорить обнаружение объекта в задаче зрительного поиска? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN WYVMIS

Эффект совместимости представляет собой ускорение ответа в случае совпадения моторной программы и аффорданса объекта. Настоящее исследование было направлено на проверку возможности возникновения эффекта совместимости в рамках классической методики зрительного поиска. Предыдущие исследования в данной области имели ряд недостатков: активация моторной программы происходила не ведущей рукой или отсутствовала вообще, целевых стимулов могло быть больше одного. В эксперименте 1 испытуемые должны были искать целевой стимул, который мог быть конгруэнтен или не конгруэнтен выполняемому движению. Движения были четырех типов: захватывание/защипывание ладонью вниз/вбок. Им соответствовали четыре категории объектов, которые были конгруэнтны этим движениям. Согласно полученным результатам, преимущество в поиске получали объекты, которые захватываются, независимо от их конгруэнтности выполняемому движению. Для проверки предположения о том, что наблюдаемый в эксперименте 1 эффект вызван именно выполнением движения, был проведен эксперимент 2. В этом эксперименте испытуемые не выполняли движения, но искали те же самые стимулы всех категорий. По результатам этого эксперимента было также получено преимущество в поиске для объектов из категории захватывания. По результатам двух экспериментов эффекта совместимости в зрительном поиске обнаружен не был. Полученные данные говорят о большей значимости базовых признаков объектов, чем знания о способе действия и ставят под сомнение чисто моторную природу возникновения эффекта совместимости в задачах, которые не предполагают взаимодействия с единственным объектом, а направлены на анализ всего поля зрения. В частности, предполагается, что в таких задачах важную роль играют ожидания относительно количества целей и категории объектов.

Ключевые слова: эффект совместимости, зрительный поиск, формирование ожиданий, категоризация, моторные программы.

Введение

Согласно современным представлениям о познании, сенсомоторная информация играет в данном процессе важную роль, а репрезентация объекта содержит знание о способах действия с ним (Martin, 2015). В частности, существует эффект

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 20-78-10055-П.

^а Автор для корреспонденции

совместимости (ЭС), который представляет собой снижение времени ответа в случае совпадения свойств объекта и выполняемого движения — создание ситуации аффорданса (Moise, 2022). Аффорданс представляет собой воспринимаемые возможные действия с объектом, которые человек может реализовать с учетом собственных свойств и контекста, см., например, (Osiurak et al., 2017). ЭС обычно изучается с помощью методик наименования или категоризации, и основным результатом состоит в ускорении ответа в случае, когда испытуемый выполняет конгруэнтное предъявленному объекту движение, например (Bub et al., 2013, Moise, 2022). Основным теоретическим объяснением данного результата является теория разрешения конфликта в рабочей памяти (РП) (Moise, 2022). В РП из общей репрезентации объекта удерживается репрезентация выполняемого действия и репрезентация моторной программы. Эти две репрезентации сверяются: соответствие между репрезентациями ведет к ускорению ответа, в случае же обнаружения несоответствия требуется разрешение конфликта, и время ответа возрастает.

Тем не менее остается открытым вопрос о том, насколько универсальным является ЭС, проявляется ли он за пределами задач наименования и категоризации, предполагающих взаимодействие только с одним объектом. Существуют задачи, предполагающие поиск целевого объекта среди прочих, — задачи зрительного поиска. В рамках зрительного поиска испытуемым необходимо искать целевые стимулы, для чего требуется репрезентация этого объекта, которая называется шаблоном внимания (Ni et al., 2019). Предполагается, что информация о способе действия с объектом, хранящаяся в общей репрезентации объекта, может оказывать влияние на эффективность зрительного поиска за счет создания более детализированного шаблона внимания. Настоящее исследование направлено на критический анализ методологии изучения ЭС в подобных задачах. Прояснение этого вопроса позволит раскрыть механизмы формирования шаблона внимания и его направляющей функции в рамках решения задачи зрительного поиска, а также внести вклад в понимание роли моторного компонента в построении репрезентации объекта.

ЭС в зрительном поиске был изучен в рамках ряда исследований. В частности, в экспериментах Ю. Ямани (Yu. Yamani) и коллег использовалась парадигма асимметрии зрительного поиска, где испытуемые ищут стимул А среди В (например, отзеркаленную букву среди стандартных) и наоборот (стандартную букву среди отзеркаленных) (Yamani et al., 2016; Wolfe, 2001). В качестве стимулов были использованы чашки с ручками, повернутыми вправо или влево, а ответ давался указательными пальцами (правой или левой рук). Было установлено, что время реакции оказывается значительно ниже в случае совпадения направления ручки целевого объекта и руки испытуемого. Авторы исследования полагают, что расположение функциональной части объекта по отношению к руке, с помощью которой осуществляется действие, вызывает автоматический моторный ответ. Полученные данные согласуются с результатами М. Гомез (M. Gomez) и Дж. Сноу (J. Snow), где было обнаружено преимущество в поиске не только в случае совпадения ориентации функциональной части объекта и руки для отчета, но для поиска объектов, доступных для взаимодействия (Gomez, Snow, 2017). Однако рассмотренные исследования выполнены в парадигме изучения ЭС, где под ним понимается согласованность ориентации функциональной части объекта и используемой руки для ответа, то есть в которых не происходило непосредственной активации моторной

программы, которая подходит или не подходит для манипулирования объектом. Важным моментом является тот факт, что наблюдаемый в рамках таких задач эффект может возникать за счет исключительно пространственных факторов (Parras, 2014) и являться частным случаем эффекта Саймона — ускорения ответа в случае совпадения расположения стимула и места ответа в пространстве — и не быть связанным с активацией моторных программ (Leuthold, 2011; Azaad et al., 2019).

Другая серия исследований (Ануфриева, Горбунова, 2022; Ануфриева, Горбунова, 2024) предполагала непосредственную активацию моторной программы самим испытуемым во время зрительного поиска. Была использована парадигма пропусков при продолжении поиска (ПППП), где испытуемым необходимо было искать целевые стимулы (которых могло быть 1, 2 или не быть вовсе) и давать ответ с помощью мыши, управляемой ведущей рукой. Во время поиска участники исследования выполняли не ведущей рукой движение захватывания (сведение всех пальцев руки) или зацепывания (сведения указательного и большого пальцев), которые могли быть конгруэнтны, не конгруэнтны или частично конгруэнтны целевым стимулам (движение было конгруэнтно одному из целевых стимулов, но не конгруэнтно другому). Результаты первого эксперимента указывают на отсутствие ЭС в данной парадигме зрительного поиска. В качестве возможного объяснения предполагается недостаточная дифференциация движений (латеральность и ориентация ладони руки), а также отсутствие контроля дистракторов с точки зрения их конгруэнтности цели. Данные параметры являются важными для возникновения ЭС в других парадигмах его исследования, см., например, (Ellis et al., 2007; Caligiore et al., 2013; Moise, 2022). Во втором эксперименте испытуемые были разделены на четыре группы в зависимости от типа движения: захватывание/зацепывание ладонью вниз/вбок, и был осуществлен контроль дистракторов — целевой стимул всегда был окружен противоположными с точки зрения конгруэнтности объектами. ЭС наблюдался при поиске объектов из категории зацепываемых для первого или единственного целевого стимула независимо от конгруэнтности движения. Поскольку движения захватывания и зацепывания не были ограничены каким-либо объектом (например, джойстиком), их амплитуда соответствовала объектам небольшого размера — такими и являются объекты из категории зацепывания (например, вишня, кольцо). Данный паттерн имеет сходство с эффектом размера — ускорением времени реакции в случае совпадения размера объекта и размера движения (Haddad et al., 2023). Тем не менее существует альтернативное объяснение данного результата. Объекты из категории зацепываемых отличались от объектов из категории захватывания по перцептивным признакам — они были более тонкими и имели наклон. При этом объекты из категории зацепывания получали преимущество в поиске среди объектов из категории захватывания, но не наоборот — то есть был получен своего рода эффект асимметрии в зрительном поиске. Для разрешения противоречий между эффектом размера и эффектом асимметрии в зрительном поиске был проведен еще один эксперимент с контрольной группой, которая не выполняла движения. В результате был получен схожий со вторым экспериментом паттерн распределения данных. Это говорит в пользу большего влияния зрительных перцептивных признаков, чем активации знаний о способе действия с объектом в задаче зрительного поиска. Таким образом, как и в случае исследо-

вания Ю. Ямани и коллег (Yamani et al., 2016), полученные данные могут быть не связаны с активацией каких-либо моторных программ и возникновением ЭС.

Необходимо рассмотреть недостатки ранее проведенных исследований в рамках раскрытия поставленного вопроса. Исследование Ю. Ямани и коллег указывает на наличие эффекта (Yamani et al., 2016), однако имеет альтернативное объяснение. Более того, использованная в нем парадигма изучения ЭС в зрительном поиске отличается от классических условий его возникновения по использованному стимульному материалу. Использовался только один тип стимулов — чашки, в то время как в других работах по исследованию ЭС, как правило, используются изображения объектов разных категорий, например, см.: (Caligiore et al., 2013; Ni et al., 2019). Также необходимо отметить, что, в отличие от классических примеров изучения ЭС, в работе Ю. Ямани и коллег не было активации конкретной моторной программы. Следовательно, представляется затруднительным сравнивать результаты этого исследования с классическими работами по теме ЭС. Более того, полученные в рамках исследования Ю. Ямани и коллег результаты имеют альтернативное объяснение за счет пространственных характеристик расположения цели и места ответа (Yamani et al., 2016; Azaad et al., 2019). Исследование Ануфриевой и Горбуновой предполагало разнообразие категорий стимулов и наличие активации конкретной моторной программы по время поиска, однако в данном исследовании использовалась парадигма ПППП, то есть испытуемый должен был управлять мышью для ответа, следовательно, выполнение движения осуществлялось не ведущей рукой (Ануфриева, Горбунова, 2022; Ануфриева, Горбунова, 2024). Согласно некоторым исследованиям, например, (Rowe et al., 2017), активация аффордансов зависит от используемой руки — активация сильнее в случае использования ведущей руки. Управление мышью требует активации еще одной моторной программы, связанной с ней, и пространственной координации движений руки, в которой находится мышь, что могло затруднять возникновение ЭС из-за интерференции моторных программ. Можно предположить, что в случае необходимости поиска нескольких целевых стимулов активация моторной программы отходит на второй план, и более важную роль играют именно базовые признаки (такие как форма и наклон).

Таким образом, с одной стороны, ЭС может возникать в задаче зрительного поиска, аналогично задачам наименования и категоризации, и существует целый ряд исследований, демонстрирующих наличие данного эффекта в зрительном поиске. С другой стороны, в некоторых исследованиях зрительного поиска ЭС обнаружено не было, а каждое из исследований, обнаруживших данный эффект, обладает какими-либо методическими недостатками. Настоящее исследование нацелено на изучение возможности возникновения ЭС в зрительном поиске с учетом недостатков предыдущих работ, а именно: с использованием лишь одной категории объектов, отсутствием активации моторной программы или активация ее не ведущей рукой, поиск нескольких целевых стимулов. Основная гипотеза исследования состояла в том, что ЭС будет обнаружен в задаче зрительного поиска при условии использования разнообразных категорий объектов, выполнения движений ведущей рукой и контроля дистракторов. Контргипотеза предполагала, что данного эффекта в зрительном поиске обнаружено не будет, и, соответственно, продемонстрированное в прошлых исследованиях сокращение времени поиска при выпол-

нении движения было связано с перцептивными характеристиками стимулов, а не с активацией моторных программ.

Для изучения была выбрана классическая методика исследования зрительного поиска, в котором испытуемому необходимо отчитываться о наличии/отсутствии лишь одного целевого стимула. В рамках данной парадигмы ответ дается нажатием на клавишу, что, во-первых, дает возможность задействовать ведущую руку для активации моторной программы, а во-вторых, минимизирует потенциальную интерференцию моторных программ. При этом был использован стимульный материал из оригинального исследования Ануфриевой и Горбуновой), который отвечает критерию разнообразия категорий объектов (Ануфриева, Горбунова, 2022). Для прояснения факта возникновения ЭС в зрительном поиске было проведено два эксперимента. В эксперименте 1 испытуемые были разделены на четыре группы по типу выполняемого движения (с учетом ориентации ладони) и варьировалась конгруэнтность целевого стимула относительно этого движения, а также контролировались дистракторы по принципу «конгруэнтная цель окружена не конгруэнтными дистракторами и наоборот». Таким образом, если ЭС в зрительном поиске действительно существует, то в случае активации моторной программы ведущей рукой (ответ дается не ведущей рукой), поиска лишь одного объекта в рамках пробы, а также контроля дистракторов и разнообразия категорий стимульного материала ЭС возникнет в зрительном поиске. В эксперименте 2 была одна группа, которой были представлены все категории стимулов по типу движения по блокам, но испытуемые не выполняли движения. Данный эксперимент был проведен с целью критической проверки результатов эксперимента 1 в плане роли активации моторной программы.

Эксперимент 1

Была использована парадигма отчета о наличии/отсутствии целевого стимула среди дистракторов. Предполагалось, что в случае конгруэнтности выполняемого движения целевому объекту время реакции будет меньше, чем в неконгруэнтном условии. Данные ожидания соответствуют общему определению ЭС на основе исследований в рамках задачи категоризации. Дополнительно была выдвинута гипотеза о том, что время реакции (ВР) будет больше в пробах без целевого стимула.

Предварительно было проведено пилотное исследование с одним типом движения (захват с положением ладони вбок (G_LT), рис. 1, Б) с целью прояснения роли ведущей руки. Дизайн пилотного исследования соответствовал описанному в разделе «Методика». Единственным отличием было то, что выборка была разделена на две группы — выполняющие движение ведущей и не ведущей рукой. По результатам не было найдено различий между группами ($F(1,62) = 3,475$, $p > 0,07$, $\eta^2 = 0,04$).

Выборка. В исследовании приняли участие 128 человек ($M = 20,3$, 109 женщин, все правши), по 32 человека в каждой из четырех групп. Все испытуемые были добровольцами и предоставили информированное согласие.

Стимульный материал. В качестве стимулов использовались изображения реальных объектов, которыми можно манипулировать одной рукой (рис. 2). Изображения объектов были взяты из открытой базы стимулов Т. Брейди и соавторов

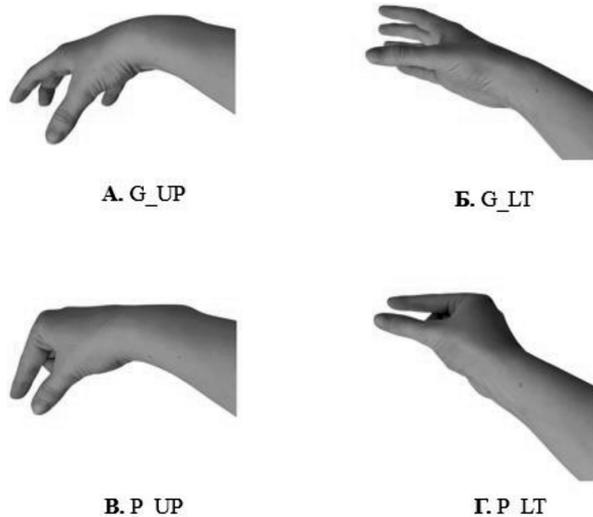

Рис. 1. Положения рук и тип хвата, который выполняли испытуемые

(Brady et al., 2008), дополнительно подобраны 38 стимулов из открытых источников и проведен предварительный опрос с целью разделения стимулов на четыре категории в соответствии с предпочитаемым типом хвата. Итоговый набор стимулов состоял из 200 изображений объектов по 50 объектов (2 экземпляра каждого объекта) в каждую из четырех категорий по типу движения. Размер изображений в эксперименте был $1,26^0 \times 1,26^0$.

Оборудование. Эксперимент проводился в лабораторном помещении, оборудованном светонепроницаемыми шторами. Предъявление стимулов производилось в программе PsychoPy v2020.2.10 на мониторе с диагональю 24 дюйма, ширина — 21 дюйм, высота 11 7/8 дюймов, разрешение экрана 1920×1080. Испытуемые сидели на расстоянии 35 дюймов от экрана.

Дизайн и процедура. Был использован смешанный экспериментальный дизайн. Межгрупповой НП выступал тип движения: захватывание ладонью вниз (G_UP), захватывание ладонью вбок (G_LT), защипывание ладонью вниз (P_UP), защипывание ладонью вбок (P_LT) (табл. 1). Действие выполнялось правой (ведущей) рукой, а ответ давался левой. Внутригрупповыми НП были конгруэнтность целевого стимула по отношению к движению (конгруэнтный / не конгруэнтный) и наличие целевого стимула (есть/нет). В каждой группе было два блока: конгруэнтный и не конгруэнтный. В случае конгруэнтного блока целевой стимул был окружен не конгруэнтными действию дистракторами и наоборот. В каждой пробе на экране предъявлялось 20 объектов, одним из которых мог быть целевой стимул (рис. 3). Все объекты на экране были ориентированы функциональной частью в сторону руки, выполняющей движение (вправо). Таким образом, всего было 300 проб. Каждый блок состоял из 150 проб, где 50 проб были без целевого стимула. Измерялось ВР при нажатии на кнопку для отчета. Перед основной частью эксперимента испытуемые проходили тренировочную серию из 9 проб.

Рис. 2. Примеры стимульного материала

С полным набором стимульного материала можно ознакомиться на платформе Open Science Framework: URL: https://osf.io/qv4ey/?view_only=6f4ee060e1c5412f9bd2ee03cde783d8 (дата обращения: 27.11.2025).

Таблица 1. Обозначение групп и условий

Обозначение группы	Тип движения	Конгруэнтная категория стимулов (конгруэнтный блок)	Не конгруэнтная категория стимулов (не конгруэнтный блок)
G_UP	Захватывание ладонью вниз	G_UP	P_LT
G_LT	Захватывание ладонью вбок	G_LT	P_UP
P_UP	Защипывание ладонью вниз	P_UP	G_LT
P_LT	Защипывание ладонью вбок	P_LT	G_UP

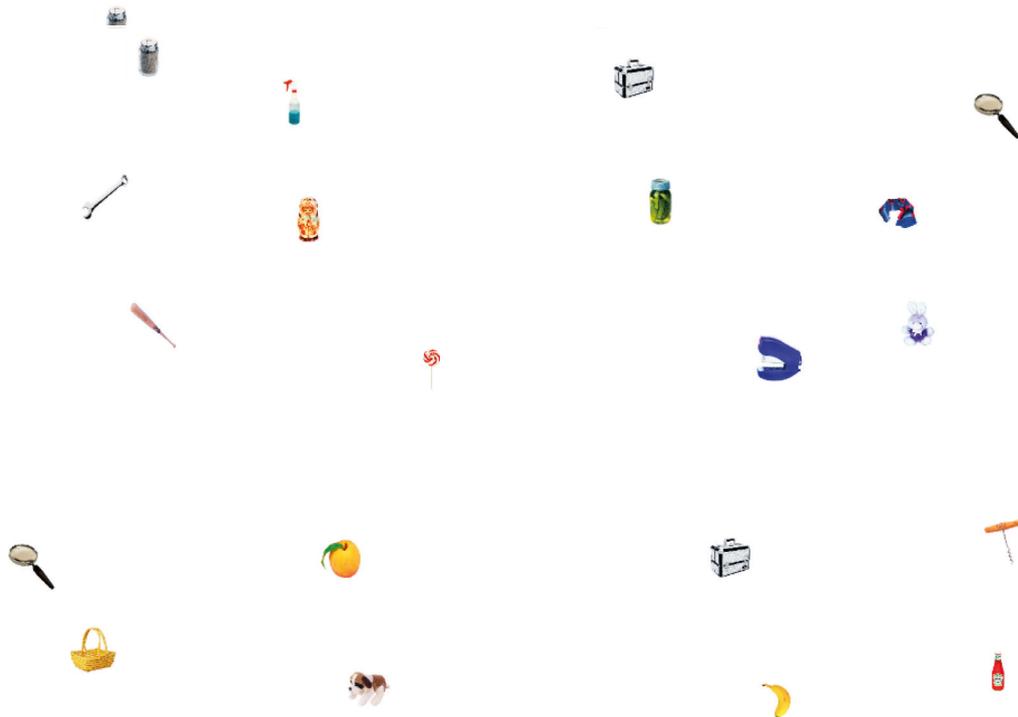

Рис. 3. Пример пространства поиска в экспериментах 1 и 2

Участникам предъявлялось слово (1 сек.), обозначающее целевой объект. Задача испытуемого заключалась в том, чтобы найти целевой стимул среди 19 дистракторов и отчитаться о его наличии или отсутствии с помощью нажатия на определенные клавиши. В процессе поиска необходимо было выполнять одно из четырех движений (см. рис. 1). Движение выполнялось правой рукой. Рука испытуемого располагалась запястьем на специальной поролоновой подставке. Ответ давался с помощью клавиатуры: необходимо было нажать левой рукой на стрелку вправо (\rightarrow), если целевой стимул был, и на стрелку влево (\leftarrow), если целевого стимула не было. Между предъявлением слова и пространства поиска появлялось изображение руки, повторяющее положение и тип хвата руки испытуемого. Это использовалось в качестве напоминания о типе движения.

Результаты. Сравнивалось ВР только для верных ответов в различных условиях. Показатели ВР, отклоняющиеся от среднего значения более чем на два стандартных отклонения, были предварительно исключены из анализа (для каждого испытуемого). Анализ результатов выполнен в программе RStudio 2023.09.1. Предварительно был проведен тест Ливена на гомогенность дисперсий между группами — дисперсии однородны ($p > 0,951$). Смешанная ANOVA, где межгрупповым фактором была группа, а внутригрупповыми были блок и тип пробы, не выявила влияния группы на ВР ($F(3, 109) = 1,97, p > 0,314, \eta^2 = 0,022$). Было обнаружено значимое влияние типа пробы ($F(1, 109) = 1205,29, p < 0,001, \eta^2 = 0,678$), и взаимодействие группы и блока ($F(3, 109) = 5,079, p < 0,002, \eta^2 = 0,024$). Были выполнены

внутригрупповые ANOVA для каждой из четырех групп, где оценивалось влияние факторов «блок» и «тип пробы» на ВР. Во всех группах и блоках было обнаружено значимое влияние типа пробы (наличие/отсутствие целевого стимула) — ВР было больше в случае отсутствия целевого стимула (наличие ($M = 1,87$, $SD = 0,33$) vs. отсутствие ($M = 3,12$, $SD = 0,68$)) (табл. 2).

Таблица 2. Результаты внутригрупповой ANOVA для всех групп

Группа	Конгруэнтный блок	Не конгруэнтный блок
G_UP	$F(1, 28) = 258,18, p < 0,001, \eta^2 = 0,73$	$F(1, 28) = 295,72, p < 0,001, \eta^2 = 0,73$
P_UP	$F(1, 28) = 267,99, p < 0,001, \eta^2 = 0,73$	$F(1, 31) = 241,903, p < 0,001, \eta^2 = 0,64$
P_LT	$F(1, 28) = 167,29, p < 0,01, \eta^2 = 0,66$	$F(1, 29) = 233,15, p < 0,001, \eta^2 = 0,59$
G_LT	$F(1, 29) = 341,82, p < 0,01, \eta^2 = 0,68$	$F(1, 29) = 310,42, p < 0,001, \eta^2 = 0,68$

Влияние блока (конгруэнтности) было обнаружено в группе G_LT в условии присутствия целевого стимула ($F(1, 31) = 5,03, p < 0,032, \eta^2 = 0,022$), но не в условии его отсутствия ($F(1, 28) = 2,67, p > 0,113, \eta^2 = 0,015$). В группе P_UP влияние конгруэнтности стимула было значимым как в условии присутствия ($F(1, 31) = 6,42, p < 0,026, \eta^2 = 0,045$), так и в условии отсутствия целевого стимула ($F(1, 28) = 5,77, p < 0,023, \eta^2 = 0,026$). В группе P_LT были обнаружены значимые различия только в условии отсутствия целевого стимула ($F(1, 27) = 5,95, p < 0,022, \eta^2 = 0,015$), в условии присутствия целевого стимула конгруэнтность стимула не оказывала значимого влияния ($F(1, 31) = 3,03, p > 0,092, \eta^2 = 0,001$). В группе G_UP не наблюдалось различий между блоками конгруэнтности как в присутствии ($F(1, 31) = 0,03, p > 0,865, \eta^2 = 0,001$), так и в отсутствие целевого стимула ($F(1, 26) = 0,23, p > 0,636, \eta^2 = 0,001$). На рис. 4 отображены основные результаты для всех четырех групп. Также в табл. 3 приведены средние и стандартные отклонения (ВР везде дано в секундах).

Обсуждение результатов. Было обнаружено преимущество во времени поиска для объектов из категорий G_LT и G_UP независимо от их конгруэнтности выполняемому движению. Предположение о том, что полученное преимущество

Таблица 3. Среднее ВР и стандартное отклонение в эксперименте 1

Группа	Блок	Отсутствие М (SD)	Присутствие М (SD)
G_UP	Конгруэнтный	3,12 (0,56)	1,77 (0,24)
G_UP	Не конгруэнтный	3,03 (0,51)	1,78 (0,23)
P_UP	Конгруэнтный	3,28 (0,49)	2,02 (0,32)
P_UP	Не конгруэнтный	3,19 (0,62)	1,88 (0,34)
G_LT	Конгруэнтный	3,09 (0,56)	1,81 (0,34)
G_LT	Не конгруэнтный	3,20 (0,56)	1,92 (0,41)
P_LT	Конгруэнтный	3,07 (0,69)	1,92 (0,40)
P_LT	Не конгруэнтный	2,99 (0,62)	1,87 (0,34)

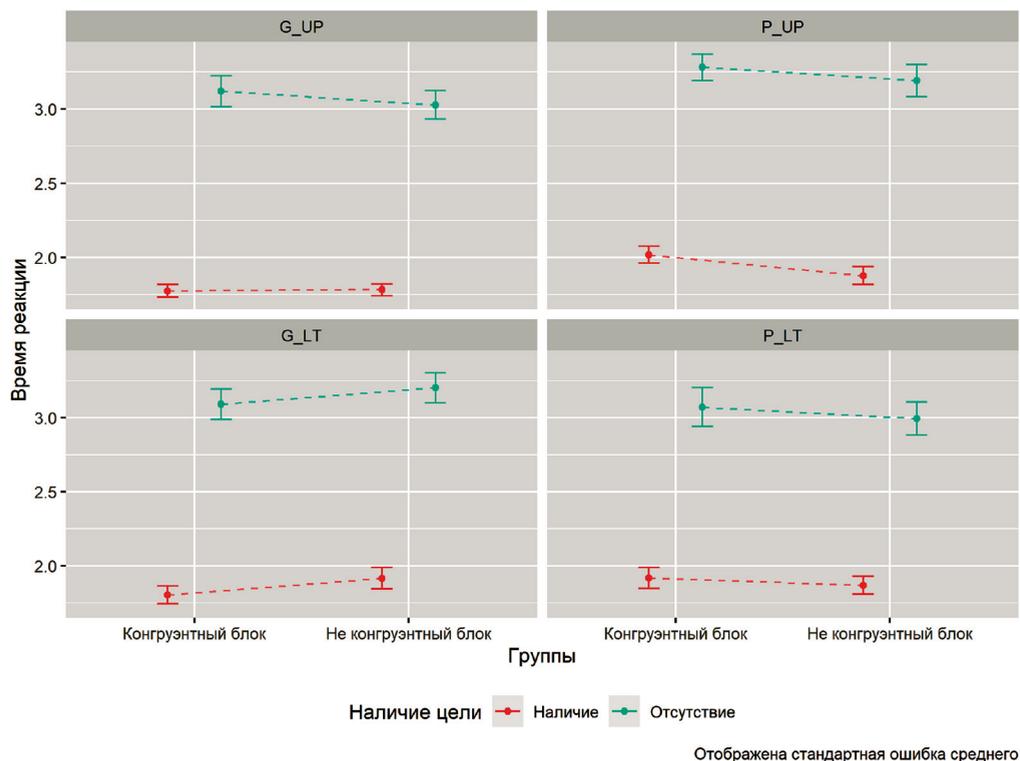

Рис. 4. Результаты эксперимента 1

в поиске захватываемых объектов связано именно с активацией информации о способе действия, требовало дополнительной проверки, включающей в себя эксперимент, где испытуемые искали бы те же самые стимулы в тех же самых условиях, но не выполняли движений. Если полученный паттерн различий в эксперименте 1 обусловлен фактом выполнения движения, то в случае его отсутствия не будет найдено различий в скорости поиска целевых стимулов разных категорий. Если же различия будут получены, то это будет говорить о влиянии перцептивных признаков объектов разных категорий. С целью проверки этих предположений был проведен дополнительный эксперимент.

Эксперимент 2

Выборка. В исследовании приняли участие 30 человек ($M=19,6$, $SD=1,5$; 17 женщин, все правши). Все испытуемые были добровольцами и предоставили информированное согласие.

Стимульный материал и оборудование были аналогичны эксперименту 1.

Дизайн и процедура. Был использован внутригрупповой план, где в качестве НП варьировалась категория объектов по предпочитаемому типу движения (G_UP, G_LT, P_UP, P_LT). Таким образом, эксперимент состоял из четырех рандомизированных блоков, сгруппированных по принципу категории объектов. В остальном дизайн и процедура полностью повторяли эксперимент 1. Всего было 600 проб (не

считая тренировочной серии). Каждый блок включал в себя 150 проб, где в 50 пробах целевой стимул отсутствовал. В отличие от эксперимента 1, испытуемые не выполняли движений в процессе поиска. Между предъявлением слова, задающего целевой стимул для поиска, и пространством поиска появлялся фиксационный крест, а не изображение руки.

Результаты. Показатели ВР, отклоняющиеся от среднего значения более чем на два стандартных отклонения, были предварительно исключены из анализа (для каждого испытуемого). По результатам теста Мочли на сферичность не было выявлено ее нарушений ($p > 0,05$). Было выявлено значимое влияние типа пробы ($F(1, 32) = 246,99, p < 0,001, \eta^2 = 0,77$), а также взаимодействие типа пробы и блока ($F(3, 96) = 3,68, p < 0,001, \eta^2 = 0,001$). Однако влияния блока найдено не было ($F(3, 96) = 2,15, p > 0,991, \eta^2 = 0,001$). В пробах без целевого стимула среднее ВР ($M = 3,03, SD = 0,61$) было больше, чем в пробах с ним ($M = 1,71; SD = 0,26$). Парные сравнения не выявили различий между блоками в пробах без целевого стимула ($p > 0,35$). Однако ВР в блоке G_UP значимо отличалось от P_UP ($p < 0,001$), а также P_LT ($p < 0,01$) в пробах с целевым стимулом (G_UP ($M = 1,63, SD = 0,25$); G_LT ($M = 1,68, SD = 0,28$); P_UP ($M = 1,76, SD = 0,25$); P_LT ($M = 1,73, SD = 0,24$)). В блоке G_UP в случае наличия целевого стимула наблюдалась самое минимальное ВР. Остальные различия были статистически незначимыми ($p > 0,174$). Таким образом, было обнаружено преимущество в поиске целевых стимулов из категории G_UP (рис. 5).

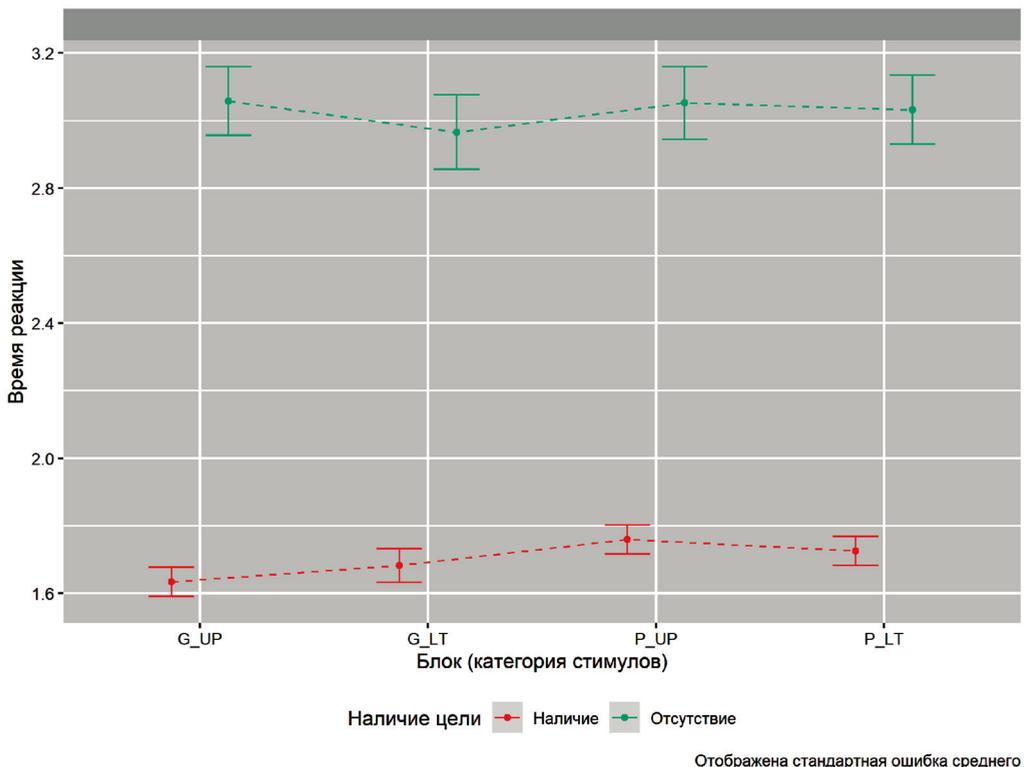

Рис. 5. Результаты эксперимента 2

Общее обсуждение результатов

В результате настоящего исследования ЭС в зрительном поиске обнаружен не был. Полученное в эксперименте 1 преимущество в поиске объектов из категории захватывания возникало независимо от конгруэнтности выполняемого движения. Результаты эксперимента 2 с теми же категориями объектов, но без выполнения движения демонстрируют схожий паттерн — преимущество для блока с объектами из категории захватывания ладонью вниз. Таким образом, это говорит о влиянии перцептивных признаков объектов конкретной категории на эффективность поиска. Данный результат согласуется с результатами ряда других исследований категоризации — объекты, принадлежащие к одной категории, как правило, обладают и перцептивным сходством, то есть большим количеством общих базовых признаков, см., например, (Yang, Zelinsky, 2009). Объекты категории захватывания (как ладонью вниз, так и вбок) преимущественно не имеют наклона, а также не такие тонкие по сравнению с объектами из категории защищывания (как ладонью вниз, так и вбок) (см. рис. 2). Учитывая, что объект из категории захватывания в качестве целевого стимула всегда был окружен объектами из категории защищывания (и наоборот), наблюдается следующее: объекты из категории захватывания быстрее обнаруживаются среди объектов из категории защищывания, но обратное неверно. Данный паттерн похож на эффект асимметрии в зрительном поиске (Wolfe, 2001). Его возникновение связывают с тем, что одна категория объектов обладает некоторым базовым признаком, а другая — нет, и проще заметить наличие базового признака целевого объекта среди объектов, им не обладающих, чем найти отсутствие признака целевого объекта среди тех объектов, что обладают им. Эта идея основана на теории интеграции признаков Э. Трейсман (A. Treisman), в соответствии с которой существуют отдельные карты признаков, а их интеграция в образе объекта осуществляется посредством внимания (Treisman, Gelade, 1980). Исследователи предполагают, что к базовым признакам могут относиться цвет, размер, пространственная ориентация, новизна, степень знакомства с объектом и некоторые другие, однако исчерпывающего списка базовых признаков на данный момент не существует (Wolfe, Horowitz, 2017), а также практически нет исследований в данной парадигме, которые бы использовали изображения реальных объектов в качестве стимульного материала. Мы полагаем, что в данном случае объекты из категории захватывания получают преимущество в поиске, вероятно, за счет того, что обладают большей толщиной (базовый признак размера), а также не имеют наклона (базовый признак ориентации), в отличие от категории объектов защищывания — первые представляют собой более массивные и вертикально ориентированные объекты, а вторые — тонкие и имеющие угловой наклон.

Также представляется необходимым сопоставить полученные результаты с исследованием Ануфриевой и Горбуновой, так как в настоящем исследовании был использован тот же самый набор стимульного материала, но разные варианты задач зрительного поиска (Ануфриева, Горбунова, 2024). Основное различие в результатах исследований заключается в том, что преимущество в поиске оказывается различным в зависимости от количества целевых стимулов. В парадигме ПППП преимущество в поиске первого или единственного целевого стимула проявляется, если целевой стимул принадлежит к категории защищывания, в то время как поиск вто-

рого целевого стимула или отчет о его отсутствии оказывается более эффективным в отношении объектов из категории захватывания. Данный паттерн объясняется авторами временем сканирования пространства поиска для поиска первого или единственного целевого стимула — чем больше времени занимает его поиск, тем быстрее возможен отчет о наличии или отсутствии второго целевого стимула, поскольку уже просмотренные объекты сохраняются в памяти и не требуют повторного возврата к ним. В настоящем же исследовании единственный целевой стимул мог присутствовать либо отсутствовать, а преимущество в его поиске было получено для категории захватывания. Результаты настоящего эксперимента логичнее сопоставлять с процессом поиска второго целевого стимула в парадигме ПППП, поскольку в обоих случаях есть только два варианта ответа — стимул есть или его нет. Данные, полученные в двух разных парадигмах, согласуются между собой — преимущество получают объекты из категории захватывания, если известно, что целевой стимул может быть (и он единственный) или его нет. Таким образом, преимущество в поиске определенной категории объектов зависит от потенциального количества целевых стимулов.

Согласно результатам Кокс и коллег (Cox et al., 2021), количество целевых объектов как установка на то, сколько потенциально их может быть в пробе, влияет на результаты зрительного поиска. В своем исследовании они варьировали инструкцию для испытуемых: объектов может быть 2, 1, 0 (низкие ожидания) либо 2, 1 (высокие ожидания). Было обнаружено, что группа высоких ожиданий выполняла более исчерпывающий поиск. Стоит отметить, что одно из объяснений эффекта ПППП носит название «гипотезы насыщения поиска» — после нахождения первого целевого стимула испытуемые удовлетворяются полученным результатом и прекращают поиск, поэтому и не находят целевой стимул, см., например, (Fleck et al., 2010).

Соответственно, ожидания испытуемых относительно количества целевых стимулов, а также сложность задачи оказываются важными факторами при поиске объектов. Поэтому стоящую перед испытуемым экспериментальную инструкцию стоит рассматривать не просто как некоторую реакцию на целевой стимул, а как целостную перцептивную задачу, при решении которой он может применять различные стратегии (Леонтьев, 2004; Печенкова, Фаликман, 2010). Выбор стратегии, в свою очередь, будет определяться как сложностью стоящей перед субъектом задачи, так и предвосхищением последующих событий, при этом важную роль играет фактор ограничения времени, присутствующий в эксперименте. Учитывая все сказанное выше, результаты настоящего исследования и экспериментов Ануфриевой и Горбуновой (Ануфриева, Горбунова, 2022; Ануфриева, Горбунова, 2024) могут быть объяснены следующим образом. Объекты из категории захватывания обладают преимуществом в поиске, поэтому после нахождения первого целевого стимула испытуемые имеют тенденцию сразу же найти второй, чтобы последовательно дать ответ о двух стимулах. Принятие решения и ответ, вероятно, оказываются более ресурсозатратными процессами, чем просто нахождение целевого стимула (Donkin, Nosofsky, 2012), при этом вероятность найти второй стимул или просканировать все пространство поиска достаточно высока. Напротив, задача поиска объектов из категории защищывания оказывается более сложной, и вероятность оперативно найти второй объект здесь будет существенно ниже, поэтому в данном случае, вероятно, испытуемые предпочитают дать ответ сразу после обнаружения целевого стимула. Следовательно, в ситуации установки на

поиск единственной цели (классический зрительный поиск, как в настоящем исследовании) нет необходимости в продумывании стратегии, поэтому преимущество получают объекты из категории захватывания за счет своей перцептивной заметности (salience) на фоне объектов из категории зашипывания. Дальнейшие исследования могут быть направлены на прояснение взаимосвязи ожиданий о количестве целевых стимулов и их перцептивной заметности.

Ключевое отличие задач зрительного поиска от задач наименования и категоризации, для которых, как правило, ЭС устойчиво наблюдается, состоит в том, что задачи зрительного поиска предполагают анализ всего поля зрения, а не взаимодействие с единственным присутствующим объектом. Другие присутствующие в зрительном поле объекты (дистракторы) могут предполагать активацию различных моторных программ, поэтому в данной задаче активация моторной программы в отношении целевого стимула не ведет к более быстрому его нахождению. Полученные в ряде исследований данные о наличии ЭС в зрительном поиске могут объясняться более низкоуровневыми процессами — наличием у целевого объекта, в отношении которого выполнялась моторная программа, характерных базовых признаков, связанных с этой программой. Например, объекты, предполагающие захватывающее движение, отличаются по признакам размера и ориентации от объектов, предполагающих более дифференцированное зашипывающее движение. Более того, согласно некоторым исследованиям, данный эффект может также зависеть от таких перцептивно-контекстных признаков, как глубина и удаленность (Котов и др., 2017). То есть фон, на котором предъявлен объект, наряду с окружающими его предметами может формировать ту самую ситуацию аффорданса. И именно с учетом информации как от объекта, так и от контекста, в котором он дан, активируется подходящая моторная программа. Это означает, что ЭС в зрительном поиске не может возникнуть в ситуации изолированного предъявления объектов. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение ЭС в зрительном поиске в сценах.

Заключение

В рамках настоящего исследования ЭС в классической задаче зрительного поиска обнаружен не был. Роль знания о способе действия, вероятно, является крайне незначительной в ситуации зрительного поиска реальных объектов, и активация этого знания посредством имитации движения не оказывает влияния на эффективность решения задачи. Полученные результаты ставят под сомнение чисто моторную природу возникновения ЭС в задачах, которые не предполагают взаимодействия с единственным объектом, а направлены на анализ всего поля зрения, таких как зрительный поиск. Предположительно в основе категоризации объектов по способу действия в задачах такого рода лежат базовые признаки. Поскольку именно их влияние оказалось решающим, мы предполагаем, что тщательный отбор и уравнивание стимульного материала по базовым признакам может являться перспективой для исследования ЭС в зрительном поиске. Например, использование черно-белых изображений объектов, сгруппированных по форме и с одинаковым наклоном, а также ориентации функциональных частей в качестве стимульного материала может нивелировать влияние именно перцептивной составляющей. Также перспективным представляется исследование ЭС

в задачах зрительного поиска в сценах, поскольку его возникновение модулируется наличием информации об удаленности и глубине, которые формирует контекст предъявления объекта.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Насман Анастасии и Беляевой Элеоноре за помощь в сборе данных.

Литература

- Ануфриева А. А., Горбунова Е. С. Аффордансы как часть процесса идентификации объекта в зрительном поиске // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19, № 2. С. 188–200. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.14>
- Ануфриева А. А., Горбунова Е. С. Эффект совместимости в задаче зрительного поиска // Психология познания. М., 2024. С. 27–30.
- Котов А. А., Дагаев Н. И., Власова Е. Ф. Восприятие и действие: репрезентация действий с пред-метами // Избранные разделы психологии научения: коллективная монография. М.: «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 139–161.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.
- Печенкова Е. В., Фаликман М. В. Решение перцептивной задачи как взаимодействие между восхо-дящими и нисходящими процессами переработки зрительной информации // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010. Т. 3, № 3. С. 52–65.
- Azaad S., Laham S. M., Shields P. A meta-analysis of the object-based compatibility effect // Cognition. 2019. Т. 190. P. 105–127. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2019.04.028>
- Bub D. N., Masson M. E. J., Lin T. Features of planned hand actions influence identification of graspable objects // Psychological Science. 2013. Т. 24, no. 7. P. 1269–1276. <https://doi.org/10.1177/0956797612472909>
- Brady T. F., Konkle T., Alvarez G. A., Oliva A. Visual long-term memory has a massive storage capacity for object details // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. Т. 105, no. 38. P. 14325–14329. <https://doi.org/10.1073/pnas.0803390105>
- Caligiore D., Borghi A. M., Parisi D., Ellis R., Cangelosi A., Baldassarre G. How affordances associated with a distractor object affect compatibility effects: A study with the computational model TRoPICALS // Psychological Research. 2013. Т. 77. P. 7–19. <https://doi.org/10.1007/s00426-012-0424-1>
- Cox P. H., Kravitz D. J., Mitroff S. R. Great expectations: minor differences in initial instructions have a major impact on visual search in the absence of feedback // Cognitive Research Principles and Implications. 2021. Т. 6, no. 1. P. 19. <https://doi.org/10.1186/s41235-021-00286-1>
- Donkin C., Nosofsky R. M. The structure of short-term memory scanning: An investigation using response time distribution models // Psychonomic Bulletin & Review. 2012. Т. 19. P. 363–394. <https://doi.org/10.3758/s13423-012-0236-8>
- Ellis R., Tucker M., Symes E., Vainio L. Does selecting one visual object from several require inhibition of the actions associated with nonselected objects? // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2007. Т. 33, № 3. P. 670. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.33.3.670>
- Fleck M. S., Samei E., Mitroff S. R. Generalized “satisfaction of search”: Adverse influences on dual-target search accuracy // Journal of Experimental Psychology: Applied. 2010. Т. 16, no. 1. P. 60–71. <https://doi.org/10.1037/a0018629>
- Gomez M. A., Snow J. C. Action properties of object images facilitate visual search // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2017. Т. 43, no. 6. P. 1115. <https://doi.org/10.1037/xhp0000390>
- Haddad L., Wamain Ya., Kaléline S. Stimulus-response compatibility effects during object semantic categorisation: Evocation of grasp affordances or abstract coding of object size? // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2023. Т. 77, no. 1. P. 29–41. <https://doi.org/10.1177/17470218231161310>
- Leuthold H. The Simon effect in cognitive electrophysiology: a short review // Acta Psychologica. 2011. Т. 136, no. 2. P. 203–211. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2010.08.001>

- Martin A. GRAPES-Grounding representations in action, perception, and emotion systems: How object properties and categories are represented in the human brain // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2016. T. 23. P.979–990. <https://doi.org/10.3758/s13423-015-0842-3>
- Moise N. Getting a handle on meaning: Planned hand actions' influence on the identification of handled objects: Master's thesis. Victoria: University of Victoria, 2022. URL: <http://hdl.handle.net/1828/14285> (дата обращения: 27.11.2025).
- Ni L., Liu Ye., Yu W. The dominant role of functional action representation in object recognition // *Experimental Brain Research*. 2019. T.237. P.363–375. <https://doi.org/10.1007/s00221-018-5426-9>
- Osiurak F., Rossetti Yv., Badets A. What is an affordance? 40 years later // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2017. T. 77. P.403–417. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2017.04.014>
- Pappas Z. Dissociating Simon and affordance compatibility effects: Silhouettes and photographs // *Cognition*. 2014. T. 133, № 3. P.716–728. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.018>
- Rowe P., Haenschel C., Kosilo M., Yarrow K. Objects rapidly prime the motor system when located near the dominant hand // *Brain and Cognition*. 2017. T. 113. P.102–108. doi:10.1016/j.bandc.2016.11.005
- Treisman A.M., Gelade G. A feature-integration theory of attention // *Cognitive Psychology*. 1980. T. 12, № 1. P.97–136. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(80\)90005-5](https://doi.org/10.1016/0010-0285(80)90005-5)
- Yamami Yu., Ariga A., Yamada Yu. Object affordances potentiate responses but do not guide attentional prioritization // *Frontiers in Integrative Neuroscience*. 2016. T.9. P.74. <https://doi.org/10.3389/fnint.2015.00074>
- Yang H., Zelinsky G. J. Visual search is guided to categorically-defined targets // *Vision Research*. 2009. T. 49, no. 16. P.2095–2103. <https://doi.org/10.1016/j.visres.2009.05.017>
- Wolfe J.M. Asymmetries in visual search: An introduction // *Perception & Psychophysics*. 2001. T. 63, no. 3. P.381–389. <https://doi.org/10.3758/BF03194406>
- Wolfe J.M., Horowitz T.S. Five factors that guide attention in visual search // *Nature Human Behaviour*. 2017. T. 1, no. 3. Art. 0058. <https://doi.org/10.1038/s41562-017-0058>

Статья поступила в редакцию 28.11.2024 г.;
рекомендована к печати 24.06.2025 г.

Контактная информация:

Ануфриева Анастасия Анатольевна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0001-8541-0815>,
aanufrieva@hse.ru

Горбунова Елена Сергеевна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0003-3646-2605>,
gorbunovaes@gmail.com

Can activation of motor programs accelerate object detection in a visual search task?*

A. A. Anufrieva^a, E. S. Gorbunova

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Anufrieva A. A., Gorbunova E. S. Can activation of motor programs accelerate object detection in a visual search task? *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN WYVMIS (In Russian)

The compatibility effect refers to the facilitation of responses when a motor program matches the affordance of an object. This study aimed to explore compatibility effect mechanisms within the context of classical visual search. Previous research had several limitations: motor programs were activated without a dominant hand, and more than one target stimulus could appear. In experiment 1, participants searched for a target stimulus that could be congruent or incongruent with an ongoing movement. Four types of movements were used: grasping/pinching with the palm downward/sideways. These corresponded to four categories of con-

* The research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-78-10055-P.

^a Author for correspondence.

gruent objects. Results showed that objects affording grasping were prioritized during search, regardless of congruence with the performed movement. To determine whether this effect was driven by movement execution, experiment 2 was conducted. Participants did not perform any movements but searched for the same object categories. Again, graspable objects were found faster, confirming a general advantage for grasping-related stimuli. The results of two experiments showed that compatibility effect was not detected in visual search. The data obtained indicate a greater significance of the basic features of objects than knowledge of the mode of action. The results obtained cast doubt on the purely motor nature of the emergence of compatibility effect in tasks that do not involve interaction with a single object, but are aimed at analyzing the entire visual field. In particular, it is assumed that expectations about the number of targets and the category of objects play an important role in such tasks.

Keywords: compatibility effect, visual search, expectation formation, categorisation, motor programs.

References

- Anufrieva, A. A., Gorbunova, E. S. (2022). Affordances as part of the object identification process in visual search. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 19 (2), 188–200. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.14> (In Russian)
- Anufrieva, A. A., Gorbunova, E. S. (2024). The compatibility effect in a visual search task. In: *Psikhologiya poznaniia* (pp. 27–30). Moscow. (In Russian)
- Azaad, S., Laham, S. M., Shields, P. (2019). A meta-analysis of the object-based compatibility effect. *Cognition*, 190, 105–127. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2019.04.028>
- Bub, D. N., Masson, M. E. J., Lin, T. (2013). Features of planned hand actions influence identification of graspable objects. *Psychological Science*, 24 (7), 1269–1276. <https://doi.org/10.1177/0956797612472909>
- Brady, T. F., Konkle, T., Alvarez, G. A., Oliva, A. (2008). Visual long-term memory has a massive storage capacity for object details. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 105 (38), 14325–14329. <https://doi.org/10.1073/PNAS.0803390105>
- Caligiore, D., Borghi, A. M., Parisi, D., Ellis, R., Cangelosi, A., Baldassarre, G. (2012). How affordances associated with a distractor object affect compatibility effects: A study with the computational model TRoPICALS. *Psychological Research*, 77 (1), 7–19. <https://doi.org/10.1007/s00426-012-0424-1>
- Cox, P. H., Kravitz, D. J., Mitroff, S. R. (2021). Great expectations: minor differences in initial instructions have a major impact on visual search in the absence of feedback. *Cognitive Research Principles and Implications*, 6 (1), 19. <https://doi.org/10.1186/s41235-021-00286-1>
- Donkin, C., Nosofsky, R. M. (2012). The structure of short-term memory scanning: an investigation using response time distribution models. *Psychonomic Bulletin & Review*, 19 (3), 363–394. <https://doi.org/10.3758/s13423-012-0236-8>
- Ellis, R., Tucker, M., Symes, E., Vainio, L. (2007). Does selecting one visual object from several require inhibition of the actions associated with nonselected objects? *Journal of Experimental Psychology Human Perception & Performance*, 33 (3), 670–691. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.33.3.670>
- Fleck, M. S., Samei, E., Mitroff, S. R. (2010). Generalized “satisfaction of search”: Adverse influences on dual-target search accuracy. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 16 (1), 60–71. <https://doi.org/10.1037/a0018629>
- Gomez, M. A., Snow, J. C. (2017). Action properties of object images facilitate visual search. *Journal of Experimental Psychology Human Perception & Performance*, 43 (6), 1115–1124. <https://doi.org/10.1037/xhp0000390>
- Haddad, L., Wamain, Ya., Kalenine, S. (2023). Stimulus-response compatibility effects during object semantic categorisation: Evocation of grasp affordances or abstract coding of object size? *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 77 (1), 29–41. <https://doi.org/10.1177/17470218231161310>
- Kotov A. A., Dagaev N. I., Vlasova E. F. (2017). Perception and action: representation of actions with objects. In: *Selected sections of the psychology of learning: a collective monograph* (pp. 139–161). Moscow, “Delo Publ.” RANEPa. (In Russian)
- Leontiev, A. N. (2004). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Smysl. (In Russian)

- Leuthold, H. (2010). The Simon effect in cognitive electrophysiology: A short review. *Acta Psychologica*, 136 (2), 203–211. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2010.08.001>
- Martin, A. (2015). GRAPES — Grounding representations in action, perception, and emotion systems: How object properties and categories are represented in the human brain. *Psychonomic Bulletin & Review*, 23 (4), 979–990. <https://doi.org/10.3758/s13423-015-0842-3>
- Moise, N. (2022). *Getting a handle on meaning: Planned hand actions' influence on the identification of handled objects*: Unpublished master's thesis. Victoria. Available at: <http://hdl.handle.net/1828/14285> (available at: 27.11.2025).
- Ni, L., Liu, Y., Yu, W. (2019). The dominant role of functional action representation in object recognition. *Experimental Brain Research*, 237 (2), 363–375. <https://doi.org/10.1007/s00221-018-5426-9>
- Osiurak, F., Rossetti, Yv., Badets, A. (2017). What is an affordance? 40 years later. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 77, 403–417. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2017.04.014>
- Pappas, Z. (2014). Dissociating Simon and affordance compatibility effects: Silhouettes and photographs. *Cognition*, 133 (3), 716–728. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.018>
- Pechenkova E. V., Falikman M. V. (2010). Perceptual task solving as an interaction between bottom-up and top-down processes of visual information processing. *Teoreticheskaia I eksperimental'naia psikhologiya*, 3 (3), 52–65. (In Russian)
- Rowe, P., Haenschel, C., Kosilo, M., Yarrow, K. (2017). Objects rapidly prime the motor system when located near the dominant hand. *Brain and Cognition*, 113, 102–108. <https://doi.org/10.1016/j.bandc.2016.11.005>
- Treisman, A. M., Gelade, G. (1980). A feature-integration theory of attention. *Cognitive Psychology*, 12 (1), 97–136. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(80\)90005-5](https://doi.org/10.1016/0010-0285(80)90005-5)
- Yamani, Yu., Ariga, A., Yamada, Yu. (2016). Object affordances potentiate responses but do not guide attentional prioritization. *Frontiers in Integrative Neuroscience*, 9, 74. <https://doi.org/10.3389/fn-int.2015.00074>
- Yang, H., Zelinsky, G. J. (2009). Visual search is guided to categorically-defined targets. *Vision Research*, 49 (16), 2095–2103. <https://doi.org/10.1016/j.visres.2009.05.017>
- Wolfe, J. M. (2001). Asymmetries in visual search: An introduction. *Perception & Psychophysics*, 63 (3), 381–389. <https://doi.org/10.3758/bf03194406>
- Wolfe, J. M., Horowitz, T. S. (2017). Five factors that guide attention in visual search. *Nature Human Behaviour*, 1 (3), 0058. <https://doi.org/10.1038/s41562-017-0058>

Received: November 28, 2024

Accepted: June 24, 2025

Authors' information:

Anastasia A. Anufrieva — Junior Researcher; <https://orcid.org/0000-0001-8541-0815>, aanufrieva@hse.ru

Elena S. Gorbunova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0003-3646-2605>, gorbunovaes@gmail.com

Мозговые корреляты зрительного воображения при решении задач на визуализацию скрытой части объекта (в фМРТ-исследовании)*

В. П. Иванушко^{a1}, В. С. Василенко^{1, 2},
Е. А. Мершина^{1, 3}, Е. В. Печенкова¹

¹ Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Российская Федерация, 119571, Москва, пр. Вернадского, 84

³ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Иванушко В. П., Василенко В. С., Мершина Е. А., Печенкова Е. В. Мозговые корреляты зрительного воображения при решении задач на визуализацию скрытой части объекта (в фМРТ-исследовании) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 4. С. 000–000. EDN XHBRSA

Объективная оценка правильности ответов в задачах на объектное зрительное воображение, а также изучение его мозговых коррелятов затрудняются тем, что верифицировать то, как в мысленном образе репрезентированы цвет, текстура или форма, значительно сложнее, чем определить, верно ли в нем представлены пространственные отношения. По этой причине для оценки объектного воображения существует много самоотчетных методик, но недостаточно тестовых. Мы разработали модификацию задачи с хвостами животных (animal tail task), в которой участник должен определять длину хвоста животных относительно их тела. Было добавлено контрольное условие с контуром-подсказкой, который дает участнику достаточно информации, чтобы решить задачу, не прибегая к объектному воображению. Задачи были апробированы в поведенческом онлайн-исследовании ($n = 26$) и в эксперименте с фМРТ ($n = 13$). Полученные результаты говорят о том, что при выполнении задач происходит мысленное сканирование зрительных образов. Об этом свидетельствует зависимость времени ответа от длины хвоста животного в обоих экспериментах. Мозговые корреляты мысленного сканирования включали зоны, расположенные по вентральному пути обработки зрительной информации. В то же время задача с хвостами животных не дает однозначных данных для различения мозговых коррелятов объектного и пространственного воображения. В нашей модификации это было связано в первую очередь с активными процессами обследования контуров-подсказок. Специфическая активация в дорсолатеральной префронтальной коре, полученная в обоих условиях, может быть проинтерпретирована не только как коррелят порождения мысленных образов, но и как возможное различие между мозговыми механизмами обследования мысленного образа

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01561.

^a Автор для корреспонденции.

© В. П. Иванушко, В. С. Василенко, Е. А. Мершина, Е. В. Печенкова, 2025

и реальной зрительной сцены. Прояснение этого вопроса представляется перспективным для дальнейших исследований.

Ключевые слова: зрительное воображение, объектное воображение, вентральный путь обработки зрительной информации, задача с хвостами животных, фМРТ.

Введение

Зрительное воображение — это процессы формирования и преобразования зрительных мысленных образов (представлений) в отсутствие непосредственного воздействия соответствующих стимулов на зрительную систему (Farah et al., 1988). Процессы зрительного воображения носят квазиперцептивный характер (то есть переживание образов представления имеет сходство с перцептивным опытом), но не определяются текущей стимуляцией сетчатки (человек может представлять не тот предмет, который он видит) и могут взаимодействовать с процессами восприятия (Marks, 2019; Keogh, Pearson, 2014). В частности, мысленные образы могут облегчать восприятие или, наоборот, вызывать интерференцию, что может объясняться адаптацией или слабой стимуляцией общих для обеспечения этих процессов нейронов. Обратную ситуацию — опору процессов воображения на текущие процессы восприятия — иллюстрирует, например, тест креативности Торренса, в котором участнику предлагается придумать и нарисовать различные картинки на основе фрагментов изображения (Torrance, 1972).

Процессы зрительного воображения подразделяют на две группы, оперирующие объектными и пространственными репрезентациями. Объектное воображение имеет дело с репрезентациями изобразительных признаков (цвет, текстура, форма представляемых объектов), а пространственное — с репрезентациями пространственных отношений (размер, длина, взаимное расположение, расположение относительно наблюдателя и т. п.) между представляемыми объектами или частями одного объекта. Предположительно, имеются различия в мозговом субстрате этих двух аспектов воображения: объектное воображение опирается на вентральный путь обработки зрительной информации в мозге (путь «что»), а пространственное — на дорсальный путь (путь «где») (Freud et al., 2017).

Для оценки зрительного воображения используются субъективные шкалы и тестовые методики. При этом наблюдается дисбаланс методов, доступных для изучения объектного и пространственного воображения: в литературе представлено мало самоотчетных методик для изучения пространственного воображения и тестовых методик, адресованных объектному воображению (Blazhenkova, 2016). Это связано в числе прочего с тем, что тестовые методики предполагают процедуру верификации создаваемой репрезентации и наличие объективно правильного решения задачи на воображение (Печенкова и др., 2024). Например, в задаче с мысленными часами нужно представить два циферблата, которые показывают разное время, заданное экспериментатором, и оценить, на каком из них угол между стрелками больше. Эта задача требует верификации пространственного соотношения частей мысленного образа и имеет объективно правильный ответ. Репрезентацию изобразительных признаков, таких как цвет, яркость, форма и текстура, сложнее верифицировать, чем пространственные отношения, и поэтому таких задач крайне мало. Одним из примеров подобных задач является методика, требующая от

испытуемого представить и сравнить пары объектов по форме («похожи ли по форме язык ящерицы и буква q?») (Newman et al., 2007).

Одной из наиболее известных задач с верификацией представлений является задача с хвостами животных (animal tail task), где в каждой пробе называется животное и задается вопрос, какой у него хвост по сравнению с длиной тела — длинный или короткий. Несмотря на то что свойство объекта, которое просят оценить, задается через пространственное отношение, эта методика считается классическим примером задачи, адресованной объектному воображению, поскольку для ее решения испытуемому необходимо представить себе объект целиком, то есть само животное с его хвостом (Farah et al., 1988). Методика активно применялась в нейропсихологических работах 1970–1980-х гг. и зарекомендовала себя при работе с пациентами с локальными поражениями мозга (Pearson et al., 2013).

Таким образом, задача с хвостами животных выступает перспективным кандидатом на роль методики для изучения мозговых механизмов как объектного, так и пространственного воображения. Она дает возможность объективной проверки правильности решения и создания большого количества однотипных задач, что важно для психофизиологических исследований.

В связи с этим мы разработали модификацию задачи с хвостами животных для изучения мозговых коррелятов объектного воображения с помощью функциональной нейровизуализации. Классический вариант задачи с хвостами животных, который использовался в исследованиях 1970–1980-х гг., предполагал воображение по вербальному ключу: исследователь одно за другим по списку называл испытуемому животных, которых было необходимо представить, и фиксировал ответы. О. Блаженкова и коллеги (Blazhenkova et al., 2025) предложили модификацию этой методики, направленную на уменьшение вероятности извлечения ответа из семантической памяти без порождения мысленного образа. Вместо вербального ключа они использовали зрительный стимул — фотографию животного, задняя половина тела которого закрыта черным прямоугольником. Такой зрительный ключ уменьшает опору на вербальное кодирование и стимулирует мысленное достраивание картинки.

Однако для того чтобы изучить активацию головного мозга, связанную именно с процессами объектного воображения, нам понадобилось также контрольное условие, отличающееся от основного только отсутствием необходимости мысленного достраивания (объектное воображение), но не необходимости мысленно сопоставлять длину хвоста и длину тела животного (пространственное воображение). Поэтому наша дальнейшая модификация включала такое контрольное условие, в котором поверх черного прямоугольника был обозначен белый контур задней половины животного. Данная манипуляция достаточно мала, чтобы сохранить общий облик изображений, но дает достаточно информации, чтобы решить задачу, не прибегая к объектному воображению. Апробация методики была проведена в поведенческом онлайн-исследовании и в эксперименте с фМРТ. В онлайн-исследовании дополнительно собирались оценки знакомости животных для испытуемых, поскольку использование фотографий вместо вербальных ключей не устраняет в полной мере фактор специальных знаний при выполнении предлагаемой задачи.

Мы ожидали, что сопоставление основного условия (закрытая задняя половина тела животного без контура) и контрольного (с контуром) позволит получить

свидетельства функционирования объектного воображения как в поведенческих (различия по точности и времени ответа), так и в нейрофизиологических данных (специфическая для мысленного «достраивания» картинки активация головного мозга). Мы также ожидали обнаружить различия между условиями визуализации скрытой части животных с коротким и с длинным хвостами, которые позволят сделать выводы о потенциальных мозговых коррелятах пространственного воображения и его роли в выполнении предложенной задачи.

Онлайн-исследование

Методы. Участники. В онлайн-исследовании принял участие 31 человек, 27 женщин и 4 мужчины из академического сообщества, средний возраст $M = 21,5$, $SD = 7,4$. Испытуемые были добровольцами, приглашались через социальные сети и давали информированное согласие в электронной форме.

Материалы. В качестве стимульного материала для экспериментального условия использовались 26 изображений животных из методики «Animal tails task» О. Блаженковой и коллег (<https://osf.io/834me/>), по 13 с коротким и длинным хвостом. Каждое изображение представляет собой цветную фотографию животного на белом фоне, причем задняя половина тела животного закрыта черным прямоугольником. Животное могло быть ориентировано головой как влево, так и вправо. Для контрольного условия были созданы копии изображений, на которых поверх черного прямоугольника был обозначен белый контур задней половины животного (рис. 1). Таким образом, участникам предъявлялись два типа стимулов: без контура и с контуром, в каждом из условий половина животных была с коротким хвостом и половина с длинным, и в каждой из этих групп стимулов были стимулы, в которых задняя часть располагалась слева и справа. Поскольку одни и те же животные использовались и в основных, и в контрольных стимулах, общий набор из 52 стимулов был разделен на два набора по 26 (13 основных, 13 контрольных), внутри которых одно и то же животное не повторялось. Таким образом одно и то же животное показывалось участнику только один раз — с контуром или без, что позволяло избежать эффекта подсказки. Финальная версия эксперимента, реализованного в PsychoPy, размещена на платформе OSF (<https://osf.io/wya4u/>).

Процедура. Онлайн-исследование включало два этапа: заполнение электронной формы, включавшей информированное согласие и демографические вопросы,

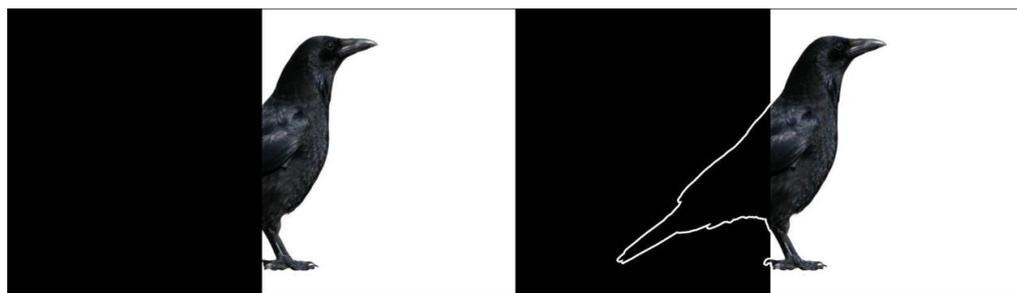

Рис. 1. Пример стимульного материала для задач с хвостами животных: слева — основное экспериментальное условие (без контура); справа — контрольное условие (с контуром)

и основной эксперимент на платформе Pavlovia (pavlovia.org). Прохождение исследования было возможно только с компьютера, мобильные устройства исключались. Участники псевдослучайным способом (на основании даты рождения) распределялись в одну из двух подгрупп выборки, различавшихся наборами стимулов.

В основном эксперименте участникам демонстрировали изображения животных со скрытой задней частью, на основе которых им было необходимо решить, является ли хвост коротким или длинным относительно размеров тела животного. Хвост считался длинным, если он был длиннее половины длины тела, и коротким, если короче половины длины тела. Ответ давался путем нажатия кнопок «А» (длинный) или «D» (короткий). Процедура включала 26 проб для каждого человека: 13 основных и 13 контрольных стимулов, предъявлявшихся в случайном порядке. Изображения предъявлялись по одному, время на одну пробу было ограничено 6,5 с, но участники могли свободно переходить к следующей задаче при ответе. По завершении пробы в течение 1 с показывался фиксационный крест (межпробный интервал). После каждой пробы участникам было необходимо оценить по шкале от 1 до 5, насколько хорошо они помнят, как выглядит животное (оценка знакомости). Оценка вносилась через клик мыши на визуальной шкале. Инструкция для участников: «В этом задании Вы увидите 26 изображений животных со скрытой задней половиной тела. Вам нужно решить, имеет ли животное короткий или длинный хвост относительно размеров его тела. Хвост считается ДЛИННЫМ, если он длиннее половины длины тела. Хвост считается КОРОТКИМ, если он короче половины длины тела. На некоторых изображениях половина животного будет полностью скрыта, а на других будет обозначена контуром. Ваша задача одна и та же — представить животное и определить, его хвост ДЛИННЫЙ или КОРОТКИЙ. Если хвост ДЛИННЫЙ — нажмите кнопку А. Если хвост КОРОТКИЙ — нажмите кнопку D. На ответ по одному изображению дается 6,5 секунд. После каждого изображения Вам также нужно КЛИКОМ МЫШКИ отметить, как хорошо вы помните это животное по шкале от 1 до 5, где 1 — совсем не помните, 5 — очень хорошо помните».

Результаты. Анализ поведенческих данных проводился в среде R с помощью программ RStudio и Jamovi 2.3.21. После исключения участников, некорректно заполнивших форму или не прошедших полностью все этапы исследования (5), исключения проб, на которые не было получено ответа (40), и исключения выбросов по времени ответа относительно медианного абсолютного отклонения ($\pm 3 \cdot \text{MAD}$, $\text{MAD} = 0,95$ с) в основной анализ данных вошли 26 человек (из них 23 женщины, 3 мужчин, средний возраст — 21,5 лет, стандартное отклонение — 7,9), 630 наблюдений по оценке знакомости животного, времени и точности ответа.

Среднее время ответа в основном условии, без контура, составляло 2,06 с ($SD = 0,93$), в контрольном условии с контурами — 2,08 с ($SD = 1,10$), различия не были статистически значимы ($t = -0,228$, $p = 0,820$). Средняя точность ответа составила 65,8 % в основном условии и 68,2 % — в контрольном.

Для оценки влияния знакомости животного и типа стимула на время ответа мы использовали смешанную линейную модель, на точность ответа — бинарную логистическую регрессию с пошаговым удалением предикторов на основе отношения правдоподобия.

В смешанную модель были включены факторы условия (основное или контрольное с контуром), длины хвоста животного (длинный или короткий), распо-

ложения закрытой части животного (слева или справа), оценки знакомости животного и фактор участника. Индивидуальный фактор участника выступал как группирующий, оценка знакомости — как случайный. Статистика качества модели: $AIC = 1652,846$, $BIC = 1761,012$, модель сходится с логарифмическим отношением правдоподобия $-512,217$. Были обнаружены основные эффекты фактора «Длина хвоста»: $F(1; 593,3) = 31,6$, $p < 0,001$, $B = -0,385$, и «Оценка знакомости животного»: $F(4; 10,9) = 23,9$, $p < 0,001$, $B = -0,303$. В то же время фактор «Условие» не был значимым: $F(1; 513,3) = 0,118$, $p = 0,732$. Время ответа было меньше, если хвост животного был коротким, если закрытая часть была слева и при возрастании степени знакомства с животным. При анализе точности ответа с помощью бинарной логистической регрессии ни условие, ни оценка знакомости животного, ни расположение закрытой части не выступили значимыми предикторами. Значимым предиктором оказалась длина хвоста животного ($B = 0,752$, $p < 0,001$): было больше ошибок, если хвост животного длинный.

фМРТ-исследование

Методы. Участники. В фМРТ-исследовании приняли участие 13 добровольцев из академического сообщества г. Москвы, 12 женщин и 1 мужчина, средний возраст $M = 22,5$, $SD = 4,3$. Все участники были праворукими, согласно Эдинбургскому опроснику (Oldfield, 1971), сообщили об отсутствии психических или неврологических заболеваний, затрагивающих центральную нервную систему, не имели противопоказаний к МРТ, имели нормальную или скорректированную остроту зрения. Все добровольцы прошли инструктаж по технике безопасности в кабинете МРТ и дали письменное информированное согласие на участие в исследовании.

Материалы. Стимульный материал был аналогичен тому, что использовался в онлайн-исследовании: для экспериментального условия использовались 24 изображения животных из методики «Animal tails task» О. Блаженковой (из оригинального набора были взяты все стимулы, кроме «Giraffe» и «Lamb»), по 12 животных с коротким и длинным хвостом, половина из которых была ориентирована влево и половина вправо, а также аналогичные 24 изображения для контрольного условия, модифицированные путем добавления контура задней половины животного. В отличие от онлайн-исследования, каждому участнику предъявлялся полный набор стимулов, то есть длина хвоста каждого животного оценивалась два раза — один раз в основном условии и один раз в контрольном с контурами. Повторы использовались для уравнивания физических характеристик изображений, используемых в двух условиях, и были сбалансированы таким образом, что каждому участнику половина стимулов первый раз предъявлялась в основном условии, а половина — в контрольном; один и тот же стимул половине участников предъявлялся первый раз в основном условии, а другой половине — в контрольном.

Процедура. Во время сканирования участникам показывали изображения животных со скрытой задней частью, на основе которых им было необходимо решить, имеет животное короткий или длинный хвост относительно размеров его тела. Хвост считался длинным, если он был длиннее половины длины тела, и коротким, если короче половины длины тела. Ответ давался путем нажатия кнопок «А» (короткий) или «В» (длинный). Эксперимент проводился в два подхода, каждый вклю-

чал 24 пробы (12 основных и 12 контрольных), всего 48 проб. Животные в одном подходе не повторялись, чтобы избежать эффекта подсказки. Животное, которое в первом подходе встречалось в основном условии, во втором подходе предъявлялось в контрольном, и наоборот.

Инструкция для участников фМРТ-исследования: «В этом задании Вы увидите 24 изображения животных. Вам нужно представить скрытую часть и решить, имеет ли животное относительно короткий или длинный хвост, пропорциональный размеру его тела. Хвост считается ДЛИННЫМ, если он длиннее половины длины тела. Хвост считается КОРОТКИМ, если он короче половины длины тела. Если хвост КОРОТКИЙ — кнопка А. Если хвост ДЛИННЫЙ — кнопка В».

В каждой пробе время предъявления изображения составляло 6,5 с, независимо от времени ответа; после каждого изображения показывался фиксационный крест на 1 с. Пробы, относящиеся к основному (О) и контрольному (К) условию, а также 15-секундные периоды покоя (П), использовавшиеся для записи фоновой активности мозга, были организованы по блочному плану фМРТ-исследования и чередовались по схеме П-О-К-П-К-О-П... Конкретные стимулы в рамках этой последовательности подбирались в случайном порядке для каждого участника. Несмотря на то что среднее время ответа в онлайн-исследовании было менее 2 с, в фМРТ-исследовании использовалось длительное время предъявления одной задачи, которое гарантировало обнаружение связанного с задачей прироста BOLD-сигнала.

Общее время одного подхода, включая финальный период фонового сканирования, составляло 375 с. В ходе эксперимента записывались время и правильность ответа.

Оборудование и параметры сканирования. Сканирование проводилось в Медицинском научно-образовательном центре МГУ им. М. В. Ломоносова на томографе Siemens Vida с индукцией магнитного поля 3Т с использованием стандартной 64-канальной головной катушки. С помощью мультиполосной эхопланарной импульсной последовательности (SMS EPI) регистрировались функциональные T2*-взвешенные изображения с параметрами: SMS Factor = 4, TR = 1500 мс, TE = 30 мс, FA = 68°, сторона воксела 2,5 мм, поле обзора 210 × 210 × 150 мм, 60 срезов, ориентированных через переднюю и заднюю комиссуры. Во время двух подходов выполнения задачи регистрировались две серии изображений с противоположными направлениями фазового кодирования (AP и PA) для компенсации метрических искажений и выпадения МР-сигнала в базальных отделах головного мозга. За время каждого подхода регистрировалось по 260 функциональных объемов, первые 10 объемов не включались в обработку данных. Функциональные изображения дополнялись анатомическими T1-взвешенными изображениями со стороны воксела 0,9 мм и картами неоднородности магнитного поля, полученными с помощью стандартной последовательности gre_fieldmap.

Зрительные стимулы предъявлялись участникам на МР-совместимом мониторе, который они видели через систему зеркал, закрепленную на головной катушке. Угловой размер экрана составлял 30°. Регистрация ответов производилась с помощью МР-совместимого пульта с кнопками. Использовалось оборудование фирмы InVivo.

Анализ данных фМРТ. Анализ данных фМРТ проводился с помощью пакета SPM12 с использованием стандартной схемы предобработки изображений, кото-

рая включала коррекцию артефактов движения головы и метрических искажений на основе карт неоднородности магнитного поля (Realign & Unwarp), пространственную корегистрацию анатомических и функциональных изображений, пространственную нормализацию изображений — приведение их к пространству MNI и размеру воксела $2 \times 2 \times 2$ мм на основе результатов сегментации анатомического изображения на объемы, соответствующие отдельным тканям, — и сглаживание с помощью фильтра Гаусса ($FWHM = 6 \times 6 \times 6$ мм).

Статистически значимый прирост BOLD-сигнала выявлялся на основе общей линейной модели. Поскольку было обнаружено различие времени ответа между основным и контрольным условием, то в каждой пробе оно было внесено в модель в качестве параметрического модулятора функции гемодинамического ответа, что позволяет избежать артефактного увеличения активации для условий с большим временем реакции (Mumford et al., 2024). Основное и контрольное условия эксперимента, длина хвоста и расположение закрытой части животного также были введены в модель в качестве модуляторов, а параметры движения головы — в качестве регрессоров. Оценивались контрасты экспериментального (представление) и контрольного (без представления, контуры) условий, короткого и длинного хвоста и расположения закрытой части животного слева и справа. Индивидуальные карты активации строились внутри эксплицитной маски объема мозга, включавшей сегменты серого вещества, белого вещества и спинномозговой жидкости. Поправка на множественные сравнения осуществлялась на уровне кластера. Групповые карты активации строились со статистическими порогами $p < 0,005$ на уровне воксела и $rFDR < 0,05$ на уровне кластера. Далее на полученные групповые карты накладывалась групповая маска серого вещества, построенная на основе нормализованных сегментов серого вещества всех испытуемых, и в итоговой карте учитывались только кластеры, расположенные внутри этой маски.

Результаты. Поведенческие данные. В анализ поведенческих данных фМРТ-эксперимента включены результаты 13 человек, было получено 624 наблюдения по времени ответа и его правильности. После исключения проб, на которые не было получено ответа (9), и выбросов по времени ответа относительно медианного абсолютного отклонения ($\pm 3 * MAD$, $MAD = 0,71$) в анализ вошли 566 наблюдений. Для стимулов основного условия без контура и контрольного с контуром среднее время ответа составило 1,79 с ($SD = 0,65$) и 1,65 с ($SD = 0,65$) соответственно. Средняя правильность ответов в основном условии 86,1%, в контрольном — 81,4%. Минимальная средняя правильность ответов среди участников — 69,6%, максимальная — 93,8%. Для оценки влияния независимых переменных на время ответа использовался многофакторный дисперсионный анализ, на точность ответа — бинарная логистическая регрессия.

При анализе времени ответа были обнаружены основные эффекты факторов «Длина хвоста»: $F(1, 419) = 10,583$, $p = 0,001$, $\eta^2 p = 0,025$, «Условие»: $F(1, 419) = 10,586$, $p = 0,001$, $\eta^2 p = 0,025$, «Подход»: $F(1, 419) = 8,389$, $p = 0,004$, $\eta^2 p = 0,020$, «Участник»: $F(12, 419) = 9,703$, $p < 0,001$, $\eta^2 p = 0,217$, а также взаимодействий «Длина хвоста» \times «Расположение закрытой части»: $F(1, 482) = 4,075$, $p = 0,044$, $\eta^2 p = 0,010$, «Условие» \times «Расположение закрытой части»: $F(1, 482) = 11,328$, $p > 0,001$, $\eta^2 p = 0,026$. Проведение попарных сравнений с поправкой Тьюки показало, что время ответа для коротких хвостов было меньше, чем для длинных, и участники быстрее отвечали

Результаты группового анализа активации в контрастах между различными условиями

Контраст	Кластер, №	Объем кластера, мм ³	Центр масс, координаты MNI			Основная анатомическая локализация по атласу Harvard — Oxford
			x	y	z	
Условие основное > контрольное	1	1224	-33	32	30	Средняя лобная извилина, L Лобный полюс, L
Условие контрольное > основное	1	136296	5	-74	1	Латеральная затылочная кора (LR) Затылочный полюс (LR) Веретеновидная извилина (LR) Язычная извилина (LR) Верхняя теменная доля R
	2	3896	31	28	53	Средняя лобная извилина, R Верхняя лобная извилина, R Лобный полюс, R
Закрытая половина справа > слева	1	5728	-11	-90	11	Затылочный полюс L Шпорная борозда L
	2	1952	6	53	26	Верхняя лобная извилина R Параингулярная кора R
Хвост длинный > короткий	1	10856	-33	-21	63	Прецентральная извилина L Постцентральная извилина L Верхняя лобная извилина L
	2	6064	26	-86	-9	Веретеновидная извилина R Затылочный полюс R Латеральный затылочный комплекс R
	3	7256	-18	-93	-1	Затылочный полюс L Веретеновидная извилина L Латеральный затылочный комплекс L

в контрольном условии с контуром. Время ответа в первом подходе было значительно больше, чем во втором. Участники также быстрее отвечали, если контур на закрытой части животного был слева: значимыми оказались различия «основное условие, закрыто слева» — «контрольное условие, закрыто слева» (Mean Difference = 0,344, $t = 4,951$, $p < 0,001$) и «основное условие, закрыто справа» — «контрольное условие, закрыто слева» (Mean Difference = 0,194, $t = 2,74$, $p = 0,032$). При анализе правильности ответа как значимый был оценен предиктор «Длина хвоста» ($B = 0,730$, $p = 0,002$). Точность ответов уменьшалась, если у животного был длинный хвост.

Данные фМРТ. Координаты и анатомическая локализация кластеров активации, полученных в различных контрастах, представлены в таблице, визуализация результатов (карты активации) на рис. 2. В условии с контурами по сравнению с основной задачей отмечается значимо более выраженная активация в зрительной системе (в затылочной и базальной височной коре билатерально, а также в теменной коре справа). В основной задаче по сравнению с контрольным условием с контурами обнаруживается более выраженная активация в левой дорсолатеральной префронтальной коре (в средней лобной извилине и в области лобного

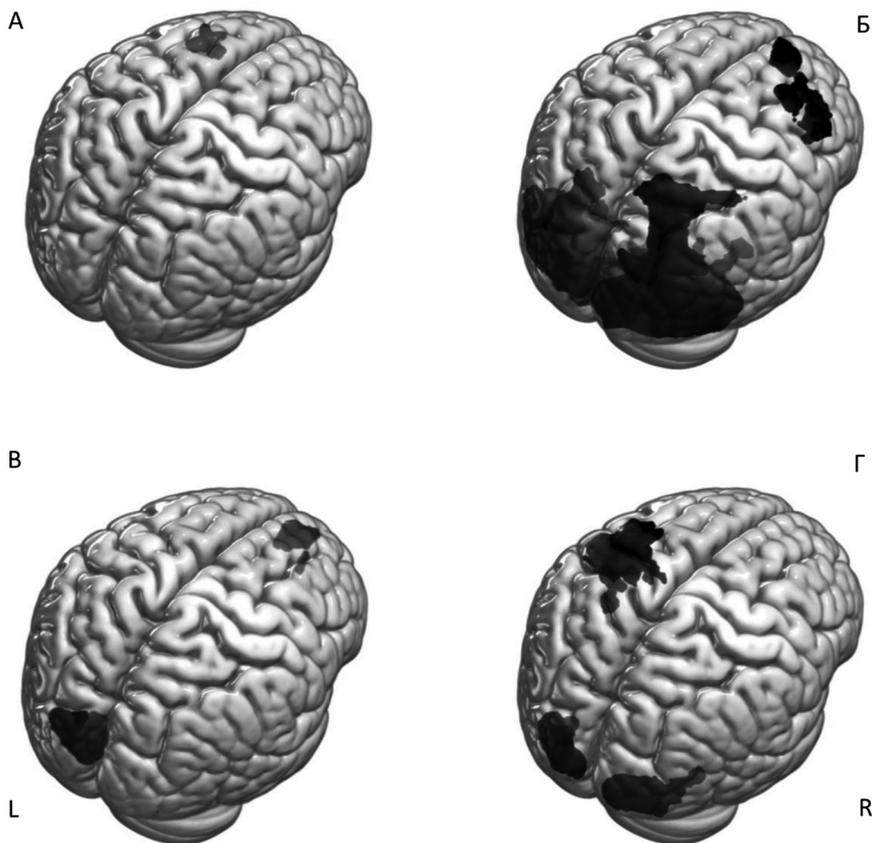

Рис. 2. Визуализация карт активации, соответствующих четырем контрастам, в которых были получены статистически значимые различия активности мозга: А — условие основное без контура > контрольное с контуром; Б — условие контрольное с контуром > основное без контура; В — расположение закрытой части справа > слева; Г — хвост длинный > короткий. Карты активации наложены на стандартное изображение мозга в пространстве MNI

полюса, область поля 9 по Бродману). В задачах с контурами по сравнению с основными наблюдалась область обширной активации в зрительной системе, как по вентральному (билатерально), так и по дорсальному (справа) путям обработки зрительной информации, а также кластер активации в правой дорсолатеральной префронтальной коре (средней лобной извилине, верхней лобной извилине, области лобного полюса, область поля 46 по Бродману). В условии с длинными хвостами животных по сравнению с короткими наблюдалась активация в области первичной моторной и соматосенсорной коры слева, в первичной зрительной коре и по вентральному пути обработки зрительной информации билатерально. В условии с закрытой частью животного справа (по сравнению с расположением слева) наблюдалась активация в первичной зрительной коре слева и в орбитофронтальной коре справа.

Обсуждение результатов

Задача определения длины хвоста животного предполагает участие как объектного (дистраивание картинка), так и пространственного (сопоставление длины хвоста и длины тела) воображения. Предполагалось, что в нашей модификации этой задачи пространственный компонент будет задействован и в основном (без контура), и в контрольном (с контуром) условиях, тогда как объектный (дистраивание образа животного до целого) — только в основном. Если бы время ответа оказалось значимо больше в основном условии по сравнению с контрольным, это могло бы свидетельствовать о том, что в отсутствие подсказки-контура происходит дополнительный процесс порождения мысленного образа. Однако такой результат был получен только в фМРТ-исследовании, тогда как в онлайн-исследовании различий по времени ответа между основным и контрольным условием обнаружено не было. Средняя продуктивность участников также различалась между экспериментами в условиях онлайн (67 %) и фМРТ (84 %), что может объясняться как наличием повторов стимулов в методике для фМРТ, так и индивидуальными различиями участников и их мотивацией. Уменьшение времени ответа в случае большей степени знакомства с животным может говорить как о более легком извлечении образа из памяти, так и о том, что в случае высокой степени знакомства решение принималось на основе данных, извлеченных из семантической памяти без работы воображения.

В то же время предположению, что у участников онлайн-эксперимента решение задачи протекало без участия мысленных образов, противоречит то, что у них, как и у участников фМРТ-эксперимента, наблюдалась зависимость времени и точности ответа от длины хвоста животного. С точки зрения теории аналоговых мысленных образов (Kosslyn, 1994), такие различия свидетельствуют о процессе мысленного обследования (сканирования) образа. Поэтому возможно альтернативное объяснение: участники онлайн-исследования дистраивали образ не только в основном условии, но и в условии с контуром.

Об участии объектного воображения в фМРТ-исследовании свидетельствуют не только различия во времени и точности ответов в зависимости от условия, но и пост-экспериментальные интервью, согласно которым участники испытывали трудности, если они не могли вспомнить внешний вид животного или «измерить» хвост у конкретного вида. В то же время полученные данные активации мозга не позволяют сделать однозначных выводов о мозговых коррелятах объектного и пространственного зрительного воображения.

С одной стороны, весьма интересно, что мозговые корреляты гипотетической аналоговой операции мысленного обследования картинка (активация в контрасте «хвост длинный > короткий») были обнаружены не во фронтпариетальной сети и не по дорсальному пути обработки зрительной информации, а по вентральному пути, что может быть свидетельством вовлечения объектного воображения. С другой стороны, возможная активация по вентральному пути в контрасте «условие основное > контрольное» оказалась замаскирована активацией зрительной системы в контрольном условии, вызванной, по-видимому, интенсивным обследованием контура-подсказки. Об этом же свидетельствует и лево-правая асимметрия результатов, соответствующая направлению чтения в русском языке (время ответа

меньше, если хвост слева, и активация зрительной коры в проекции правого полушария зрения значимо больше выражена, если хвост справа). Наблюдаемое взаимодействие условия и расположения закрытой части (время ответа значимо меньше, если на изображении есть контур, и он слева) также показывает, что обследование соответствующей половины изображения протекает интенсивнее при наличии контура. Примечательно, что при этом участники ошибались чаще, чем когда они использовали только воображение. Однако непосредственное описание характера обследования изображений в процессе выполнения задачи с хвостами животных может быть получено только в исследовании с регистрацией движений глаз.

Наконец, асимметрия активации дорсолатеральной префронтальной коры в основном и контрольном условии (слева при воображении без контура, справа в условиях восприятия подсказки-контура) также может быть проинтерпретирована как коррелят различия между процессами обследования мысленного образа и реальной зрительной сцены, а не как коррелят порождения образа как такового. Также отметим, что специфическая активация дорсолатеральной префронтальной коры в двух условиях затрагивает различные ее зоны в левом и правом полушариях, не являющиеся гомологами.

Выводы

В двух экспериментах, проведенных онлайн и с помощью метода фМРТ, были получены свидетельства о том, что при выполнении задачи с хвостами животных происходит порождение и обследование (сканирование) зрительных образов. Об этом свидетельствует в первую очередь тот факт, что в обоих экспериментах и во всех условиях время ответа зависит от длины хвоста животного. Мозговые корреляты этой гипотетической операции обследования образов включали зоны, расположенные по вентральному пути обработки зрительной информации.

В то же время задача с хвостами животных не дает однозначных данных для различения мозговых коррелятов объектного и пространственного воображения, и в целом для объективной оценки именно объектного, а не пространственного аспекта мысленных образов. В полученных результатах это было связано в первую очередь с активными процессами обследования стимулов-подсказок в нашей модификации методики. Обнаруженная специфическая активация в дорсолатеральной префронтальной коре может быть проинтерпретирована не только как коррелят порождения мысленных образов, но и как возможное различие между мозговыми механизмами обследования мысленного образа и реальной зрительной сцены. Прояснение этого вопроса представляется перспективным для дальнейших исследований.

Благодарности

Авторы признательны всем участникам исследования, а также М. Е. Пчелинцевой, Е. Я. Сучковой и Е. А. Шапошникову за помощь в проведении эксперимента и А. В. Пилечевой за крайне полезное обсуждение работы.

Литература / References

- Blazhenkova, O., Kanero, J., Duman, I., Umitli, O. (2025). Read and imagine: Visual imagery experience evoked by first versus second language. *Psychological Reports*, 128 (2), 1067–1100. <https://doi.org/10.1177/00332941231158059>
- Blazhenkova, O. (2016). Vividness of object and spatial imagery. *Perceptual and Motor Skills*, 122 (2), 490–508. <https://doi.org/10.1177/0031512516639431>
- Farah, M. J., Hammond, K. M., Levine, D. N., Calvanio, R. (1988). Visual and spatial mental imagery: Dissociable systems of representation. *Cognitive Psychology*, 20 (4), 439–462. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(88\)90012-6](https://doi.org/10.1016/0010-0285(88)90012-6)
- Freud, E., Ganel, T., Shelef, I., Hammer, M. D., Avidan, G., Behrmann, M. (2017). Three-dimensional representations of objects in dorsal cortex are dissociable from those in ventral cortex. *Cerebral Cortex*, 27 (1), 422–434. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhv229>
- Keogh, R., Pearson, J. (2014). The sensory strength of voluntary visual imagery predicts visual working memory capacity. *Journal of Vision*, 14 (12), 1–12. <https://doi.org/10.1167/14.12.1>
- Kosslyn, S. M. (1994). Image and brain: The resolution of the imagery debate. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 7, 415–420. <https://doi.org/10.1162/jocn.1995.7.3.415>
- Marks, D. F. (2019). I am conscious, therefore, I am: Imagery, affect, action, and a general theory of behavior. *Brain Sciences*, 9 (5), 107. <https://doi.org/10.3390/brainsci9050107>
- Mumford, J. A., Bissett, P. G., Jones, H. M., Shim, S., Rios, J. A. H., Poldrack, R. A. (2024). The response time paradox in functional magnetic resonance imaging analyses. *Nature Human Behaviour*, 8 (2), 349–360. <https://doi.org/10.1038/s41562-023-01760-0>
- Newman, S. D., Lee, D., Bates, L. C. (2007). The timecourse of activation within the cortical network associated with visual imagery. *The Open Neuroimaging Journal*, 1, 1–9. <https://doi.org/10.2174/1874440000701010001>
- Oldfield, R. C. (1971). The assessment and analysis of handedness: the Edinburgh inventory. *Neuropsychologia*, 9 (1), 97–113. [https://doi.org/10.1016/0028-3932\(71\)90067-4](https://doi.org/10.1016/0028-3932(71)90067-4)
- Pearson, D. G., Deeprose, C., Wallace-Hadrill, S. M., Burnett Heyes, S., Holmes, E. A. (2013). Assessing mental imagery in clinical psychology: A review of imagery measures and a guiding framework. *Clinical Psychology Review*, 33 (1), 1–23. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2012.09.001>
- Pechenkova, E. V., Rachinskaya, M. E., Ivanushko, V. P., Vasilenko, V. S., Mershina, E. A. (2024). Review of experimental tasks for the study of object visual imagery and their applicability in psychophysiological research. *Voprosy psikhologii*, 6, 105–115. (In Russian)
- Torrance, E. P. (1972). Predictive validity of the Torrance tests of creative thinking. *Journal of Creative Behavior*, 6 (4), 236–262.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024 г.;
рекомендована к печати 11.12.2024 г.

Контактная информация:

Иванушко Вера Павловна — магистрант; <https://orcid.org/0000-0002-2074-6024>,
ivanushkovera@gmail.com

Василенко Варвара Сергеевна — магистр; <https://orcid.org/0009-0004-4186-323X>,
vvasil5664@gmail.com

Мершина Елена Александровна — канд. мед. наук; <https://orcid.org/0000-0002-1266-4926>,
elena_mershina@mail.ru

Печенкова Екатерина Васильевна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0003-3409-3703>,
epchenkova@hse.ru

Neural correlates of visual mental imagery in a task requiring visualization of a hidden part of an object (an fMRI study)*

V. P. Ivanushko^{a1}, V. S. Vasilenko^{1,2}, E. A. Merzhina^{1,3}, E. V. Pechenkova¹

¹ HSE University,

20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
84, pr. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University,

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Ivanushko V. P., Vasilenko V. S., Merzhina E. A., Pechenkova E. V. Neural correlates of visual mental imagery in a task requiring visualization of a hidden part of an object (an fMRI study). *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2025, vol. 15, issue 4, pp. 000–000. EDN XHBRSA (In Russian)

It is more difficult to verify imagined color, texture, or shape than spatial relations, which hinders objective assessment of visual imagery tasks performance as well as research on neural correlates of the object mental imagery. For this reason, there are many self-report methods but not enough tests for assessing object mental imagery. We developed a modification of the animal tail task, in which participants report the length of an animal's tail relative to its body. A control condition with a contour cue was added, which provides participants with enough information to solve the task without imagery. The tasks were tested in a behavioral online study ($n = 26$) and in an fMRI experiment ($n = 13$). The dependence of response time on the length of the animal's tail in both experiments indicates that the task involves scanning of visual mental images. The neural correlates of mental scanning included areas located along the ventral visual pathway. At the same time, the animal tail task does not provide unequivocal data to distinguish between the neural correlates of object and spatial imagery. In our modification of the task, this confound may be attributed to active examination of the contour cues. The condition-specific activation in the dorsolateral prefrontal cortex can be interpreted not only as a correlate of mental image generation but also as a clue to a possible distinction between the brain mechanisms involved in inspecting a mental image and a real visual scene. Clarifying this issue is promising for further research.

Keywords: visual imagery, object imagery, ventral visual pathway, animal tail task, fMRI.

Received: December 3, 2024

Accepted: December 12, 2024

Authors' information:

Vera P. Ivanushko — Master Student; <https://orcid.org/0000-0002-2074-6024>,
ivanushkovera@gmail.com

Varvara S. Vasilenko — Master of Science in Psychology; <https://orcid.org/0009-0004-4186-323X>,
vvasil5664@gmail.com

Elena A. Merzhina — PhD in Medicine; <https://orcid.org/0000-0002-1266-4926>,
elena_merzhina@mail.ru

Ekaterina V. Pechenkova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0003-3409-3703>,
epechenkova@hse.ru

* The study was supported by a Russian Science Foundation grant, project no. 23-28-0156.

^a Author for correspondence.

